

Зуенко Иван Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, старший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России.

Сфера научных интересов: новейшая история Китая, внешняя и внутренняя политика КНР, российско-китайские отношения, региональная политика в России и Китае

Савченко Анатолий Евгеньевич — кандидат исторических наук, заместитель директора по науке и развитию, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук.

Сфера научных интересов: новейшая история России, сравнительная история, сравнительная политология, циклы децентрализации и централизации в исторической ретроспективе

Центр-региональные отношения в Советском Союзе / России и Китае
в период реформ (1980–1990-е годы)

Иван Зуенко
Анатолий Савченко

Иван Зуенко
Анатолий Савченко

**Центр-региональные отношения
в Советском Союзе / России и Китае
в период реформ (1980–1990-е годы)**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Институт международных исследований

Иван Зуенко, Анатолий Савченко

**Центр-региональные отношения
в Советском Союзе / России и Китае
в период реформ (1980–1990-е годы)**

МОНОГРАФИЯ

*Рекомендовано к изданию
редакционно-издательским советом МГИМО МИД России*

Москва
Издательство «МГИМО-Университет»
2023

УДК 323/324
ББК 66.3
3-93

Рецензенты:

зав. отделом социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН
доктор исторических наук, профессор *А.С. Вацук*,
руководитель Школы востоковедения
факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ
кандидат экономических наук, профессор *А.Н. Карнеев*

Автор фотографий на с. 4 обложки — Елена Коркина

Зуенко, Иван Юрьевич.

3-93 Центр-региональные отношения в Советском Союзе / России и Китае в период реформ (1980–1990-е годы) : монография / Иван Зуенко, Анатолий Савченко ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Институт международных исследований. — Москва : МГИМО-Университет, 2023. — 362, [1] с.

ISBN 978-5-9228-2692-1

В монографии проводится сравнительный анализ взаимоотношений центра и регионов в СССР / Российской Федерации и Китае в сложный трансформационный период 1980–1990-х гг. Исследование основано в первую очередь на материале двух приграничных регионов: юга Дальнего Востока России и провинции Хэйлунцзян КНР — важнейшего участника российско-китайского торгово-экономического, культурного и образовательного взаимодействия. Авторы приходят к выводу, что, хотя параллельные курсы реформ в СССР и КНР начали быстро расходиться в момент острого кризиса двух систем в 1989–1990 гг., в сфере центр-региональных отношений обе страны пришли в одному и тому же результату — «рецентрализации».

Для специалистов области международных отношений, историков, политологов, интересующихся новейшей историей России и Китая.

УДК 323/324
ББК 66.3

ISBN 978-5-9228-2692-1

© МГИМО МИД России, 2023
© Зуенко И.Ю., Савченко А.Е., 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От авторов</i>	5
Введение	8
Глава 1. «Небо высоко, император далеко»: теоретико-методологические аспекты исследования	19
1.1. Теоретические подходы к изучению истории центр-региональных отношений	19
1.2. Особенности источниковой базы и методологии исследования	31
Глава 2. Центр-региональные отношения в СССР и КНР накануне реформ	46
2.1. «Советская модель» после «брежневской стабильности»	46
2.2. «Китайская модель» после «культурной революции»	59
Глава 3. «Переходить реку, ощупывая камни»: китайские реформы в 1977–1989 гг.	74
3.1. Начальный этап реформ: 1977–1982 гг.	74
3.2. Проблема политической реформы в КНР: 1982–1989 гг.	94
3.3. Достижения и проблемы децентрализованной модели 1980-х гг.	121
Глава 4. «Разбежавшись, прыгну со скалы»: советские реформы в 1985–1991 гг.	132
4.1. Реформы периода мобилизации: 1985–1987 гг.	132
4.2. Реформы периода политической либерализации: 1988–1991 гг.	155

Глава 5. «Центр возвращается»: рецентрализационные реформы в Китае в 1990-е гг.	177
5.1. Реформы «третьего поколения руководителей»	177
5.2. Формирование рецентрализационной модели в КНР в 1990-х гг.: достижения и проблемы	201
Глава 6. «Время собирать камни»: на пути к рецентрализационным реформам в России (1990-е гг.)	227
6.1. Между «торгом» и «управлением»: 1991–1996 гг.	227
6.2. Накануне «укрепления вертикали власти»: 1996–2000 гг.	255
Вместо заключения.	
Путь к успеху и путь к коллапсу: сравнительный анализ развития центр-региональных отношений в Китае и СССР / постсоветской России	271
<i>Библиографический список . . . . .</i>	<i>285</i>
<i>Приложение . . . . .</i>	<i>321</i>
<i>Указатель имён . . . . .</i>	<i>352</i>
<i>Указатель географических названий . . . . .</i>	<i>357</i>
<i>Список сокращений . . . . .</i>	<i>362</i>

От авторов

Эта книга появилась из материалов двух диссертаций, защищённых разными исследователями в разное время и по разным темам. Однако обе работы были объединены общим сквозным сюжетом — они были посвящены развитию национальных периферий в период масштабных трансформационных реформ в России и Китае.

В 2011 г. историк Анатолий Савченко защитил диссертацию на тему «История административно-политических взаимоотношений Центра и регионов юга Дальнего Востока в 1985–1990-е гг.». Десять лет спустя китаевед Иван Зуенко защитил диссертацию на тему «Трансформация региональной системы управления в КНР в 1977–1997 гг. (на примере провинции Хэйлунцзян)».

К тому моменту авторы, работая в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, уже имели за плечами солидный опыт совместных исследований и публикаций — в основном по проблематике восточной политики России.

Вопрос о том, чтобы объединить усилия и написать историю центр-региональных отношений в России и Китае в период реформ, оказался на поверхности. Тем более что в своих исследованиях по современному Дальнему Востоку и российско-китайскому региональному сотрудничеству авторы неизбежно возвращались к прошлому, к 1980–1990-м гг.

Так происходило и в личном общении, где тема детства, прошедшего на фоне слома эпох, постоянно всплывала в разговорах. Оба автора родились в середине 1980-х гг.

в Приморском крае, выросли в рабочих городах — спутниках Владивостока. Иван Зуенко — в шахтёрском Артёме, где в течение десяти лет после распада СССР закрылись все шахты и город оказался без смысла своего прежнего существования. Анатолий Савченко вырос в посёлке Трудовое, где в тот же период большинство жителей буквально перешли к «натуральному хозяйству», как его описывают в учебниках по истории Средних веков.

Невозможно найти человека на Дальнем Востоке, для кого «перестроечные» 1980-е и «лихие» 1990-е прошли незаметно. Распад Советского Союза и последовавший период «шоковой терапии» остался событием, которое во многом определило наши взгляды и отношение к жизни и современным процессам. Впрочем, сейчас это простое время вспоминается не только как тяжелейшая травма, но и как время огромных надежд.

И неизбежно провоцирует возврат к одним и тем же мыслям. Почему реформы в соседнем Китае оказались успешнее, чем в СССР? Почему распалась страна, казавшаяся могущественной? Была ли возможна альтернатива? В чём секрет «китайского чуда» и что пошло не так у нас?

И наконец, *а было ли это «китайское чудо»?* Или под впечатлением от витрин «социализма с китайской спецификой» и сравнения российских и китайских городов по разные стороны границы мы не замечаем чего-то важного, не видим сопутствующих факторов и побочных эффектов «китайской модели» и идеализируем то, что идеализировать вовсе не стоит?

Как часто бывает, в своих взрослых исследованиях учёные всего лишь отвечают на свои детские вопросы. Однако на каждом новом этапе профессионального развития исследователи по-разному смотрят на один и тот же материал. И взялись мы за эту книгу только тогда, когда почувствова-

ли, что тема требует нового переосмысления, прежде всего с учётом нового профессионального опыта, наработанного уже после защиты диссертаций. Так появилась наша совместная монография.

Её бы не было без помощи и поддержки большого числа людей: наших учителей и коллег в МГИМО МИД России и Институте истории, археологии и этнографии ДВО РАН и, конечно, наших семей, наших родителей и наших жён.

Им в первую очередь и посвящается эта книга.

Введение

Советский Союз и Китай подошли к началу 1980-х гг. в состоянии затяжного системного кризиса, который охватил все стороны жизни общества: от экономики до идеологии. Реформы были вопросом времени.

Советский коллапс до сих отбрасывает столь длинную тень, что парализует попытки системных реформ в современной России¹. Мог ли Советский Союз выжить, пройдя через трудный переходный период и стать более конкурентным по отношению к своему сопернику в виде западного капитализма? Одни говорят — «нет», и, казалось бы, сам опыт советских реформ свидетельствует об этом громче всего². Однако другие исследователи говорят, что мог, и ссылаются при этом на опыт Китая³.

Китай начал реформы с конца 1970-х гг. и смог пережить не только крах социалистического лагеря на рубеже 1980–1990-х гг., но и в последующем стать одной из ведущих держав мира. В результате в 2021 г. в КНР праздновали столетие правящей Коммунистической партии Китая (КПК), в России же вспоминали о тридцатилетии крушения КПСС и распада СССР, хотя Советский Союз тоже встал на путь реформ, и некоторое время обе страны шли параллельным курсом.

---

¹ Межуев Б.В. «Перестройка-2». Опыт повторения. М. : Весь мир, 2014. 208 с.

² Kotkin S. Armageddon Averted. The Soviet Collapse 1970–2000. Oxford, 2008. 280 p.; Bunce V. Subversive institutions: the design and the destruction of socialism and the state. Reprinted. New York, 2002. 207 p.

³ Cohen S. Was the Soviet System Reformable? // Slavic Review. 2004. Vol. 63. № 3. P. 559–488.

При этом в конце 1980-х гг. Китай, почти одновременно с СССР, пережил острый политический кризис, который, как казалось современникам, может привести к коллапсу государства и краху Коммунистической партии. Члены советской делегации, приехавшие в мае 1989 г. в Пекин для проведения переговоров с высшим китайским руководством, задавались вопросом, «не разговариваем ли мы сейчас с политическими мертвецами»⁴. Однако китайский режим устоял, а вот советский режим накренился и спустя два с половиной года рухнул.

Почему произошло именно так? Этот вопрос едва ли возможно обойти, сопоставляя новейшую историю России и Китая. И хотя ответ на него зачастую легче связать с ролью личности в истории или особенностями национального менталитета, на наш взгляд, он должен в обязательном порядке оперировать данными, касающимися внутреннего устройства той или иной страны. Проблема центр-региональных отношений и управления регионами является в этом контексте ключевым (хотя и, безусловно, не единственным) фактором, определившим итоговый исход.

Важная роль взаимоотношений Центра и регионов в государствах в период масштабных трансформаций объясняется тем, что все основные внутривнутриполитические и социально-экономические решения, принятые в столицах, могут получить свою реализацию по всей стране только посредством местных органов власти и управления. Все внутренние расходы государства территориально ориентированы, равно как и большинство бюджетных доходов связано с деятельностью на той или иной территории. Наконец, именно информация с мест создает реальное или искажённое

---

⁴ Diary of Teimuraz Stepanov-Mamaladze / Электронный архив Центра Вудро Вильсона. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/search—results/1/%7B%22contributor%22%3A%222158%22%7D>

представление центральной власти об общей ситуации в стране, актуализируя или, наоборот, снимая с повестки дня принятие конкретных решений.

Даже в самой централизованной системе управления Центр имеет естественные ограничения своей власти, связанные, прежде всего, с информационной асимметрией. Нижестоящие уровни управления знают об этих пределах централизованного контроля и, соответственно, пользуются пространством для манёвра, выстраивая сеть неформальных горизонтальных и вертикальных связей. Влияние Центра здесь заключается в том, что эти неформальные взаимодействия разворачиваются всё-таки в рамках, которые задаются центральной властью⁵. Но что происходит, когда эти рамки меняются или становятся неопределёнными? К тому же Центр пытается контролировать все процессы на всех уровнях власти, что невольно размывает его власть. Когда же эти попытки всё контролировать не строго институализированы, а зависят от патрон-клиентских отношений и случайных обстоятельств, это подрывает стимулы нижестоящих уровней проявлять инициативу и налаживать горизонтальные связи, для которых требуется определенность и стабильные правила игры. Так стремление контролировать всё рождает больше хаоса, чем порядка⁶.

Разобравшись в том, как функционировали центр-региональные отношения в Китае и СССР, мы сможем ответить, как Пекин, отказавшись от директивно-планового управ-

---

⁵ Erikson E., Parent J. Central Authority and Order // Sociological Theory. 2007. № 3. P. 246–247.

⁶ Это приспособленная к нижестоящими уровням бюрократии интерпретация взаимоотношений между центральной властью и обществом, в которой власть выступает как «третья сторона», вмешательство, и даже скорее потенциальная возможность вмешательства которой стимулирует или препятствует образованию пространства для самоорганизации на уровне общества. См. подробнее: Ibid. P. 256.

ления, избежал потери контроля на местах, смог сохранить не только территориальные границы государства, но и необходимую управляемость, позволяющую решать стратегические задачи. А Москва, обладая изначально гораздо более продвинутой экономикой, этого сделать не смогла.

Исходя из этого, сравнительный анализ истории развития центр-региональных отношений в двух странах представляет собой актуальную задачу. А наиболее интересным и важным для исследования периодом представляется этап активных реформ, охватывающий два десятилетия: с конца 1970-х до конца 1990-х гг.

Нельзя не отметить, что раскрытие данной актуальной темы в литературе пока является недостаточным, хотя отдельные вопросы, связанные с развитием центр-региональных отношений в СССР/России и Китае, изучались активно, а в некоторых случаях досконально.

Так, среди значимых исследований по политической регионалистике в России можно назвать работы таких учёных, как Ольга Грицай, Владислав Иоффе, Андрей Трейвиш, Михаил Афанасьев, Владимир Гельман, Сергей Рыженков, Михаил Шинковский, Ростислав Туровский, Владимир Буянов, Георгий Дерлугьян. Это: Грицай О.В., Иоффе Г.Ф., Трейвиш А.И. «Центр и периферия в региональном развитии»⁷; Афанасьев М.Н. «Испытывая политические институты»; «От вольных орд до Ханской ставки»; Гельман В., Рыженков С., Бри М. «Россия регионов: трансформация политических режимов»; Шинковский М.Ю. «Российский регион: становление политического режима в условиях глобализации»; Туровский Р.Ф. «Политическая регионалистика: учебное пособие для вузов»; «Центр и регионы. Проблемы политических взаимоотношений»; Гельман В.Я. «Центр

---

⁷ Полное библиографическое описание отмеченных работ см. в библиографическом списке.

и регионы России: от децентрализации к рецентрализации»; «От местного самоуправления к вертикали власти»; Буянов Е.В. «Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 80-х гг. XX в. — начало XIX в.)»; Дерлугьян Г. «Адепт Бурдые на Кавказе: эскизы к биографии в миросистемной перспективе».

Применительно к Китаю вопросы устройства политической власти в регионах и центр-региональных отношений затрагивали такие исследователи-китаисты, как Леонид Гудошников, Ким Егоров, Константин Кокарев, Михаил Карпов, Сергей Иванов, Дмитрий Кадочников, в следующих работах: «Современное китайское государство. Т. 1: Основные институты государственной власти и управления», «Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в 80–90-е гг. XX в.»; Кокарев К.А. «Политический режим и модернизация Китая»; Егоров К.А. «Государственный аппарат КНР. 1967–1981», «Китайская Народная Республика: политическая система и политическая динамика (80-е годы)»; Карпов М.В. «Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989)»; Иванов С.А. «Деятельность субнациональных правительств в приграничном сотрудничестве России и Китая: системные ограничители и проблема мотивации», «Распределение фискальных и административных ресурсов между центральной и местными властями КНР в период реформ»; Кадочников Д.Б. «Бюджетная децентрализация и межбюджетные отношения: опыт китайских реформ и его значение для России».

Значительный пласт литературы на эту тему создан на английском языке. Среди наиболее важных работ можно назвать следующие: Oi J. “Fiscal Reform and the Economic Foundations of Local State Corporatism in China”; Wong C. “Central-Local Relations in an Era of Fiscal Decline: The Paradox

of Fiscal Decentralization in Post-Mao China”; “Financing Local Government in the People’s Republic of China”; Oksenberg M., Tong J. “The Evolution of Central-Provincial Fiscal Relations in China, 1971–1984: The Formal System”; Breslin S. “China in the 1980s: Centre-Province Relations in a Reforming Socialist State”; Li Chelan L. “Centre and Provinces: China 1978–1993: Power as Non-Zero-Sum”; Yang Dali “Beyond Beijing: Liberalization and the Regions in China”; Walder A. “Zouping in Transition: The Process of Reform in Rural North China”; Chung Jae Ho “Centrifugal Empire: Central–Local Relations in China”; Zheng Yongnian “De Facto Federalism in China: Reforms and Dynamics of Central-Local Relations”. Ещё больший пласт литературы имеется на китайском языке⁸.

Существуют и работы, сравнивающие реформы в Китае и советскую Перестройку в целом. Среди них: Титаренко М.Л. «Китай и Россия в современном мире»; Иванов С.А. «Почему коммунистический режим в Китае пережил 1989 г.?»; Кива А.В. «Россия и Китай: сходное прошлое, но разное настоящее»; Lai Hongyi “Contrasts in China and Soviet Reform: Sub-National and National Causes”; Lynch A. “Deng’s and Gorbachev’s Reforms Strategies Compared”; Marsh C. “Unparalleled Reforms: China’s Rise, Russia’s Fall, and the Interdependence of Transition”; Huang Yasheng “Information, Bureaucracy, and Economic Reforms in China and the Soviet Union”; Harrison M., Ma Debin “Soaring Dragon, Stumbling Bear: China’s Rise in a Comparative Context”⁹.

---

⁸ Обзор китайской литературы по данной теме представлен в работе: Зуенко И.Ю. Центр-региональные отношения в КНР: историография и опыт составления источниковой базы // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2020. № 4. С. 71–90.

⁹ Обзор китайской литературы, оперирующей сравнениями китайских реформ и Перестройки в СССР, представлен в работе: Зуенко И.Ю. Китай и события 1991 г. в Советском Союзе (к 100-летию Коммунистической партии Китая и 30-летию распада СССР) // Международная аналитика. 2021. № 1. С. 96–111.

Однако задача сравнительного анализа центр-региональных отношений в двух странах в период реформ в них не ставилась.

Наконец, в 2019 г. появилась монография Александра Либмана и Майкла Рохлица «Федерализм в Китае и России: История успеха и история провала?»¹⁰, которая представляет собой взгляд западных учёных на тему центр-региональных отношений в двух странах. При этом она практически не включает местный архивный материал и не использует литературу и источники на китайском языке. Кроме того, нужно учитывать, что это не историческое, а политэкономическое исследование с упором на современность, вследствие чего ряд важнейших для понимания темы исторических вопросов остался за пределами внимания авторов. Указанные пробелы призвана в некоторой степени восполнить наша работа.

Ключевой исследовательский вопрос, который мы поставили перед собой в данной книге: *«Как выстраивались центр-региональные отношения в КНР и СССР в период реформ и как они влияли на успех одного государства и коллапс другого».*

Коллапс СССР не закончился в декабре 1991 года. Россия унаследовала и фактически воспроизвела системный кризис государственного управления, поразивший поздний СССР. Поиск оптимальных моделей центр-региональных отношений продолжился на фоне радикальной трансформации экономики и восприятия альтернативной (а до этого враждебной) идеологии. В новом периоде Россия выступала уже контрпримером управляемой трансформации Китая. В самом же Китае именно в 1990-х гг. был пройден цикл трансформации центр-региональных отношений, приведший

---

¹⁰ Libman A., Rochlitz M. Federalism in China and Russia. Story of Success and Story of Failure. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2019. 232 p.

к созданию нынешней успешно действующей системы регионального управления.

В таком контексте мы считаем важным хронологически продолжить анализ трансформации центр-региональных отношений в нашей стране вплоть до 2000 г. Мы рассматриваем эту трансформацию как продолжение одного процесса, совмещающего стратегические и ситуативные реформы, начавшегося в СССР в 1985 г. и продолжавшегося в России 1990-х.

Таким образом, хронологически исследование охватывает период с 1977 по 2000 г. «Китайская» часть исследования чуть длиннее и начинается в 1977 г. с XI-го съезда Коммунистической партии Китая, что, по нашему мнению, является подлинной точкой отчёта китайских реформ; «советская» часть начинается позже, в 1985 г., с прихода к власти М.С. Горбачёва и ускорения преобразований, запущенных за несколько лет до этого.

Ещё одно важное замечание к предмету исследования касается выбора исследовательских кейсов. С целью углубления анализа отдельных сфер региональной системы управления мы посчитали необходимым сконцентрироваться на конкретных регионах двух стран. Для «советской/российской части» нами избраны три региона юга Дальнего Востока: Приморский и Хабаровский края, а также Амурская область; а для «китайской части» — граничащая с ними провинция Хэйлунцзян.

Приморье, Хабаровский край и Амурская область представляют собой сравнительно однородную, наиболее населённую и освоенную часть региона, где создавалась половина валового регионального продукта и проживало более половины населения советского Дальнего Востока. Вместе с тем указанные административно-территориальные единицы в рассматриваемый период отличались значительным разнообразием

по приоритетности в региональной политике Центра, а также способности местного руководства отстаивать интересы территории и консолидировать местные элиты. Всё это обеспечивает условия как для сравнения и обобщения, так и для понимания особенностей исследуемых процессов.

С китайской стороны для проведения кейс-стади нами выделена одна единственная провинция, которая, впрочем, по населению и по объёму валового регионального продукта превышает три российских региона. Нужно учесть, что в современной КНР насчитывается всего 34 административно-территориальных единиц провинциального уровня, и каждая из них фактически представляет собой целый макрорегион по российским меркам. Это позволяет утверждать, что сделанные выводы для Китая не являются чрезмерно «локальными», хотя и не претендуют на всеохватность и универсальность — особенно учитывая, что в КНР есть ещё и районы национальной автономии, управление которыми имеет свою специфику¹¹. Нас в данном случае интересовал условный «общий случай», и провинция Хэйлунцзян вполне может предоставить нам необходимый материал.

---

¹¹ Раскрытие данной специфики не входило в число задач авторов работы. Однако заинтересованному читателю хотелось бы порекомендовать следующие работы на эту тему: Москалёв А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999). М. : Памятники исторической мысли, 2001. 224 с.; Ставров И.В. Реализация национальной политики КПК в северо-восточных провинциях КНР (1978–2002 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Владивосток, 2007. 198 с.; Буяров Д.В. Принципы и особенности национально-территориальной автономии в КНР // Актуальные проблемы современности. Благовещенск, 2014. С. 18–26; Буяров Д.В. Национальная политика КНР на рубеже 1970–80-х гг. по 2000-е гг. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск, 2013. С. 138–151; Современное китайское государство. Т. 1: Основные институты государственной власти и управления / под ред. А.В. Виноградова. М., 2022. С. 412–514.

Выбор Хэйлунцзяна в качестве исследовательского кейса, кроме того, обусловлен тем, что эта провинция граничит с Россией и является частью старого индустриального пояса КНР. Она обладает рядом характеристик, схожих с характеристиками промышленно развитых российских регионов: значительное число моногородов ресурсного типа, высокая концентрация устаревшей промышленной инфраструктуры, доминирование государственного сектора, сложности перехода от плановой экономики к рыночной, особая индустриальная субкультура местных сообществ, — так что данные по этой провинции вполне можно использовать для сравнения с российским случаем.

Содержание исследовательского вопроса и специфика хронологического и пространственного охвата исследования предопределили выбор непосредственных задач работы, которым соответствуют определённые части нашей монографии.

Прежде всего, было необходимо определить теоретические подходы к изучению центр-региональных отношений в условиях трансформации политической и социально-экономической системы двух рассматриваемых нами стран. Этой задаче посвящена первая глава. В ней же кратко обозначены методологические подходы, а также выявленные особенности работы с источниковой базой, которые в значительной степени предопределили рамки нашего погружения в материал и некоторую содержательную асимметрию раскрытия двух избранных кейсов.

Далее мы охарактеризовали состояние советской и китайской модели центр-региональных отношений накануне реформ. Этой задаче посвящена вторая глава. Учитывая, что советская модель была по отношению к китайской образцом, внутри самой главы мы сначала разбираем советский материал, а потом уже китайский.

Содержательную часть работы мы разбили на четыре главы. Каждой стране посвящено две главы. «Водоразделом» для каждой страны стал рубеж 1980–1990-х гг. — время острого кризиса реформ, из которого Китай вышел окрепшим, а Советский Союз прекратил своё существование. Забегая вперёд, отметим, что в обеих странах для центр-региональных моделей первого этапа реформ (1980-е гг.) оказался характерен децентрализационный тренд, тогда как для второго этапа реформ (1990-е гг.) — централизационный, или, как мы его называем, *«рецентрализационный»*. Учитывая, что китайские реформы начались на несколько лет раньше, чем в СССР, третья и пятая глава посвящены китайскому кейсу, а четвёртая и шестая — советскому/российскому.

Наконец, в заключительном разделе работы мы постарались сравнить причинно-следственные связи в центр-региональных отношениях двух стран с фокусом на поставленный выше исследовательский вопрос.

Для удобства читателя фактические сведения, касающиеся центр-региональных отношений в двух странах (хронологические и статистические таблицы, словарь использованных китайских терминов), представлены в приложении.

Глава 1

«Небо высоко, император далеко»: теоретико-методологические аспекты исследования

1.1. Теоретические подходы к изучению истории центр-региональных отношений

Китайская поговорка *«Небо высоко, император далеко»* 天高皇帝远, вынесенная в заголовок данной, сугубо теоретической главы, появилась здесь неслучайно. Нам интересна она не сама по себе, а как забавный пример того, насколько по-разному в зависимости от взглядов исследователя могут интерпретироваться в анализе отношений Центра и регионов одни и те же данные — особенно, если они являются поверхностными и отрывочными.

Ранее эта поговорка уже появлялась в качестве эпиграфа в различных западных работах, посвящённых центр-региональным отношениям в Китае. Нам она долгое время была известна по главе *«Центр-региональные отношения: За что отвечает Ху?»¹²* (Center-Local Relations: Hu's in Charge Here?) в обзорной монографии Петерсонского института международной экономики 2009 г. «Подъём Китая: вызовы и возможности»¹³. Спустя десять лет она же появилась

---

¹² Здесь игра слов, связанная с омонимичностью фамилии председателя КНР Ху Цзиньтао (2003–2013 гг.) и английского слова «Who» — «Кто».

¹³ China's Rise: Challenges and Opportunities / F. Bergsten, C. Freeman, N. Lardy, D. Mitchell. Washington : Peterson Institute for International Economics, 2009. 288 p.

в качестве эпитафии к уже упомянутой монографии А. Либмана и М. Рохлица. Учитывая, что западные учёные используют эту фразу без каких-либо дополнительных пояснений, складывается ощущение, что она нужна им для иллюстрации тезиса об отсутствии рычагов реального воздействия на ситуацию в регионах со стороны Центра («императора»), который, таким образом, уподобляется вроде бы присутствующему, но далёкому и недоступному небу¹⁴.

Надо сказать, что для китайских реалий как дореформенного, так и пореформенного времени такая иллюстрация центр-региональных отношений выглядит вполне уместной. Однако двусмысленность использования этой фразы заключается в том, что она вырвана из китайского социокультурного контекста и не учитывает продолжение, которое есть в первоисточнике. Полная версия крылатого выражения, к которому восходит китайская поговорка, звучит как 天高皇帝远, 民少相公多, 一日三遍打, 不反待如何 («Небо высоко, император далеко, людей мало, чиновников много. В день бьют по три раза. Если сейчас не восстать, чего же ещё ждать?»). Впервые оно было зафиксировано в народной песне времён правления в Китае монгольской династии Юань (XIII–XIV вв.)¹⁵, которая посвящена не столько

---

¹⁴ Вариантом этой же поговорки является фраза «Горы высоко, император далеко»: 山高皇帝远. См., например: Yeung D., Cevallos A. The Mountains Are High and the Emperor Is Far Away. Who do Hong Kong's netizens blame for the city's distress? URL: <https://foreignpolicy.com/2014/11/11/the-mountains-are-high-and-the-emperor-is-far-away/>

¹⁵ «Песня водружения флага в местностях Тайчжоу и Вэньчжоу провинции Чжэцзян» (台温处树旗谣). Источник: Чэньюйцидянь = Словарь идиоматических выражений. URL: <https://www.diyifanwen.com/chengyu/chengyu-t/041818712.htm>

Авторы благодарны Альберту «Папа-Хуху» Крисскому за эксклюзивный вариант перевода этой песни, подготовленный специально для книги:

неэффективности центральной власти, сколько произволу местных чиновников. Таким образом, об удалённости Центра («неба», «императора») здесь говорится с сожалением — «вот был бы император, он наказал бы чиновников и нам бы жилось легче».

Иначе говоря, зная полный смысл этой фразы, эпитафия, который в контексте указанных работ выглядит как позитивная характеристика децентрализованной модели в Китае, неожиданно обретает этикетские черты и становится едва ли не призывом к максимально возможной централизации отношений столицы и регионов.

Примечательно, что в России есть аналогичная поговорка — «*До Бога высоко, до царя далеко*», которая также имеет продолжение, отсылающее к произволу местных властей («*а до меня близко, кланяйся мне низко*»). Она также периодически использовалась в научной литературе для характеристики центр-региональных отношений, причём в двух разных ипостасях: как отсылка к относительной самостоятельности местных элит как в целом к позитивному фактору¹⁶ и как иллюстрация слабости Центра и связанного с этим тяжёлого положения на местах¹⁷.

Небо так высоко,
Хан-батюшка наш далеко.
Мало осталось народа,
А чиновников много уродов.
Лупить им нас ведь не лень
Три раза, да каждый день.
Если сейчас не восстать,
Чего же еще тогда ждать?

¹⁶ Туровский Р.Ф. Сравнительный анализ тенденций регионального развития России и Украины // Полис. Политические исследования. 1999. № 6. С. 1–13.

¹⁷ Смирнягин Л. Трансформация общественного пространства России // Отечественные записки. 2006. № 5. Цит. по: URL: <https://polit.ru/article/2007/01/08/smirnyagin/>

Даже по этим примерам видно, насколько тематика центр-региональных отношений политизирована и идеологизирована. Сформулировать историческую, стоящую вне идеологии и политики, теорию, которая бы при этом позволяла учитывать основные цели и принципы функционирования государства, непросто¹⁸. Целям нашего анализа наиболее адекватен государство-центричный подход американского историка Чарльза Тилли, подробно изложенный в его итоговой работе «Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг.».

Тилли занимался преимущественно большими сравнениями на длительных временных периодах, в ходе чего были сделаны прорывы практически по всему спектру исторических исследований — от локального до геополитического масштабов и с древнейших времён до современности. Согласно Ч. Тилли основной внутривнутриполитической целью государства является изъятие части ресурсов общества, т.е. получение с подвластного населения средств на все прочие государственные цели¹⁹. Изъятие вовсе не означает примитивный отъём ресурсов государством у общества. В современных условиях оно подразумевает и заботу власти об увеличении доступных для него ресурсов, а значит,

---

¹⁸ В силу политико-идеологических факторов развития российской гуманитарной науки большей части XX в. современные теории государства, отвечающие заданным выше критериям, были созданы преимущественно в рамках западной исторической науки. Они получили наибольшую разработку в трудах Ч. Тилли, В. Мак-Нила, М. ван Кревельда, Г. Дерлугьяна.

См., например: Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009. 360 с.; Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооружённая сила и общество в XI–XX веках. М., 2008. 456 с.; Кревельд ван М. Расцвет и упадок государства. М., 2006. 544 с.; Дерлугьян Г. Указ. соч. С. 450.

¹⁹ Тилли Ч. Указ. соч. С. 147.

и проведение государством политики социально-экономического регулирования и развития. Сам Тилли в своём исследовании не использовал (во всяком случае в формальном её значении) концепцию центр-региональных отношений. Но фактически им был сделан концептуальный прорыв в осмыслении этой проблемы в ходе анализа становления институтов прямого правления в государстве.

Применение основных идей Тилли для исследования взаимоотношений Центра и регионов в Китае и Советском Союзе периода реформ имеет большой эвристический потенциал, поскольку позволяет рассматривать эту проблему в широком контексте целей и общей эффективности государственного управления. Региональная политика выступает здесь как «длинная рука» государства, позволяющая организовать *изъятие–развитие* на всей территории страны. А региональная власть, в свою очередь, выступает важнейшим посредником и активным участником изъятия ресурсов и их последующего перераспределения в Центр.

Понятие прямое/непрямое правление эффективно согласуется с теорией «торга», уже традиционно используемой при анализе взаимоотношений Центра и регионов. Теория «торга» подробно разработана Томасом Шеллингом в его классической работе «Стратегия конфликта»²⁰, принесшей автору Нобелевскую премию. В основе отношений «торга» лежат ожидания каждой из сторон (в нашем случае Центра и регионов), с чем готова согласиться другая сторона (в нашем случае — по условиям изъятия и распределения ресурсов). Обе стороны «наблюдают и интерпретируют поведение друг друга», при этом обоим известно, что их действия также интерпретируются и предугадываются²¹. Максимально широкие возможности для «торга» складываются при системе

---

²⁰ Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М., 2007. 366 с.

²¹ Там же. С. 35.

непрямого правления и уменьшаются по мере приближения к прямому правлению.

Данную теоретическую конструкцию целесообразно дополнить элементами веберовской теории политики. Макс Вебер понимал под государством автономно действующий институт с легитимной монополией на насилие²². Бюрократию Вебер определял как сплоченную социальную группу со специфическими взглядами и ценностными ориентациями, которая не ограничивается своими инструментальными функциями, а стремится к обладанию властью. Причем, как подчеркивал Вебер, бюрократия склонна отстаивать интересы своей группы под видом государственных; чиновников прежде всего отличает заинтересованность в сохранении самого бюрократического аппарата и продолжении его рационально организованного господства, что выражается через уменьшение власти неподконтрольных бюрократам институтов и расширение собственного влияния²³.

Суть политики можно выразить через теорию политического «торга». Политика в целом, согласно определению Макса Вебера, имеет два основных значения: политика как *борьба* и политика как *управление*²⁴. Во взаимоотношениях Центр — регион в периоды высокого потенциала государства политика присутствует именно как *управление*. Но в периоды снижения данного показателя и роста возможностей для «торга» обеих сторон политика всё более приближается к *борьбе*, в то время как управляемость государством снижается.

Ещё один элемент нашей теоретической конструкции связан с необходимостью учёта субъективных факторов.

---

²² Вебер М. Власть и политика / пер. с нем. Б.М. Скуратова и А.Ф. Филиппова. М., 2017. С. 254.

²³ Там же.

²⁴ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 666.

В периоды снижения потенциала государства, когда структуры, направляющие энергию политических акторов в строго заданные Центром рамки, ослабевают, возрастает неопределённость, расширяется «окно» политических возможностей, увеличивается роль отдельных политических лидеров. Отсюда возникает необходимость не только описания самих процессов *управления* и *борьбы*, но и ответа на вопрос — *кто* и *какими способами* боролся. Для этого уместно использовать элементы теории социологии политики Пьера Бурдьё, которая позволяет учитывать «габитус» (система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления) и «символический капитал» (признание, получаемое от той или иной группы, синоним — «доверие») ключевых участников политических взаимоотношений Центра и регионов²⁵.

Для характеристики взаимодействия Центра и регионов целесообразно также использовать положения таких теоретических концепций, как теория автономности государства Майкла Манна и теория принципал-агента Майкла Дженсена и Уильяма Меклинга.

Манн, развивая идеи Вебера в области исторической социологии власти, заложил понимание государства как социопространственной организации — института, основной сущностью которого является монополия на установление обязательных для исполнения на определенной территории правовых норм²⁶. Он выделил власть административного персонала, высший слой которого обозначил термином «элита государства»²⁷. При этом, согласно Манну, интересы элиты государства и групп, основы власти которых лежат

---

²⁵ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 12, 71.

²⁶ Манн М. Автономная власть государства: истоки, механизмы и результаты / пер. с англ. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/7362>

²⁷ Там же.

вне государства (в «гражданском обществе»), противостоят друг другу. Независимость элиты государства от этих групп обеспечивается территориальной централизацией, мобилизацией власти, что и определяет автономность государства²⁸. Для нас в данном случае важно теоретическое обоснование наличия противоречий между государственной элитой и «гражданским обществом», которое в корне противоречит китайской политологической парадигме, исходящей из тождественности интересов государства (государственной элиты) и общества.

Теория принципал-агента, изначально разработанная в рамках неоинституциональной теории корпоративного управления, нужна нам, поскольку она позволяет дать интерпретацию взаимодействию центральных и региональных государственных ведомств. Данная теория была разработана Дженсеном и Меклингом в развитие идей Рональда Коуза²⁹ о транзакционных издержках и отделении собственности от управления, с фокусированием внимания на взаимоотношениях «принципала» (в случае Дженсена и Меклинга под ним понимались инвесторы корпорации) и «агента» (наёмного менеджера), который действует в своих интересах³⁰. В нашем случае «принципалом» (стороной, находящейся в высшей иерархической позиции и выдающей поручения) является Центр, а «агентом» (стороной, находящейся

---

²⁸ Манн М. Автономная власть государства: истоки, механизмы и результаты / пер. с англ. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/7362>

²⁹ Примечательно, что семьдесят четыре года спустя после своей классической работы «Природа фирмы» (1937) Рональд Коуз в соавторстве с китайским исследователем Ван Нином написал монографию «Как Китай стал капиталистическим» (2011), в которой особое внимание уделил проблеме взаимоотношения центральных и местных властей и децентрализации и «конкурентной либерализации» как драйверам экономического роста в КНР.

³⁰ Jensen M., Meckling W. Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. 1976. № 4. P. 305–360.

в низшей иерархической позиции и выполняющей поручения) — местные органы управления. Идеи Дженсена и Меклинга были развиты Джорджем Акерлофом, который указал, что ключевое значение в принципал-агентских отношениях имеет асимметричность информации³¹: агент, владеющий большей информацией о предмете поручения (в нашем случае — ситуацией на подведомственной территории), использует данное преимущество в своих целях.

Аналогичным образом, по нашему мнению, действуют и региональные власти, интересы которых могут не соответствовать интересам Центра, и которые используют ресурсы Центра в своих интересах за счёт асимметричного доступа к информации. Эффективно контролировать действия агента при этом практически невозможно, а создаваемые принципалом средства аудита (в нашем случае — деятельность контролирующих ведомств) становятся агентами, склонными к оппортунистической деятельности, сами по себе³²; причём в рассматриваемой ситуации — в условиях финансирования контролирующих ведомств из региональных бюджетов — их интересы склоняются к интересам региональной бюрократии. Таким образом, «агентские издержки» в теории корпоративного управления в нашем случае воплощены в ресурсах, которые Центр теряет из-за отсутствия эффективного контроля над «агентом» — местными властями.

Неотъемлемой частью теоретической основы исследования, без которой дальнейшее чтение нашей работы может быть затруднительно, является понятийный аппарат. Основные термины представлены ниже.

---

³¹ Акерлоф Д. Рынок «лимонов»: неопределённость и рыночный механизм / пер. с англ. Е.И. Николаенко // Thesis. 1994. № 5. С. 91–104.

³² Бухвалов А.В. Теория фирмы и теория корпоративного управления // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. № 8. С. 113–114.

1. Центр нами понимается в политическом и управленческом контекстах. В политическом он представляет собой столицу, т.е. место в физическом пространстве, где сконцентрированы высшие позиции всех полей (политического, экономического, интеллектуального, культурного и т.д.) и большая часть агентов (акторов), занимающих эти доминирующие позиции³³. В управленческом смысле Центр — это высший административный уровень государственного управления, на котором принимаются важнейшие решения. В рамках нашего исследования под Центром будет пониматься: в случае с СССР — прежде всего, Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза (далее — ЦК КПСС), реже — собирательный образ ЦК КПСС, Совета Министров СССР. Аналогично в случае с КНР — Центральный комитет Коммунистической партии Китая (ЦК КПК), в отдельных случаях ЦК КПК и тесно с ним связанные структуры Госсовета КНР³⁴.

2. Регион — в политическом смысле он представляет собой периферию, относительно лишённую высших позиций; в управленческом смысле — это субнациональный административный уровень управления государством. Под региональной системой управления нами подразумевается совокупность институтов, выполняющих функции административного управления на конкретной субнациональной территории. Мы исходим из того, что региональная система управления является интегрированной частью общенациональной политико-административной системы, однако

---

³³ Бурдье П. Указ. соч. С. 42.

³⁴ Кстати, в КНР для обозначения этих высших органов власти и управления действительно используется термин «Центр» («Чжунъян» 中央). Формально он относится только к Центральному комитету КПК, но де-факто им же обозначаются действия и решения, исходящие от Госсовета КНР (правительства страны).

для нее характерна отдельная мотивация, обуславливающая несовпадение интересов между Центром и регионом. Носителем данной мотивации является региональная элита.

3. Материальные ресурсы означают финансовые средства, хотя для советского периода они могут рассматриваться в буквальном смысле — как промышленность и сельское хозяйство.

4. Символические ресурсы означают признание, поддержку ключевых групп общества, которые обеспечивают их держателю готовность подчиняться со стороны как общества в целом, так и его ключевых групп. Между материальными и символическими ресурсами существует прямая зависимость: высокий уровень материальных ресурсов власти позволяет получать поддержку ключевых групп общества, так же как и поддержка облегчает задачу изъятия ресурсов.

5. «Изъятие» понимается как мобилизация государством ресурсов общества, в качестве синонима в данной работе будет использован также и термин «мобилизация». Эффективное изъятие подразумевает высокий уровень материальных и символических ресурсов власти, а также непосредственную связь государства и ключевых групп общества.

6. «Прямое/непрямое правление» представляет собой переменную — инструмент измерения глубины проникновения государства в общество. Прямое правление означает непосредственную связь государства и общества, в то время как в системах непрямого правления между государством и обществом находятся посредники — местные носители власти. В зависимости от уровня потенциала государства руководители российских регионов могут выступать как представители административной системы управления государством, или же как местные носители власти, сопротивляющиеся политике Центра.

7. «Потенциал государства» — данное понятие, адаптированное к задачам нашего исследования, понимается как способность центральной власти проводить решения в жизнь. Чем выше потенциал государства, тем более вероятно прямое правление и, наоборот, при низком потенциале, как правило, возможно лишь не прямое правление, осуществляемое с опорой на местных носителей власти, т.е. региональных правителей.

8. Бюрократия (заметим, что мы в своей работе используем этот термин без негативной коннотации!) и властная элита — отдельные акторы политического процесса, действующие в системных условиях, определяемых социально-экономическими и политико-правовыми особенностями конкретного исторического момента, наличием индивидуальных и корпоративных интересов, а также стремлением к концентрации власти в своих руках и сохранению существующего положения вещей.

Де-факто в рассматриваемый нами период партийная и административная (государственная) бюрократия были слиты воедино, хотя и отличались функциональным положением. Вопрос взаимодействия партийной и государственной бюрократии частично будет нами раскрыт, однако его системный анализ, безусловно, заслуживает отдельного исследования — как для СССР, так и для КНР. Отметим также, что для упрощения термин «региональная система управления» нами в ряде случаев будет заменяться на термины «региональные (местные) власти», «местная бюрократия» и «административный аппарат на местах». Высшее руководство партии и государства при этом будет обозначаться терминами «центральная власть», «Центр» или «Москва»/«Пекин».

1.2. Особенности источниковой базы и методологии исследования

Как мы отмечали выше, цели и задач реформ, инициированных руководством России и Китая, во многом были схожи. Однотипной была и специфика, связанная с необходимостью трансформации планово-командной модели центр-региональных отношений. Таким образом, сравнивать два процесса можно и нужно, поставленный нами исследовательский вопрос представляется уместным. Однако первая же проблема, с которой мы сталкиваемся, заключается в разном доступе к материалам для разных кейсов (СССР и КНР).

Грубо говоря, по советскому кейсу нам доступны архивные документы практически в полном объёме. Помимо архивов мы, как российские исследователи, можем рассчитывать на богатые материалы устной истории, широкий диапазон различных мемуарных источников и так далее (см. ниже). По китайскому кейсу источниковая база исследования состоит исключительно из ранее опубликованных документов — это объясняется закрытостью китайских архивов для зарубежного исследователя.

Как отмечает С.А. Иванов, «формально любой историк может работать в китайских архивах. Стандартный срок секретности архивных дел в КНР составляет 30 лет, однако его могут сократить или увеличить в зависимости от государственной важности документа. Соответственно, мы можем ожидать, что история первого десятилетия реформ уже открыта для исследований. Фактически это не так. [...] Иностранцам крайне тяжело попасть в архив в КНР. Формально им необходимо за месяц до посещения подать заявление вместе с рекомендацией «соответствующих ведомств», чтобы получить одобрение руководителя архивного

учреждения. В реальности всё иначе. С начала 2010-х гг. воспользоваться материалами опять стало крайне сложно. Это подтверждено на собственном опыте: при изучении новейшей истории провинции Хэйлунцзян мы обращались по телефону в соответствующий провинциальный архив в 2013 г. и получили ответ, что работать иностранцу можно лишь с рекомендацией китайской организации и по ограниченному количеству дел, но без гарантии, что это в принципе получится»³⁵.

Функциональную замену архивным источникам мы нашли в виде документов для служебного пользования и официальных правительственных и партийных хроник, основанных на архивных материалах — знакомство с этими источниками доступно в отделах местной документации провинциальных и городских библиотек КНР. Решение поставленных задач возможно с опорой на эти документы, однако они отличаются своей спецификой, которую необходимо учитывать, как при оценке полученных выводов, так и при проведении сравнительного анализа.

Использованную источниковую базу для китайского кейса можно разделить на следующие группы документов: 1) законодательные документы и актовый материал; 2) произведения, тексты выступлений и интервью официальных лиц; 3) официальные хроники, ежегодники и справочники, издаваемые при участии государственных ведомств; 4) статистические ежегодники; 5) мемуары, воспоминания и свидетельства участников событий; 6) материалы периодической печати. Каждая из групп источников использовалась для формирования целостной картины описываемых событий и процессов.

---

³⁵ Иванов С.А. Победителей не судят: источники о генезисе и начальном этапе китайских реформ // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2020. № 4. С. 57–58.

Делопроизводственные документы, выступления официальных лиц и материалы китайской периодической печати послужили основой для реконструкции политического процесса в 1977–1999 гг. в общенациональном масштабе. Наиболее ценными явились концептуальные документы ЦК КПК и Госсовета КНР в отношении административных и фискальных реформ, административно-территориального устройства и хозяйственного управления. Анализ данных групп источников позволил выявить основные подходы Центра к устройству региональной власти — своего рода «желаемую институциональную рамку», в которой должны были реализовываться центр-региональные отношения. Накоплению достаточного эмпирического материала по этим группам источников способствовала работа по оцифровке имеющихся документов, проводимая китайскими специалистами³⁶.

Источниковедческий анализ выступлений и интервью официальных лиц, равно как и мемуарной литературы, позволил установить различия в восприятии тех или иных процессов и явлений представителями центральной и региональной бюрократии. При использовании данных материалов мы учитывали обстоятельства их произнесения или написания. Прежде всего, то, в каком статусе находился их автор — действующего, отставного или опального политика, находящегося в политэмиграции, как бывший директор Института реформ структурной экономики КНР Чэнь Ицзы³⁷, или в домашнем заключении, как бывший генеральный

---

³⁶ Так, нами активно использовалась база текстов по политике реформ и открытости, размещённая на сайте rhb.reformdata.org, база юридических документов, размещённая на сайте chinacourt.org/law, а также цифровые архивы газет «Жэньминь жибао» (www.laoziliao.net/rmr/b) и *Peking/Beijing Review* (bjreview.com).

³⁷ Чэнь Ицзы. Китай: десятилетие реформ / пер. с кит. яз. Ю.М. Галенович, отв. ред. М.Л. Титаренко // Информационный бюллетень. М. : ИДВ, 1996. № 11. Ч. 2. 147 с.

секретарь ЦК КПК Чжао Цзыян³⁸. С точки зрения источниковедения также важно подчеркнуть тот факт, что до нас тексты выступлений и статей в основном дошли уже в переработанном и отцензурированном виде, и зачастую мы можем лишь предполагать, что было в первоначальных текстах³⁹.

В условиях объективного отсутствия архивного материала основным источником для реконструкции политического процесса конкретно в провинции Хэйлуцзян стали провинциальные хроники и ежегодники, которые издавались на всём протяжении периода исследования. В них содержится краткое описание событий, тексты речей и выступлений руководителей, статистические выкладки, актовый материал регионального значения за тот или иной год. Отдельного внимания заслуживают провинциальные ежегодники по линии гражданской администрации, издаваемые с 1986 г. и содержащие данные по структуре, функционалу, персоналиям и рутинной деятельности региональных и субрегиональных администраций. Другим источником данной информации стали отдельные тома фундаментального «Справочника провинции Хэйлуцзян», выпущенного Канцелярией народного правительства в начале 2000-х гг., а именно: том № 60 — справочник по политическим органам⁴⁰ и том № 62 —

---

³⁸ Zhao Ziyang. *Prisoner of the State: The Secret Journal of Premier Zhao Ziyang*. New York, 2009. 590 p.

³⁹ Указания на противоречия в текстах одних и тех же выступлений разных лет (в том числе Дэн Сяопина) содержатся в исследованиях: Schoenhals M. *Edited Records: Comparing Two Versions of Deng Xiaoping's "7000 Cadres Conference Speech"* // *CCP Research Newsletter*. 1988. № 1. P. 5–9; Нью Цзюнь. Чжунго дуйвай чжэнцэ фэнси чжундэ лишн бяочжи = Нью Цзюнь. Исторические координаты анализа внешней политики Китая // *Вайцзяопинлунь*. 2010. № 4. С. 27–31. См.: Иванов С.А. Победителей не судят... С. 59.

⁴⁰ Хэйлуцзян шэнчжи, чжэнцзюаньчжи (ди 60 цзюань) = Справочник провинции Хэйлуцзян, справочник по политическим органам (60 том) / под ред. Лун Цзянхуна. Харбин, 2003. 915 с.

справочник по гражданской администрации⁴¹, которые содержат данные с начала 1970-х до 1986–1992 гг. Содержание данных томов в сокращённом виде в тот же период было опубликовано в виде отдельного справочника по народному правительству провинции Хэйлуцзян⁴². В 2008 г. также была опубликована опись департаментов и управлений провинции Хэйлуцзян за 30 лет политики реформ и открытости⁴³, дополняющая ранее опубликованные данные.

Группа статистических ежегодников использовалась нами для составления ретроспективных таблиц по различным показателям политического и экономического развития КНР⁴⁴. Мы уделили особое внимание сопоставлению данных разных отчитывающихся органов между собой, а также с данными из зарубежных источников по отдельным сферам развития страны, которые легли в основу отечественных ежегодников из серии «КНР: политика, экономика, идеология»⁴⁵ и ряда комплексных западных исследований⁴⁶.

---

⁴¹ Хэйлуцзян шэнчжи, миньчжэнчжи (ди 62 цзюань) = Справочник провинции Хэйлуцзян, справочник по гражданской администрации (62 том) / под ред. Лун Цзянхуна. Харбин, 1993. 660 с.

⁴² Хэйлуцзян чжэнфучжи = Справочник по Народному правительству провинции Хэйлуцзян / под ред. Канцелярии Народного правительства провинции Хэйлуцзян. Харбин, 2001. 706 с.

⁴³ Хэйлуцзян шэн гайгэ кайфан 30 нянь тинцзюйбянь (1978–2008) = Опись департаментов и управлений провинции Хэйлуцзян за 30 лет политики реформ и открытости. Харбин, 2008. 760 с.

⁴⁴ Хэйлуцзян тунци няньцзянь... = Статистический ежегодник провинции Хэйлуцзян... Различные годы. Чжунго тунци няньцзянь... = Статистический ежегодник Китая... Различные годы.

⁴⁵ Китайская Народная Республика: Политика, экономика, идеология. Различные годы.

⁴⁶ В частности, нами использовались: The Cambridge History of China. Vol. 15: The People's Republic. Part 2: Revolutions Within the Chinese Revolution, 1966–1982 / Edited by R. MacFarquhar and J. Fairbank. Cambridge, 1991. 1136 p.; China Deconstructs: Politics, Trade and Regionalism / Edited by D. Goodman, G. Segal. New York, 1994. 380 p. Li Chelan L. Rural Tax Reform in China: Policy Processes and Institutional Change. London : Routledge, 2011. 176 p.

Такой подход позволил нивелировать возможные намеренные и технические искажения данных, публикуемых в статистических сборниках и ежегодниках.

Эмпирические данные, полученные из вышеуказанных групп источников, были дополнены изучением мемуаров представителей центральной и региональной политической элиты, которые стали активно публиковаться в 2000–2010-х гг. Широкий круг воспоминаний различных официальных лиц по различным аспектам политического процесса был почерпнут в базе данных текстов, касающихся политики реформ и открытости (rhb.reformdata.org).

В условиях цензуры и доминирования официальной идеологии в общественно-политическом дискурсе, мемуарам и материалам устной истории о начальном периоде реформ свойственна аполитичность и стремление сгладить социальные и политические конфликты эпохи. Как отмечает С.А. Иванов, «что бы ни делали авторы, у них никогда не возникало никаких противоречий [...] ни в одной истории нет проигравших — реформы были тотальным успехом для широких масс»⁴⁷. В то же время даже подобные мемуары, в искренности авторов которых можно сомневаться, содержат массу ценного материала, позволяющего реконструировать те или иные исторические события и процессы.

Так, среди мемуаров, написанных чиновниками центрального уровня, наиболее важными для исследования стали: воспоминания уже упоминавшихся Чжао Цзыяна и Чэнь Ицзы, главы отдела пропаганды ЦК КПК Дэн Лицюня, заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП Ван Ханью, вице-премьера Тянь Цзюня, министра внешней торговли и экономического сотрудничества КНР Ли Ланьцина, министра финансов КНР Сян Хуайчэна, заместителя

---

⁴⁷ Иванов С.А. Победителей не судят... С. 63.

председателя Комитета по реформе экономической системы КНР Гао Шанцюаня, заместителя руководителя канцелярии реформы финансово-фискальной системы министерства финансов КНР Лю Кэгу, секретаря генсека ЦК КПК Ху Яобана Гао Юна, секретаря вице-премьера КНР Вань Ли У Сяна⁴⁸.

Мемуары хэйлунцзянских чиновников представлены гораздо более редким материалом. Нами изучены воспоминания: первого председателя народного правительства провинции Хэйлунцзян Чэнь Лэя⁴⁹, выпущенные ещё в 1991 г. и содержащие в большей степени сведения по теме его

---

⁴⁸ Zhao Ziyang. Op. cit.; Чэнь Ицзы. Указ. соч.; Дэн Лицюнь. Дэн Лицюнь цзышу: ши эр гэ чунь цю (1975–1987) = Автобиография Дэн Лицюня: хроника двенадцати лет (1975–1987). Гонконг, 2006. 547 с.; Ван Ханью. Синь шици дэ лифа гунцзо цун чжэли цибу = Новая эпоха законодательной работы начиналась отсюда. URL: <http://rhb.reformdata.org/index.html#/article/3FD2AFE674EECAF065B1E3687992A511>; Тянь Цзюнь. Вань Ли: Гайгэ кайфан дэ да гунчэнь = Вань Ли: Передовик политики реформ и открытости // Яньхуан чуньцю. 2006. № 5. С. 18–38; Ли Ланьцин. Прорыв: как отрывались ворота страны: 30-летию начала реформ в Китае посвящается. М., 2010. 472 с.; Сян Хуайчэн. Циньли фэньшуйчжи гайгэ = Воспоминания о реформе фискальной системы. URL: <http://rhb.reformdata.org/index.html#/article/>; Гао Шанцюань. Ху Яобан чжучи цицао «Гуаньюй цзинци тичжи гайгэ дэ цзюэдин» = Ху Яобан возглавлял работу над проектом «Решения о реформе экономической системы». URL: <http://rhb.reformdata.org/#/article/A4F87E21EC472BBFF8435588D5B08A8F>; Лю Кэгу. 1994 нянь цаньхоу дэ Чжунго цайшуй тичжи гайгэ = Реформы финансово-фискальной системы в Китае до и после 1994 года. URL: <http://rhb.reformdata.org/index.html#/article/bfc501dc-1951-44d3-8f12-41ae3459e060>; Гао Юн. Во гэй Ху Яобан дан мишу = Я служил секретарём у Ху Яобана / Гао Юн. Пекин, 2016. 348 с.; Чэнь Ицзы. Китай: десятилетие реформ // Информационный бюллетень. М. : ИДВ, 1996. № 11. Ч. 2. 147 с.; У Сян. Ху Яобан юй Вань Ли цзай нунцунь гайгэ чжун = Ху Яобан и Вань Ли в реформе села. URL: <http://rhb.reformdata.org/#/article/4C144C47ECBA6F8318128703CA9E2601>; У Сян. Вань Ли юй «дабаогань» = Вань Ли и система подрядной ответственности. URL: <http://rhb.reformdata.org/index.html#/article/FB2E203234DF6DEE15934E448EE88971>

⁴⁹ Чэнь Лэй хуйилу: чжэнтун суйюэ = Воспоминания Чэнь Лэя: годы и месяцы трудового похода. Харбин, 1991. 315 с.

«боевой молодости», чем о периоде нахождения во главе провинции Хэйлунцзян; а также первого секретаря парткома Харбина Жэнь Чжунъи, в которых больше внимания уделяется периоду его работы во главе провинций Ляонин (1978–1980 гг.) и Гуандун (1980–1985 гг.)^{50, 51}.

Материалы периодической печати, помимо их использования для реконструкции политического процесса в целом, использовались нами также как вторичный источник информации о действиях местных администраций в ответ на концептуальные указания Центра. Вторая половина 1980-х гг., и прежде всего период 1987–1989 гг., — это время, когда средства массовой информации хоть и проходили цензуру, но в условиях нарастающего межфракционного конфликта в КПК нередко публиковали материалы с разными точками зрения на текущие проблемы страны. Именно в данный период в центральной и региональной прессе появляется целый ряд материалов, критикующих инициативы отдельных чиновников или же раскрывающих расхождение центральной и региональной политики.

В случае же с советским кейсом мы могли опираться как на опубликованные, так и ранее неопубликованные материалы, что обеспечивает большую глубину погружения в материал.

---

⁵⁰ Сянь цзоу и бу чжэнь сянь цзоу: Жэнь Чжунъи фантаньлу = Сделать первым — значит, сделать первым: интервью с Жэнь Чжунъи // Гуандун кайгэ кайфан цзюэцэжэ фантаньлу = Сборник интервью с руководителями Гуандуна периода реформ и открытости. Гуанчжоу, 2008. 151 с.

⁵¹ Интересно, что, как выяснилось в ходе бесед с китайскими коллегами, для китайской мемуарной литературы характерен интерес к более успешным, а потому, по китайским оценкам, более репрезентативным регионам страны. При этом значительный объём мемуарной литературы существует в отношении процессов в провинции Гуандун, Сычуань, Аньхой.

К использованным опубликованным материалам относятся программные документы, сборники выступлений и статей первых лиц партии и государства, стенографические отчеты мероприятий КПСС. Отличительной особенностью этой группы источников является чёткая хронологическая дифференциация. Господствующая в советский период партийная документация в начале с конца 1991 г. уступила место более узкой группе источников. По рассматриваемой нами проблеме опубликованные документальные источники фактически свелись к ежегодным Посланиям Президента России Федеральному Собранию, начало которым было положено в 1994 г. Частично этот дефицит компенсируется тем, что копии многих решений высшего руководства стали доступны в официальных электронных базах данных. При этом сохранилась традиция публикации стратегических программных документов, в том числе и по региональному развитию (например, Основные положения региональной политики в Российской Федерации; Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 гг.)⁵².

Важную часть источниковой базы составила мемуарная и публицистическая литература, представленная трудами деятелей центрального и региональных уровней: генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва, его помощника по международным делам А.С. Черняева, секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева, журналиста и Народного депутата СССР в 1989–1991 гг. Ф.М. Бурлацкого, помощника министра иностранных дел СССР Т.Г. Степанова-Мамаладзе, руководителей Хабаровского края А.К. Чёрного и В.И. Ишаева,

---

⁵² Основные положения региональной политики в Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/26.html>; Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы. Хабаровск, 1996. 62 с.

руководителя Амурской области А.А. Кривченко, руководителя Приморского края В.П. Ломакина, партийных руководителей г. Находка (Приморский край) Н.Т. Хромовских и Ю.Н. Меринова⁵³. Специфика опубликованных источников заключается в том, что они отражают самопрезентацию представителей власти.

Для анализа внутреннего механизма взаимоотношений Центра и регионов первостепенное значение имеет вторая группа источников — неопубликованные документы. В основе эмпирической базы анализа советского случая взаимоотношений Центра и регионов лежат материалы центральных и региональных государственных архивов: Государственного архива Российской Федерации; Российского государственного архива социально-политической истории (г. Москва). Значительная часть архивных источников по данной проблеме содержится в региональных архивах: Государственном архиве Приморского края (г. Владивосток); Государственном архиве Хабаровского края (г. Хабаровск); Государственном архиве Амурской области (г. Благовещенск).

---

⁵³ Бурлацкий Ф.М. Русские государи. Эпоха реформации. Никита Смелый, Михаил Блаженный, Борис Крутой. М., 1996. 512 с.; Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. В 2 кн. М., 1995; Горбачёв М.С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас? М., 2006. 400 с.; Ишаев В.И. Особый район России. Хабаровск, 1998. 270 с.; Кривченко А.А. Схватка над пропастью. Записки губернатора. Благовещенск, 2005. 592 с.; Ломакин В.П. Приморье: вчера, сегодня, завтра. М., 1981. 191 с.; Хромовских Н.Т. Размышление о прожитом. Владивосток, 1998. 215 с.; Чёрный А.К. Край свершений и мужества. М., 1982. 240 с.; Чёрный А.К. Остаюсь дальневосточником. Хабаровск, 1998. 512 с.; Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1971–1991 годы. М., 2010. 1047 с.; Яковлев А.Н. Омут памяти. От Столыпина до Путина. В 2 кн. Кн. 2. М., 2001. 480 с. Меринов Ю.Н. Последний первый. Владивосток, 2006. 208 с.; Diary of Teimuraz Stepanov-Mamaladze / Электронный архив Центра Вудро Вильсона. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/search—results/1/%7B%22contributor%22%3A%222158%22%7D>

Использованные неопубликованные источники делятся на три блока: деловая переписка между Центром и регионами; аналитические записки и обращения в высшие органы власти; протоколы и стенограммы конференций, заседаний, совещаний.

Наиболее важная для нашего исследования информация содержится в деловой переписке региональных и центральных органов политической власти. Для советского периода это партийная переписка (между региональными комитетами и центральными партийными органами), партийно-ведомственная переписка (между региональными комитетами и центральными министерствами и ведомствами). Для деловой переписки этого времени не характерно политическое содержание, она в основном носила экономический характер. Однако эта группа источников является незаменимой для выявления скрытых противоречий Центра и регионов во внешне единой системе государственного управления.

Постсоветский период представлен перепиской между региональными администрациями и Правительством, обращениями глав Приморского, Хабаровского краёв и Амурской области к Президенту России, Председателю и отдельным членам Правительства.

Данная группа документов позволяет глубже вскрыть взаимоотношения «торга» обеих сторон. Например, можно выделить письмо зам. председателя Правительства РФ В. Махарадзе к главе администрации Хабаровского края В.И. Ишаеву в конце 1992 г., в котором перечислялись принятые меры по удовлетворению обращений краевых властей в Центр, и выдвигались встречные просьбы об усилении работы по обеспечению социальной стабильности в крае⁵⁴. Характерным примером «торга» является и письмо заместителя

---

⁵⁴ ГАХК. Ф. Р-2061. Д. 57. Л. 101.

главы Амурской области, направленное в Центр осенью 1993 г., где заявлялись претензии на особое отношение Москвы к этому региону в связи с ростом сепаратистских настроений на данной территории⁵⁵.

Второй блок источников составляют обращения и аналитические записки в высшие органы власти СССР и России. Среди этой группы источников наиболее значимы обращения к первому лицу государства. Например, анализ коллективного письма первых секретарей Приморского и Хабаровского краёв, Амурской области и Якутской АССР, направленное весной 1985 г. лично М.С. Горбачёву, позволяет видеть политический подтекст, на первый взгляд, экономического документа. «Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области до 2000 г.» (далее — ДГП) выступает в этом контексте как политическое соглашение Центра и регионов на старте масштабных государственных преобразований.

Третий блок источников представлен неопубликованными стенограммами, протоколами конференций, заседаний, обсуждений, совещаний. Данные документы, часто имевшие гриф «секретно» или «для служебного пользования», позволяют наглядно увидеть глубину и характер осмысления центральным и региональным руководством проблем Дальнего Востока и путей их решения. В частности, материалы совещания работников партийных, советских и плановых органов, научных организаций Дальнего Востока и Забайкалья по проблемам реализации ДГП, проходившего в мае 1989 г. показывают, как экономические провалы создавали пространство для пересмотра политических отношений по линии центр-периферия. Менялся сам дискурс развития

---

⁵⁵ ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 46. Л. 107.

региона, а неудачный ход исполнения Программы привел к тотальной критике всей дальневосточной политики Москвы и даже вернул в политический дискурс идею создания Дальневосточной республики⁵⁶. В подобных документах получила отражение живая дискуссия и столкновение порой противоположных мнений представителей Центра и регионов по ключевым проблемам Дальнего Востока. Ярким примером таких документов является стенограмма совещания по выполнению президентской программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья», проходившего в администрации Президента РФ в октябре 1997 г.⁵⁷

При этом внутренний механизм взаимоотношений Центра и регионов даже в постсоветский период имел всё-таки рутинный технократический характер. Неординарные документы с мощным политическим содержанием появлялись лишь в переломные или кризисные моменты. Поэтому фундаментом для исследования советского и российского кейса выступает именно массив обобщенных документов. Переписка, обращения в Центр, аналитические материалы, публичные выступления политиков, сливаются в единый информационный поток, в котором становятся различимы политическое позиционирование, управленческие возможности, способы отстаивания интересов, цели и аргументация обеих сторон.

Таким образом, хотя и по советскому, и по китайскому кейсу мы располагали достаточным числом источников для решения поставленных нами задач, мы заранее должны предупредить читателя о том, что специфика источниковой базы определяет некоторую асимметрию содержательной части. Если по советской части исследования у нас

---

⁵⁶ ГАХК. Ф. П–68. Оп. 117. Д. 930. Л. 21, 24, 43, 47.

⁵⁷ ГАПК. Ф. Р–1694. Оп. 1. Д. 625. Л. 145–212.

много непосредственной прямой речи участников политического процесса из числа регионов, то по китайской части такая прямая речь от руководителей из регионов отсутствует (во всяком случае, необходимой степени искренности), а наши представления о процессах в регионе базируются на анализе статистической и протокольной информации. Указанный пробел отчасти удалось восполнить за счёт более активного использования источников, касающихся центральных руководителей.

Сопоставление материалов, полученных нами для двух стран, проводилось с использованием подходов политической компаративистики⁵⁸. В нашем случае качественные методы объективно превалировали над количественными. Трудности с симметричным доступом к источниковой базе, описанные выше, не позволили рассчитывать на получение однотипных данных для двух разных кейсов — впрочем, как нам кажется, добиться гомогенности и совместимости материала для сравнительного анализа едва ли возможно даже для регионов одной страны, не говоря уже о таких непохожих странах, как Россия и Китай. Это не означает, что задачи компаративистики на материале этих стран изначально бесперспективны, хотя существуют исследования, доказывающие такую точку зрения⁵⁹. Более того, как отмечается в монографии под редакцией А.Д. Воскресенского

---

⁵⁸ См., например: Воскресенский А.Д. Политическая компаративистика как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: общие закономерности и специфика их трансформации на Востоке // Восток. 2005. № 2. С. 90–106; Воскресенский А.Д. Общие закономерности, региональная специфика и концепция незападной демократии // Сравнительная политика. 2011. № 1. С. 44–69; Сморгун Л.В. Сравнительная политология : учебник. 2-е изд., испр. и доп. М., 2019. 417 с.

⁵⁹ См., например: MacIntyre A. Is a Science of Comparative Politics Possible? // *Philosophy, Politics and Society* / Edited by P. Plaslett, W.G. Runciman, Q. Skinner. Oxford, 1972. P. 8–26.

«Политические системы и политические культуры Востока», «иногда полезнее «опуститься вглубь» одного национального государства, на субнациональный уровень, для того чтобы проанализировать, что отличает политическую систему одного государства от другого»⁶⁰.

Сравнительный анализ как вычленение общего и специфического с целью интерпретации исторической траектории двух стран, в том числе на субнациональном уровне, вполне уместен в случае с советскими и китайскими реформами, учитывая, что изначальной их целью была трансформация планово-командной системы. Мы признаём, что среди полученных результатов преобладают различия между странами — и наша задача состоит в том, чтобы отсеять те различия, которые предопределены цивилизационной спецификой, и оставить в сухом остатке те различия, которые иллюстрируют принятие разными странами различных решений на развилках политического процесса.

---

⁶⁰ Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А.Д. Воскресенского. 2-е изд., перераб. и испр. М., 2007. С. 13.

Глава 2

Центр-региональные отношения в СССР и КНР накануне реформ

2.1. «Советская модель» после «брежневской стабильности»

Советский Союз долгое время был «ролевой моделью» для КНР. И хотя на практике, как мы увидим, Китай довольно далеко отошёл от примера, который подавал ему «старший брат», логичным было бы начать наш обзор состояния центр-региональных отношений в двух странах именно с СССР.

Итак, политическим ядром советской системы управления была КПСС. Высшее руководство страны рассматривало партию не только как инструмент удержания политической власти в своих руках, но и как действенный механизм непрерывного экономического развития. Логичным следствием этого являлся курс на интеграцию партии во все сферы жизни общества. Партия постоянно расширялась, вбирая в себя всё новых и новых людей⁶¹. Постановления Центрального Комитета КПСС, выступления первых лиц партии транслировались нижестоящими уровнями власти, вплоть до первичных партийных организаций, подхватывались агитаторами и на партийных собраниях должны были доводиться, как официально выражались тогда, «до каждого коммуниста, до каждого советского человека».

---

⁶¹ См., например: Котляров М.В. Динамика численности и состава организаций КПСС в Западной Сибири в период Перестройки (1985–1991 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке : сборник научных статей. Новосибирск, 2010. С. 257–283.

Политическая централизация скреплялась экономически на основе плановой системы. Народнохозяйственный план охватывал все сферы экономики и составлялся на пять лет («пятилетка»), подразделяясь на годовые и отраслевые планы. На вершине этой системы экономики стоял Государственный плановый комитет СССР (Госплан): на каждую пятилетку готовились планы экономического развития, которые затем одобрялись ЦК КПСС и Советом Министров и «спускались» вниз вплоть до каждого предприятия⁶².

План не только задавал показатели производства всех видов продукции, но и распределял все виды ресурсов по предприятиям и прочим потребителям, для чего устанавливались «лимиты», т.е. верхние пределы потребления ресурсов для каждого предприятия. Соответствие между необходимыми для выполнения плана и доступными ресурсами устанавливалось путём разработки «баланса». Кроме того, планы регламентировали и такие процессы, как внедрение технологических инноваций, освоение производства новой продукции и т.д. Нижестоящие, в том числе и региональные уровни, получали планы как «приказы» подлежащие исполнению, хотя плановые цифры могли корректироваться по ходу реализации (что обычно и происходило)⁶³.

Эта система серьёзно ограничивала материальные стимулы трудового поведения, которые, в соответствии с социалистической идеологией, предполагалось заменить нематериальной мотивацией, эксплуатировавшей такие широко поощряемые личные качества советских людей, как ответственность, невозможность подвести коллектив, желание соответствовать некому идеальному образу человека

---

⁶² Корнаи Я. Социалистическая система: политическая экономия коммунизма. М., 2000. С. 137; Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции: от Кромвеля до Путина. М., 2004. С. 114.

⁶³ Корнаи Я. Указ. соч. С. 139–140.

и гражданина. Своё воплощение этот подход нашёл в практике «социалистического соревнования», которая активно применялась даже в середине 1980-х гг.

«Социалистическое соревнование» могло проходить между предприятиями: например, на Дальнем Востоке в 1985 г. соревновались между собой 84 предприятия Приморья, 101 Хабаровского края и 33 из Амурской области на «выполнение и перевыполнение заданий завершающего года пятилетки». Оно также могло разворачиваться и между городами — в том же году, например, соревновались Хабаровск и Владивосток. В ходе этого соревнования происходил обмен делегациями, изучавшими «накопленный передовой опыт по внедрению достижений науки и техники, прогрессивных технологических процессов, новаторских приёмов труда, по ускоренному строительству объектов энергетики, животноводческих комплексов, реконструкции действующих предприятий, улучшению организации производства, быта и отдыха трудящихся»⁶⁴.

Главным достоинством такой системы управления с точки зрения центр-региональных связей представлялось отсутствие каких-либо формальных препятствий для быстрого распространения передового опыта отдельно взятого предприятия или региона, равно как и оперативного выявления и устранения недостатков на всех уровнях. Отсутствие

---

⁶⁴ См.: Деревянко А.П. Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1974–1984 гг.). Исторический опыт: дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 1984; Зеленцов В.В. Социалистическое соревнование на Дальнем Востоке СССР (на примере деятельности трудовых коллективов морского флота и транспортных узлов 1971–1987 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1989; Кобяков И.П. Партийное руководство социалистическим соревнованием в сельскохозяйственном производстве в годы восьмой пятилетки (на материалах Амурской областной партийной организации 1966–1970 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 1973.

рыночной конкуренции считалось достоинством социалистической системы, в которой инновации, в отличие от стран капитализма не засекречивались частными корпорациями, а должны были быть общедоступными⁶⁵. При этом местные органы не должны быть простыми исполнителями инициативы по внедрению передового опыта того или иного предприятия. Наоборот, перед регионами ставилась задача «творчески развиваться, набирать динамику».

В общем, если представить решение Центра как импульс, посланный обществу, то на своём пути вниз он, проходя через вертикаль управления до каждого конкретного коммуниста, должен был не гаситься, а усиливаться многообразием творческой организаторской работы на местах и давать взрывной синергетический эффект.

Если же ЦК КПСС выражал недовольство каким-нибудь, даже отдалённым на тысячи километров областным или краевым комитетом, который аналогично мог быть выбран в качестве показательного примера, то местные власти, как и их коллеги по всей стране, анализировали положение у себя на предмет наличия подобных недостатков. В речах первых лиц краёв и областей после перечисления «узких мест» в развитии страны, которые заботили ЦК КПСС и Совет Министров, как правило, отмечалось — «есть эти недостатки и у нас»⁶⁶, «следует полностью принять и в свой адрес»⁶⁷. Формально власти на местах всегда «целиком и полностью» одобряли решения Центра.

Описанная выше схема, даже если упрощённо прилагать её только к взаимоотношениям по оси Центр — регион, представляла собой, конечно, идеализированный вариант. Она выступала ядром осмысления задач и методов партии

---

⁶⁵ Корнаи Я. Указ. соч. С. 77.

⁶⁶ ГАХК. Ф. 35. Оп. 113. Д. 110. Л. 8.

⁶⁷ Там же. Л. 14.

в сфере управления развитием страны, как императив действий власти, с одной стороны, и элемент разнонаправленной политической риторики — с другой. Желаемой целью политиков было создание атмосферы перманентного трудового подъёма, неослабевающей мобилизации каждого гражданина СССР для максимально интенсивного «изъятия» материальных ресурсов (терминами Ч. Тилли) и увеличения возможностей Центра по их перераспределению.

Если говорить о публичной политике, то в этой сфере постоянное одобрение решений Центра региональной властью было демонстрацией преданности вышестоящему уровню руководства, а для нижестоящих уровней — подтверждением нерушимого единства власти, её монолитной мощи (чтобы ни у кого не возникло сомнения в её потенциале навязать свою волю). Такое положение было нужно не только Центру, но и региону, так как для регионального руководства это был единственный, долгое время казавшийся неисчерпаемым источник легитимности в глазах местного населения, основанный именно на «сакрализации» Центра. В этой ситуации ослабление Центра или падение популярности первого лица государства влекло за собой опасность развала всей системы управления страной.

Если же от политической риторики обратиться к аспекту государственного управления, то увидим, что под «публичной», внешней оболочкой функционировал сложный механизм взаимоотношений высшего и регионального руководства, который в рамках описанных выше условий мог существовать только латентно, внутри «коридоров власти».

С одной стороны, Центр, как и в прошлом, претендовал на то, чтобы быть единственным значимым политическим и даже хозяйственным субъектом. В советское время немислимой была ситуация, чтобы первый секретарь какого-нибудь крайкома или обкома выступил с самостоятельной

инициативой в сфере «высокой политики», государственного устройства или даже просто по части общегосударственных дел. Монополия на политическую субъектность основывалась на жёстком централизованном контроле над финансовыми ресурсами и производством⁶⁸. К середине 1980-х гг. в общем объёме производимой продукции областей и краёв Дальнего Востока доля производств территориального подчинения не превышала 10%⁶⁹. Централизация иногда принимала причудливые формы. Например, даже для такой мелочи, как сооружение пристройки к автогаражу Приморского крайкома КПСС в 1985 г., требовалось разрешение и выделение средств Центрального Комитета⁷⁰.

С другой стороны, эти претензии Центра ограничивались рядом естественных и системных факторов:

Во-первых, более или менее эффективно управлять, принимать решения партийные и советские органы власти могли лишь на основе соответствующей информации. В СССР с его огромной территориальной протяжённостью приоритет в формировании информационного потока был за регионами. На основе информационных документов с мест анализировалась общая ситуация в стране, ставились задачи, предлагались пути их решения. Хотя, начиная с 1950-х гг. поездки чиновников высшего ранга на Дальний Восток стали нормой, центральное руководство просто физически не в состоянии было знать на основе собственной информации, как обстоят дела «на местах». При этом существовали тесные неформальные контакты первых секретарей обкомов и крайкомов с представителями Центра в регионах, в том числе и руководителями региональных управлений

---

⁶⁸ ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 599. Л. 29.

⁶⁹ Чичканов В.П. Дальний Восток: стратегия экономического развития. М. : Экономика, 1988. С. 226.

⁷⁰ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 115. Д. 411. Л. 11-12.

силовых ведомств, включая Комитет государственной безопасности⁷¹, которые, таким образом, становились ключевыми игроками в формировании у Центра картины происходящего в регионах.

Во-вторых, политическая система в СССР к середине 1980-х гг. эволюционировала в сторону «совещательной демократии», что давало региональному руководству дополнительные возможности отстаивания местных и своих интересов⁷². Так, О.В. Гаман-Голутвина считает, что именно при Л.И. Брежнев между Центром и регионами складываются отношения «торга» (терминами Шеллинга), что связано с особенностями его прихода к власти и последующего правления. При Брежнев поддержка регионами Центра стала ответом на выгодную для регионов политику стабильности кадров⁷³.

Такое положение дел признавал и сам М.С. Горбачёв, по словам которого в брежневское правление между Центром и регионами сложился «своеобразный общественный договор»: «первым секретарям в их регионах давалась почти неограниченная власть, а они, со своей стороны, должны были поддерживать Генерального, славить его как лидера и вождя»⁷⁴. Подтверждение этому можно найти и в дневниковых записях А.С. Черняева по поводу Пленума ЦК КПСС в декабре 1974 г., где он отмечал, что Приморский первый секретарь В.П. Ломакин «совершенно открыто занимался подхалимажем, под аплодисменты аудитории». Его речь была посвящена прошедшей встрече Брежнева и Форда

---

⁷¹ См.: Григорьев К.А. Перекаты судьбы. Владивосток, 1997. 372 с.

⁷² Ващук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (1945 — конец 1980-х гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 1998. С. 395.

⁷³ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 1998. С. 329.

⁷⁴ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. В 2 кн. Кн. 1. М., 1995. С. 180.

во Владивостоке и содержала «немыслимые дифирамбы» (в адрес Брежнева)⁷⁵.

Множество факторов — от особенностей кадровой политики в период правления Брежнева до значительного усложнения советского хозяйственного и социального организма в 1970-х гг. — привело к тому, что от того, что принято именовать *командно-административной системой*, осталось во многом лишь её название. На пути проведения в жизнь какого-либо решения, даже простого обеспечения планового экономического развития страны, теперь нерушимо стояли бесчисленные бюрократические «но», «вместе с тем» и «однако», за которыми, кроме общего ослабления управляемости экономикой, скрывались интересы управленцев различного уровня, подогреваемые размыванием их персональной ответственности⁷⁶.

Впрочем, это не даёт оснований для вывода, что все эти деформации неминуемо должны были замедлять темпы экономического роста и территориального развития, так как интерес региональных и прочих управленцев оставался един — расширение собственной компетенции и ресурсов. В то же время известное противоречие отраслевого и территориального принципов планирования в идеале должно было компенсироваться тем, что территориальные и ведомственные органы связывались партийной прослойкой. По мере ослабления партии возможность такой компенсации неизбежно сокращалась.

---

⁷⁵ Черняев А.С. Совместный исход: Дневник двух эпох. 1972–1991 г. М., 2010. С. 126.

⁷⁶ А.С. Вашук, подробно исследовав социально-политическую историю Дальнего Востока середины 1940-х — конца 1980-х гг. пришла к заключению, что «исполнительность как норма поведения советской бюрократии времён тоталитаризма осталась в прошлом». См.: Вашук А.С. Указ. соч. С. 374.

Наконец, в-третьих, централизованное государственное управление черпало свою эффективность из многообразия организационного опыта огромной страны и держалось на сильных личностях партийно-государственных администраторов в регионах. Поэтому нельзя согласиться с А.Г. Фоновым, утверждавшим, что «инициатива в рамках мобилизационной экономики отвергалась, так как, не укладываясь в привычную систему показателей, грозила ослаблением контроля и вносила дисгармонию в систему жестко распisanного распределения ресурсов»⁷⁷. Этот вывод опровергается конкретными кейсами. Хабаровский первый секретарь А.К. Чёрный вспоминал историю строительства Дальневосточной птицефабрики: «Косыгин распоряжение подписал, но это был уже разгар пятилетки, когда все плановые ресурсы давно распределены. А дальше? Дальше пошла самодеятельность...»⁷⁸. Бывший хабаровский руководитель описывает поиски «резервов» необходимых материалов, совместную работу с директорами хабаровских предприятий по изготовлению труб и т.д. — то есть региональные партийцы и хозяйственники в единой связке проявляли инициативу и могли решать (и решали) внеплановые задачи.

Кроме того, каждый новый хозяйственный метод, организационные находки появлялись и распространялись вследствие определённой самостоятельности региональной власти. Первый секретарь Приморского крайкома Н.Т. Хромовских вспоминает систему партийного руководства экономикой в Приморском крае: «...всё делалось для того, чтобы у кадров управления и производства как можно больше было свободы действий, проявления инициативы, находчивости

---

⁷⁷ Фонов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993. С. 191.

⁷⁸ Чёрный А.К. Остаюсь дальневосточником: воспоминания. Хабаровск, 1998. С. 322.

в достижении целей. [...] Другое дело, что руководящие кадры партии не могли оставаться в стороне от хозяйственных дел. Они находили различные формы своего участия в этих делах: добрый совет, консультация, рассмотрение принципиальных вопросов на уровне секретарей в партийном комитете, телефонный звонок в Москву или руководителям других регионов, телеграммы, письма, выезды в ЦК КПСС и Министерства для решения важнейших проблем»⁷⁹. Конечно, такая позиция может показаться идиллической, но в том её и ценность, что это взгляд на систему со стороны самого партийного управленца.

Главная задача региональных властей в данной системе состояла в обеспечении поступательного хозяйственного развития региона, в идеале — неуклонного роста его вклада в благосостояние всей страны. Но это развитие, в свою очередь, должно было обеспечиваться: во-первых, путём выделения централизованных ресурсов; во-вторых — организаторской работой регионального партийного руководства, его способностью мобилизовать общество на выполнение решений высшего руководства, что должно было вести к увеличению доступных материальных ресурсов, большая часть которых направлялась в Центр для последующего распределения.

Таким образом, к началу рассматриваемого периода взаимоотношения Центра и регионов развивались под воздействием противоречия между сформировавшимся при Л.И. Брежневре режимом политической «стабильности» и основной целью советской системы государственного управления — непрерывного экономического развития. Существовал обоюдный «интерес», связывающий Центр и регионы — интенсивная мобилизация и перераспределение

---

⁷⁹ Хромовских Н.Т. Размышление о прожитом. Владивосток, 1998. С. 12.

материальных ресурсов. Но для эффективного обмена материальными ресурсами требовались символические ресурсы, важнейшим из которых было «доверие».

«Доверие» хотя и имело символический смысл, но легко конвертировалось в материальный ресурс. Оно выражалось, прежде всего, в уверенности вышестоящего руководства в организаторских способностях нижестоящего. Региональное руководство стремилось укреплять эту уверенность. Например, первый секретарь Приморского крайкома В.П. Ломакин не без дальнего расчёта писал в своей книге, вышедшей в 1981 г. в Москве: «Достигнутые успехи мы рассматриваем как факт накопления положительного опыта организации дела, который даёт необходимое умение решать экономические проблемы»⁸⁰. Эта книга писалась во время разработки большой программы развития Дальнего Востока, начавшейся по итогам поездки по региону Л.И. Брежнева. Опытный приморский руководитель спешил заверить, что ему можно доверять, в регионе справятся с масштабными задачами.

Из сочетания центрального и регионального интересов возникала взаимная ответственность. Ответственность Центра выражалась в делегировании региону символического капитала, подкреплённого выделением необходимых материальных ресурсов для экономического развития. Ответственность региона заключалась в способности вести организаторскую работу на основе выделяемых ресурсов и тем самым добиваться поставленных целей. В общем, доверие обратной стороной имело ответственность — и наоборот. В основе и доверия, и ответственности лежал контроль, направленный исключительно «сверху вниз» — вышестоящий должен был контролировать нижестоящего по всей

---

⁸⁰ Ломакин В.П. Приморье: вчера, сегодня, завтра. М., 1982. С. 180.

вертикали государственного управления. Главная цель всей этой системы состояла в увеличении ресурсов Центра и его возможностей по их распределению.

Результатом развития центр-региональных отношений являлось превращение их в «дорогу» пусть и с неравномерным, но всё же двусторонним движением. Рассматриваемые нами взаимоотношения основывались на системе мобилизации и перераспределения материальных и символических ресурсов и несли на себе отпечаток противоречий, накопившихся в советской системе государственного управления к середине 1980-х гг.

Однако функционирование данной, казалось бы, вполне жизнеспособной модели, к середине 1980-х гг. искажалось сочетанием нескольких трансформаций. Сам успех советской индустриализации, проведённой под руководством бюрократии в первые десятилетия СССР, помноженный на социально-географический масштаб государства, неизбежно приводил ко всё более чувствительному смещению ресурсов от партийных идеологов к министрам-технократам и от верхних к нижестоящим этажам управления. Для советской системы это означало *рассеивание* власти, проводником которого служила институциональная структура государства, формально закреплявшая множество посредников в проведении государственной политики: на верхнем этаже в виде федерации с её республиканскими коммунистическими партиями и национальными элитами и далее вниз по вертикали, к региональным элитам⁸¹. При этом советская система управления была спроектирована настолько цельной и взаимосвязанной, что решение любой проблемы зависело от государства. Такая система требовала постоянных усилий и координации между разветвлённой сетью партийно-

---

⁸¹ Bunce V. Op. cit. P. 49–52.

государственной иерархии. Валери Банс сформулировала, вполне в духе М. Вебера, идеальный тип социалистического режима: идеологическая приверженность быстрой модернизации (в оригинале — трансформации), слияние политики и экономики, доминирование единой партии, глубоко проникнувшей в общество⁸². К середине 1980-х гг. советское государство не соответствовало ни одному из этих параметров: уже не разделявшаяся большинством идеология при обнулении темпов экономического роста, глубокая трещина между политической и хозяйственной ветвями власти, КПСС — расколота по вертикали и горизонтали, лишь поверхностно управляющая обществом. К середине 1980-х гг. это была уже в известной степени фрагментированная система, скрепленная воедино псевдоцентрализованной экономикой и только формальной партийной дисциплиной. За фасадом успехов скрывалась выхолощенная формализмом идеология, раскол между политической и хозяйственной ветвями власти, ослабление партии, расколота по вертикали и горизонтали и лишь поверхностно управляющей обществом⁸³.

Подлинное положение вещей не было секретом для верхушки КПСС. С начала 1980-х гг. в среде высшего руководства страны начался поиск путей выхода из сложившейся ситуации⁸⁴. На первых порах он виделся в наведении порядка с трудовой дисциплиной и коррупцией, мобилизации внутренних резервов административными методами, научно-технической модернизации. Данные меры были инициированы Ю.В. Андроповым в 1982–1984 гг. и были

---

⁸² Bunce V. Op. cit. P. 130.

⁸³ См. подробнее: Савченко А.Е. СССР: 1985–1991. История случайной самоликвидации власти? // Россия и АТР. 2016. № 3. С. 66–81.

⁸⁴ Рыжков Н.И. «Андропов был знаком с основами реформ Дэн Сяопина, а Горбачеву власть была противопоказана», — последний глава Совмина СССР. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2014/09/26/22370755/>

продолжены его преемником К.У. Черненко в 1984–1985 гг. Оба руководителя пришли к власти, будучи серьёзно больными людьми, и не успели оценить ни глубину проблем, ни действенности их подходов к преобразованиям страны. Их смерть в том же ряду, что и смерть Л.И. Брежнева, М.А. Суслова, Д.Ф. Устинова и других престарелых партийных лидеров в первой половине 1980-х гг., на символическом уровне демонстрировала необходимость перемен.

Реформы назрели, и претворять их в жизнь довелось новому советскому лидеру М.С. Горбачёву, пришедшему к власти 11 марта 1985 г. в результате избрания на заседании Политбюро Центрального комитета партии. К тому моменту реформы в соседнем Китае шли уже несколько лет.

2.2. «Китайская модель» после «культурной революции»

Реформы в КНР в политической сфере мы предлагаем отсчитывать от 1977 г. Данная точка зрения не является устойчивой, поскольку и отечественная, и даже западная историография находится под влиянием китайской пропаганды, а вслед за ней и науки, которая в 1980-х гг. провозгласила⁸⁵ точкой отсчёта всех реформ 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (18–22 декабря 1978 г.). На наш взгляд, значение этого события велико — однако, прежде всего, с точки зрения внутриэлитной борьбы за власть и победы в ней деятелей,

---

⁸⁵ См., например: Чжу Цзяму. Во со чжидао дэ ши цзе сань чжун цюаньхуй = Всё, что я знаю о 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва. Пекин, 2008. 161 с.; Чжуйсю 1978 — Чжунго гайгэ кайфан цзюань фантаньлу = В поисках 1978-го — Серия интервью о начале китайской политики реформ и открытости / под ред. Сун Шаоминаи Лю Вэя. Фучжоу, 1998. 558 с.

выступавших за отход от установок «культурной революции» 1966–1976 гг. Однако конкретных решений касательно реформирования политической системы на пленуме не принималось, и «вехой» он являться не может. Абсолютизация «декабрьского пленума» ЦК КПК в 1978 г. как краеугольного события в истории Китая может привести к обманчивым выводам о периоде между смертью Мао Цзэдуна и пленумом как времени сохранения порядков «культурной революции», а о последующем периоде — как периоде «реформ» в том виде, в котором они на самом деле сформировались лишь к середине 1980-х гг. Что на самом деле далеко от действительности.

Другой распространенной точкой зрения является тезис о том, что кардинальные изменения во всех сферах жизни китайского общества, включая политическую, начались сразу после смерти Мао Цзэдуна 9 сентября 1976 г. (тезис воплощен в популярных для западной историографии понятиях «Мао эра» и «Post-Мао эра»⁸⁶). Безусловно, с точки зрения макроисторического анализа, подобный подход допустим, поскольку смерть многолетнего лидера Китая обнажила борьбу «двух линий» в верхушке КПК, которая спустя несколько лет завершилась победой линии Дэн Сяопина и в конечном итоге привела к комплексу преобразований, называемых «политикой реформ и открытости». Однако хорошо известно, что смерть Мао Цзэдуна сама по себе не изменила существовавшую систему политического

---

⁸⁶ См., например: *Provincial Strategies of Economic Reform in Post-Mao China: Leadership, Politics, and Implementation* / Edited by Peter T.Y. Cheung, Jae Ho Chung, Zhimin Lin. Armonk, 1998. 311 p.; Manion M. *The Cadre Management System, Post-Mao: the Appointment, Promotion, Transfer and Removal of Party and State Leaders* // *The China Quarterly*. 1985. № 102. P. 203–233; Tong T. *Fiscal Reform, Elite Turnover and Central-provincial Relations in Post-Mao China* // *Australian Journal of Chinese Affairs*. 1989. № 1. P. 22–27.

и экономического управления в Китае, и маоистская линия, олицетворяемая Хуа Гофэном (пусть и с отходом от наиболее одиозных практик «культурной революции»), реализовывалась на уровне идеологических установок и конкретных мероприятий⁸⁷. Ее влияние прослеживается вплоть до 1980–1982 гг., когда Хуа Гофэн лишился руководящих постов в партии. При этом в регионах влияние этой линии было больше, так как бюрократия на местах проявила нерешительность и склонность занимать выжидательную позицию относительно перемен в Пекине⁸⁸. Политическая система, сформировавшаяся в годы «культурной революции», в этот период продолжала существовать, хотя наблюдался демонтаж отдельных её элементов. Соответственно, вехой в политическом развитии должно являться событие, которое инициировало этот процесс демонтажа. (При этом в других сферах — экономическое строительство, идеология и т.д. — целесообразно искать другие «точки отсчета».)

Так, первые серьезные изменения в системе управления в регионах были зафиксированы в решениях 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 5-го созыва (февраль–март 1978 г.). Казалось бы, логично использовать именно данное событие в качестве исходной «отправной точки». Однако решения сессии ВСНП были predeterminedены ходом и результатами предшествующего партийного съезда. Действительно, с момента восстановления деятельности партийных и представительных органов (то есть как раз с 1977–1978 гг.) в политическую жизнь Китая была введена практика, согласно которой партийный съезд проводится за несколько месяцев до первых

---

⁸⁷ Акимов В.И., Потапов В.И. Итоги «потерянного десятилетия» и современное экономическое положение КНР // Проблемы Дальнего Востока. 1979. № 1. С. 58–76.

⁸⁸ Егоров К.А. Государственный аппарат КНР. С. 60–65.

сессий новых созывов ВСНП и НПКСК (т.н. «двух сессий») — подобная «политическая перезагрузка», на которой избираются новые руководящие органы, осуществляется ревизия нормативной базы и определяются цели и задачи на предстоящий период, происходит раз в пять лет. Таким образом, всю пореформенную историю КНР возможно поделить на условные пятилетние циклы, веками между которыми являются съезды КПК и проводимые следом за этим сессии ВСНП–НПКСК, а сам период реформ целесообразно отсчитывать от XI-го съезда КПК, проведённого в августе 1977 г.

Что же из себя представляла система управления в регионах и центр-региональных отношений, существовавшая к 1977 г.?

Прежде всего, следует отметить, что она сложилась в результате деформирующего воздействия «культурной революции» на ту систему, которая была установлена согласно конституции 1954 г. и, в свою очередь, «являлась результатом заимствования советских образцов и развития органов власти и управления КПК в сельских и городских районах в 1928–1949 гг. (т.е. в период борьбы КПК за власть)» — так её характеризовал Л.М. Гудошников⁸⁹.

Региональная система власти и управления по конституции 1954 г. предполагала создание на всех уровнях административно-территориального деления органов госвласти — собраний народных представителей (избираются собраниями на ступень ниже), которые в свою очередь формировали свои исполнительные органы («государственные административные органы на местах») — народные комитеты. Соответственно, на провинциальном уровне народный комитет, состоящий из председателя, его заместителя

---

⁸⁹ Гудошников Л.М. Политический механизм Китайской Народной Республики. М., 1974. С. 5.

и членов комитета, формировался провинциальным собранием народных представителей (СНП) на срок, соответствующий сроку полномочий СНП (в случае с провинциями — 4 года). Народные комитеты ведали административной работой на подведомственной территории, исполняли постановления СНП соответствующего уровня, а также постановления, распоряжения и приказы вышестоящих административных органов (в случае с провинциями — это органы Госсовета КНР) и, в свою очередь, имели право приостанавливать исполнения нецелесообразных распоряжений и указаний подведомственных органов и нижестоящих народных комитетов⁹⁰. Как и в СССР, партийная система на всех уровнях была интегрирована в административную.

Ключевым фактором, оказавшим влияние на дальнейшее развитие центр-региональных отношений, являлись личные взгляды Мао Цзэдуна, изложенные в докладе «О десяти важнейших взаимоотношениях» (1956 г.), в котором он дал жёсткую отповедь попыткам построить ориентированную на советские образцы плановую централизованную экономику: «Наша территория столь обширна, наше население столь многочисленно, а условия жизни столь суровы, что будет гораздо лучше, если инициатива будет исходить как от центрального правительства, так и от местных властей, а не проистекать из одного источника. Мы не должны следовать примеру Советского Союза, который сконцентрировал всю власть в центре, сковав местные органы по рукам и ногам и лишив их права действовать самостоятельно. [...] Провинции, города, округа, уезды, районы и волости должны сохранять независимость и бороться за свои права. Борьба за них — в интересах всей нации, а не отдельного населённого пункта;

---

⁹⁰ Конституции Китайской народной Республики 1954, 1975, 1978 и 1982 годов. М., 1983. С. 22–23.

эту борьбу нельзя считать проявлением местничества или неуместными притязаниями на независимость»⁹¹.

Целью Мао Цзэдуна являлось создание такой системы управления, которая могла бы эффективно действовать в условиях гипотетической войны, которая ожидалась сначала против Тайваня, затем против СССР. Его идеалом было формирование хозяйственной системы как множества более или менее самостоятельных единиц при минимуме горизонтальных связей между ними. Попытка воплощения этого идеала — создание «народных коммун» в годы реализации политики «трёх красных знамён» (1958–1962 гг.) и далее в период «культурной революции», где население занималось не только сельским хозяйством, но и самостоятельно производило промышленную продукцию.

В ходе «культурной революции» прежняя система управления на местах была разрушена, причём в буквальном смысле: партийные комитеты и народные комитеты (читай «местные правительства») были разгромлены и прекратили существование. Ядром новой, «маоистской» системы стали «революционные комитеты» (ревкомы)⁹². Они были созданы для заполнения «вакуума власти», образовавшегося в результате разгрома в 1966–1968 гг. партийных комитетов и конституционных органов власти и управления на местах. Ранее председатель Мао неоднократно критиковал положение дел в региональных органах власти и управления, подчеркивая необходимость усиления местных властей для организации обороны страны. В 1964 г. в Шисаньлине Мао заявил: «Провинциальные власти должны интересоваться делами армии, народного ополчения. [...] Если не заниматься

---

⁹¹ Мао Цзэдун. Революция и строительство. М., 2000. С. 342–343.

⁹² Примечательно, что первый во всей стране революционный комитет провинциального уровня был образован именно в Хэйлунцзяне — это произошло 31 января 1967 г.

военными вопросами, то в случае возникновения каких-либо событий вам придётся помогать, а то можете растеряться. [...] Разве годится, чтобы такая страна, как наша, имеющая столь продолжительную линию фронта, полагалась только на несколько миллионов войск центрального правительства? Рассчитывать на это не следует, поэтому вы сами должны принимать решения и отвечать за оборону страны»⁹³. Кроме того, большое значение для формирования маоистской системы управления на местах — задумывавшейся как компактная, мобильная, универсальная — имело раздражение Мао Цзэдуна от чрезмерной бюрократизации, характерной для 1950–1960-х гг., воплощённое им в манифесте «Двадцать проявлений бюрократизма» (1967 г.)⁹⁴ и ряде других выступлений, например, в Цзинане⁹⁵ и Нанкине в 1957 г.⁹⁶

Вплоть до апреля 1975 г., когда существование ревкомов было закреплено новой конституцией КНР (принята единственной сессией ВСНП 4-го созыва), эти органы являлись «неконституционными», а их положение нигде не регламентировалось. Фактически же ревкомы стали универсальным механизмом, который создавался как на всех уровнях административно-территориального устройства (от народных коммун до провинций), так и на предприятиях. Первые ревкомы создавались т.н. «массовыми революционными организациями» (хунвэйбины, цзаофани), однако после того как к 1968 г. они дискредитировали себя и были отстранены от активного участия в политическом процессе (посредством

---

⁹³ Мао Цзэдун. Выступление в Шисаньлине. 16.06.1964 // Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати / пер. с кит. М. : Прогресс, 1976. URL: <http://maoism.ru/14209>

⁹⁴ Мао Цзэдун. Двадцать проявлений бюрократизма ; пер. с англ. О. Мартова и О. Торбасова. URL: <http://maoism.ru/1325>

⁹⁵ Мао Цзэдун. Революция и строительство... С. 405–406.

⁹⁶ Там же. С. 406–408.

вмешательства армии), ведущие роли в ревкомах получили военные⁹⁷.

Прежняя бюрократия, в поведении которой к началу «культурной революции» годов были всё более заметны тенденции к выходу из-под контроля харизматичного лидера и деидеологизации, сменилась на новый военно-бюрократический аппарат, формировавшийся из максимально идеологизированных групп общества: выходцев из армии, т.н. «массовых революционных организаций» и представителей номенклатуры (ганьбу), принявших линию «культурной революции» и прошедших через своеобразный обряд реинициации, связанный с публичной критикой и принесением клятв личной верности Мао Цзэду. Рассматривая случившееся в рамках теории М. Вебера об эволюции патримониальной бюрократии в рациональную⁹⁸, «культурную революцию» следует воспринимать как акт консервативной реакции на рационализацию бюрократии и попытку вернуть партийно-административному аппарату черты традиционного устройства, завязанного на личность харизматичного лидера. (Заметим, что нечто подобное пытался позднее реализовать М.С. Горбачёв, используя высокий на первых порах потенциал харизматического лидерства, для отстранения противников его курса от власти в регионах и перехода к легитимному лидерству.) В Китае представители прежней бюрократии (в конце 1970-х гг. их стали называть «старые кадры») никуда не делись, так как «культурная революция» не ставила целью их физическое уничтожение, и уже, начиная с 1972–1974 гг. они стали постепенно возвращаться в бюрократические учреждения. Впрочем, задача их тотальной реабилитации и возвращения к власти к 1977 г. решена ещё не была.

---

⁹⁷ Егоров К.А. Государственный аппарат КНР. С. 40.

⁹⁸ Вебер М. Власть и политика. С. 258–259.

Председателями провинциальных ревкомов, как правило, назначались руководители провинциальных военных округов, соединившие в своих руках военную и административную власть. После восстановления партийных комитетов в 1969–1972 гг. в руках руководства ревкомов оказались сосредоточенными функции и партийных лидеров тоже⁹⁹. Данная тенденция стала следствием установки Мао на создание «компактного и оперативного госаппарата», закрепленной в ст. 15 конституции КНР 1975 г.¹⁰⁰, а также стремления Пекина обеспечить контроль над регионами с помощью жесткой субординации, характерной для военных кадров.

Основной характеристикой системы, установившейся таким образом к 1977 г., было, как и в случае СССР, противоречивое сочетание элементов жесткого централизованного контроля и проявлений децентрализации, хотя и в развивавшихся в совершенно другом историческом контексте. Фактически в регионах КНР существовало две плоскости управления: 1) система управления предприятиями центрального подчинения, деятельность которых жестко планировалась сверху и которые фактически были выведены из-под юрисдикции местных органов власти; 2) система местного хозяйственного, административного и военного управления, предельно консолидированная в руках провинциального руководства и при этом ориентированная на полную самостоятельность. Система выстраивалась таким образом, чтобы обеспечить установку Мао Цзэдуна «Каждая провинция,

---

⁹⁹ Чжунго цзинци фачжань уши нянь дашици = Хроника 50 лет экономического развития китайской экономики / под ред. Канцелярии малой руководящей группы по финансово-экономическим вопросам ЦК КПК. Пекин, 1999. С. 240.

¹⁰⁰ Гудошников Л.М., Егоров К.А. О третьей китайской конституции // Проблемы Дальнего Востока. 1978. № 4. С. 64.

каждый административный округ должны всем заниматься самостоятельно»¹⁰¹.

В соответствии с конституцией 1975 г. ревкомы получили полномочия и исполнительных, и представительных органов власти на местах. Статья 22 гласила: «Местные ревкомы являются постоянно действующими органами местных собраний народных представителей и вместе с тем местными народными правительствами»¹⁰². Срок полномочий ревкомов, как и у народных комитетов по конституции 1954 г., привязывался к сроку полномочий СНП, только на этот раз для провинциального уровня он был увеличен с четырёх до пяти лет¹⁰³. Провинциальные ревкомы находились в двойном подчинении: партийному и административному руководству (ЦК КПК и Госсовету КНР)¹⁰⁴. В свою очередь, они руководили нижестоящими субрегиональными ревкомами. Особняком стояли ревкомы крупных предприятий центрального подчинения, которые, как уже обозначалось выше, фактически были выведены из системы управления на местах.

Партийные комитеты де-факто находились под контролем ревкомов, причем в директивах Центра указывалось, что персональный состав руководства ревкома и парткома должен совпадать и в них должен существовать единый аппарат¹⁰⁵. На низовом уровне — в народных коммунах — одни и те же органы совмещали не только функции партийного руководства, административной работы и организации сельского ополчения, но занимались и координацией

---

¹⁰¹ Некоторые вопросы социально-классовой структуры современного Китая / П.Б. Капралов, В.В. Круглов, А.В. Островский // Проблемы Дальнего Востока. 1978. № 3. С. 77.

¹⁰² Конституции Китайской народной Республики 1954, 1975, 1978 и 1982 годов. С. 41.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Егоров К.А. Государственный аппарат КНР. С. 24.

¹⁰⁵ Там же. С. 28.

хозяйственной деятельности¹⁰⁶. Так воплощался маоистский курс на создание по всей стране замкнутых, автономных хозяйственно-административных единиц.

Ревкомы превратились в своего рода «наместничества» в регионах, которые назначались в обход закрепленных в конституции процедур для обеспечения персонального контроля Центра над регионами. В то же время для ревкомов оказалась характерна предельная концентрация власти в руках ограниченного круга лиц, что приводило к самоуправству. Этому способствовало то обстоятельство, что Пекин требовал от региональных лидеров прежде всего лояльности, установления порядка и проведения политико-идеологических кампаний. При этом в то, какими методами исковое достигается, Центр особо не вдавался, да и рычаги воздействия на региональных лидеров постепенно терялись. Наиболее действенным фактором осуществления контроля над региональными руководителями оказалась их вовлеченность в армейскую иерархию с жестким подчинением нижестоящего вышестоящему. В то же время ряд примеров из времен «культурной революции»¹⁰⁷ показывает, что региональные лидеры, имея в своем подчинении военные части, постепенно формировали из них лояльные лично себе силы, которые пускались в ход в случае несогласия руководителя с решением Центра. Учитывая аналогии с историей

---

¹⁰⁶ Синь И. Шэлунь жэньминь гуншэ дэ лиши дивэй = Об историческом месте народных коммун // Дандай Чжунго лиши янь. 2001. № 3. С. 35.

¹⁰⁷ Так, выход из-под контроля деятельности «массовых революционных организаций» в провинции Хубэй в 1967 г. привел к тому, что глава местного военного округа Чэнь Цзайдао фактически взял власть в свои руки и перестал подчиняться приказам из Центра. Кроме того, вооруженным сопротивлением сопровождалось установление власти руководителей, лояльных «Группе до делам культурной революции», в Ляонине и Цзянси.

Китая, когда на периферии власть генералов зачастую была ничем не ограничена, в китайской прессе, по свидетельству К. Егорова, стали говорить о появлении «независимых царств»¹⁰⁸.

В результате к началу рассматриваемого в монографии периода экономика уже была децентрализована, если не сказать «фрагментирована». И это радикальное системное отличие от ситуации в СССР к началу перестройки. Местные правительства на всех уровнях административно-территориального деления включали в себя всеобъемлющую и самодостаточную структуру органов управления: прежде всего, в стратегических сферах промышленности. Например, количество департаментов ревкома провинции Хэйлуцзян, отвечающих за различные сферы машиностроения и тяжелой промышленности, в начале 1977 г. достигало десяти¹⁰⁹.

Можно сказать, что в годы «культурной революции» Центр выстраивал такую систему, при которой все стратегические вопросы (идеология, оборона, функционирование крупных предприятий) были максимально централизованы, но власти на местах поощрялись с целью проявления инициативу и ориентировались на создание замкнутых хозяйственных единиц¹¹⁰. При этом у Центра не было достаточных средств для контроля над регионами и мотивационных рычагов, кроме персонально-иерархических отношений внутри идеологизированного военно-партийного аппарата и постоянной угрозы применения специфических репрессий («кампаний критики»).

---

¹⁰⁸ Егоров К.А. Государственный аппарат КНР. С. 30.

¹⁰⁹ Хэйлуцзян шэн гайгэ кайфан... С. 153.

¹¹⁰ Капралов П.Б. Сельские районы КНР в 70-е гг. Тенденции социально-экономического развития. М., 1981. 198 с.

Характерны примеры, когда в рамках данной системы местные власти принимали значимые хозяйственные решения. Например, в ноябре 1977 г. партком провинции Аньхой принял «Постановление о некоторых вопросах экономической политики в деревне», в соответствии с которым производственным бригадам народных коммун разрешалось создавать производственные группы для более эффективного выполнения плана, поощрялось развитие семейных приусадебных участков и подсобных хозяйств, продукцией с которых можно было торговать на рынке после выполнения плана госзакупок¹¹¹ — это решение впоследствии называли предтечей экономических реформ. Заслуга в его принятии в ряде публицистических работ приписывается даже Дэн Сяопину, при этом игнорируется тот факт, что инициатива о разделе земли производственной бригады по дворам шла с мест, причём задолго до официального признания её в качестве государственной политики (состоялось только в сентябре 1980 г.). По информации Р. Коуза и Ван Нина, стихийный переход к «дворовой производственной ответственности» начался ещё в середине 1970-х гг. в Сычуани и ряде соседних провинций (Аньхой, Гуйчжоу, Хэнань, Ганьсу). Например, уже к 1978 г. в Гуйчжоу так обрабатывалось около 10% территории¹¹². Реально же к индивидуальному хозяйству Китай возвращался при жизни Мао Цзэдуна как минимум трижды: в 1956 г. (в частности, в уезде Юнцзя в Чжэцзяне), в 1958–1959 гг. (сразу после провала «большого скачка») и в период урегулирования (1960–1962 гг., повсеместно)¹¹³.

Очевидно, что в подлинно жёстко централизованной системе регионального управления такие прецеденты были бы

---

¹¹¹ У Сян. Вань Ли юй «дабаогань»...

¹¹² Коуз Р. Указ. соч. С. 82.

¹¹³ Там же. С. 83.

невозможны. Таким образом, систему, сформировавшуюся в КНР к 1977 г. в результате отхода от «советской модели», можно характеризовать как децентрализационную. При этом следует отметить, что она имела ряд институциональных и кадровых проблем, которые не позволяют оценить её как эффективную.

Так, не были разграничены функции ревкомов и партийных комитетов; не было реализовано на практике подчиненное положение ревкомов по отношению к представительным органам власти, закрепленное в конституции 1975 г. Леворадикальные «выдвиженцы культурной революции» в руководстве регионов — прежде всего из числа военных — проявляли себя как неэффективные управленцы, склонные к волюнтаризму, самоуправству и интриганству. Потенциально усиление самостоятельности региональных военных лидеров грозило вернуть Китай в «эпоху милитаристов». «Старые кадры», имеющие большой практический опыт работы в 1950–1960-х гг., в значительной степени были отстранены от власти. Молодое поколение под воздействием массовых политических кампаний 1960–1970-х гг. лишилось доступа к образованию, было дезориентировано в идеологическом плане, в значительной степени демотивировано к общественно полезной работе, психологически сломлено¹¹⁴, настроено недоверчиво по отношению к деятельности партийно-административных органов¹¹⁵.

---

¹¹⁴ В качестве своеобразных источников в доказательство этого тезиса можно использовать художественные произведения т.н. «литературы шрамов» (1978–1989 гг.), включая повести Лю Синью, Лу Синьхуа, Ли Тао и др. См. также сборник монологов представителей различных слоёв китайского общества, собранных журналистами Чжан Синьсинь и Сан Е в 1984–1985 гг. (Чжан Синьсинь, Сан Е. Голоса из Китая. М., 1989. 192 с.).

¹¹⁵ Цзяньчи чжэньли, ганьюй доучжэн = Отстаивать истину, осмелиться на борьбу // Жэньминь жибао. 20 июня 1979 г. URL: <http://www.laoziliao.net/rmrb/1979-06-20-3#518085> (дата обращения: 20.02.2020).

Таким образом, к началу пятилетнего политического цикла 1977–1982 гг. назрела задача реформирования системы управления в регионах: как в кадровом, так и в институциональном отношении. Однако ни плана, ни чёткого видения реформ у тогдашнего руководства КНР не существовало. Более того, как минимум часть руководства (прежде всего Чэнь Юнь и его единомышленники) в качестве оптимального сценария реформирования системы управления регионами и центр-региональными отношений видела возвращение к «советской модели», которая частично реализовывалась в 1949–1958 и 1961–1966 гг. Её основной характеристикой виделась максимально возможная централизация отношений с регионами в экономической и политической сфере. Однако другие политические лидеры возражали, пусть и по разным причинам. Одни, как Хуа Гофэн и Дэн Сяопин, нуждались в поддержке регионов в условиях продолжающейся политической борьбы друг с другом. Другие, будучи выходцами из регионов (как, например, Чжао Цзыян), вслед за Мао Цзэдуном повторяли тезис о невозможности централизации в условиях Китая и делали ставку на инициативу и творческий потенциал народных масс на местах.

Так «китайская модель», и без того гораздо глубже децентрализованная по сравнению с «советской моделью», к началу реформ оказалась более гибкой и готовой к управленческим экспериментам. Концентрация экономической власти на региональном уровне и замыкание на него основных локальных вопросов, позволили Китаю избежать всплеска коллективной борьбы регионов с Пекином за экономические и административные ресурсы — той борьбы, которая в советском случае радикально ускорила административную и политическую фрагментацию системы управления.

Глава 3

«Переходить реку, ощупывая камни»: китайские реформы в 1977–1989 гг.

3.1. Начальный этап реформ: 1977–1982 гг.

Обзор реформ в СССР и Китае начнём по хронологическому принципу — с КНР.

Отметим, что переход непосредственно к преобразованиям в Китае был сопряжён с завершением политической борьбы, вызванной «культурной революцией», и необходимостью пересмотра многих «достижений» этого периода, включая систему управления на местах.

Отправной точкой в этом процессе, как мы и обозначали ранее, стал XI-й съезд Коммунистической партии Китая, прошедший 12–18 августа 1977 г. (здесь и далее датировку и характеристику основных исторических событий см. в Приложении).

Это был первый после смерти Мао Цзэдуна высший партийный форум. Менее года назад от власти была отстранена «банда четырёх». Новым лидером Китая стал «наследник Мао» — Хуа Гофэн (совмещал посты председателя ЦК КПК, премьера Госсовета и председателя Центрального военного совета). Придя к власти, Хуа Гофэн, чётко осознававший необходимость экономической модернизации, запустил программу, похожую на план нового «большого скачка», поскольку в её основе находилась мобилизация имеющихся ресурсов¹¹⁶. При этом за месяц до съезда был

---

¹¹⁶ Позже оппоненты назовут план экономических реформ Хуа Гофэна «скачок вовне». В 1977 г. руководством стран был принят новый

восстановлен в руководящих должностях Дэн Сяопин, бывший вице-премьер Госсовета КНР, по своему авторитету и аппаратному весу как минимум сравнимый с Хуа Гофэном.

Таким образом, съезд прошел в условиях противостояния «двух линий» в руководстве партии. Линию на продолжение политики Мао Цзэдуна времен «культурной революции» (ставка на автономные хозяйственные комплексы, милитаризация экономики, идеологизация всей общественной жизни) олицетворял Хуа Гофэн¹¹⁷. Ему противостояла группа ветеранов партии, стоявших за возврат к прагматичной политике периода до «культурной революции», выразителем настроений которой являлся Дэн Сяопин¹¹⁸.

10-летний план экономического развития, предусматривающий запуск порядка 120 совершенно новых промышленных объектов, включая 30 электростанций, 10 центров производства химических удобрений, 10 металлургических комбинатов и т.д. Огромное значение отводилось заимствованию зарубежных технологий (в основном путём закупки оборудования и целых «готовых предприятий»). Именно это и сыграло роковую ошибку: руководство переоценило будущие доходы от экспорта нефти и резко возросшие расходы (в т.ч. для военных нужд, а также обеспечения тезиса о необходимости улучшения качества жизни населения), и уже в течение 1978 г. столкнулось с острым дефицитом финансирования для запланированных строек. Другим просчётом было стремление решить проблемы модернизации старыми организационными методами, включая призыв «начать революцию с пятью лопатами», перевести к 1980 г. треть предприятий на «дацинские методы работы». Бурный рост в одних отраслях при стагнациях в других привёл к диспропорциям развития. К середине 1978 г. на складах скопилось много готовой продукции, часто очень низкого качества, которая не находила сбыта.

¹¹⁷ См.: Хуа Гофэн. Цзай Чжунго гунчандан ди 11 цы цюаньго дайбяо дахуй шан дэ чжэнчжи баогао = Политический доклад на 11-м съезде Коммунистической партии Китая // Жэньминь жибао. 23 августа 1977 г. URL: <http://www.laoziliao.net/rmrb/1977-08-23-1#491934>

¹¹⁸ К числу наиболее влиятельных сторонников Хуа Гофэна можно отнести таких деятелей, как Ван Дунсин, Чэнь Силян, У Дэ, Цзи Дэнкуй (позднее они сформировали т.н. «новую банду четырёх»). Под сторонниками Дэн Сяопина в контексте 1977–1982 гг. мы понимаем Чэнь Юня, Ли Сяньяня, Е Цзяньина, Ян Шанкуня, Бо Ибо, Гу Му, Си Чжунсюня, Вань Ли, Ху Яобана, Чжао Цзыяна.

В качестве основы легитимности своего нахождения у власти Хуа Гофэн выбрал концепцию «лянгэ фаньши» — «двух абсолютов» («абсолютно все указания Председателя Мао являются верными, абсолютно всем указаниям Председателя Мао необходимо следовать»¹¹⁹, здесь и далее — китайские термины см. в Приложении), из-за чего группу его сторонников можно условно назвать «абсолютистами». Дэн Сяопин и его единомышленники (условно назовем их «прагматиками») противопоставили этому принцип «реалистичного подхода к делу»¹²⁰, который, впрочем, как и концепция Хуа Гофэна, апеллировал к идеологическому наследию Мао Цзэдуна¹²¹.

Главными формальными результатами съезда стали: официальное провозглашение окончания «культурной революции»¹²², формулировка об «экономическом развитии и модернизации» как главной задаче, стоящей перед КПК¹²³,

---

¹¹⁹ Гаоцзюй Мао чжуси дэ вэйда цичжи вэй цзяньшэ шэхуйчжуй дэ сяньдайхуа цянго эр фэньдоу, у цзе жэньда ди и цы хуйи цзай Бэйцзин лунчжун кайму, Хуа Гофэн цзунли цзай дахуй шан цзо чжэнфу гунцзо баогао = Высоко держа великое знамя председателя Мао, будем бороться ради строительства социалистической модернизации — в Пекине торжественно открылась 1-я сессия ВСНП 5-го созыва, премьер Хуа Гофэн сделал доклад о работе правительства // Жэньминь жибао. 27 февраля 1978 г. URL: <http://www.laoziliao.net/rmrb/1978-02-27-1#499014>

¹²⁰ Цзефан сысян шиши цюши = Раскрепостить сознание, искать истину в фактах // Жэньминь жибао. 29 декабря 1978 г. URL: <http://www.laoziliao.net/rmrb/1978-12-29-1#510392>; Вомэнь сюйяо гэндо дэ шиганьцзя = Мы должны быть большими реалистами // Жэньминь жибао. 7 июля 1979 г. URL: <http://www.laoziliao.net/rmrb/1979-07-05-4#518736>

¹²¹ Дэн Сяопин. Цзефан сысян, шиши цюши, туаньцзе ичжи сяньцань кань = Раскрепостить сознание, искать истину в фактах, сплотиться воедино и смотреть вперёд. URL: rhh.reformdata.org/index.html#/article/9978B7063E297D84BB2AC8E46C1C845F

¹²² Чжунго гунчандан ди шиши цы цюаньго дайбяо дахуй гуаньюй чжэнчжи баогао дэ цзюэи = Решение 11-го съезда Коммунистической партии Китая в отношении политического доклада. URL: <http://www.laoziliao.net/rmrb/1977-08-23-1#491935>

¹²³ Там же.

принятие новой редакции Устава партии и избрание новых составов центральных органов КПК. Однако с точки зрения политического процесса основным итогом стало достижение тактического компромисса между «абсолютистами» и «прагматиками» и предотвращение эскалации конфликта между ними по типу «культурной революции».

Само установление такого компромисса свидетельствовало об ослаблении позиций Хуа Гофэна и усилении «прагматиков». Ход партийного форума свидетельствовал, что Хуа Гофэн не смог занять надфракционное положение, сравнимое с тем, которое занимал Мао Цзэдун. При обсуждении в группах многие делегаты позволяли себе критические замечания в адрес Хуа Гофэна. В последний день съезда в нарушение традиции, согласно которой заключительное слово произносил избранный председатель ЦК КПК (т.е. Хуа Гофэн), с докладом выступил Дэн Сяопин¹²⁴. Несмотря на то, что он избежал прямой конфронтации с Хуа Гофэном, его выступление раскрывало точки разногласий с действующим председателем¹²⁵.

Ослабление позиций «продолжателей линии Мао» и усиление «прагматиков», обнажившееся на августовском съезде, постепенно определяло настроения среди отдельных региональных руководителей¹²⁶. Именно в атмосфере

---

¹²⁴ Впрочем, существует точка зрения, что заключительная речь считалась «третьей» в иерархии ключевых докладов, произносимых на съездах, что вполне соответствовало статусу Дэн Сяопина как третьего человека в иерархии ЦК КПК (Панцов А.В. Дэн Сяопин. М., 2013. С. 363).

¹²⁵ Дэн Сяопин. Цзай ши да шан дэ бимуцы. 1977.08.18 = Завершающая речь на 11-м съезде. 18 августа 1977 года. URL: <http://www.people.com.cn/GB/shizheng/252/5089/5103/20010428/454994.html>

¹²⁶ Фань Цинжун. Линдао ганьбу яо и шэнь цзо цзэ = Руководители и чиновники должны показывать своим примером // Жэньминь жибао. 22 июня 1979 г. URL: <http://www.laoziliao.net/tmrb/1979-06-22-3#518199>

плюрализма и поиска путей выхода из экономического кризиса — однако в рамках «маоистской децентрализованной системы» — в ряде регионов получили развитие экономические эксперименты с введением производственных групп на селе и хозрасчёта на предприятиях¹²⁷.

---

¹²⁷ К числу основных экспериментов в начальной стадии политики реформ и открытости можно отнести следующее.

Осень 1977 г. — руководство провинции Сычуань одобрило эксперименты в отдельных народных коммунах с закреплением заданий за производственными группами (а не за бригадами, как раньше). Официальными документами эти решения не оформляются.

15–21 ноября 1977 г. — партком провинции Аньхой принимает «Постановление о некоторых вопросах экономической политики в деревне», в котором производственным бригадам разрешалось создавать производственные группы для более эффективного выполнения плана, поощрялось развитие семейных приусадебных участков и подсобных хозяйств, продукцией с которых можно было торговать на рынке после выполнения плана госзакупок. Постановление выполнялось по всей провинции в различных формах.

Февраль 1978 г. — по аналогии с «Постановлением» парткома провинции Аньхой партком провинции Сычуань принял «Постановление о некоторых важных вопросах современной аграрной политики». (В течение 1978 г. опыт Аньхой и Сычуаня начал распространяться в некоторых других провинциях: Хунань, Шэньси, Гуандун.)

1 сентября 1978 г. — руководитель провинции Аньхой Вань Ли в связи с сильной засухой принимает решение отдать в личное пользование крестьян неиспользуемые земли по принципу «кто сеет — того и урожай».

24 ноября 1978 г. — в уезде Фэньян (провинция Аньхой) «без санкции вышестоящего руководства» (согласно официальной трактовке) был осуществлён переход к семейному подряду вместо одобренной на провинциальном уровне еще год назад ответственности производственной группы.

Октябрь 1978 г. — начало «сычуаньского эксперимента» с предоставлением широких прав самостоятельности предприятиям (шести предприятиям провинции было разрешено оставлять часть прибыли для развития производства, премирования и социального обеспечения рабочих). В течение полугода эксперимент был распространён на 100 предприятий провинции.

6 января 1979 г. — руководство Гуандунского ревкома (председатель Си Чжунсюнь) совместно с Министерством транспорта направило

Отдельная группа экспериментов касалась фискальной системы. Нужно отметить, что ещё во времена «культурной революции» в КНР применялись децентрализационные фискально-бюджетные модели: в 1971–1973 гг. система «бюджетной автономии», когда регионы несли ответственность за фискальные доходы и свои расходы; с 1974 г. в целом по стране применялась система, при которой Центр заключал с регионами однолетние контракты, согласно которым фиксированная часть фискальных доходов поступала в центральный бюджет, а остальное оставалось у региона¹²⁸.

С одобрения Хуа Гофэна, искавшего поддержки регионов и вынужденного идти на значительные уступки региональным лидерам, расширяя их самостоятельность и предоставляя больше финансов в виде дотаций и остающейся в региональном бюджете доли налогов, эти эксперименты продолжились. При этом в каждой отдельной провинции поиск оптимальной модели подстраивался под местные условия. Уже тогда наметилось два типа поведения региональной элиты — один был характерен для прибрежных регионов, другой для континентальных регионов со значительной долей тяжёлой промышленности (прежде всего,

---

вице-премьеру Ли Сяньняню «Доклад о создании в уезде Баоань промышленной зоны, входящей в ведение Бюро по привлечению промышленников, аккредитованного в Сянгане», ставший концептуальной основой для будущего создания особой экономической зоны «Шэньчжэнь».

31 января 1979 г. — термин «урегулирование» появляется в газете «Жэньминь жибао» применительно к провинции Сычуань.

13 июля 1979 г. — ЦК КПК и Госсовет КНР опубликовали пять документов, составивших нормативную базу для распространения опыта «сычуаньского эксперимента» на всю страну (регулировалось расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, разрешалось оставлять часть прибыли, получать кредиты, вместо перечисления прибыли выплачивать государству подоходный налог).

¹²⁸ Lardy N. Centralization and Decentralization in China's Fiscal Management // *The China Quarterly*. 1975. № 1. P. 26–60.

для китайского Северо-Востока, включая провинцию Хэйлунцзян).

В 1977 г. власти на каждом уровне административно-территориального деления получали годовой бюджет от уровня выше (соответственно, провинции — от Госсовета). Фонды для инвестиций были частью бюджета и выдавались предприятиям в форме грантов. Мотивация бюрократии при этом была связана с получением доходов — разницы между реальной стоимостью операций и фондами, которые на это были выделены¹²⁹. Поэтому нижестоящие уровни старались прятать ресурсы и доходы там, где это возможно¹³⁰.

В том же 1977 г. в провинции Цзянсу стала применяться экспериментальная система, при которой контракт между регионом и Центром заключался на четыре года, а план по объёму фискальных доходов не устанавливался; все доходы региона от местных налогов и налогов на местные предприятия при этом суммировались, после чего в Центр передавалась фиксированная доля этой суммы без различия, за счёт каких статей она получена. Доходы от деятельности предприятий, подчинявшихся напрямую центральным ведомствам, по-прежнему поступали напрямую в центральный бюджет. Эта система, дававшая регионам возможность зарабатывать, получила название «модель Цзянсу». С 1980 г. с некоторыми коррективами она применялась в трёх существовавших на тот момент городах центрального подчинения КНР (Пекин, Шанхай, Тяньцзинь)¹³¹.

---

¹²⁹ Walder A. Local Governments as Industrial Firms: An Organizational Analysis of China's Transitional Economy // *American Journal of Sociology*. 1995. № 2. P. 279.

¹³⁰ Ibid.

¹³¹ Oksenberg M., Tong J. The Evolution of Central-Provincial Fiscal Relations in China, 1971–1984: The Formal System // *The China Quarterly*. 1991. № 125. P. 20.

Забегая вперёд, отметим, что в 1979 г. в провинции Сычуань стала применяться другая модель (получившая название «сычуаньской»), которая опиралась на практики 1951–1958 гг. Суть модели заключалась в том, что фискальные доходы территории делились на основные (от центральных предприятий) и дополнительные (от местных предприятий и местных налогов). Основные доходы направлялись в Центр в полном объёме, тогда как доход от каждого из местных налогов делился между вышестоящей инстанцией и территорией с тем расчётом, чтобы доходы покрывали расходы. Возможные излишки оставались у территории, а при возникновении бюджетного дефицита Центр направлял субсидию или позволял оставить у себя значительную долю доходов с местных предприятий¹³². С 1980 г. в рамках объявленного руководством страны «соревнования тестовых площадок» эта система была введена в 15 единицах провинциального уровня, включая провинцию Хэйлунцзян. В целом «сычуаньская модель» доказала свою эффективность в условиях, когда и доходы, и расходы были в высокой степени предсказуемы, что оказалось возможным лишь при полном доминировании государственного сектора.

1 февраля 1980 г. Госсоветом КНР было принято решение распространить эксперименты с несколькими различными формами фискальной самостоятельности регионов на весь Китай, который, как было уже сказано, был поделён на несколько тестовых площадок. Наравне с «моделью Цзянсу» и «сычуаньской моделью», в провинциях Гуандун и Фуцзянь — то есть там, где на тот момент были созданы свободные экономические зоны — началось введение «гуандунской модели», предполагавшей максимальную налоговую и бюджетную автономию. Все фискальные

---

¹³² Ibid.

доходы, кроме налогов с железных дорог, судоходства, почты, таможенных пошлин и каучуковых плантаций на острове Хайнань, шли напрямую в провинциальные бюджеты. Однако, соответственно, и все расходы, кроме геологической разведки и содержания ополчения, покрывались из провинциального бюджета¹³³.

Впрочем, перемены на рубеже 1970–1980-х гг. были все не такими быстрыми и лёгкими, как может показаться, исходя из представленной выше хроники экспериментов. Большая часть региональной элиты, привыкшая за годы «культурной революции» к слепому следованию маоистским установкам, не спешила воспринять перемены в Пекине как указание к началу преобразований. Как свидетельствуют документы, бюрократия на местах проявляла признаки растерянности, дезориентации и была склонна занимать выжидательную позицию, выполняя лишь конкретные указания, да и то частично¹³⁴. Подобное положение сохранилось в течение нескольких лет с четко выраженной тенденцией к аппаратному усилению позиций «прагматиков» и ослаблению выходцев «культурной революции».

В этих условиях была проведена подготовка к новому созыву Всекитайского собрания народных представителей, в рамках которой фактически началась реорганизация всей региональной системы управления: для начала не столько структурная, сколько кадровая. Так, в ноябре–декабре 1977 г. впервые с 1964 г. по всей стране были проведены сессии СНП провинциальной ступени. Депутаты избирались

---

¹³³ Oksenberg M., Tong J. Op. cit. P. 20.

¹³⁴ Гао Юн. Указ. соч. С. 243, 255–257. Цай Цзинь. Гу Му юй 1978–1988 нянь дэ Чжунго дуйвай кайфан = Гу Му и открытие Китая миру в 1978–1988 гг. URL: <http://rhh.reformdata.org/index.html#/article/E250C59336B505ED411D455ABAA30B4D>

не выборным путем, а, в соответствии с установками Центра, в результате «тщательного обсуждения и консультаций»¹³⁵. На практике это означало утверждение списков, заранее составленных в Центральном комитете партии, в котором постепенно наблюдалось изменение баланса сил в пользу сторонников прагматической линии Дэн Сяопина. Помимо прочего, восстановление на местах представительных органов должно было решить и чисто утилитарные задачи, связанные с чисткой рядов ревкомов от сторонников «банды четырех», коих в регионах по-прежнему было немало. Отмечается, что в условиях усиления «прагматиков» под лозунгом борьбы с «четверкой» в ряде регионов от власти отеснялись и сторонники курса Хуа Гофэна¹³⁶. О масштабах чисток в руководящем составе новых ревкомов можно судить по тому факту, что из общего числа заместителей председателей ревкомов прежних созывов в новых руководящих группах осталось: в Пекине — 40%, Шанхае — 27%, Ганьсу — 0%, Шэньси — 12,5%, Цзянсу — 28,5% и т.д., то есть в среднем — менее 20%¹³⁷.

Сама система концентрации власти в одних руках осталась прежней, однако на место военных приходили «старые кадры», опытные управленцы. Например, в провинции Хэйлунцзян военного Лю Гуантао сменил Ян Ичэнь, до «культурной революции» уже занимавший руководящие должности в провинциальных органах власти, позднее подвергшийся гонениям и «реабилитированный» в 1972 г. Примечательно, что к концу 1977 г. Ян Ичэнь совмещал все ключевые должности в провинциальной системе

---

¹³⁵ Цит. по: Китайская Народная Республика в 1977 году. Политика, экономика, идеология. М., 1979. С. 28.

¹³⁶ Феоктистов В.Ф., Ященко Г.Н. Идеологическая борьба в Китае на современном этапе // Проблемы Дальнего Востока. 1980. № 1. С. 124.

¹³⁷ Китайская Народная Республика в 1977 году... С. 29.

власти и управления: он был первым секретарем парткома, председателем ревкома (а следовательно, и главой провинциального СНП), председателем провинциального Народно-политического консультативного совета, а с 1978 г. еще и политкомиссаром Хэйлунцзянского провинциального военного округа.

1-я сессия ВСНП 5-го созыва была проведена с 26 февраля по 5 марта 1978 г. В ходе сессии проявилось различие подходов руководителей к реформированию системы управления на местах. Так, Хуа Гофэн продолжал опираться прежде всего на систему ревкомов, которые он называл «местными органами власти»¹³⁸. В отличие от него Е Цзяньин, по итогам сессии избранный председателем ПК ВСНП (а следовательно, формально главой государства¹³⁹), призывал к расширению полномочий СНП всех ступеней и к более активному выполнению ими функций органов государственной власти¹⁴⁰.

Главным итогом сессии стало принятие новой конституции, в соответствии с которой началась институциональная

---

¹³⁸ Туаньцзе цилай вэй цзяньшэ шэхуйчжуи дэ сяньдайхуа цянго эр фэньдоу — 1978 ньян 2 юэ 26 жи цзай ди 5 цзе цюаньго жэньминь дайбао дахуй ди и цы хуй ишан дэ чжэнфу гунузо баогао = Объединимся для борьбы ради строительства социалистической модернизации и сильного государства — доклад о работе правительства на 1-й сессии ВСНП 5-го созыва 26 февраля 1978 года // Жэньминь жибао. 7 марта 1978 г. URL: <http://www.laoziliao.net/rmrb/1978-03-07-1#499256>

¹³⁹ По итогам сессии Е Цзяньин был избран председателем Постоянного комитета ВСНП, то есть, согласно новой конституции, формально главой государства, поскольку пост председателя КНР был упразднен в годы «культурной революции», а должность премьера Госсовета, которую занимал Хуа Гофэн, являлась второй в иерархии. (Высшие партийные должности, которые в тот же период занимал Хуа Гофэн, не отосились к системе государственной власти.)

¹⁴⁰ Цит. по: Китайская Народная Республика в 1978 году. Политика, экономика, идеология. М., 1980. С. 25.

перестройка региональной системы управления¹⁴¹. Новая конституция состояла из 60 статей¹⁴² и являлась продуктом тактического компромисса между двумя фракциями в руководстве КПК. Так, идеологическая база, заложенная в преамбуле конституции, сочетала декларацию верности маоизму со стремлением проводить более тонкую, прагматичную политику во всех сферах жизни общества; в тексте отдавалось должное «культурной революции», однако в дальнейшем основное внимание уделялось «четырем модернизациям». Компромиссный характер конституции 1978 г. предопределил половинчатый характер ее положений касательно региональной системы управления.

«Органами госвласти на местах» признавались местные СНП¹⁴³. Ревкомы продолжали существовать, но теперь, согласно новой конституции, назывались «местными народными правительствами», «исполнительными органами местных СНП, государственными административными органами

---

¹⁴¹ Говоря о причинах пересмотра конституции, главный докладчик по этому вопросу Е Цзяньин сформулировал цель руководства: «внести в Основной закон некоторые положения о демократических правах народа с целью его мобилизации на осуществление генеральной задачи нового периода» (Е Цзяньин. Гуаньюй сюгай сяньфа дэ баогао = Доклад о совершенствовании конституции // Жэньминь жибао. 7 марта 1978 г.). В качестве такой задачи выдвигалось осуществление «четырех модернизаций» — программы, выдвинутой в 1975 г. премьером Госсовета Чжоу Эньлаем и предполагавшей модернизацию в сферах сельского хозяйства, промышленности, научно-технического развития и обороноспособности в срок до 2000 г. (Glossary of Political Terms of the People's Republic of China. Hong Kong, 1995). Заметим, что риторика, связанная с реформами политической и экономической системы страны (само упоминание термина «гайгэ», «реформа»), отсутствовала как на XI-м съезде КПК и сессии ВСНП, так и в конституции.

¹⁴² В конституции 1975 г. было только 30 статей, а в конституции 1954 г. — 106 статей.

¹⁴³ Конституции Китайской народной Республики 1954, 1975, 1978 и 1982 годов. С. 53.

на местах»¹⁴⁴, то есть лишались функции представительных органов власти. По своему функционалу ревкомы были уподоблены прежним народным комитетам.

Вехами во фракционной борьбе стали партийные мероприятия, проведённые в ноябре–декабре 1978 г.: рабочее совещание ЦК КПК по вопросам экономики и модернизации (10 ноября — 15 декабря) и 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (18–22 декабря 1978 г.), по итогу которых победа линии Дэн Сяопина¹⁴⁵ была фактически предрешена. Решения, принятые на них, оказали важное влияние на дальнейшее развитие региональной системы управления.

Так, на знаменитом «декабрьском пленуме» 1978 г. Дэн Сяопин решительно раскритиковал централизм, чрезмерную концентрацию полномочий у макроэкономических ведомств Центра и призвал к большей хозяйственной автономии предприятий¹⁴⁶. При подготовке своего доклада на пленуме Дэн обращался к одному из своих спичрайтеров: «Для того, чтобы развивать экономику, у нас должны быть демократические выборы, демократическое управление и демократический контроль [...] Демократия должна быть установлена законодательно»¹⁴⁷. Как считает С. Ширк, Дэн Сяопин, обещая больше демократии и свободы на местах, хотел

---

¹⁴⁴ Конституции Китайской народной Республики 1954, 1975, 1978 и 1982 годов. С. 53.

¹⁴⁵ Более корректным будет утверждать, что это был альянс деятелей, настроенных «правооппортунистически» во главе с Дэн Сяопином (как фиксировалось в одной из советских статей того периода, «лиц, выступающих за решительное отбрасывание левой оболочки маоизма, за подгонку его к задаче поиска эффективных путей экономического строительства» — см.: Фетов В.Н. Указ. соч.), и более умеренно настроенных деятелей, склонных к централизму — в дальнейшем данную линию олицетворял Чэнь Юнь.

¹⁴⁶ Цит. по: YangDali. Review: Governing China's Transition to the Market: Institutional Incentives, Politicians' Choices, and Unintended Outcomes // World Politics. 1996. № 3. P. 432.

¹⁴⁷ Цит. по: Панцов А.В. Дэн Сяопин. М., 2013. С. 376.

получить поддержку делегатов от регионов и предприятий и лишить её Хуа Гофэна, который также шёл на уступки региональным элитам¹⁴⁸.

С самокритикой пришлось выступить самому Хуа Гофэну, который фактически признал своё поражение, хотя сохранял за собой ряд руководящих постов, что означало сохранение «переходного периода» от правления Мао Цзэдуна к коллективному руководству во главе с Дэн Сяопином¹⁴⁹ вплоть до 1982 г.¹⁵⁰

Результаты политической борьбы, зафиксированные в конце 1978 г., были воплощены в нормативных актах на последовавшей через полгода 2-й сессии ВСНП 5-го созыва (18 июня — 1 июля 1979 г.). Сессия приняла ряд документов (в литературе их также называют «органические законы 1979 г.»), которые регулировали структуру, статус, функции и порядок формирования местных органов власти и управления¹⁵¹. Общая тенденция заключалась в стремлении

---

¹⁴⁸ Shirk S. *The Political Logic of Economic Reform in China*. Berkeley : University of California Press, 1993. P. 209.

¹⁴⁹ Чжу Цзяму. Указ. соч. С. 26–31.

¹⁵⁰ Хуа Гофэн, несмотря на поражение, ещё в течение нескольких лет занимал высшие посты в партии и государстве: премьер Госсовета до 10 сентября 1980 г. (преемник — Чжао Цзяян), председатель ЦК КПК до 28 июня 1981 г. (преемник — Ху Яобан), председатель Военного совета ЦК КПК — до 28 июня 1981 г. (преемник — Дэн Сяопин), заместитель председателя ЦК КПК до 12 сентября 1982 г. (пост упразднён). После XII-го съезда КПК (1982 г.) Хуа Гофэн руководящих постов больше не занимал, оставаясь рядовым членом Центрального комитета до 2002 г.

¹⁵¹ Органические законы 1979 года: Закон об организации местных собраний народных представителей и местных народных правительств, Закон об организации народных судов и Закон об организации народной прокуратуры. Соответствующими документами, принятыми 2-й сессией ВСНП 5-го созыва, являются: «Постановление о внесении некоторых изменений в конституцию КНР», Закон об организации местных собраний народных представителей и местных народных правительств и Закон о выборах во Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей. Заметим, что ранее схожий

победителей избавиться от некоторых элементов системы управления, ассоциировавшихся со временами «культурной революции», и по возможности вернуть практики 1954–1966 гг. Это было воплощено в расширении функций органов госвласти (СНП) и изменении номенклатуры органов системы управления: вместо прежних «ревкомов» создавались «народные правительства» (НП).

По «органическим законам 1979 г.» значение административного органа в системе управления регионами существенно сократилось — даже по сравнению с положением ревкомов по конституции 1978 г. Фактически впервые с начала «культурной революции» системы государственной власти (СНП) и административного управления (НП) оказались разделены между собой. Местные СНП признавались «органами госвласти на местах», а народные правительства — их «исполнительными органами» и должны были образовываться на всех ступенях, где избирались СНП (кроме «народных коммун»). Функции прежних ревкомов в новой системе сейчас выполняли постоянные комитеты собраний народных представителей (ПК СНП), перед которыми и несли ответственность местные народные правительства.

Также была скорректирована номенклатура руководителей административных органов различных ступеней. Теперь, наравне с должностью «председатель народного правительства», начали вводиться следующие должности: «губернатор»¹⁵² — для провинций, автономных районов

«пакет» органических законов не был принят после утверждения конституции 1975 г. (в силу резко изменившейся политической конъюнктуры), что ограничило её функциональное значение.

¹⁵² Термин «губернатор» в китайском языке обозначается различными терминами: «шэньчжан» (省长) для провинций, «цзюйчжан» (区长) для автономных районов, «чжоучжан» (州长) для автономных округов. Во всех случаях дословный перевод с китайского языка означает «глава региона».

и автономных округов, «мэр»¹⁵³ — для городов, единиц уездного уровня и поселков¹⁵⁴. Руководитель окружной администрации стал называться главой округа¹⁵⁵. Значение подобного «ребрендинга» велико. Властям на местах предлагалось начать свою работу «с чистого листа», в соответствии с духом решений 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва. И даже Хуа Гофэн на 2-й сессии ВСНП 5-го созыва предложил расширить систему выборов и аттестации чиновников, чтобы обеспечить их превращение в «слуг общества»¹⁵⁶.

Перестройка всего местного госаппарата в соответствии с новыми нормативными положениями началась уже во второй половине 1979 г. Параллельно с этим, согласно указаниям 4-го и, прежде всего, 5-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, в соответствии с курсом на переоценку партийной истории и тенденцией по вытеснению из органов власти и управления лиц, связанных с линией Хуа Гофэна, на местах продолжалась работа по реабилитации «старых кадров» и кадровому обновлению¹⁵⁷. Дэн Сяопин открыто критиковал

---

¹⁵³ Понятие «мэр» в китайском языке обозначается различными терминами: «шичжан» (市长) для городов, «сяньчжан» (县长) для уездов. Дословный перевод означает «глава населенного пункта».

¹⁵⁴ В переводах на русский язык должности руководителя уездного народного правительства нет единообразия. Наравне с вариантом «мэр уезда» допускается также «начальник уезда» и «глава уезда». Аналогичная проблема существует с волостями.

¹⁵⁵ Глава округа (глава окружной администрации) — «синчжэн шоучжан» 行政首长 (дословно «административный глава»).

¹⁵⁶ Хуа цзунли цзай у цзе жэньда эр цы хуй шан тичу туйгуан сюаньцзэ каохэ чжиду баочжэн ганьбу чэньвэй «шэхуй гунпу» = Премьер Хуа на 2-й сессии ВСНП 5-го созыва предложил расширить систему выборов и аттестации чиновников, чтобы обеспечить их превращение в «слуг общества» // Жэньминь жибао. 21 июня 1979 г. URL: <http://www.laoziliao.net/rmrb/1979-06-21-1#518123>

¹⁵⁷ Фетов В.Н. К итогам пленума ЦК КПК // Проблемы Дальнего Востока. 1980. № 2. С. 69–82; Егоров К.А. Политика реабилитации кадровых работников и некоторые аспекты политической борьбы в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 1981. № 4. С. 104–114.

качество партийных кадров, заявлял, что «штаты раздуты», имеет место бюрократизм («решение вопросов оттягивается, дни проходят в собраниях и митингах»), для решения задачи модернизации партии не хватает компетентных кадров¹⁵⁸. Кадровая реорганизация означала окончательное преодоление засилья в руководстве на местах «выдвиженцев культурной революции» с их специфическими подходами к управлению, стилем поведения и бюрократической субкультурой.

Завершение к 1982 г. начального периода реформ в результате победы прагматично и умеренно реформаторски настроенных деятелей¹⁵⁹ над выдвиженцами «культурной революции» знаменовало собой начало принципиально новой эпохи в истории КПК, о чем и заявил Дэн Сяопин в ходе

---

¹⁵⁸ Дэн Сяопин о кадровой реформе (16 января 1980 года — совещание кадровых работников) / пер. с кит. // Проблемы Дальнего Востока. 1980. № 3. С. 190.

¹⁵⁹ Представители этого условного альянса деятелей, настроенных правооппортунистически и более центристски, к 1982 г. занимали высшие посты в партии и государстве. Так, Постоянный комитет ЦК КПК 12-го созыва включал в себя настроенных более либерально Ху Яобана (одновременно генсек ЦК КПК) и Чжао Цзыяна (премьер Госсовета) и центристов Чэнь Юня (первый секретарь Центральной комиссии КПК по дисциплине), Е Цзяньина (председатель ПК ВСНП), Ли Сяньбяня (с июня 1983 г. занимал восстановленный пост председателя КНР), а также Дэн Сяопина (официально возглавлял Центральный военный совет и Центральную комиссию советников КПК), занимавшего компромиссную позицию между различными течениями. Уже с начала 1980-х гг., то есть с момента ликвидации группировки Хуа Гофэна, между центристами (далее в тексте они также называются «консерваторами») и «реформаторами» начали нарастать политические противоречия, усугубляемые личной неприязнью. Так, существовал личный конфликт между Дэном и Ли Сяньбянем (Панцов А.В. Указ. соч. С. 362), постепенно ухудшились отношения между Дэном и его бывшими союзниками Чэнь Юнем и Е Цзяньином (Там же. С. 419). Представители старшего поколения в свою очередь негативно относились к Ху Яобану, в том числе из-за его импульсивности и высокомерия. Однако и Чжао Цзыян неоднократно упоминал о трудностях работы с генсеком и имеющихся разногласиях (Там же. С. 426).

ХII-го съезда Коммунистической партии Китая (1–11 сентября 1982 г.). На этом съезде руководством партии подводились итоги всех шести лет (с сентября 1976 г.), прошедших с момента смерти Мао Цзэдуна¹⁶⁰. Эти итоги были умеренно-позитивными: как в политической сфере, так и в экономике, где в результате распространения ряда успешных локальных экспериментов удалось улучшить уровень жизни части населения, подарить ему надежду на будущее.

В объемном отчетном докладе Ху Яобана на ХII-м съезде задачи в плане устройства управления на местах лишь вскользь упоминались в 4-м разделе речи¹⁶¹. Отчасти это объясняется тем, что основные институциональные элементы системы управления на местах к 1982 г. уже сложились в результате корректировки маоистских практик. Успешные примеры экономических преобразований на местах, инициированные руководством отдельных провинций (Аньхой, Сычуань, Гуандун)¹⁶², показывали, что и без дополнительных институциональных изменений, на основе той модели центр-региональных отношений, которая досталась в наследство от «культурной революции», достижение задач ускоренного социально-экономического развития вполне возможно. Важнее было не введение принципиально новых

---

¹⁶⁰ Тезис о «шести годах» содержался как во вступительном докладе Дэн Сяопина, так и в отчетном докладе председателя ЦК КПК (с июня 1981 г.) Ху Яобана и в заключительной речи Ли Сяньняня, занимавшего упраздненный съездом пост вице-председателя ЦК КПК.

¹⁶¹ Ху Яобан. Указ. соч.

¹⁶² У Сян. Вань Ли юй «дабаогань»...; У Сян. Ху Яобан юй Вань Ли... Хуайнянь Жэнь Чжунъи...; Лю Вэньяо. Вэйда дэ чуаньцао: лянчань чэнбао юй саньшэ цзяньсян — 1977–1984 нянь Сычуань нунцунь гайгэ дэ гуйгу юй сыкао = Великие инновации: совместный подряд и упразднение коммун, создание волостей — воспоминания и размышления о сельскохозяйственных реформах в провинции Сычуань в 1977–1984 гг. URL: <http://rhh.reformdata.org/index.html#/article/71E09B16E21F7B6919BBFC43F6A5B2F0>

элементов системы власти и управления на местах, а закрепление сложившихся в 1978–1982 гг. практик. Для этого следовало принять новую конституцию¹⁶³.

Данная задача была выполнена уже к концу календарного года 5-й сессией ВСНП 5-го созыва (декабрь 1982 г.). В результате законотворческой деятельности сессии правовыми актами, регулирующими компетенцию, порядок и формы деятельности местных органов власти и управления, стали новая конституция (принята 04.12.1982) и ряд «органических законов»¹⁶⁴. Если для низовых уровней административно-территориального деления изменения, внесённые этими правовыми актами, были существенны, то для провинциального уровня они были непринципиальны, хотя и более подробно расписывали функционал местных СНП и народных правительств¹⁶⁵.

---

¹⁶³ Пэн Чжэнь. Гуаньюй Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа сюгай цаоань дэ баогао = Доклад о проекте пересмотра конституции Китайской Народной Республики // Жэньминь жибао. 6 декабря 1982 г. URL: <http://www.laoziliao.net/rmrb/1982-12-06-1#612585>

¹⁶⁴ Органические законы 1982 г.: Закон о выборах в ВСНП и местные собрания народных представителей (принят 10.12.1982), а также Закон КНР об организации местных собраний народных представителей и местных народных правительств (принят 10.12.1982), являвшиеся видоизменёнными в соответствии с новой конституцией законами 1979 г. Фактически были приняты не сами законы, а постановление ВСНП «О некоторых установлениях относительно усовершенствования...», что позволяет рассматривать акт 1982 г., а также 1986, 1995 и 2004 гг. как различные редакции одного и того же закона.

¹⁶⁵ Основные нововведения касались организации власти в низовом звене. Новая конституция упраздняла «народные коммуны». Коммуны провозглашались лишь одной из организационных форм коллективного хозяйства (наравне, например, с кооперативами). На их месте восстанавливался волостной уровень административно-территориального устройства, на котором должны были создаваться местные органы госвласти и народные правительства. Восстанавливались также «органы местного самоуправления» — в соответствии с китайской терминологией, «органы системы низовой демократии» (цициэн миньчжу чжиду), которые

Сравнительный анализ положений правовых актов 1975–1982 гг. в отношении системы региональных органов власти и управления провинциального уровня, представленный в Приложении, показывает, что основной тенденцией явилось расширение функций органов госвласти (СНП) на фоне трансформации органов управления (ревкомы, народные правительства) и потери ими функций политической власти.

Таким образом, принятие конституции 1982 г. и соответствующих «органических законов» завершило процесс институционального оформления новой региональной системы управления. Её формирование изначально происходило под эгидой «восстановления» норм конституции и «органических законов» 1954 г. Однако в ходе пересмотра и совершенствования соответствующего законодательства эти нормы были подвержены ряду корректировок. Причем как формальных (например, органы территориального управления стали называться не «народные комитеты», а «народные правительства»), так и качественных: значительно расширился круг полномочий местных органов власти, были предприняты меры по разделению функций партийного и административного аппаратов, декларировалось более либеральное выборное законодательство.

Система управления регионами на первом этапе реформ оставалась децентрализованной, в чём можно усмотреть

создавались на де-факто существующем, но не закреплённом в конституции уровне деревень и городских районов. В Китае только на этом уровне осуществляется самоуправление в виде комитетов городских и сельских жителей, избираемыми непосредственно местным населением, схожее с муниципальным в западных странах, однако не избираются собрания народных представителей и соответственно не формируются народные правительства (Лай Хайжун. Чжунго нунцунь чжэнчжи тичжи гайгэ = Реформа политической системы села в КНР. Пекин, 2009. С. 80–103).

несомненное влияние «культурной революции» и политических установок Мао Цзэдуна, а также стремление нового руководства Китая (как Хуа Гофэна, так и Дэн Сяопина) получить поддержку регионов в обмен на обещания их большей самостоятельности. Освободившись от идеологического прессинга со стороны Центра и имея соответствующие полномочия, ряд регионов начал инициативно осуществлять экономические эксперименты с целью восстановления хозяйства. Впрочем, в течение всего пятилетнего цикла в большей части регионов (за исключением Гуандуна, Аньхоя и Сычуаня, где в руководстве находились деятельные сторонники преобразований) наблюдалась выжидательная позиция местных элит касательно реформ¹⁶⁶. Этому способствовала как осторожность, вызванная непредсказуемостью смены политического курса в прошлом, так и непонимание содержания будущих реформ, которые пока и в самом Пекине всё ещё виделись не вполне чётко.

3.2. Проблема политической реформы в КНР: 1982–1989 гг.

На XII-м съезде КПК (сентябрь 1982 г.) Дэн Сяопин отметил, что «теперь партия намного углубила свое познание закономерностей социалистического строительства и стала гораздо более осознанно и твердо проводить в жизнь правильные политические установки»¹⁶⁷. В качестве таковой «правильной установки» на съезде провозглашалась программа «социалистической модернизации, исходя

---

¹⁶⁶ См., например: Чжэнцэ хао, хай дэй лоши хао = Политика хорошая, но её нужно ещё реализовать // Жэньминь жибао. 3 июля 1979 г. URL: <http://www.laoziliao.net/rmrb/1979-07-03-4#518649>

¹⁶⁷ XII-й Всекитайский съезд... С. 3.

из реальной действительности Китая»¹⁶⁸, — то есть «построение социализма с китайской спецификой»¹⁶⁹. Экономическое строительство называлось «залогом решения внешних и внутренних проблем страны»¹⁷⁰. Именно для его обеспечения в срок до конца текущего века (т.е. до конца 1990-х гг.) намечалась перестройка руководящего аппарата и реформа системы хозяйственного управления¹⁷¹. Одновременно с этим ставилась задача «революционизирования и омоложения армии кадров и вооружения ее общими и специальными знаниями»¹⁷², находившаяся в створе всё той же задачи по качественному совершенствованию бюрократии, поставленной несколькими годами ранее.

Так была запущена дискуссия о возможности, направлениях и глубине политической реформы. Её инициатором стал Дэн Сяопин, заявивший в 1980 г., что «единое руководство партии нередко превращалось в единоличное руководство. Это, с одной стороны, ведёт к чрезмерной загруженности и, таким образом, порождает бюрократизм, а с другой — ведёт к нарушению демократической жизни, коллективного руководства, демократического централизма, системы персональной ответственности, открывает лазейку самоуправству отдельных лиц»¹⁷³. Впоследствии он декларировал необходимость разграничить полномочия между Центром и регионами, между партийными, административными, хозяйственными и общественными организациями,

---

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же. С. 4.

¹⁷⁰ Там же. С. 5.

¹⁷¹ Гуаньюй шиэр цзе чжуньян вэйюаньюй баогао дэ цзюэи = Решение в отношении доклада ЦК КПК 12-го созыва. URL: <http://rhb.reformdata.org/#/article/5F13C5636DE33B882A9ED872A2985DFF>

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Дэн Сяопин. Дан хэ гоцзя линдао чжиду дэ гайгэ = Реформа системы руководства в партии и государстве. URL: <http://rhb.reformdata.org/index.html#/article/2E9F978B222A956BA6BDF427EFBD9AB3>

а касательно руководящих кадров заявлял о «нецелесообразности занимать много должностей и иметь большое число заместителей», равно как и о необходимости решить вопрос «преемственности руководства»¹⁷⁴.

Однако в целом ни в начале 1980-х, ни позже среди китайских руководителей не существовало компромисса относительно того, какой именно должна быть политическая реформа. В рамках этой дискуссии рассматривался как радикальный вариант разделения партийного и административного аппарата, так и более консервативные схемы реорганизации аппарата управления без смены его партократического характера. Учитывая значимость данных трансформаций для региональной системы управления, позволим себе отдельно сконцентрироваться на вопросе политической реформы. Перспективы этой реформы оказались в прямой зависимости от политической борьбы в самой КПК.

В целом в 1982 г. положение в стране ещё не позволяло ставить вопрос о радикальной политической реформе, поэтому на данный момент под «реформой» понималась кампания по оптимизации органов управления, как в Центре, так и на местах. Руководством страны данная кампания виделась решающим боем по исправлению проблем управления, доставшихся в наследство от эпохи Мао: прежде всего, чрезмерной бюрократизации и раздутости штатов¹⁷⁵, однако, забегаая вперёд, отметим, что аналогичные кампании впоследствии проводились после каждого созыва нового ВСНП, т.е. в начале каждого пятилетнего цикла.

---

¹⁷⁴ Дэн Сяопин. Дан цзай цзучжи чжаньсянь хэ сысян чжаньсянь шан дэ поце жэньу = Актуальные задачи партии на организационном и идеологическом фронте. rhb.reformdata.org/index.html#/article/D757719ED7C2B66DD17DCEE2A3CB29F4

¹⁷⁵ Ху Яобан. Сыхуа цзяньшэ хэ гайгэ вэньти = Строительство четырёх модернизаций и вопросы реформы. URL: <http://rhb.reformdata.org/#/article/80D92B3B368729C937E7A329F19A5EB7>

Как же проходила эта кампания? В декабре 1982 г. ЦК КПК и Госсовет КНР опубликовали совместное «Уведомление в отношении реформы партийно-государственных органов в провинциях, городах, районах национальной автономии», которое определяло приоритетные задачи по оптимизации системы управления на местах¹⁷⁶. В число этих задач вошли: сокращение и переподготовка руководящих кадров, сокращение числа учреждений, усовершенствование штатных расписаний и регламентов номенклатурных работников, подчинение уездов вышестоящим структурам¹⁷⁷. Подчеркнём, что выполнение данных задач декларировалось как способ достижения целей, связанных с экономическим развитием.

В провинции Хэйлунцзян в результате этой «первой кампании оптимизации» число подразделений народного правительства было сокращено с 83 до 41, а численность штата — с 7 тысяч до 3551 человека — то есть сокращение по обоим параметрам было произведено в два раза¹⁷⁸ (см. также Приложение). По стране в целом количество структур и численность штата региональных администраций провинциального и окружного уровня к 1984–1985 гг. сократились на 35–50%, а средний возраст их руководителей уменьшился примерно на 10 лет (с 60 до 50 лет)¹⁷⁹.

---

¹⁷⁶ 28 июня 1982 г. Центральный комитет КПК издал «Постановление об итогах первого этапа реформы центральных партийно-государственных органов и задачах очередного этапа реформы», в котором местным партийным комитетам предлагалось выработать предложения по реформированию региональных партийно-государственных органов. В феврале 1983 г. вышло аналогичное постановление касательно окружного уровня.

¹⁷⁷ Шиар да илай чжуньяо вэньсянь сюаньбянь = Сборник избранных важных документов с момента проведения 12-го съезда Коммунистической партии Китая / под ред. Центра изучения документов ЦК КПК. Пекин, 1988. С. 98.

¹⁷⁸ Хэйлунцзян шэчжи, чжэньцзюаньчжи... С. 230–251.

¹⁷⁹ Кокарев К.А. Указ. соч. С. 87.

Успех экономических экспериментов к середине 1980-х гг., а также стремление разрешить назревшие противоречия между Центром и регионами, парткоммами и дирекциями, привёл к активизации сторонников дальнейших систематических реформ, включающих будущую приватизацию госсобственности, одномоментную либерализацию цен и «реформу партийного руководства и идеологии»¹⁸⁰. Компромисс между «прагматиками», достигнутый в ходе разгрома линии Хуа Гофэна, оказался недолговечным и сменился противоборством сторонников более радикальных и более умеренных (по сути — возвращения к практикам плановой экономики образца начала 1950-х и 1960-х гг.) реформ: «реформаторов» и «консерваторов»¹⁸¹.

---

¹⁸⁰ Чэнь Ицзы. Указ. соч. С. 65.

¹⁸¹ Среди лидеров КПК к первой группе условно относились Ху Яобан (генеральный секретарь ЦК КПК с 1980 г., первое лицо в партии с июня 1981 г.), Чжао Цзяян (премьер Госсовета с 1980 г.), Вань Ли (вице-премьер Госсовета с 1983 г.), Ху Цили (с 1982 г. начальник канцелярии ЦК КПК). Ко второй группе относились такие авторитетные ветераны партии, как Чэнь Юнь, Ли Сяньнянь, Е Цзяньин (все являлись членами Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК 12-го созыва), Ян Шанкунь, Ван Чжэнь, Пэн Чжэнь (члены Политбюро). Дэн Сяопин, как и прежде, занимал межфракционное положение, которое позволяло ему влиять и на тех, и на тех. С точки зрения занимаемых должностей, помимо членства в Постоянном комитете Политбюро и председательства в партийном и государственном Центральном военном совете («две вывески — одна структура»), в 1982 г. он добавил председательство в созданной Центральной комиссии советников КПК, куда входили партийцы возрастом выше 70 лет и партийным стажем более 40 лет. По мысли Дэна, эта структура, с одной стороны, должна была уравнивать активность более молодых реформаторов, с другой стороны, позволяла подготовить к почётной пенсии «старые кадры», которые были нужны в период противоборства с выдвинутыми «культурной революции», но не могли обеспечить экономические реформы нового типа.

Кроме того, часть элиты, даже не будучи связанной с «культурной революцией», негативно относились к реформам в принципе, видя в них угрозу буржуазного ревизионизма (Zhao Ziyang. Op. cit. P. 201–202). Среди них стоит отметить заведующего отделом пропаганды ЦК КПК

Нарастающее влияние «реформаторов» воплотилось в известном «Решении ЦК КПК о реформе экономической системы» от 20 октября 1984 г., которое было принято на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва и знаменовало переход от локальных экспериментов к экономическим реформам в общенациональном масштабе. В центре внимания находился, прежде всего, госсектор¹⁸². При этом главной задачей системы управления на всех уровнях было обеспечивать его модернизацию. В качестве основного метода «реформаторами» предлагалось широкое использование арендно-подрядной системы, хорошо себя зарекомендовавшей в период 1977–1983 гг.¹⁸³ Исходя из этого, ключевым вопросом системы административного управления виделось распределение функций между парткомом и дирекцией на производстве¹⁸⁴.

Дэн Лицзюнь и бывшего секретаря Мао Цзэдуна — Ху Цяому. Из тактических соображений в середине 1980-х гг. они сблизились с умеренными реформаторами.

Примечательно также, что, несмотря на укоренившийся образ реформаторов как более молодых деятелей, они были не так уж молоды. В 1983 г. Ху Яобану было 68 лет (по стандартам 1990–2000-х гг. возраст, при котором руководители уже не получают новых постов и уходят на пенсию, т.н. правило «ци шан ба ся»), Вань Ли — 67 лет, Си Чжунсюню — 70 лет, Чжао Цзыяну — 64 года. Разница с поколением Дэн Сяопина (79 лет) и Чэнь Юня (78 лет) составляла порядка десяти лет. Впрочем, принадлежность к поколению не следует считать признаком определённых политических взглядов, так как, например, среди уроженцев 1920-х гг. рождения был и условный консерватор Ли Пэн, и условный либерал Ху Цили (в 1983 г. 55 и 54 года соответственно).

¹⁸² Се Мингань. «Гуаньюй цзинци тичжи гайгэ дэ цзюэдин» даншэн цяньхоу = До и после принятия «Решения о реформе экономической системы». URL: <http://rhb.reformdata.org/#/article/D87CA511E2A8593C8039EF732F5BFFED>

¹⁸³ К 1987 г. 80% государственных предприятий осуществили переход на различные формы бригадной ответственности, а к концу 1988 г. — 85% (Романюк В.Я. Указ. соч. С. 36). Система подрядов использовалась даже при заключении контрактов между местными правительствами и директорами предприятий (Там же. С. 54).

¹⁸⁴ Бо Ибо. Цзяньдибуи дэ цюаньянь туйсин чанчжан фуцзэчжи = Непреклонно и всесторонне проводить в жизнь систему ответственности

Так партийная элита впервые вплотную подошла к вопросу, который в будущем стал основным ядром т.н. «политической реформы» — *разделять или не разделять партийный и административный аппарат.*

3-й пленум ЦК КПК 12-го созыва декларировал довольно либеральный подход к деятельности предприятий, в соответствии с которым следовало осуществить разделение правительственных и хозяйственных функций на предприятиях; полномочия последних должны были расшириться при сокращении директивного влияния со стороны партийных и административных структур. Меры, озвученные в постановлении ЦК КПК, были проникнуты духом «отделения» государства от экономики, а партии, в свою очередь, от государства, что позволяло части руководства ставить вопрос об увязке дальнейшего развития экономической реформы с необходимостью проведения и политической реформы¹⁸⁵.

В июне 1986 г., признав, что поднятый несколько лет назад вопрос о политических реформах так и не был конкретизирован, Дэн потребовал включить его в повестку дня: «Стало ясно, что без проведения реформы политической структуры нельзя идти в ногу с развитием нашей обстановки. [...] В противном случае при нашем громоздком, разбухшем аппарате, бюрократизме, волоките [...] неизбежно возникнет торможение, которое застопорит реформу хозяйственной системы»¹⁸⁶; «Реформа политической структуры должна входить в круг наших реформ. Следует сократить и упростить управленческий аппарат, на деле передавать

директора. URL: rhb.reformdata.org/#/article/1A3C31F4AAD8845D25E421C69B07610D (дата обращения: 10.02.2020); Романюк В.Я. Красные иероглифы. М., 1989. С. 36.

¹⁸⁵ Гао Шанцюань. Указ. соч.

¹⁸⁶ Дэн Сяопин. Чжэнчжи тичжи гайгэ яо ю и гэ ланьту = Политическая реформа должна иметь план. URL: <http://rhb.reformdata.org/#/article/46F76A4BDA9A9579EAB38A8F6EABCD1>

права низам»¹⁸⁷; «Я предлагаю товарищам из секретариата обдумать вопрос перестройки политической структуры»¹⁸⁸. Программа этой реформы должна была войти в постановление ЦК КПК «О руководящих установках в области строительства социалистической духовной цивилизации», принятие которого было намечено на 6-й пленум ЦК КПК в сентябре 1986 г.¹⁸⁹ Курировать эту работу должен был Ху Яобан, с конца 1970-х гг. зарекомендовавший себя как ведущий теоретик КПК¹⁹⁰.

Однако, по образному выражению А.В. Панцова, «донкихотствующий генсек продолжал лезть на рожон»¹⁹¹ и обострять конфликт со «старой гвардией», включая и Дэн Сяопина¹⁹². Выработка содержания политической реформы

---

¹⁸⁷ Дэн Сяопин. О строительстве специфически китайского социализма / пер. с кит. Пекин, 1987. С. 176.

¹⁸⁸ Там же. С. 180.

¹⁸⁹ Панцов А.В. Указ. соч. С. 441.

¹⁹⁰ Для Ху Яобана поручение подготовить проект политической реформы было своего рода последним шансом вернуть доверие Дэн Сяопина, так как в 1983–1985 гг. Ху постепенно перестал устраивать Дэна на посту главы партии, поскольку, по мнению многих, придерживался идеологической позиции, противоречащей «четырёх базовым принципам» — то есть слишком либеральной позиции (Панцов А.В. Указ. соч. С. 438).

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² В гонконгских СМИ прошла информация, что Ху Яобан предлагал Дэн Сяопину и Чэнь Юню уйти в отставку со своих постов (Карпов М.В. Указ. соч. С. 73). В мемуарах Чжао Цзыяна приводится эпизод в 1986 г., когда редактор гонконгского журнала «Байсин» Лу Кэн брал интервью у Ху Яобана и задал тому прямой вопрос, почему Ху не сменил Дэн Сяопина на посту председателя Центрального военного совета. Якобы, Ху Яобан вместо того, чтобы осадить зарвавшегося журналиста, в шуточной манере ответил, что Дэн пока ещё лучше, чем он или Чжао справляется с этой работой. По сведениям Чжао Цзыяна, Дэн Сяопин был крайне разозлён этим диалогом. По данным А.В. Панцова, Дэн планировал убрать Ху Яобана с поста генсека на предстоящем съезде партии, причём рассматривался даже вариант его досрочного проведения (Панцов А.В. Указ. соч. С. 439).

с подачи Ху Яобана и его сторонников (прежде всего, Ху Цили) стала сопровождаться общественной дискуссией в СМИ. Ху Яобан продвигал более либеральное понимание реформы: вместо исключительно экономического прагматизма (ограничение диктата парткомов на производстве, ослабление директивного управления экономикой) — либерализация самого политического процесса (реформирование партии, партийно-государственных отношений, дальнейшее движение в сторону децентрализации)¹⁹³.

Студенческие протесты осени 1985 г. (Пекин, Сиань, Чэнду), участники которых были недовольны побочными эффектами «половинчатых» экономических реформ, прежде всего инфляцией и коррупцией¹⁹⁴, представлялись «реформаторам» свидетельством готовности общества к более глубоким политическим реформам. Между тем большинство выходцев из «старых кадров» в высшем руководстве были настроены более осторожно. «Консерваторы», выступавшие за более планомерное, с возможностью отступлений развитие любых преобразований, политическую реформу понимали исключительно как *кампанию по оптимизации системы управления на различных уровнях при сохранении строгого партийного контроля*, как это уже было ранее. Взаимоотношения между двумя течениями в КПК всё более поляризовались.

Ключевое значение имело мнение Дэн Сяопина, который, как и ранее Мао Цзэдун, предпочитал сохранять положение «над схваткой». Сам Дэн вопрос о политической

---

¹⁹³ Карпов М.В. Указ. соч. С. 66.

¹⁹⁴ Предвестником будущих массовых студенческих выступлений 1986 и 1989 гг. можно считать «Прокламацию 16 сентября» (1985 г.), подготовленную в Пекинском университете, в которой утверждалось: «Мы видим безрезультатность упорядочения партии, бюрократизм ганьбу, которым не хватает любви и сочувствия к собственному народу» (Цит. по: Там же. С. 49).

реформе рассматривал в контексте экономической целесообразности¹⁹⁵ и, по мнению М.В. Карпова, схожей позиции на момент 1986 г. придерживался Чжао Цзыян¹⁹⁶. В результате на 6-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва (сентябрь 1986 г.) Дэн поддержал консерваторов¹⁹⁷. Текст итогового постановления провозглашал, прежде всего, необходимость «борьбы с буржуазной либерализацией»¹⁹⁸, а политическая реформа рассматривалась исключительно как борьба с забюрократизированностью и раздутием штатов¹⁹⁹, что резко диссонировало с либеральным характером дискуссий в СМИ в течение 1986 г.²⁰⁰

Консервативная реакция привела к недовольству в студенческой среде²⁰¹. В октябре–декабре 1986 г. волнения

---

¹⁹⁵ Панцов А.В. Указ. соч. С. 441.

¹⁹⁶ Карпов М.В. Указ. соч. С. 71.

¹⁹⁷ Дэн Сяопин заявил (1986 г.): «О необходимости борьбы с буржуазной либерализацией я говорил больше всех и настаивал на этом упорнее других. Почему? Во-первых, среди масс, среди молодежи наблюдается идейное течение либерализации. Во-вторых, подливают масла в огонь идущие из Сянган и Тайвань разные толки... Фактически либерализация имеет целью направить нынешнюю политику Китая на капиталистический путь... Либерализация есть только буржуазная, нет никакой пролетарской, социалистической либерализации» (Цит. по: Там же. С. 442).

¹⁹⁸ Также в рамках данного пятилетнего цикла в 1983–1984 гг. проводились другие политические кампании консервативного толка: по борьбе с духовным загрязнением и упорядочению партии.

¹⁹⁹ Чжунгун чжунъян гуаньюй шэхуйчжуи цзиншэнь вэньмин цзяньшэ чжидао фанчжэнь дэ цзюэи, 1986.09.28 = Решение ЦК КПК о руководящих установках в области строительства социалистической духовной культуры, 28 сентября 1986 г. URL: <http://rhb.reformdata.org/#/article/09B69ADCD7CBAE914C6204984097D2DA>

²⁰⁰ Карпов М.В. Указ. соч. С. 71.

²⁰¹ Следует учитывать международный контекст. Китайская молодёжь на рубеже 1986–1987 гг. находилась под впечатлением от успехов молодёжных продемократических движений в Южной Корее и на Филиппинах, либеральных реформ на Тайване, где была признана оппозиционная Демократическая прогрессивная партия, а также начала перестройки в СССР (см.: Артемьева О.С. Указ. соч.).

повторились в трёх основных пекинских вузах, расположенных по соседству друг от друга на северо-западе столицы (Пекинский университет, Цинхуа, Народный университет). Состоялось свыше 20 митингов и семинаров по проблемам демократизации и политической реформы²⁰². Аналогичные мероприятия проходили в Шанхае, Ханчжоу, Хэфэе и других городах КНР.

Власти отреагировали незамедлительно и жёстко. Манифестации были запрещены, Дэн Сяопин обвинил местное руководство в том, что оно не заняло «твёрдой позиции» и не вело «решительной борьбы против буржуазной либерализации»²⁰³. 4 января 1987 г. на заседании Политбюро ЦК КПК в атмосфере консервативного подъёма ответственность за случившееся была возложена на Ху Яобана²⁰⁴.

На роль нового генсека ЦК КПК всерьёз претендовал Дэн Лицунь, олицетворявший консервативные настроения в верхушке партии и пользовавшийся поддержкой Чэнь Юня, Ли Сяньняня, Ван Чжэня и Ху Цяому²⁰⁵. Однако, очевидно, его избрание пугало Дэн Сяопина, который опасался консервативных контрреформ и потери рычагов влияния в создаваемой им системе «коллективного руководства». В результате,

---

²⁰² Усов В.Н. История КНР. С. 513.

²⁰³ Цичжи сяньмин дэ фаньдуй цзычань цзецзи цзыюухуа = Занимая чёткую позицию, выступить против буржуазной либерализации // Жэньминь жибао. 6 января 1987 г. URL: <http://www.laoziliao.net/rmr/1987-01-06-1#749549>

²⁰⁴ В результате Ху Яобан был вынужден выступить с самокритикой и попросил освободить его от занимаемой должности. В дальнейшем он оставался членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК вплоть до своей смерти 15 апреля 1989 г. Его смерть послужила поводом для начала стихийных собраний молодежи возле Памятника народным героям на площади Тяньаньмэнь.

²⁰⁵ У Вэй. Шисаньда цянь, Чжао Цзыян юй «цзо» доучжи доуюн = Перед 13-м съездом: борьба Чжао Цзыяна с «левыми» // Нью-Юэ шибао, чжунвэньван. URL: <https://cn.nytimes.com/china/20140728/cc28wuwei22/>

несмотря на данные о том, что Чжао Цзыян неоднократно просил оставить его во главе Госсовета²⁰⁶ и не хотел занимать пост генсека²⁰⁷, по инициативе Дэн Сяопина, партию возглавил именно он. Новый состав Постоянного комитета ЦК КПК был сформирован таким образом, что Чжао Цзыян не имел в нём большинства и фактически не мог ничего сделать без одобрения Дэн Сяопина. Руководить экономикой поставили консерватора — Ли Пэна, который, однако, в 1987 г. был слишком молод, чтобы претендовать на пост генсека (к тому же его недолго любил Дэн Сяопин, считавший Ли Пэна излишне «просоветским»²⁰⁸). Понимание политической реформы, как и хотел Дэн, формально снова было сведено к экономической целесообразности. При этом и Дэн, и Чжао старались «держаться центра», избегая колебаний как «вправо» (курс Ху Яобана), так и «влево» (возможная консервативная реакция на протесты осени 1986 г.)

Усилившееся влияние консерваторов в течение 1987 г., по мнению Дэн Сяопина, нужно было уравновесить «движением вправо». И 16 февраля 1987 г. передовица «Жэньминь жибао» опубликовала речь Дэна образца 25-летней давности, что было воспринято номенклатурой как сигнал «старым кадрам» не заходить далеко в своей реакционной политике²⁰⁹. В схожем ключе было выдержано выступление Чжао

---

²⁰⁶ В своих воспоминаниях Чэнь Ицзы утверждал: «Чжао Цзыян семь раз просил Дэн Сяопина утвердить его не генсеком, а премьером, но Дэн не согласился» (Чэнь Ицзы. Указ. соч. С. 65) — в результате Госсовет возглавил сторонник плановой экономики Ли Пэн (с ноября 1987 г.), которого консерваторы в руководстве КПК Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь знали с детства. По данным А.В. Панцова, решение о том, что Ху Яобана во главе ЦК КПК сменил Чжао Цзыян, Дэн Сяопин принял ещё на 6-м пленуме ЦК КПК в сентябре 1986 г. (Панцов А.В. Указ. соч. С. 442).

²⁰⁷ Zhao Ziyang. Op. cit. P. 30.

²⁰⁸ Панцов А.В. Указ. соч. С. 453.

²⁰⁹ Дэн Сяопин. Цзай кода дэ чжуньян гуңцзо хуй ишан дэ цзянхуа (1962 нянь 2 юэ 6 жи) = Речь от 2 февраля 1962 г. на расширенном

Цзяня на 5-й сессии ВСНП 6-го созыва в марте 1987 г., где новый генсек предупредил о недопустимости «под предлогом борьбы против буржуазной либерализации глушить демократию, зажимать справедливую критику недочетов и ошибок в практической работе и мстить за нее»²¹⁰. На той же сессии говорилось о необходимости совершенствовать существующие институты политической системы: повышать роль системы собраний народных представителей. Ставился вопрос о качественных изменениях характера избрания депутатов СНП и ВСНП. Раздавались призывы отрешиться от практики подбора кандидатов по определенной сверху разверстке²¹¹. В конечном итоге «крен влево» преодолеть удалось, но противоречия между «консерваторами» и «реформаторами» не только не исчезли, но и обострились всё больше.

Эти противоречия были вызваны не только различными взглядами на будущее Китая, но и различными оценками того, как реагировать на вскрывшиеся в ходе реформ 1984–1986 гг. факторы, тормозящие преобразования, и побочные эффекты. К 1987 г. стало очевидно, что инфляция, коррупция, неэффективность государственных инвестиций являются следствием не только либерализации экономики, но и противоречивости реформ в прежней управленческой рамке.

Как отметил М.В. Карпов, «оказалось, что децентрализация управления экономикой сама по себе не означает уменьшения командно-административного вмешательства в хозяйственную деятельность, которое в новых условиях осуществляют местные партийно-государственные

заседании ЦК КПК // Жэньминь жибао. 16 февраля 1987 г. URL: <http://www.laoziliao.net/rmrb/1987-02-16-1#753519>

²¹⁰ Шиар да илай чжунъяо вэньсянь сюаньбянь... С. 116.

²¹¹ Там же. С. 117.

структуры»²¹² (подробнее о децентрализации в 1980-х гг. см. ниже). Одной из главных причин «перегрева экономики» явилось самоуправство местных властей, не считающихся с планами Центра, самостоятельно устанавливающих цели развития в своих регионах и обеспечивающих собственные финансовые потребности за счет лоббистски проводимого увеличения кредитной эмиссии²¹³. Как отмечал В.Г. Гельбрас, «вне зависимости от фактического состояния экономики у государства всегда находятся деньги для финансирования правительственных монополий»²¹⁴.

«Реформаторы» также понимали, что большая часть намеченных экономических преобразований в 1984–1986 гг. попросту не была реализована по причине забюрократизованности системы управления и где-то скрытого, где-то явного противодействия реформе со стороны чересчур осторожных чиновников²¹⁵. Так, несмотря на решения 1984–1985 гг. предприятия так и не получили реальной экономической самостоятельности²¹⁶. 90–95% объема продукции, выпускаемой крупными и средними предприятиями, по-прежнему устанавливалось сверху²¹⁷. Фактически проведение преобразований в госсекторе свелось к созданию большого числа т.н. «госкомпаний», под вывеской которых бюрократы от экономики продолжали прежнюю деятельность, заключающуюся в опеке производителей и перераспределению средств в пользу убыточных производств

---

²¹² Карпов М.В. Указ. соч. С. 77.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Гельбрас В.Г. Экономическая реформа в КНР: очерки, наблюдения, размышления. М., 1990. С. 25.

²¹⁵ Zhao Ziyang. Op. cit. P. 32, 315.

²¹⁶ Чэн Чжипин. 1985 нянь цзягэ гайгэ дэ хуйгу = Воспоминания о реформе цен 1985 года. URL: rhb.reformdata.org/#/article/07B9384642F8B2168C0F43ACA65F9580

²¹⁷ Карпов М.В. Указ. соч. С. 33.

(их количество не только не уменьшилось, но и начало увеличиваться)²¹⁸. В результате за период 1978–1986 гг. расходы на содержание административного аппарата увеличились в 2,4 раза²¹⁹.

В качестве «панацеи» для решения этих проблем части руководства виделись демократические преобразования. На это указывал опыт западных стран, а также к тому моменту уже начавшейся перестройки в СССР. Всё больше к этому склонялся новый генсек Чжао Цзяян. Существовавшие в Китае политические институты и практики, для которых, несмотря на постоянные кадровые и идеологические кампании, продолжали быть присущими такие черты, как бюрократизация, раздутость аппарата, множественность функций, волюнтаризм руководителей, казались «тормозом» на пути развития. В силу конъюнктурных обстоятельств, связанных с желанием Дэн Сяопина балансировать между «правым» и «левым» уклоном, к окончанию очередного пятилетнего цикла между съездами определение дальнейшей стратегии развития оказалось в руках «реформаторов».

Новый пятилетний цикл начался с XIII-го съезда Коммунистической партии Китая (25 октября — 1 ноября 1987 г.), на котором было озвучено принципиальное решение партии о запуске политической реформы²²⁰. Это решение должно было привести в систему регионального управления наиболее значительные изменения с момента создания КНР. Целью этой перестройки провозглашалось создание «жизнеспособной социалистической политической

---

²¹⁸ См.: Gong Ting. Corruption and Local Governance: the Double Identity of Chinese Local Governments in Market Reform // *The Pacific Review*. 2006. № 1. P. 85–102.

²¹⁹ Карпов М.В. Указ соч. С. 33.

²²⁰ Чжунго гунчандан ди саньши цы цюаньго дайбяо дахуй шэнли биму = 13-й съезд КПК победно завершился // *Жэньминь жибао*. 2 ноября 1987 г. URL: <http://www.laoziliao.net/rmrb/1987-11-02-1#777411>

системы с высокоразвитой демократией и совершенным законопорядком»²²¹. Фактически же речь шла о разграничении функций партийных и государственных органов²²². В материалах съезда говорилось, что «партия является передовым отрядом пролетариата» и не может быть органом госвласти²²³, в «сложившихся на момент съезда условиях ни государственные структуры, ни сама партия не могут развиваться и выполнять поставленные перед ними задачи»²²⁴.

На основе общих установок съезд определил принципы партийно-административного разделения²²⁵.

1. Предполагалось упразднить экономические отделы в парткомах провинций и городов, которые дублировали бы госорганы; углубить процесс разделения функций директоров и партийных секретарей на производстве.

2. Парткомы предприятий и ведомств должны были переводиться под руководство региональных парткомов, а не парткомов вышестоящих профильных ведомств.

3. Комиссии по проверке дисциплины при парткомах больше не могли заниматься нарушениями членами партии государственного (а не партийного) права.

4. Структуру самих органов госуправления предполагалось изменить, приспособив ее к рынку и косвенному макроконтролю.

---

²²¹ Документы XIII-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин : Издательство литературы на иностранных языках КНР, 1988. С. 46.

²²² Чжао Цзыян. Яньчжэ ю Чжунго тэсэ дэ шэхуйчжуи даолу цяньцзинь = Вперёд по дороге социализма с китайской спецификой // Жэньминь жибао. 4 ноября 1987 г. URL: <http://www.laoziliao.net/rmrb/1987-11-04-1#777549>

²²³ Документы XIII-го Всекитайского съезда... С. 47.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Цит. по: Чжао Цзыян. Яньчжэ ю Чжунго тэсэ дэ шэхуйчжуи даолу цяньцзинь...

5. Для обеспечения задуманных преобразований нужно было провести кадровую реформу (принципы провозглашались всё те же — омоложение, повышение профессионального уровня).

6. Предполагалось «укрепление демократического строительства»²²⁶, что подразумевало расширение внутрипартийной демократии, развитие различных форм диалога с общественностью. С целью усиления политической активности граждан авторы проекта предлагали осуществить реорганизацию внутренней структуры «административных и производственных единиц» (даньвэй), которая приучала людей к излишней госопеке и препятствовала развитию рынка рабочей силы²²⁷.

7. Планировалось постепенное выведение парткомов из реального управления, что должно было сопровождаться повышением роли ВСНП, НПКСК и их региональных аналогов, которые до сих пор выступали в качестве «комиссии выборщиков» и «органа по утверждению спущенных сверху распоряжений». Их значение должно было повыситься путем систематического заслушивания отчетов все большего числа государственных органов²²⁸. Отмечалась недопустимость применения «разнарядки» при формировании депутатского корпуса, а также выполнения требований, исходящих от вышестоящих инстанций, об избрании тех или иных лиц²²⁹.

---

²²⁶ Также по: Цзяцян дан дэ цзяньшэ, яньчжэ шисань да чжиинь дэ даолу цяньцзинь — дан дэ шисань да дайбяо сяоцзу фаянь сюаньбянь = Усилим партийное строительство, вперёд по дороге, намеченной курсом 13-го съезда — собрание избранных речей делегатов 13-го съезда // Жэньминь жибао. 1 ноября 1987 г. URL: <http://www.laoziliao.net/rmr/1987-11-01-2#777350>

²²⁷ Чэнь Ицзы. Указ. соч. С. 117.

²²⁸ Чжунго гунчандан ди шисань цы цюаньго дайбяо дахуй вэньцзянь хуйбянь = Сборник документов 13-го съезда Коммунистической партии Китая. Пекин, 1987. С. 113.

²²⁹ Там же.

Уже в 1988 г. в ряде субпровинциальных народных правительств Сычуани и Гуандуна в экспериментальном порядке были ликвидированы парткомы административных органов²³⁰.

В качестве второго аспекта политической реформы называлась оптимизация системы управления в Центре и на местах. Говорилось, что число госорганов по-прежнему остаётся избыточным, а система их взаимодействия — «запутанной и громоздкой»²³¹. Тем самым признавался провал аналогичной кампании 1982–1984 гг. «Во избежание повторения старой практики “сокращение аппарата — разбухание — вновь сокращение — вновь разбухание”, в предстоящей перестройке аппарата следует ухватиться за такой момент, как изменение функционала административных органов»²³². Был сформулирован принцип «косвенного управления как главной формы управления предприятия»²³³. Съезд также рекомендовал навести порядок в деятельности различных созданных под эгидой государства компаний, организаций и фондов, а также ликвидировать подразделения, созданные в период реабилитации кадров, подвергшихся ранее репрессиям, лишь для того чтобы дать им работу²³⁴.

Вопрос о создании многопартийной системы, отказе КПК от монополии на власть не ставился. Руководящее место Коммунистической партии Китая в политической

---

²³⁰ Burns J. Chinese Civil Service Reform: The 13th Party Congress Proposals // The China Quarterly. 1989. № 120. P. 742.

²³¹ Дансинь юй миньсинь: 1987 нянь 10 юэ 25 жи чжи 11 юэ 1 жи, Чжунго лиши шан бу пинчан дэ 8 тянь = Сердце партии с сердцем народа: 10 октября — 1 ноября 1987 года, 8 необычных дней в истории Китая // Жэньминь жибао. 1 ноября 1987 г. URL: <http://www.laoziliao.net/rmrb/1987-11-01-1#777340>

²³² Там же.

²³³ Чжунго гунчандан ди шисань цы цюаньго дайбяо дахуй вэньцзянь хуйбянь... С. 123.

²³⁴ Там же. С. 136.

жизни страны в материалах съезда сомнению не подвергалось. Благодаря мемуарам Чжао Цзыяна, мы знаем, что чёткой позицией Дэн Сяопина было отсутствие «даже упоминания разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную в документах съезда, касающихся политической реформы»²³⁵. Фактически же конкретизация требований по разграничению полномочий партийного и административного аппарата и расширению роли местных СНП и стала высшей точкой движения Китая по пути к политической реформе. Причём анализ обстоятельств, в которых был проведён съезд, позволяет нам утверждать, что решение о политической реформе было скорее декларативным, чем реальным.

Прогрессивность формулировок съезда²³⁶, отмеченная в общении с китайцами и представителями зарубежных СМИ²³⁷, не отражала факт сохранения консервативных установок. Редакция первоначального варианта коммюнике, где говорилось о ликвидации парткомов в некоторых административных и производственных единицах, была изменена²³⁸. В новом варианте говорилось, что «партийные организации должны контролировать работу предприятий и поддерживать

---

²³⁵ Zhao Ziyang. *Op. cit.* P. 381.

²³⁶ Говоря о прогрессивности XIII-го съезда, можно отметить, что на нём использовалась система конкуренции при выборах в Центральный комитет — то есть количество кандидатов было больше, чем мест. Известно, что Дэн Лицюнь, согласно внутриэлитным договорённостям, претендовал на место в Политбюро ЦК КПК, где он занял бы «консервативную квоту», освобождаящуюся с уходом на пенсию 75-летнего Ху Цяому. Для этого нужно было избраться в Центральный комитет, чего он не смог сделать. Дэн Лицюнь набрал меньше всего голосов среди кандидатов и не попал в число 175 членов ЦК КПК.

²³⁷ Чжао Цзыян цзун шуцзи да чжунвай цзичжэ вэнь = Генеральный секретарь Чжао Цзыян ответил на вопросы китайских и зарубежных журналистов // Жэньминь жибао. 3 ноября 1987 г. URL: <http://www.laoziliao.net/rmrb/1987-11-03-3#777487>

²³⁸ Карпов М.В. Указ. соч. С. 98.

директоров и управляющих, которые несут полную ответственность, как руководители производства»²³⁹. Важнейшие шаги в экономической и политической реформе вновь откладывались под давлением Дэн Сяопина²⁴⁰. Ключевая проблема приоритетности реформ («цены или предприятия?») вообще не была поставлена. Вопреки ожиданиям, Дэн Сяопин снова не ушел в отставку с поста председателя ЦВС, а Чжао Цзыян продолжал находиться в полной зависимости от него²⁴¹.

Параллельно осложнялась ситуация в экономике²⁴². Стало ясно, что инициированная в своё время Чжао Цзыяном и Вань Ли система арендно-подрядной ответственности, которая ещё в начале 1980-х гг. казалась «панацеей» для оздоровления госсектора, не устраняет административного вмешательства в производственную деятельность и способствует раздуванию негативных процессов. Несмотря на то,

---

²³⁹ Документы XIII-го Всекитайского съезда... С. 64.

²⁴⁰ Zhao Ziyang. Op. cit. P. 383.

²⁴¹ Изначально Дэн Сяопин собирался уходить на пенсию в 1985 г., что было хорошо известно всему руководству партии, однако по причине утраты доверия к Ху Яобану перенёс «отход от дел» на XII-й съезд (1987 г.), о чём в дружеской беседе сообщил Чжао Цзыяну (цит. по: Панцов А.В. Указ. соч. С. 451). По настоянию самого Дэна, который был заинтересован, чтобы кадровые итоги съезда не производили впечатление «триумфа консерваторов» (Zhao Ziyang. Op. cit. P. 383), Чэнь Юнь, Ли Сяньнянь и Пэн Чжэнь покинули свои посты, однако в Постоянный комитет Политбюро вошли их единомышленники Ли Пэн и Яо Илин (Там же. P. 388). В новом составе этого высшего органа Чжао мог рассчитывать только на Ху Цили и, таким образом, продолжал являться заложником поддержки Дэн Сяопина.

²⁴² Не вдаваясь в подробности макроэкономических процессов, отметим, что количество денег в обращении в 1987 г. выросло на 50% по сравнению с 1986 г., рост цен на продовольственные товары составил 45-50% в год (официальные оценки — не более 18%). К концу 1987 г. объем выданных кредитов превысил в 1,6 раза контрольную цифру VII-й пятилетки на 1990 г. При этом 30% госпредприятий являлись убыточными.

что инфляция продолжала расти²⁴³, с весны 1988 г. руководство КНР по настоянию Дэн Сяопина начало готовить достаточно радикальную реформу цен, с помощью которой предполагалось ликвидировать коррупцию, расцветшую при «двухколейной системе цен»²⁴⁴. Летом 1988 г. появились официальные сообщения о планируемой реформе цен и зарплаты²⁴⁵, на что общество ответило паническими настроениями: началась гиперинфляция, на рынке начались ажиотажные покупки, беспрецедентных масштабов достигли изъятия вкладов из банков и сберкасс, выросла общественная напряженность²⁴⁶.

Как следствие, 30 августа 1988 г. Ли Пэн сделал доклад на 20-м заседании Госсовета, в ходе которого заявил, что «реформа цен откладывается на пять лет, а возможно и на более длительный срок»²⁴⁷. Начался процесс «урегулирования» 1988–1989 гг., вследствие чего де-факто были отложены и другие проекты реформ, в т.ч. и практическая реализация установок XIII-го съезда по разделению партийных и государственных органов. Началась лишь подготовка к реорганизации аппаратов управления в Центре и на местах²⁴⁸.

---

²⁴³ Солнцева М. Т. Когда с инфляцией борются административным путём // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 3. С. 20–25.

²⁴⁴ Zhao Ziyang. Op. cit. P. 396, 411.

²⁴⁵ Цзягэ, гуңцзы гайгэ ши чжэнти шэньцэн гайгэ = Реформы цен и зарплаты — это одна целостная реформа // Жэньминь жибао. 23 августа 1988 г. URL: <http://www.laoziliao.net/rmrb/1988-08-23-1#805020>

²⁴⁶ Панцов А.В. Указ. соч. С. 453.

²⁴⁷ Ли Пэн. Цзяньдин чэди чжили чжэндунь хэ шэньхуа гайгэ дэ фанчжэнь = Курс упорядочения до полного наведения порядка и углубления реформы // Жэньминь жибао. 6 апреля 1989 г. URL: <http://www.laoziliao.net/rmrb/1989-04-06-1#826297>

²⁴⁸ В марте 1988 г. была создана Канцелярия по структурным реформам Госсовета, разработавшая проект реорганизации, в ходе которой предполагалось количество министерств и госкомитетов уменьшить с 45 до 41, число ведомств, находящихся в подчинении Госсовета — с 22 до 19, а число временных структур — с 75 до 44. Следом

Однако попытки осуществления реорганизации встретили решительное сопротивление на местах и в Госсовете²⁴⁹. Фактически преобразования, как и ранее, были сведены к «мелкому косметическому ремонту»²⁵⁰. По мнению М.В. Карпова, «пробуксовка» политической реформы на местах объяснялась саботажем со стороны премьера Госсовета Ли Пэна, которого в этом поддерживали руководители попадавших под сокращение или упразднение инстанций²⁵¹.

Материалы партийных совещаний тех лет и доступные нам воспоминания свидетельствуют о всё более расширяющемся расхождении между «реформаторами» и «консерваторами»²⁵², которые начали оперировать риторикой

предполагалось провести аналогичную реформу в региональных административных структурах. Подготовка к кампании началась в августе 1988 г. С того же времени на провинциальном уровне осуществлялся эксперимент по проведению структурной реформы местных правительств, заключающийся в «упрощении структуры аппарата и изменении функций». С 1988 г. он протекал во вновь образованной провинции Хайнань. В 1991 г. к эксперименту были добавлены ещё Автономный район Внутренняя Монголия, провинции Шэньси и Хубэй.

В целом весь 1989 г., согласно решению Всекитайской конференции по кадровым вопросам 1988 г., должен был стать «годом упрощения административного управления на провинциальном уровне» (Кокарев К.А. Указ. соч. С. 168), причём материалы конференции говорили об оптимизации «в духе решений XIII-го съезда», т.е. с упором на разделение партийного и административного управления, а главным лозунгом реформы стал тезис о том, что «изменение функций административных структур является ключевым звеном». Эти планы сохранялись даже в середине мая 1989 г. на фоне уже резко осложнившейся обстановки в Пекине, однако в июне 1989 г. были свёрнуты. Количественные показатели реформы касательно ведомств Госсовета достигнуты были, однако подлинная реформа, путём изменения функций ведомств, проведена не была.

²⁴⁹ Zhao Ziyang. *Op. cit.* P. 411.

²⁵⁰ Чэнь Ицзы. Указ. соч. С. 107.

²⁵¹ Карпов М.В. Указ. соч. С. 107.

²⁵² Zhao Ziyang. *Op. cit.* P. 423–441; Панцов А.В. Указ. соч. С. 450.

национального спасения²⁵³. Трудности, с которыми столкнулась китайская экономика, играли на руку «консерваторам». Чжао Цзыян оказался в политическом вакууме, без рычагов воздействия на ситуацию, что он и признаёт в своих мемуарах²⁵⁴.

3-й пленум ЦК КПК 13-го созыва (26–30 сентября 1988 г.) закрепил курс на «урегулирование» и отказ от немедленного продолжения реформ²⁵⁵. 2-я сессия ВСНП 7-го созыва (март 1989 г.) провозгласила, что «для фокусировки усилий на политике урегулирования запланированная реформа функционального положения органов управления на уровне провинций замедляется и отныне может осуществляться только в порядке эксперимента»²⁵⁶. Фактически это и был отказ от проведения политической реформы (в редакции XIII-го съезда), однако логика политической борьбы привела к эскалации противостояния между «реформаторами» и «консерваторами» весной 1989 г., вследствие чего политическая реформа не просто была отложена, но и вообще снята с повестки реформ.

Речь идёт о «тяньаньмэньских событиях» апреля–июня 1989 г. — массовых протестах с антикоррупционными и частично продемократическими лозунгами, которые имели

---

²⁵³ М.В. Карпов приводит высказывание Бо Ибо, который на конференции историков заявил: «Нам, ветеранам революции, больно смотреть на тяжелое состояние нашей экономики. Далее так продолжаться не может». Им же проведена аналогия со временами танской императрицы У Цзэтянь: «Заслуга императрицы заключается в спасении Поднебесной от хаоса путем наведения порядка» (Карпов М.В. Указ. соч. С. 107).

²⁵⁴ Zhao Ziyang. Op. cit. P. 130, 411.

²⁵⁵ Ди шисань цзе чжунъян вэйюаньхуй ди сань цы цюаньти хуйи гунбао = Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 13-го созыва. URL: <http://rhh.reformdata.org/#/article/C7F746B7939BA6DB31093D4438D9207B>

²⁵⁶ Шисань да илай чжунъяо вэньсянь сюаньбянь = Сборник избранных важных документов с момента проведения 13-го съезда Коммунистической партии Китая / под ред. Центра изучения документов ЦК КПК. Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 1991. 593 с. С. 170.

место не только в Пекине, но и по всему Китаю²⁵⁷. Зачистка лагеря протестующих на площади Тяньаньмэнь в ночь с 3 на 4 июня 1989 г. знаменовала окончательное поражение во внутриэлитной борьбе сторонников политической реформы. Также она означала изменение самого характера политической борьбы и политического процесса в Китае. Воспоминания американского эксперта по национальной

---

²⁵⁷ Информация о событиях в провинции Хэйлунцзян носит отрывочный характер. Согласно материалам бежавших на Запад китайских диссидентов (Zhang Liang et al. *The Tiananmen Papers*. New York, 2001. P. 171), в Харбине акции в поддержку «тяньаньмэньского движения» начались с запозданием, лишь 15 мая — на третий день после объявления пекинскими студентами голодовки в преддверии прибытия в Пекин с официальным визитом М.С. Горбачёва. Зато харбинцы сразу вышли к зданию провинциального народного правительства на площади Чжуншань, затребовав диалога с губернатором Шао Цихуем. В конце концов он вышел, и разговор продолжался далеко за полночь. С одной стороны, результаты диалога студентов очевидно не устроили (в частности, на площадь не прибыл реальный руководитель провинции — первый секретарь парткома Сунь Вэйбэнь, который, по оценкам исследователей, был одним из наиболее убеждённых сторонников силового подавления выступлений (Beijing Spring 1989: *Confrontation and Conflict: The Basic Documents*. Armonk, 1990. P. 298–308); с другой стороны, студенты усмотрели слабость в готовности властей идти на контакт, так что 17 мая на демонстрацию к площади Чжуншань вышло уже около 25 000 студентов. Началось формирование независимых организаций и подготовка к голодовке (Ibid.). Однако эскалации насилия не произошло, и с введением в Пекине военного положения 20 мая ситуация успокоилась. 4 июня на следующий день после ввода войск на площадь Тяньаньмэнь около 7000 харбинцев вышло на улицы почтить память погибших (Zhang Liang. Op. cit. P. 393), но до масштабов гражданского неповиновения, которые наблюдались в Чэнду, Шанхае и Ухане, ситуация не дошла и в целом быстро была стабилизирована (Фадун цюньчжун итун пайчжан Хаэрбинь ши цзедао чантун = Улицы Харбина совместными усилиями народных масс очищены от препятствий // Жэньминь жибао. 9 июня 1989 г.). Следует отметить, что Харбин не остался в стороне от общенационального протестного движения, однако и в числе центров протестов (равно как и в 1985 и 1986 гг.) не был. К значимым изменениям в работе органов административного управления сложившаяся ситуация не привела. Реакция официальных лиц провинциального уровня на страницах открытых документов и в мемуаристике, к сожалению, отражения не нашла.

безопасности Б. Скоукрофта показывают, что последующие события в социалистическом лагере в течение 1989 г. (прежде всего, кровавое свержение румынского лидера Н. Чаушеску) лишь убедили пекинское руководство в верности своего решения²⁵⁸. Как отмечает М.В. Карпов, «Тяньаньмэнь стала прививкой от политической активности масс», превратилась в неоспоримый «аргумент для участников грядущих политических схваток»²⁵⁹.

23–24 июня и 6–9 ноября 1989 г. состоялись 4-й и 5-й пленум ЦК КПК 13-го созыва, прошедшие в атмосфере «беспрецедентной консервативно-догматической истерии»²⁶⁰. Июньский пленум утвердил отставку со своих постов Чжао Цзяна, что было уже формальностью²⁶¹. Ноябрьский пленум принял отставку Дэн Сяопина с поста председателя Центрального военного совета²⁶², что символизировало передачу власти более молодому поколению руководителей во главе с Цзян Цзэминем²⁶³ и Ли Пэнгом.

---

²⁵⁸ Bush G., Scowcroft S. *A World Transformed*. New York, 1998. P. 178–179.

²⁵⁹ Карпов М.В. Указ. соч. С. 153.

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ На время расследования его деятельности в апреле–мае 1989 г., которое длилось до октября 1992 г., Чжао Цзян, обвинённый в потворстве протестам, в нарушение уголовно-процессуального кодекса КНР был помещён под домашний арест. После окончания расследования бывший генсек оставался в условиях ограниченной свободы вплоть до своей смерти в 2005 г.

²⁶² Председателем Центрального военного совета КНР Дэн Сяопин формально оставался до 19 марта 1990 г. (фактически — до ноября 1989 г.), когда решение о его отставке было принято сессией ВСНП. На должности председателя обоих военных советов его заменил Цзян Цзэминь, ранее занявший пост генерального секретаря ЦК КПК. Дэн Сяопин оставался членом Военного совета ЦК КПК (и продолжал активно влиять на политику!) до XIV-го съезда партии в 1992 г. Лишь покинув этот пост, Дэн окончательно ушёл на пенсию и умер спустя пять лет — в 1997 г.

²⁶³ Позднее позицию Цзян Цзэминя можно будет характеризовать как центристскую (в 1990–1991 гг.), а с 1992 г. и как правоцентристскую

Ноябрьский пленум также принял «Решение ЦК КПК о дальнейшем оздоровлении экономики и углублении реформы»²⁶⁴, де-факто явившееся развитием установки на упорядочение и урегулирование народного хозяйства, принятой ещё в сентябре 1988 г., и подготовленное при прямом участии апологета плановой экономики Чэнь Юнь²⁶⁵. В соответствии с ним были предприняты жёсткие антикризисные меры по урегулированию экономики²⁶⁶. Параллельно

(также «умеренно либеральную» — см.: Иванов С.А. Участие властей провинции Хэйлунцзян в российско-китайском экономическом сотрудничестве: 1979–2009 : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2015. С. 160), однако в 1989 г. Цзян Цзэминь считался консерватором. Так, в качестве заслуги ему ставилось решительное подавление студенческих протестов в Шанхае зимой 1986–1987 гг., а также закрытие влиятельной либеральной газеты «Шицзе цзинцзи даобао» в апреле 1989 г. Поэтому кандидатура Цзяна на посту генсека ЦК КПК в целом устраивала «консерваторов», хотя, как утверждает Дж. Фьюсмит, они «надеялись, что партию возглавит Ли Пэн, Яо Илунь или, может, даже Дэн Лицюнь» (Fewsmith J. Op. cit. P. 23). Решающее слово в пользу Цзян Цзэминя принадлежало Дэн Сяопину (Ibid.).

²⁶⁴ Чжунгун чжунъян гуаньюй цзиньбу чжили чжэндунь хэ шэньхуа гайгэ дэ цзюэдин, 1989.11.09 = Решение ЦК КПК о дальнейшем оздоровлении экономики и углублении реформ. 9 ноября 1989 г. URL: <http://rhh.reformdata.org/index.html#/article/4496BF24AFE7FAB6F046BF4923DA8DE6>

²⁶⁵ Fewsmith J. Op. cit. P. 38.

²⁶⁶ Данные меры включали в себя ужесточение государственного контроля над ценами, сокращение размеров эмиссии и числа выдаваемых кредитов, экономию бюджетных средств. Резко было сокращено (особенно на начальном этапе, во второй половине 1989 г.) капитальное строительство. Результатом стабилизационных мер стало резкое сокращение прироста экономики (вплоть до отрицательных показателей), обострение проблем платежей и убыточности в госсекторе. Среднегодовые темпы прироста ВВП в 1988–1991 гг. составляли 5,4% (по сравнению с 10,7% накануне принятия решения об «урегулировании экономики» в 1988 г.) Однако была взята под контроль инфляция (2,1% роста в 1990 г. по сравнению с 17,8% в 1988 г.), увеличились реальные доходы населения. (Высчитано по: Чжунго тунцзи няньцзянь. Соответствующие годы.) В целом же «торможение» экономики, о котором часто говорят применительно

наблюдался беспрецедентный для пореформенного периода рост политических репрессий.

Таким образом, во второй половине 1980-х гг., учитывая мировые тенденции и конъюнктурные причины, связанные с лавированием Дэн Сяопина между «консерваторами» и «реформаторами», Китай как никогда близко подошёл к реализации политической реформы, направленной на департократизацию системы управления. И в этом траектория развития преобразований как в направлении, так и в деталях была очень похожей на ту, которой следовал перестроечный СССР. Однако, даже несмотря на намерение проведения такой реформы, зафиксированное в документах XIII-го съезда КПК, реально условия для этого отсутствовали. Слишком велико было сопротивление «консерваторов» в Центре и их сторонников на местах, слишком нестабильна и взрывоопасна обстановка в стране. Настроен «против» был и Дэн Сяопин, поднявший дискуссию о политической реформе в 1980 г., но видевший её исключительно сквозь призму борьбы с бюрократизацией и раздутием штатов. Фактически вопрос о департократизации системы управления был снят ещё в 1988 г., но логика фракционной борьбы привела к эскалации, заложниками чего стали убитые и раненые в июне 1989 г.

При этом «тяньаньмэньские события» скорее укрепляли стабильность режима (а следовательно, и возможность осуществлять системные реформы — в т.ч. в сфере центр-региональных отношений), поскольку реакция на них

к последствиям подавления протестов на площади Тяньаньмэнь, целесообразно отсчитывать не от «тяньаньмэньских событий», которые к экономике, собственно, имели мало отношения, а от решений 3-го пленума ЦК КПК 13-го созыва (сентябрь 1988 г.), когда было объявлено о трёхлетнем периоде «урегулирования народного хозяйства». Данный период окончился в 1991 г., ещё до инспекционной поездки Дэн Сяопина на юг КНР (февраль 1992 г.).

и аналогичные эксцессы в странах бывшего соцлагеря привели к консолидации элиты и секьюритизации общественной жизни. Все сценарии развития страны, предполагающие в перспективе повторение трагедии 1989 г., теперь блокировались как неприемлемые. Соответственно были предприняты жёсткие меры для того, чтобы протестная активность населения не принимала политического характера, была усилена цензура, работа силовых и правоохранительных ведомств.

С тех пор и вплоть до настоящего момента под политической реформой в Китае понимается лишь оптимизация управленческого аппарата с целью поддержания высоких темпов экономического роста. Примечательно, что «политическая реформа», не исчезая из политической риторики, стала трактоваться партийными идеологами сквозь призму укрепления партийного руководства, борьбы с коррупцией и обеспечения стабильности и безопасности жизни общества.

3.3. Достижения и проблемы децентрализованной модели 1980-х гг.

Параллельно дискуссии о возможности и глубине «политической реформы» в Китае продолжались экономические реформы, напрямую влияющие на развитие центр-региональных отношений. Системные реформы в экономике принято отсчитывать от 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва (1984 г.), однако, нужно отметить, что, как и на раннем этапе, преобразования по-прежнему осуществлялись без чёткой «дорожной карты», в условиях противоборства различных линий в руководстве страны. Поэтому их неотъемлемой характеристикой являлась непоследовательность

и экспериментальный характер. Можно сказать, что «на один шаг вперёд приходилось один-два шага назад».

Другой метафорой, описывающей ход реформ, является выражение «Мочжэ шитоу гохэ» 摸着石头过河 («Переходить реку, ощупывая камни»), вынесенное в название главы. Примечательно, что впервые в политической риторике его использовал в 1950 г. Чэнь Юнь. Однако позднее это выражение было популяризовано Дэн Сяопином и стало чётко ассоциироваться с его именем.

Важнейшим элементом экономических реформ применительно к центр-региональным отношениям стало продолжение экспериментов в фискальной сфере.

Несмотря на то, что эксперименты с фискальной моделью были запущены Хуа Гофэном (и базировались в своё время на установках Мао Цзэдуна), Дэн Сяопин и его сторонники не спешили их свернуть, поскольку также нуждались в поддержке региональных лидеров и, в свою очередь, испытывали их большое влияние²⁶⁷. Так, Чжао Цзыян возглавил Госсовет КНР из кресла руководителя провинции Сычуань, авторитетные региональные лидеры Си Чжунсюнь и Вань Ли входили в Политбюро.

Под влиянием сильных региональных лидеров возобладала точка зрения о целесообразности повсеместного внедрения описанной выше «модели Цзянсу», которая способствовала бы росту мотивации и эффективности местных властей, что в перспективе позволило бы сократить число дотационных провинций. При этом на первых порах в отстающие провинции предполагалось направлять субсидии и разрешать оставлять полный объём фискальных доходов²⁶⁸.

---

²⁶⁷ Shirk S. Op. cit. P. 209.

²⁶⁸ Тянь Цзиюнь. Гуаньюй ваньшань лигайшуй чжиду дэ цзигэ зэньти = Несколько вопросов об улучшении перехода от системы отчислений к системе выплаты налогов // Цзинцзи жибао. 12 января 1984 г. С. 1–2.

В 1983 г. «модель Цзянсу», теперь предполагавшая заключение уже не трёх-, а пятилетних налоговых контрактов, была распространена на большую часть страны, кроме Гуандуна и Фуцзяни (там действовала описанная выше «гуандунская модель»), а также районов национальной автономии и трёх провинций со значительной долей нацменьшинств (Цинхай, Юньнань, Гуйчжоу).

В 1985 г. «модель Цзянсу», неформально называемая также «системой отдельных котлов» (фэньцзао чифань 分灶吃饭), была распространена на всю страну, при этом некоторые регионы де-факто продолжали оставаться дотационными, имея дефицитный бюджет и покрывая нехватку доходов за счёт субсидий из центрального бюджета²⁶⁹. К их числу относились Хэйлунцзян, Цзянси, Цзилинь, Ганьсу, Юньнань, Гуйчжоу, Цинхай, а также пять автономных районов КНР²⁷⁰ — то есть регионы со значительной долей предприятий, подчинявшихся напрямую центральным ведомствам (как в Хэйлунцзяне), или доминирующим населением из числа национальных меньшинств, обладающих различными налоговыми льготами и слабо вовлечённых в современную экономическую систему.

Последствиями установления данной фискальной системы было следующее.

1. Увеличение доходов региональных властей в ущерб центральному бюджету (пропорция доходов, собираемых Центром, упала с 35% в 1983 г. до 22% в 1993 г. — см. Приложение).

2. Распространение практики внебюджетных доходов: установление дополнительных «местных налогов», неналоговых сборов с предприятий и налогов с вновь образуемых предприятий. В течение всех 1980-х гг. значение

---

²⁶⁹ Oksenberg M., Tong J. Op. cit. P. 25.

²⁷⁰ Ibid.

внебюджетных фондовросло²⁷¹, что было связано с желанием местных правительств вместо отправки налогов в Центр оставлять капитал в аффилированных компаниях.

3. Рост протекционизма по отношению к региональным предприятиям, включая бурный рост предприятий, создаваемых под эгидой местных властей, превращения местных правительств в «квазикорпорации»²⁷², рост частной заинтересованности чиновников в развитии предприятий;

4. Рост возможностей и мотивации для коррупционного поведения местных чиновников.

Успешное развитие экономических экспериментов в регионах, которые стремительно превращались в «витрины» китайских реформ, на первых порах обеспечило подобной децентрализационной политике поддержку в высшем руководстве КПК (как минимум среди «реформаторов»). Действительно, большая часть преобразований, которая затем вошла в копилку «политики реформ и открытости», изначально апробировалась на местах зачастую или без ведома Центра, или при весьма ограниченной поддержке руководства страны²⁷³.

К ним относится переход к частному фермерству, индустриализация села, появление индивидуального предпринимательства в городах и создание «особых экономических зон» (ОЭЗ). Некоторые инициативы с мест выглядели даже чересчур радикально. Так, после принятия в июле 1979 г. Документа ЦК КПК № 50 («О создании ОЭЗ») руководство

---

²⁷¹ В 1985 г. соотношение доходов от внебюджетных фондов к доходам от налоговых поступлений составляло в среднем по стране 76%. В дальнейшем оно повышалось и в 1992 г. достигло 111% (Lin Shuanglin. *China's Fiscal Policy and Fiscal Sustainability...* P. 90).

²⁷² Walder A. *Op. cit.* P. 292. См. также: Oi J. *Fiscal Reform and the Economic Foundations of Local State Corporatism in China // World Politics.* 1992. № 1. P. 99–126.

²⁷³ Коуз Р. Указ. соч. С. 250.

провинции Гуандун обратилось с просьбой к руководству партии передать на провинциальный уровень большую часть полномочий по ведению внешнеэкономической деятельности. Си Чжунсюнь предложил превратить Гуандун в «квазифедеративное территориально-административное образование с широкими правами отдельных районов»²⁷⁴, однако столь радикальное предложение поддержано всё же не было.

В то же время в новых условиях Пекин постепенно лишился возможности даже опосредовано воздействовать на реальную ситуацию на местах, т.к. система контроля также была крайне децентрализована, причём контролирующие ведомства подчинялись местными правительствами и содержались ими²⁷⁵. Например, с 1984 г. не только подразделения общественной безопасности, но и государственной безопасности включались в структуру провинциальных народных правительств и в бюджетном плане зависели от регионального руководства. Представительства банков, также входившие в структуру местных администраций, зачастую нарушали правила кредитования в угоду региональным властям. То же касалось инспекционных, ревизионных и статистических управлений²⁷⁶ — фактически в первой половине 1980-х гг. под лозунгами экономии бюджета и повышения эффективности властей на местах была уничтожена система централизованного макроконтроля.

Кроме того, отсутствие общенациональной фискальной системы (налоги собирались местными налоговыми управлениями, которые подчинялись руководству народных правительств) имело и другие негативные эффекты.

---

²⁷⁴ Цит. по: Там же. С. 251.

²⁷⁵ Хэйлуңцзян шэнчжи, чжэнцюаньчжи... С. 385.

²⁷⁶ Политическая система КНР: 100 вопросов и ответов / пер. с кит. М., 1990. С. 83.

- Провинции, которые договорились с Центром о меньшем объёме налоговых поступлений, оказывали меньшее фискальное давление на подведомственные предприятия, а те, в свою очередь, выходили на рынок с более конкурентоспособными ценами, и это создавало ценовые диспропорции²⁷⁷.
- На протяжении 1980-х гг. доля доходов от промышленности постепенно падала, в т.ч. из-за перераспределения конъюнктуры цен (цены на сырьё повышались, а на готовую продукцию падали), роста издержек на производство товаров (прежде всего, зарплаты и социальные траты) и повышения цены капитала (предприятия стали платить небольшой процент за банковские кредиты, тогда как раньше были бесплатные гранты)²⁷⁸. Зависимость региональных бюджетов от налога на продукцию местных предприятий привела к тому, что власти были заинтересованы в защите своих предприятий от внешней конкуренции, что способствовало фрагментации национальной экономики²⁷⁹.

Ставка на самостоятельность регионов не смогла решить всех экономических проблем. Госсектор — основной объект забот как центральных, так и местных властей — ощутимо отставал. Госпредприятия получили больше хозрасчетных прав, но оставались в зависимости от процесса согласований с чиновниками. При этом система управления была разноуровневой и, как следствие, весьма запутанной: госпредприятия контролировались как центральными ведомствами, так и соответствующими департаментами в структуре

---

²⁷⁷ Лю Кэгу. Указ. соч.

²⁷⁸ Wong C. Central-Local Relations in an Era of Fiscal Decline. P. 695–696.

²⁷⁹ Коуз Р. Указ. соч. С. 252.

местных правительств; существовали две разные цепочки управления: вертикальная («тяо» 条) и горизонтальная («куай» 块)²⁸⁰, что по итогу создавало сложную сетчатую структуру координации и контроля над госпредприятиями²⁸¹. Эффективные предприятия отдавали государству большую часть своей прибыли, а нерентабельные субсидировались — то есть одни не всегда развивались, а другие в любом случае не разорялись. Региональные капиталы зачастую вкладывались в дублирующие и социально иррациональные проекты²⁸².

Кроме того, с целью защиты интересов подконтрольных предприятий местные правительства создавали различные торговые барьеры. Одним из свидетельств нарастания автаркических тенденций может служить тот факт, что к концу 1980-х гг. в структуре народных правительств провинций появились представительства в других регионах — эдакие «квазипосольства». Например, провинция Хэйлуцзян в 1988 г. имела представительства в городах центрального подчинения Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, в провинции Хайнань, а также Даляне, Шэньчжэне и Сямэне (все — в статусе управлений)²⁸³.

Подобные структуры были необходимы в условиях роста местного протекционизма и региональной разобщённости, которую некоторые китайские специалисты в начале 1990-х гг. называли даже «межрегиональной рыночной

---

²⁸⁰ Туйдун «хэнсян цзинцзи лянхэ» = Внедрение «горизонтальной экономической интеграции» // Чжунго гайгэ кайфан цюаньцзилу. URL: <http://rhb.reformdata.org/#/column/1/673>

²⁸¹ Mertha A. China's "Soft" Centralization: Shifting Tiao/Kuai Authority Relations // *The China Quarterly*. 2005. № 1. P. 792.

²⁸² Wong C. Central-Local Relations in an Era of Fiscal Decline. P. 694.

²⁸³ Хэйлуцзян шэнчжиминь чжэнцюань... С. 606; Хэйлуцзян шэнньюань цзянь 1988 = Ежегодник провинции Хэйлуцзян, 1988 год. Харбин, 1988. С. 76.

блокадой»²⁸⁴. Занимались они, прежде всего, решением проблем госпредприятий и региональных компаний, которые сталкивались с проблемами закупа сырья и сбыта продукции. Как пишут Р. Коуз и Ван Нин, «местный протекционизм толкал страну к феодальной экономике»²⁸⁵.

Таким образом, к концу 1980-х гг. стало очевидно, что экономические реформы в условиях децентрализации при сохранении элементов плановой экономики (как характеризовал этот феномен Сюй Чэнган, «регионально децентрализованная авторитарная система»²⁸⁶) вели *даже к ещё большей фрагментации экономики*, чем это было во времена «культурной революции», созданию хаотичной ценовой конъюнктуры и при этом не решали проблему неэффективного государственного сектора.

Другой проблемой стала диспропорция в экономическом развитии различных регионов. Первое десятилетие реформ привело к впечатляющим успехам развития в приморских районах, что контрастировало с отставанием континентальных и периферийных территорий. Рост ВРП восточных провинций, движимый притоком иностранных инвестиций в экспортно-ориентированное производство, расширением международной торговли и либерализацией внутреннего рынка²⁸⁷, стремительно увеличивался. К середине

---

²⁸⁴ Чэнь Юнцзюнь. Чжунхуа жэньминь гунхэго дицюй цзянь шичан фэнсо вэньти яньцзю = Исследование вопросов межрегиональной рыночной блокады в КНР. Фучжоу, 1994. 287 с.

²⁸⁵ Коуз Р. Указ. соч. С. 111.

²⁸⁶ Xu Chenggang. The Institutional Foundations of China's Reforms and Development // Journal of Economic Literature. URL: https://www.researchgate.net/publication/228122072_The_Institutional_Foundations_of_China's_Reforms_and_Development

²⁸⁷ Гоюань гуаньюй цзиньibu кода яньхай цзинцзи кайфанцюй фаньвэй дэ тунчжи, 1984.03.18 = Уведомление Госсовета КНР в отношении дальнейшего расширения масштабов районов экономической открытости в приморских регионах, 18 марта 1984 г. URL: <http://rhh.reformdata.org/index.html#/article/A4A587F3D0835928D30C2253F0624953>

1990-х гг. ВРП на душу населения в самой богатой провинции (Шанхай) превышал аналогичный показатель в самой бедной (Гуйчжоу) более чем в 12 раз, создавая значительные угрозы дальнейшей стабильности страны: трудно контролируемый приток населения в развитые провинции, усиление маятниковой миграции, внутривластные риски²⁸⁸. С момента установления фискальной «модели Цзянсу» руководство страны оказывало отстающим регионам всестороннюю, преимущественно материальную помощь, но возможности её оказания постепенно сужались, так как государство было ограничено в перераспределении ресурсов и не имело достаточного бюджета.

В результате дискуссия и попытка корректировки «системы отдельных котлов» сопровождали весь период её существования в общенациональных рамках:

Уже в 1984 г. был введён налог на продукцию местных предприятий. Этот налог фактически являлся главным источником доходов для местных властей, причем предприятия платили его всё время, пока работали, вне зависимости от реальной прибыли²⁸⁹. В 1985 г. Госсовет КНР ввёл систему корректировок фискальных контрактов в зависимости от показателей предыдущих лет с целью сократить число дотационных регионов (теперь бедным провинциям разрешалось оставлять у себя больше налогов, богатые же должны были переводить в Центр больше)²⁹⁰. Естественно, региональная бюрократия развитых провинций ответила на это решение тем, что стала скрывать доходы и развивать

---

²⁸⁸ История Северо-Восточного Китая... Кн. 5. С. 42.

²⁸⁹ Тянь Цзюнь. Гуаньюй цзякуай туйсин лигайшуй дэ ицзянь = Мнение об ускорении продвижения перехода от системы отчислений к системе выплаты налогов. URL: <http://rhh.reformdata.org/#/article/CF2EE7DE99895351D72DCC79D067B24B>

²⁹⁰ Wang Qian et al. Local Government Tax Effort in China: An Analysis of Provincial Tax Performance // Region et Development. 2009. № 29. P. 208.

свои внебюджетные поступления, и в целом в 1985–1993 гг. налоговые поступления от этих регионов росли меньше, чем в среднем по стране²⁹¹.

По информации Оксенберга и Тонга, в 1985 г. ожидалось принятие новой фискальной системы, которая предполагала бы увеличение доходов Центра²⁹², но соответствующее решение было отложено ввиду дестабилизации обстановки в Китае и нежелания Центра ссориться с региональными лидерами. Однако к концу 1980-х гг., когда кризисные проявления уже нельзя было игнорировать, а доходы Центра сократились до угрожающих значений (см. Приложение), большая часть руководства КНР пришла к мысли о необходимости изменения характера центр-региональных отношений в пользу централизации — мы в данной работе называем её также *«рецентрализацией»*²⁹³.

Важной вехой явилась публикация доклада «Системные проблемы китайской экономики и выбор: некоторые идеи

---

²⁹¹ Wang Qian et al. Op. cit. P. 208.

²⁹² Oksenberg M., Tong J. Op. cit. P. 26.

²⁹³ Термин «рецентрализация» ранее употреблялся целым рядом западных исследователей (см.: Bergsten F. Op. cit.; Kostka G., Nahm J. Central-Local Relations: Recentralization and Environmental Governance in China...; Ahmad E. Recentralization in China? // International Monetary Fund Working Papers), при этом его всё ещё нельзя назвать общеупотребимым. Приставка «ре-» подразумевает возврат к той модели, которая существовала в момент образования КНР, до начала экспериментов Мао Цзэдуна, позднее перетекших в экономические реформы конца 1970–1980-х гг. В данном случае подчёркивается тот факт, что изначально организация центр-региональных отношений в КНР подразумевалась по советскому образцу, что было реализовано в период 1952–1956 гг., и, таким образом, установление Центром контроля над регионами не является для китайской практики чем-то принципиально новым. Более того, реалии маоистского периода показывают, что, несмотря на стимулирование создания автономных административно-хозяйственных единиц (децентрализация), в ряде сфер (например, стратегические отрасли промышленности, идеология), отношения Пекина и регионов были предельно централизованы.

относительно ситуации с развитием китайской экономики и операционный механизм (Тезисы)» (1990 г.), автором которого был Чэнь Юань, сын Чэнь Юня и руководитель Пекинской ассоциации молодых экономистов. Чэнь последовательно и аргументированно критиковал децентрализацию, приведшую к росту регионального протекционизма и фрагментации национальной экономики. В качестве выхода из ситуации Чэнь рекомендовал «новую централизацию», однако оговаривался, что она должна быть иной, чем при прежней плановой экономике. Для регулирования отношений между регионами необходимо прибегнуть к рыночному регулированию, но при решающей регулирующей роли государства²⁹⁴.

Комплекс рецентрализационных реформ был осуществлён уже в 1990-е гг. Возможности проведения таких системных реформ способствовала стабилизация обстановки в стране после 1989 г., завершение активного периода политической борьбы, а также наблюдение за провалом советских реформ, завершившихся отстранением правящей партии от власти и распадом страны.

---

²⁹⁴ Цит. по: Fewsmith J. Op. cit. P. 93.

Глава 4

«Разбежавшись, прыгну со скалы: советские реформы в 1985–1991 гг.

4.1. Реформы периода мобилизации: 1985–1987 гг.

Как и китайские реформы, советская перестройка изначально не имела чёткого плана или «дорожной карты», что признаётся и её инициаторами²⁹⁵. Более того, первые шаги нового советского руководства, по сути, повторили тот же курс на мобилизацию имеющихся экономического и политического потенциала без системных изменений, который проводил и Пекин в первые годы реформ. Если в Китае убирали выдвиженцев «культурной революции», то в СССР от руководящих должностей отстраняли тяжеловесов брежневских времён. Сам курс реформ также был отмечен большой долей импровизации.

Наиболее видимым отличием от китайских реформ в СССР стало то обстоятельство, что советское руководство

---

²⁹⁵ «Было бы странно, если бы с самого начала мы имели программу предстоящих реформ, тот самый “чёткий план”, отсутствие которого нам ставят в вину критики перестройки. Откуда он взялся бы после двух десятилетий застоя? Нам было ясно, что предстоит трудный поиск пути, и мы не претендовали на то, что у нас есть “расписание поездов”, “график реформ”. Но это не означает отсутствия ясной цели преобразований, их основного направления. С самого начала у перестройки был один лейтмотив, красная нить, которая проходила сквозь все её этапы и определяла наши поиски. Перестройка была обращена к людям. Её целью было раскрепостить человека, сделать его хозяином своей судьбы, своей страны». (Горбачёв М.С. Понять перестройку, отстоять новое мышление // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ponyat-perestrojku/>).

имело дело с намного более цельной и жёсткой системой централизованного управления. Здесь было намного меньше пространства для выборочных экономических экспериментов. А требования регионов были скоординированными и почти идентичными.

На первом этапе упор делался на «ускорении»²⁹⁶ социально-экономического развития страны. Эта задача была сформулирована на Апрельском пленуме ЦК КПСС 1985 г., хотя фактически она восходила ещё к политике Ю.В. Андропова (что неудивительно, учитывая, что новый генсек М.С. Горбачёв курировал в период правления Андропова подготовку преобразований).

Одновременно набирала темпы «кадровая революция», коснувшаяся, прежде всего, руководящего звена. К началу 1987 г. было заменено 70% членов Политбюро, 60% секретарей региональных парторганизаций, 40% членов ЦК КПСС, получивших свои посты при Брежневе. Из 115 членов Совета министров СССР, занимавших руководящие посты в 1985 г., к 1988 г. осталось двадцать два, а к 1989 г. — десять человек.

В экономике центральное место отводилось ускоренному развитию машиностроения, которое рассматривалось в качестве «локомотива», способного вытянуть всё народное хозяйство. До середины 1986 г. управление экономикой осуществлялось в основном с помощью административных мер: были созданы новые управленческие структуры (например, Бюро Совета министров СССР по машиностроению,

---

²⁹⁶ Сам термин «ускорение» был провозглашён Горбачёвым 23 апреля 1985 г. на Апрельском пленуме ЦК КПСС, однако фактически входил в ту экономическую программу, разработка которой была инициирована при Ю.В. Андропове ещё с 1983 г. На том же пленуме М.С. Горбачёв неоднократно упоминал и слово «перестройка» в различных сочетаниях, однако характера лозунга это слово на тот момент ещё не имело. Впервые в этом качестве Горбачёв упомянул «перестройку» 8 апреля 1986 г.

Госкомитет по вычислительной технике и информатике), введена госприёмка выпускаемой продукции и т.д.

Одновременно новое руководство страны стремилось проводить активную социальную политику. С мая 1985 г. проводилась антиалкогольная кампания, были приняты решения об изменении в системе образования, здравоохранения, разработана программа «Жильё-2000», предусматривавшая, что к 2000 г. каждая семья будет иметь собственную квартиру или дом. Всё вкуче это создало завышенный фон ожиданий у населения, которые, впрочем, не соответствовали потенциалу существовавшей административной и экономической системы. Наметились явные противоречия между надеждами на быстрое решение всех проблем и реальной ситуацией. Значительная часть этих противоречий находилась в сфере центр-региональных отношений.

Как было отмечено, взаимоотношения между Центром и регионами к середине 1980-х годов представляли собой сложный комплекс внутренних взаимосвязей партийно-государственной машины, взаимодействий между различными её уровнями: личные контакты первых лиц государства и региона, письменные и телефонные обращения в Центр партийных руководителей и крупных учёных, посещения территорий союзными министрами и членами ЦК КПСС. Дискуссии по проблемам и перспективам регионов носили, как правило, кулуарный характер, письменные материалы, в большинстве случаев, имели гриф «секретно». Если требовалось сколько-нибудь широкое обсуждение (например, с учёными Дальневосточного научного центра АН СССР), то подобные материалы неизменно предназначались лишь «для служебного пользования». Это было связано с политическим позиционированием власти — партия в глазах советских граждан должна была выглядеть монолитной глыбой, в её авангарде нет и не могло быть противоречий

и дискуссий. Такая позиция открыто провозглашалась в преамбуле Устава КПСС, принятом в 1961 г. на XXII съезде партии²⁹⁷.

Внешняя монолитность, наряду с высоким уровнем политической централизации, не позволяла региональным лидерам получать символические ресурсы с помощью публичной политики за счёт поддержки общества. Региональные управленцы с успехом использовали другие возможности для упрочения своего политического статуса — например, на Дальнем Востоке они были связаны со специфическим положением региона, которое определялось внешними и внутренними факторами²⁹⁸.

---

²⁹⁷ Программы и Уставы КПСС. М. : Политиздат, 1969. С. 368.

²⁹⁸ Внешний фактор был связан с общим геополитическим напряжением, которое в тот период испытывал СССР. Несмотря на глобальный характер этого явления, именно на Дальнем Востоке страна оказалась в наиболее уязвимом положении. Советские географы ещё в середине 1970-х гг. подметили, что здесь, как ни в каком другом регионе мира соприкасаются могущественные государства. На тихоокеанских рубежах СССР имел морскую границу со странами ядра капиталистической системы — с США и Японией, и сухопутную с коммунистическим, но в то время совсем не дружественным Китаем. Все рассматриваемые нами регионы юга Дальнего Востока были приграничными: Хабаровский край и Амурская область — с КНР; Приморье — с КНР и КНДР, морская граница с Японией. Более того, дальневосточные границы страны не получили всеобщего международного признания. На часть дальневосточной территории претендовали Япония и Китай. Внутренний фактор внимания Москвы к Дальнему Востоку состоял в ресурсном богатстве этого региона. С 1970-х гг., по мере вхождения СССР в число крупнейших мировых экспортёров сырья, освоение Сибири и Дальнего Востока, привлечение и закрепление населения на этих территориях, становятся одним из важнейших приоритетов в социально-экономической политике КПСС. За 15 лет (1966–1980) капитальные вложения в Дальний Восток составили 65 млрд 278 млн руб. За тот же период в куда более населённые Восточную и Западную Сибирь было направлено соответственно: 73 млрд 431 млн и 109 млрд 10 млн руб. В целом на Сибирь и Дальний Восток в те годы направлялось около 1/3 государственных инвестиций. Приоритетность Дальнего Востока

Когда к власти пришёл М.С. Горбачёв, во многом изменились системные условия, в которых региональная бюрократия была вынуждена взаимодействовать с Центром. Как отмечалось выше, ушла в прошлое кадровая стабильность, возросли требования к ответственности всех уровней власти. Ротация региональных властей приобрела невиданный динамизм. Например, с 1985 по 1988 г. в Амурском обкоме аппарат обновился на 83%²⁹⁹, за эти же три года на Дальнем Востоке были заменены все первые секретари³⁰⁰.

Со времён андроповской политики «укрепления дисциплины» Центр пытался найти то самое управленческое «звено», взявшись за которое можно вытащить всю «цепь», и на первом этапе таким звеном М.С. Горбачеву казались региональные партийные лидеры. Не случайно А.К. Чёрный с обидой (в противовес комфортному времени Л.И. Брежневца) вспоминает, как М.С. Горбачёв, ещё не став генсеком, устраивал разносы региональной номенклатуре, проявляя «заносчивость к партийным кадрам со стажем. Ему казалось, что повышать требовательность надо с них. [...] Ещё в середине 1984 г. он активно взялся за аппарат ЦК, стремился его соответствующим образом “настроить” против низовых партийных органов. Начал часто собирать работников аппарата, через них посыпался поток пространственных указаний на места»³⁰¹.

в региональной политике Москвы открывала дополнительные возможности руководству дальневосточных краёв и областей. Оно активно обращалось в Центр в поиске ресурсов для решения тех или иных региональных проблем.

²⁹⁹ Буянов Е.В. Амурский обком КПСС (1948–1991) // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2004. Вып. 26. С. 63.

³⁰⁰ Вашук А.С. Указ. соч. С. 379.

³⁰¹ Чёрный А.К. Указ. соч. С. 433–434.

На региональном уровне всё более очевидным становился факт, что новая власть в Центре, провозгласив курс на перемены, была гораздо свободней в своих действиях, старый консенсус элит был разрушен, и назревала необходимость «передоговориться» на новых условиях в духе провозглашённого ускорения. Яркий пример такой тактики мы видим на Дальнем Востоке. Новый генсек ЦК практически сразу по вступлении в должность получил коллективное обращение глав Приморского и Хабаровского краёв, Амурской области и Якутской АССР. Они напомнили М.С. Горбачёву, что Дальний Восток — это «очень важный макрорегион», отметили его возросший удельный вес в экономике страны, разнообразие добываемых здесь ресурсов и их разведанных запасов, а также благотворность постановлений ЦК и Совета Министров СССР от 1967 и 1972 гг. по дальнейшему комплексному развитию производительных сил, благодаря которым объём промышленного производства с 1966 по 1980 г. увеличился в 2,3 раза, продукция сельского хозяйства — в 1,6 раза. Впрочем, тут же говорилось и о проблемах: «...однако за последнее время темпы экономического и социального развития Дальневосточного района заметно снизились. В 1970–1980 гг. они составили 67% при общем росте производства в стране на 78%. Причины такого положения дел виделись им как объективные, не зависящие от их воли: отставание от общесоюзного уровня благосостояния населения, диспропорции «в отдельных отраслях народного хозяйства»³⁰².

«Складывающееся положение в народном хозяйстве Дальнего Востока, — писали они, — не отвечает экономической стратегии партии по ускоренному наращиванию потенциала восточных районов страны и вызывает настоятельную

---

³⁰² ГАХК. Ф. 35. Оп. 112. Д. 175. Л. 46.

потребность принятия комплексных мер по их дальнейшему экономическому и социальному развитию». Задачу развития Дальнего Востока дальневосточные руководители видели в активном вовлечении в оборот «богатых природных ресурсов», в ускоренном наращивании «экономического и оборонного потенциала», и для успешного решения этой задачи «полагали бы возможным просить принять специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по ускоренному развитию производительных сил Дальневосточного экономического района в 1986–1990 годах и на период до 2000 года»³⁰³.

Момент был выбран удачно. Обращение одновременно выражало и поддержку нового генсеку, знак готовности к модернизационному рывку, и оговаривало условие этой поддержки накануне серьёзных преобразований. Поэтому, чтобы ни думал М.С. Горбачёв о дальневосточных лидерах на самом деле, какое бы место ни занимал регион в планах на будущее, его реакция была вполне предсказуема. 29 апреля 1985 г. он написал резолюцию: «Прошу рассмотреть предложение т.т. Гагарова, Черного, Авраменко, Прокопьева и проработать вопрос о мерах по комплексному развитию Дальневосточного экономического района в 1986–1990 гг. и на период до 2000 г. с учётом его большой экономической и оборонной значимости»³⁰⁴.

Учитывая, что ранее, ещё с 1970-х гг. уже разрабатывалась аналогичная программа, возникла некоторая стратегическая неопределённость. Она продолжалась ещё более года — вплоть до первого приезда на Дальний Восток М.С. Горбачёва в статусе генсека. Для региона эта поездка имела ключевое значение.

---

³⁰³ ГАХК. Ф. 35. Оп. 112. Д. 175. Л. 47–48.

³⁰⁴ Там же. Л. 46.

В ходе своего недельного турне (25–31 июля 1986 г.) М.С. Горбачёв посетил Приморский и Хабаровский края, причём во Владивостоке и Хабаровске в рамках единой цели решались разные задачи. 25 июля 1986 г., когда перестройка уже шла больше года, новый, но уже явно освоившийся на высоком посту генсек прибыл во Владивосток. Места следования кортежа по городу были заполнены людьми, которые забирались на деревья и крыши домов, была помята даже одна из машин кортежа³⁰⁵. Визит начался с награждения Владивостока орденом Ленина. В зале краевого драматического театра, где генсек вручил награду, он мог видеть большой транспарант вполне ожидаемого содержания: «Владивостокцы ответят на награду Родины ударным трудом» — для этого и вручался орден.

Горбачёв встречался с людьми города на Привокзальной площади, что демонстрировало его намерение по-новому вести дело в регионе. Он призывал: «Хватит рассматривать Дальний Восток только как источник сырья» и обратился к горожанам: «...Хочу посоветоваться. Может быть, нужна специальная государственная программа по развитию Дальнего Востока, которая бы охватывала все стороны — экономику, социальную сферу, особенно социальную?»³⁰⁶. Хотя надо заметить, что намерение сделать упор на социальную сторону было зафиксировано ещё в «Основных задачах развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 гг.», где говорилось, что «для обеспечения районов Сибири и Дальнего Востока кадрами намечено предусмотреть более быстрые темпы строительства в этих районах жилых домов

---

³⁰⁵ Григорьев К.А. Указ. соч. С. 199.

³⁰⁶ Перестройка неотложна, она касается всех и во всём: сборник материалов о поездке М.С. Горбачёва на Дальний Восток, 25–31 июля 1986 г. М. : Политиздат, 1986. С. 57.

и культурно-бытовых учреждений»³⁰⁷, а к 1985 г. уже восемь лет разрабатывалась новая программа развития региона. В свете новых задач перестройки, она, безусловно, требовала корректив, но сама постановка вопроса явно свидетельствует о том, что в данном случае доминировал политический аспект: во-первых, с целью привлечь симпатии людей, получив их поддержку в грядущих преобразованиях, а во-вторых, вдохновить их на «трудовой подвиг».

На это очень рассчитывали некоторые из местных политических лидеров, в том числе и председатель приморского крайисполкома Д.И. Карабанов, убеждавший депутатов краевого Совета в том, что «политический и трудовой подъём приморцев, вызванный посещением края товарищем М.С. Горбачёвым, заботой партии о Дальнем Востоке, должен обеспечить успех в стартовом году пятилетки»³⁰⁸. На это рассчитывал и сам Горбачёв, встречаясь с приморским партийным активом: «Если мы соединим всё это, чтобы перестройка шла и снизу, и сверху, то и результат будет»³⁰⁹.

Принятие программы, которая теперь как бы исходила лично от генерального секретаря, повышало и его популярность, и общую легитимность Центра. Вообще давно подмечено, что «за каждой программой [регионального развития], как правило, стояло ощущение крупного физического резерва власти и соответствующей его масштабу волны общественной поддержки»³¹⁰.

---

³⁰⁷ Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 годы // КПСС. Съезд, 25-й. Материалы XXV съезда КПСС. 1976. М. : Политиздат, 1976. С. 168.

³⁰⁸ ГАПК. Ф. 26. О.37. Д. 681. Л. 26.

³⁰⁹ Перестройка неотложна, она касается всех и во всём... С. 59.

³¹⁰ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М. : Наука, 2004. С. 549.

Тем не менее политический момент при всей его важности не подменял собой государственных задач. При том, что имела место точка зрения на эту Программу как на откровенно популистский ход³¹¹, есть основания считать, что популизм был лишь её элементом и не самым значимым. Обратимся к встрече Горбачёва с партийным активом края.

«Дальний Восток, — говорил генеральный секретарь, — по традиции называют форпостом страны на Тихом океане. Это, безусловно, верно. Но сегодня такой взгляд уже нельзя признать достаточным. Приморье, Дальний Восток надо превратить в высокоразвитый народнохозяйственный комплекс»³¹². Но особенно нам важно, что основой для этого, по его мнению, должен был выступить созданный потенциал региона. И действительно, потенциал был создан немалый — объём промышленного производства за 1965–1985 гг. почти утроился³¹³. Генсек явно даёт понять, что модернизационный рывок надо делать не столько за счёт ответственности Центра, но, главным образом, *за счёт мобилизации потенциала регионов*. В ходе совещания прозвучала и формулировка «*новая региональная политика*», которая должна соответствовать курсу на «ускорение», и один из приоритетов которой — «развитие восточных районов»³¹⁴.

Горбачёв своеобразно представлял причины возникших в регионе трудностей: «это непонимание роли и значения экономики Дальнего Востока, а в конечном итоге — политическая недалёковидность некоторых ответственных работников Госплана и Госснаба СССР, министров цветной металлургии, угольной промышленности, энергетики

---

³¹¹ См.: Чёрный А.К. Указ. соч. С. 445; Минакир П.А. Указ. соч. С. 190–194.

³¹² Перестройка неотложна, она касается всех и во всём... С. 13.

³¹³ Там же. С. 13.

³¹⁴ Там же. С. 14.

и электрификации, ряда других ведомств. Значительную и немалую долю вины несут республиканские и местные органы»³¹⁵. Таким образом, впервые публично признавалась ответственность центральных органов власти за положение дел на Дальнем Востоке, однако о том, *кого* Горбачёв в большей степени винил в региональных проблемах, стало ясно по хабаровской речи генсека 31 июля того же года.

Его речь на собрании партийного актива края была резко контрастна владивостокской по возросшему критическому настрою. Он констатировал, что «глубоких качественных изменений, которые закрепили бы тенденцию ускоренного роста, пока не произошло», и впервые применил термин «революция» к происходящим в стране процессам: «Перестройка — ёмкое слово. Я бы поставил знак равенства между словами перестройка и революция... У нас есть ещё, конечно, люди, которые слово перестройка воспринимают с трудом, да и выговаривают его иногда даже с трудом»³¹⁶.

Ничего подобного не было сказано во Владивостоке, хотя управленческие и социально-экономические проблемы двух краёв были практически идентичны. Очевидно, дело было в личности первого секретаря Хабаровского крайкома А.К. Чёрного, который, в отличие от недавно занявшего свой пост приморского коллеги Д.Н. Гагарова, руководил краем уже 21 год, олицетворяя собой «застойные» брежневские времена.

Такой политике «кнута и пряника» можно дать объяснение. Несмотря на то, что 1986 г. был отмечен позитивной социально-экономической динамикой, партийное руководство уже тогда столкнулось с тотальным кризисом управляемости. И первый этап перестройки, не в последнюю очередь, был попыткой найти тот управленческий слой, где гасятся

---

³¹⁵ Перестройка неотложна, она касается всех и во всём...

³¹⁶ Там же. С. 37–38.

импульсы ускорения. В начале перестройки, как уже отмечалось выше, таким слоем представлялись ответственные партийные работники «со стажем», которые в глазах нового руководства, прежде всего, несли ответственность за «застой». Как и в Китае, реформаторские шаги высшего руководства сопровождались растерянностью управленцев на местах, непониманием замысла.

Главный упрёк М.С. Горбачёва хабаровским руководителям — неумение вести организаторскую работу. Они, якобы, допустили ситуацию, когда построенные предприятия с новым дорогим оборудованием в течение нескольких лет не используют в полном объёме свои мощности: «Это относится к 70 процентам промышленных объектов, введённых и реконструированных за 10 лет...» Вывод генсека был однозначен: «В общем, товарищи, надо менять стиль работы»³¹⁷. А.К. Чёрный увидел в этом «разносе» первый в стране сигнал высшего руководства открывать «огонь по штабам»³¹⁸. А Горбачёв, в свою очередь, после посещения региона погрузился в нелёгкие раздумья о путях дальнейших преобразований в стране³¹⁹. Дальний Восток стал первым регионом, где М.С. Горбачёв «начал публично обвинять среднее звено управленческой системы страны в недостатках, в саботаже»³²⁰.

Уже в сравнительно благополучном 1986 г. для всех уровней власти прозвучал тревожный звонок: несмотря на то, что цели были чётко поставлены, а в стране усиливался «ветер перемен», на местах проблемы оставались прежними.

---

³¹⁷ Там же. С. 43, 50.

³¹⁸ Чёрный А.К. Указ. соч. С. 443–445.

³¹⁹ Горбачёв М.С. Понять Перестройку... Почему это важно сейчас. М., 2006. С. 87–88.

³²⁰ Пихоя Р.Г., Соколов А.К. История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х — 1991 гг. М., 2008. С. 164.

В информационном потоке из регионов в Центр они объяснялись плохой работой министерств и ведомств, которые не выполняли свои обязательства, обесценивая усилия партийных органов³²¹. В документах Приморского крайкома, посылаемых в Центр, изображалась следующая ситуация: в крае всплеск трудового энтузиазма, трудящиеся активно работают на претворение в жизнь указаний и критических замечаний М.С. Горбачёва. В то же время виновниками проблем назывались центральные ведомства: «...намеченные мероприятия не позволяют добиться безусловного выполнения указаний Центрального комитета КПСС по обеспечению ускоренного ввода жилья и соцкультбыта, так как ряд министерств, в числе которых: Минводхоз СССР, Минтрансстрой СССР, Минлегпром СССР, Минжилкомхоз РСФСР, Минсельхоз СССР в 1987 году планируют снижение ввода этих объектов относительно текущего года»³²².

Любопытна судьба программы развития Дальнего Востока, «инициированной» Горбачёвым во Владивостоке. Официально она была принята 19 августа 1987 г. Постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР и сформулирована как «Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области до 2000 г.» (ДГП). Центр отмечал: «...ускорение комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области является конкретным выражением региональной экономической политики партии, выработанной XXVII съездом КПСС»³²³.

---

³²¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 241. Л. 21.

³²² Там же. Л. 108.

³²³ Там же. Д. 586. Л. 39.

Таким образом, «политика», если и предполагалась в отношениях Центр — регион, то именно как «экономическая», и всё политическое в этой программе, особенно на стадии выполнения, должно было заключаться: во-первых, в объединении единой целью министерств и ведомств; во-вторых — в работе региональных партийных органов по организации соответствующего трудового подъёма среди местного населения. Никаких децентрализационных действий, связанных с изменением структур управления на местах или получения доходов, не предполагалось. По-прежнему ставка делалась на потенциал имевшейся системы.

Программа предполагала масштабные централизованные инвестиции (порядка 200 млрд руб.) и резкое, примерно в 2,7 раза³²⁴, ускорение темпов экономического развития. В ближайшие 15 лет планировалось создать экономический потенциал примерно равный тому, что был накоплен на Дальнем Востоке за все годы советской власти, общий экономический рост с 1985 по 2000 г. предполагался на уровне 250%³²⁵.

Забегая вперёд, отметим, что программа, оказав некоторый позитивный эффект на развитие региона, в итоге осталась невыполненной. П.А. Минакир делает вывод, что «программа не смогла переломить уже оформившиеся к концу 80-х годов негативные тенденции на Дальнем Востоке». Средний темп прироста промышленного производства в регионе в «программные» 1987–1990 гг. составил 3%, что было даже меньше наихудшей за предшествующие 15 лет пятилетки 1981–1985 гг.³²⁶ В чём же причина?

Сегодня считается общепринятой точка зрения, что у страны просто не было средств на масштабные инвестиционные

---

³²⁴ ГАХК. Ф. П-35. О. 115. Д. 79. Л. 54.

³²⁵ Минакир П.А. Указ. соч. С. 193.

³²⁶ Там же. С. 195.

проекты, что это был своеобразный популистский ход М.С. Горбачёва. По сути, тот же вывод делается применительно ко всей ко программе мобилизации («ускорения»).

В частности, вот как видит эту проблему А.В. Шубин: «Для технической модернизации хозяйства нужны были огромные средства (кстати, те же 200 млрд руб., что и на ДГП). Где взять эти средства? Те статьи экономии, на которые рассчитывал Горбачёв (оборона, сокращение управленческого аппарата и др.) ещё не были получены. Горбачёв не располагал и ресурсом, который в свое время позволил Сталину осуществить модернизацию — массой дешёвых рабочих рук разорённого крестьянства»³²⁷. Шубин связывает решение проблемы с постиндустриальным преобразованием общества, необходимость которого не осознавали теоретики КПСС. П.А. Минакир также считает, что Программа исходила из ошибочной предпосылки сохранения политики «мягких бюджетных ограничений», для которой уже не было ресурсов³²⁸. Если рассуждать с макротеоретических позиций, то можно вспомнить и геополитическую теорию Р. Коллинза, и показать, что страна и без того находилась в мощном ресурсном напряжении и такая программа (тем более что она была не единственной) только «добила» советскую экономику.

Очевидно, что у страны, особенно в связи с Чернобыльской катастрофой в 1986 г. и землетрясением в Армении в 1988 г., был серьёзный дефицит финансовых и прочих средств. Однако не менее очевидно и то, что предусмотренные на ДГП 200–250 млрд руб. должны были появиться не сами собой, а *в результате политики «ускорения»*. Здесь

---

³²⁷ Шубин А.В. Парадоксы Перестройки. Упущенный шанс СССР. М. : Вече, 2005. С. 62.

³²⁸ Минакир П.А. Указ. соч. С. 190.

была жесткая взаимосвязь. Мобилизация и модернизация должны были давать отдачу уже в процессе, а не когда-то в итоге. Соответственно, должны были увеличиваться ресурсы Центра, перераспределяемые министерствами и ведомствами. Но этого-то как раз и не получилось.

В начале перестройки власти продолжали уповать на возможность обеспечить «ускорение» с помощью интенсификации труда. Региональное руководство ставило цели перед идеологическим аппаратом: мобилизовать людей на ударный труд, повысить их социальную активность (конечно, в нужном для власти русле). Партийные функционеры всерьёз рассчитывали вдохновить людей силой убеждения, используя развитую сеть Домов культуры, клубов, наработанный арсенал средств пропаганды, отряды партийных агитаторов. Например, А.К. Чёрный, призывал включиться в этот процесс хабаровских художников, писателей, артистов, которые должны были встречаться с тружениками заводов и полей, прославлять их трудовые подвиги³²⁹.

Для тех, кто не внимал «убеждениям», предусматривались другие средства. Контроль, осуществлявшийся административными и силовыми органами государства, дополнялся партийным контролем для членов КПСС. Это была наиболее привычная и, как казалось, легко исполнимая мера для советского руководства.

На бумаге всё выглядело просто и эффектно. Например, Приморский крайком своим постановлением от 23 декабря 1986 г. просто обязал горкомы, райкомы КПСС, партийные, профсоюзные, комсомольские организации, советские, хозяйственные и правоохранительные органы «широко развернуть целеустремлённую и последовательную работу» в этом направлении³³⁰. О том, что в ускорении экономического

---

³²⁹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 112. Д 5. Л. 33.

³³⁰ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 281. Л. 1.

развития правоохранительным органам отводилась одна из ключевых ролей, свидетельствует решение Приморского крайкома закрепить за ними до 1 марта 1987 г. по 1–2 крупных предприятия, совхоза, колхоза, учебных заведений с неблагополучным состоянием дел по соблюдению трудового законодательства и профилактике правонарушений³³¹.

Идеологическое воздействие должно было дополняться материальными стимулами, которые в советских реалиях заключались не только в увеличении благосостояния, но и в стремлении государства связать эти доходы с результативностью труда работников³³². В результате расширения экономической самостоятельности и ответственности предприятий должна была произойти дифференциация по принципу: работающий эффективно будет получать больше, чем раньше, а доходы неэффективных работников снизятся. Это должно было мобилизовать людей на более активный труд и двинуть вперёд экономику.

Однако, чтобы этот принцип заработал в рамках советской экономики, требовался действенный административный контроль как за распределением экономических ресурсов, так и за работающим населением, которое к этому времени адаптировалось к уравнительной системе. В противном случае и работники, и целые предприятия могли обеспечивать себе дополнительные доходы в рамках теневой экономики, которая к середине 1980-х гг. приобрела большой размах³³³, поэтому этот расчёт не оправдался.

---

³³¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 281. Л. 4.

³³² Валовой Д.В. От застоя к развалу. М., 1991. С. 461–472; Майминас Е.З. Контекст экономической реформы // Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа / ред. сот. Ф.М. Бородин, Л.Я. Косалс, Р.В. Рывкина. М., 1989. С. 422–455.

³³³ Райг И.Х. Нелегальная экономическая деятельность // Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа / ред. сот. Ф.М. Бородин, Л.Я. Косалс, Р.В. Рывкина. М., 1989. С. 203–213.

То, что реформы изначально опирались на традиционную систему управления, не является ни ошибкой, ни свидетельством лукавства команды М.С. Горбачёва. Советская модель государственного управления долгое время считалась весьма действенной не только советскими управленцами³³⁴ и идеологами, но и ведущими западными интеллектуалами³³⁵.

В рассматриваемый период партия уже давно не представляла собой монолитной высокодисциплинированной организации, какой официально продолжала считаться. При том что уже довольно много написано о разложении

---

³³⁴ Это представление ёмко сформулировал известный писатель и общественный деятель Ф.М. Бурлацкий: «Горбачёв оказался тем человеком, который сознательно или скорее бессознательно подрубил фундаментальные сваи не только коммунизма, но и всего великого государства». Под этими сваями понималась, конечно, КПСС — «18-миллионная организация, спаянная дисциплиной, скреплявшей всю систему от завода и кооператива, школы и университета до правительства и Верховного Совета СССР» (Бурлацкий Ф.М. Русские государи: Эпоха реформации. Никита Смелый, Михаил Блаженный, Борис Крутой. М., 1996. С. 296).

³³⁵ В 1968 г. американский политолог С. Хантингтон в своей знаменитой книге «Политический порядок в меняющихся обществах» относил СССР к странам, демонстрирующим пример эффективного государственного управления (Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 24). Примерно тогда же один из крупнейших историков современности Ф. Бродель отмечал, что в СССР установлен режим «политической диктатуры... где существует одна-единственная дисциплинированная и “монолитная” политическая партия, противоречия в которой проявляются только на уровне драматического столкновения личностей» (Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008. С. 527).

Во второй половине 1980-х гг. некоторые западные учёные уже серьёзно сомневались в эффективности советского государственного управления, но один из самых авторитетных американских историков Ч. Тилли в своей последней книге всё же относил СССР времён М.С. Горбачёва к странам с высоким государственным потенциалом (Тилли Ч. Демократия. М., 2007. С. 165–166).

партийной верхушки накануне перестройки, было бы ошибкой забывать, что их политическая и экономическая сила зависела от так называемой «партийной массы» — т.е. членов КПСС, представленных во всех государственных органах, непосредственно на производстве и проводящих там политику партии. Без опоры на нижестоящие партийные организации аппарат как бы «повисал в воздухе». На протяжении восемнадцати лет брежневского правления эта ключевая проблема, казалось, вовсе вышла из фокуса внимания партийного руководства.

Однако именно партийные комитеты отвечали «за организацию работы по внедрению научно-технических достижений в производство, повышению качества продукции, строжайшей экономии средств и материалов»³³⁶. На региональном уровне также считали, что контроль требовалось усилить буквально «во всех областях народного хозяйства, на каждом производственном участке и непосредственно в самих партийных звеньях»³³⁷.

В этих условиях по определению возрастала роль нижестоящих, особенно первичных партийных организаций — того звена, которое было включено непосредственно в экономику страны, члены которого находились ближе всех к реальному производству. Горбачёв рассматривал их как главный резерв и потенциал для усиления партийного влияния на социально-экономические процессы³³⁸. Кроме того, решения партийного руководства, которые заведомо ущемляли интересы хозяйственной бюрократии, при существующей системе могли быть реализованы главным образом с помощью первичных организаций.

---

³³⁶ Горбачёв М.С. Избранные речи и статьи... С. 21.

³³⁷ ГАПК. П-68. Оп. 117. Д. 22. Л. 28.

³³⁸ Горбачёв М.С. Избранные речи и статьи... С. 450.

С учётом такой роли первичных партийных организаций становится очевидно, что крайкомы и обкомы не только были ответственны перед Центральным Комитетом за работу всех нижестоящих партийных звеньев, но и зависимы от последних в выполнении решений и замечаний Центра. Результат работы регионального уровня управления, как и любого другого, — это, прежде всего, совокупный результат усилий всех нижестоящих уровней. Поэтому давление, оказываемое Центром на регионы, с новой силой возросшее с приходом М.С. Горбачёва к власти, передавалось вниз по вертикали, вплоть до первичных партийных организаций, которые стали объектом прицельной и жёсткой критики со стороны региональных партийных комитетов.

По характеру этой критики напрашивается вывод, что кризис «первичек» был следствием процесса складывания потребительского общества, т.е. определялся явным доминированием потребительской мотивации рядовых коммунистов над трудовой. Главная претензия крайкомов к «первичкам» — неумение и нежелание организовать трудовой подъём на местах. Например, в Хабаровском крае они критиковались за формализм, подмену «живого конкретного дела... бумаготворчеством», за низкую ответственность³³⁹. Краевое руководство видело основную причину отставания экономики и невыполнения плановых заданий в невысоком уровне работы первичных партийных организаций. Это очень важный момент — в критике, обращённой «вниз», виновными оказывались не министерства и ведомства, а именно первичные партийные организации, которых, по словам А.К. Чёрного, «не коснулся свежий ветер перемен»³⁴⁰.

---

³³⁹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 112. Д. 5. Л. 34.

³⁴⁰ Там же. Оп. 113. Д. 1. Л. 39.

К похожему выводу пришли и в Приморском крайкоме, где, анализируя истоки проблем строительной сферы, отмечали, что «Перестройка, проходящая в работе кадров руководителей, до настоящего времени ещё глубоко не коснулась работы кадров на всех уровнях». И если на уровне главков, трестов, крупных предприятий, партийных комитетов, был утверждён резерв кадров, велась его учёба, возросли требовательность и ответственность, то на уровне первичных партийных организаций эта работа находится не на должном уровне — именно там «не всегда есть резерв кадров, не разработаны программы социально-экономического развития трудовых коллективов и решения жилищной проблемы до 2000 г.»³⁴¹.

Естественно, такое положение дел не в последнюю очередь было следствием состояния самих первичных организаций — прежде всего качества кадров. Секретари зачастую выбирались по принципу «кому проще выполнять эти обязанности»³⁴², а партийные характеристики превратились в ничего не значащую формальность. В заброшенном состоянии находился партийный резерв. В Приморье, в Надеждинском районе, в городах Находке и Спасске каждый четвёртый из числа избранных в 1983–1985 гг. первых и вторых секретарей райкомов был не из партийного резерва³⁴³. Уже в самом начале перестройки региональное руководство подвергло сомнению качество партийного состава, критиковало партийные комиссии, которые в кадровом вопросе демонстрировали «плохую работу» и «поверхностное отношение»³⁴⁴.

---

³⁴¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 302. Л. 11–12.

³⁴² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 115. Д. 424. Л. 14–16.

³⁴³ Там же. Л. 53.

³⁴⁴ Там же. Д. 627. Л. 14–16.

Низкий уровень работы первичных парторганизаций был причиной провальных результатов идеологической работы партии, на которую делалась ставка в начальный период перестройки. Неэффективность идеологического воздействия на общество определялась не только эволюцией объекта этого воздействия (т.е. общества), формализмом и устаревшими методами работы, но прежде всего тем, что в действенность идеологии не верили сами партийные работники.

Указанное неверие во второй половине 1980-х гг. носило уже массовый характер. Данные исследования, проведённые Академией общественных наук при ЦК КПСС, позволяют сделать вывод, что произошла фетишизация экономических условий и материальных предпосылок не только в массовом сознании, но и в сознании партийных работников — новые ценностные ориентиры вытеснили, а в каком-то смысле и дискредитировали те, которые провозглашались коммунистической идеологией³⁴⁵.

Довольно скоро это стало очевидно и руководству страны. Материалы обсуждения тезисов для подготовки к XIX-й партийной конференции (июнь 1988 г.), проходившие по всей стране в 1987–1988 гг., демонстрировали зрелое недовольство общества³⁴⁶. Неочевидным оставалось пока то, против какого уровня власти это недовольство будет направлено. Естественно, Центр был заинтересован в том, чтобы нацелить его против нижестоящих уровней, превратив таким образом в инструмент отстранения консервативных кадров от власти. Горбачёв примерно за полтора года до конференции уже сделал вывод, что перестройка «обесценивается на уровне штабов»³⁴⁷, и был заинтересован

---

³⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 17. Д. 3050. Л. 34.

³⁴⁶ См., например: ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 771. Л. 1–186.

³⁴⁷ Цит. по: Шубин А.В. Парадоксы Перестройки... С. 77.

в обновлении их кадрового состава даже в большей степени, чем это было в 1985–1986 гг.

Первые прецеденты такого отношения проявились в ходе выборов делегатов на XIX-ю партийную конференцию. Весной 1988 г в Астрахани, Омске и Южно-Сахалинске прошли массовые митинги против первых секретарей обкомов, вызванные недовольством отбора делегатов на партийную конференцию³⁴⁸. В последнем случае результатом стала отставка областного руководства.

Искренний расчёт М.С. Горбачёва на управленческий потенциал КПСС в целом оказался радикально преувеличенным, а широкое обсуждение места и роли партии в обществе, инициированное перестройкой, лишь способствовало дальнейшему падению её потенциала.

Таким образом, попытки модернизации в начальный период советских реформ происходили на фоне снижения управляемости. Это выражалось, прежде всего, в неспособности мобилизовать как общество в целом, так и его ключевые группы на достижение провозглашённых руководством целей. Эта проблема непосредственно относилась к взаимоотношениям Центра и регионов. С одной стороны, слабый управленческий потенциал порождал конфронтацию между обеими сторонами, с другой — сама эта конфронтация являлась важным фактором дальнейшего ослабления власти.

Попытка «вырулить» в уже запущенном процессе перестройки на изначально заявленные цели была предпринята за счёт децентрализации и широкой политической либерализации.

---

³⁴⁸ Шубин А.В. Парадоксы Перестройки... С. 208.

4.2. Реформы периода политической либерализации: 1988–1991 гг.

Ставка на мобилизацию существовавшей экономической и политической системы для достижения целей «ускорения» провалилась. Так в рамках курса на реформы в Советском Союзе назрел запрос на более глубокие, системные преобразования, которые могли бы трансформировать саму систему. Говоря о перестройке в целом (и прежде всего её экономической составляющей), точкой отсчёта таких преобразований является Январский пленум ЦК КПСС 1987 г. (27–28 января). Однако в политической сфере второй этап перестройки следует отсчитывать от уже упомянутой XIX-й партконференции КПСС, которая запустила период политической либерализации.

Сравнивая с китайскими реформами, отметим, что Китай шёл тем же путём — после начального периода, когда провальная попытка модернизации госсектора сопровождалась успехами в локальных рыночных экспериментах, сначала было принято решение о более системных экономических реформах (3-й пленум ЦК КПК 12-го созыва, 1984 г.) и лишь затем появилось решение о проведении политической реформы (XIII-й съезд КПК, 1987 г.). В Китае, как мы увидели в предыдущей главе, попытка политической реформы захлебнулась в результате противодействия консервативно настроенной части элиты, и вехой здесь стали события на площади Тяньаньмэнь 1989 г. В Советском Союзе же период политической либерализации, который так же сопровождался противоборством элит, завершился распадом государства (но продолжился уже в суверенных постсоветских государствах!).

Нужно отметить, что сам этот период начался в условиях, которые принципиально отличались от китайских.

В отличие от Китая, где осторожные и непоследовательные реформы начального этапа всё же дали ощутимый позитивный результат для населения и элит в виде повышения уровня жизни по сравнению с предыдущим периодом «культурной революции» и позволили руководству страны рассчитывать на поддержку, в СССР завышенные ожидания в 1985–1987 гг. привели к разочарованию. Как мы указывали выше, неверие в партийную пропаганду охватило все сферы, включая первичные партийные организации — тот самый инструмент, на который на первоначальном этапе возлагались особые надежды в плане мобилизации общества. Руководство страны, включая М.С. Горбачёва, разочаровалось в возможностях партократии и стремилось сейчас заменить её «демократической» системой, которая виделась в качестве панацеи. Решающую роль в этом процессе сыграла XIX-я партконференция.

Сам Горбачёв позднее сформулировал её смысл следующим образом — «передать власть от монополюльно владевшей ею партии в руки органов, избранных народом»³⁴⁹. Согласно решениям партконференции, было решено создать новый высший орган государственной власти: Съезд народных депутатов (де-факто действующий на постоянной основе парламент, который должен был избираться на демократической альтернативной основе). При этом была установлена двухуровневая система представительных органов: Съезд народных депутатов в свою очередь должен был сформировать Верховный Совет СССР, избираемый из депутатов Съезда³⁵⁰.

---

³⁴⁹ Горбачёв М.С. Понять перестройку, отстоять новое мышление...

³⁵⁰ 1 декабря 1988 г. после всенародного обсуждения был принят новый закон СССР «О выборах народных депутатов СССР» и внесены необходимые изменения в три главы Конституции СССР 1977 г., касающиеся избирательной системы и связанные с учреждением нового органа власти — Съезда народных депутатов.

Выступая на конференции, Горбачёв объявил курс на отделение партийных органов от административных (иначе говоря, сделал то же самое, что за год до того Чжао Цзыян на XIII-м съезде КПК). Предполагался постепенный уход КПСС из сферы оперативного управления социальными и экономическими процессами. Сам руководитель партии к тому моменту уже считал, что «партия не выдержала испытания демократией, свободой, гласностью [...] Партия всё более превращалась в тормоз, в препятствие на пути перестройки»³⁵¹. При этом, как пишет сам Горбачёв, будучи генеральным секретарём партии, он считал «невозможным и опасным бросить её, что превратило бы руководство и значительную часть партийной массы в открытых противников перестройки»³⁵². Поэтому двойственное положение партийной структуры в процессе реформ сохранилось.

Новые органы власти и управления на местах не создавались, однако было принято решение о совмещении должностей руководителя парткома и председателя совета соответствующего уровня. Целью этого шага также являлась департократизация политической системы, поскольку предполагалось, что председатели советов, избираемые населением, будут людьми с другим бэкграундом и стилем управления, ориентированными на решение местных проблем, и, таким образом, они смогут преодолеть косность и неэффективность работы существовавшей партийной и управленческой номенклатуры, которая была «назначена» Горбачёвым ответственной за провал начального периода перестройки³⁵³.

---

³⁵¹ Горбачёв М.С. Понять перестройку, отстоять новое мышление...

³⁵² Там же.

³⁵³ «В этом заключался драматизм перестройки. Миллионы членов партии, многие партийные руководители в центре и на местах были за новую политику. Но в своих поездках по стране в разговорах с людьми я убеждался, что энергия перемен разбивается о стену сопротивления партийной и управленческой номенклатуры» (Горбачёв М.С. Понять перестройку, отстоять новое мышление...).

Другим важным результатом XIX-й партконференции стало закрепление в политическом курсе «гласности», которая виделась Горбачёвым как «важнейший рычаг перемен и вовлечения в них народа»³⁵⁴. Довольно быстро «гласность переросла в реальную свободу слова, свободу печати»³⁵⁵ — к весне 1989 г., т.е. к началу событий на площади Тяньаньмэнь в Китае — уже «ничем не ограниченную»³⁵⁶. Однако, вопреки надеждам Горбачёва, что гласность будет его «главным помощником», фактически она превратилась в такой же осложняющий фактор проведения любых управленческих решений, как и падение нефтяных доходов. Как отмечал сам инициатор гласности, «в условиях свободы быстро проявилась неготовность многих представителей интеллигенции, особенно “статусных”, к разумным и постепенным изменениям, непонимание ими того простого факта, что свобода неотделима от ответственности. Интеллигенция не смогла заменить партийную номенклатуру в управленческой сфере, ей не хватило для этого знаний и опыта. Её представители сосредоточились на критике и разоблачении нашего прошлого, но не смогли выдвинуть конструктивных идей о том, как идти к будущему. А по мере нарастания трудностей поведение многих из них становилось всё более разрушительным и безответственным»³⁵⁷.

Таким образом, под концепцией управляемой политической либерализации была сразу же заложена мина — причём даже не замедленного, а *немедленного* действия. Мы же сейчас подробнее остановимся на тех аспектах либерализации 1988–1991 гг., которые были встроены во взаимоотношения

---

³⁵⁴ Горбачёв М.С. Понять перестройку, отстоять новое мышление...

³⁵⁵ Там же.

³⁵⁶ Браун А. Горбачев, Ленин и разрыв с ленинизмом // Полис: Политические исследования. М., 2007. № 6. С. 71–85.

³⁵⁷ Горбачёв М.С. Понять перестройку, отстоять новое мышление...

Центра и регионов, подчинялись их логике развития и влияли на них. Фактически с XIX-й партконференции был взят курс на усиление регионального уровня власти³⁵⁸. Но что могло означать это «усиление»? На практике оно означало *децентрализацию* и имело несколько важнейших следствий.

Во-первых, ослабление административного нажима на региональный уровень власти, с которого снималась часть вины за провалы в перестройке. Высшее политическое руководство, что стало ясно на XIX-й партконференции, «разложило» эту ответственность на объективные пороки административно-командной системы и на хозяйственную ветвь центрального управления — министерства и ведомства. Об этом недвусмысленно заявил генеральный секретарь: «Именно ведомства и другие управленческие структуры держали в руках исполнение принятых решений, своими действиями или бездействием определяли, чему быть, а чему нет. Советские, а во многом и партийные органы оказывались не в состоянии контролировать напор ведомственных интересов»³⁵⁹.

Региональные лидеры не могли не поддержать такой поворот острия критики со стороны Центра. Например, первому секретарю Кемеровского обкома В.В. Бакатину стало «ясно», что проблемы в экономике не в недостатке гласности, а в позиции центральных хозяйственных органов, которые часто сознательно противодействуют реформам³⁶⁰. Такого же мнения придерживался и приморский первый секретарь Д.Н. Гагаров, предостерегая союзное руководство, что позиция министерств и ведомств грозит провалом

---

³⁵⁸ Шубин А.В. Парадоксы Перестройки... С. 230.

³⁵⁹ Горбачёв М.С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС... С. 47.

³⁶⁰ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза... С. 94.

Программы развития Дальнего Востока³⁶¹. У регионов в лице секретарского корпуса оказался ответный аргумент на претензии Центра, появилось чем «давать сдачи». Кроме того, расширяющаяся «гласность» открывала дорогу для такого развития событий.

Второе, ещё более важное следствие либерализации для центр-региональных отношений состояло в расширении компетенции региональных органов власти. В частности, Горбачёв на партконференции заявил, что «при нынешних масштабах нашего народного хозяйства, многообразии проблем общественной жизни... вытекает необходимость передать многие полномочия на места — в республики, края, области и районы, в трудовые коллективы». За Центром же следовало оставить «право сказать свое слово», но прежде всего «должен быть решительно укреплен демократический контроль снизу, со стороны трудящихся»³⁶². Эта инициатива также встретила одобрение со стороны регионов, чьё руководство увидело в перераспределении власти в пользу Советов, возможность для усиления своей роли и автономности от Центра.

Решения конференции были закреплены Постановлением пленума ЦК КПСС от 29 июля 1988 г., в котором перед партийными организациями ставились задачи по реорганизации своей структуры для повышения роли Советов и большей самостоятельности предприятий. Это означало отказ от дублирования хозяйственных органов и переход к управлению политическими методами и общий рост автономии политических и хозяйственных субъектов в ущерб централизации³⁶³.

---

³⁶¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 773. Л. 93.

³⁶² XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза... С. 64.

³⁶³ См. подробно: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). 1989. Т. 15. С. 656–664.

Если рассматривать произошедшие изменения в качестве изменения конфигурации системы управления в попытке решения прежней задачи, то становится очевидным, что вопрос о полномочиях разных уровней власти — это, главным образом, вопрос об ответственности за мобилизацию и перераспределение ресурсов. И здесь явно прослеживается стремление Центра снять с себя эту ответственность как реакция на провальную работу регионов. Показательно, что в конце 1987 г. Горбачёв говорил в узком кругу: «До сих пор процесс перестройки шёл за счёт Центра. Задача второго этапа — развить, закрепить успех и пустить перестройку во все слои... Борьба за перестройку перемещается в города, районы, на село, в области, короче говоря — на места»³⁶⁴.

В Постановлении ЦК КПСС «О практической работе по реализации решений XIX всесоюзной конференции КПСС» первый пункт возлагал обязанность на партийные организации добиваться того, чтобы выполнение решений конференции «стало стержнем работы партии, всех государственных и общественных организаций, побуждало людей действовать с полной отдачей и ответственностью за порученный участок». А указание на то, что «решающее значение приобретают инициатива и организованность коммунистов, активная позиция каждого члена партии в конструктивном разрешении возникающих проблем... в борьбе... с проявлениями... недисциплинированности и безответственности»³⁶⁵ показывает, что ключ к решению проблем виделся в том же, что и на заре перестройки. Не случайно в 1989 г. коммунисты Владивостокского горкома КПСС констатировали, что, несмотря на то, что промышленные отделы упразднены, суть их работы и её объём не изменились³⁶⁶.

---

³⁶⁴ Черняев А.С. Указ. соч. С. 725.

³⁶⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях... С. 656.

³⁶⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 929. Л. 63.

Приведём выдержки из секретного документа, разосланного в партийные организации. Хотя документ без даты, ряд косвенных признаков указывает на то, что он появился где-то в 1988 — начале 1989 г., а в стиле письма угадывается ближайшее окружение Горбачёва. Речь идёт об обращении Центрального комитета «К партийным организациям, ко всем коммунистам». Из обращения мы видим, что ключом к ускорению перестройки ЦК считал «коренное обновление деятельности самой партии. Преодоление её отставания от процессов, происходящих в стране», так как «многие партийные организации утратили политическую инициативу, замкнулись в себе вместо того, чтобы включиться и возглавить широкий демократический фронт». Авторы указывали на необходимость осознания «каждым коммунистом, что судьба перестройки в наших собственных руках». В этом письме содержится очень важное для историков признание: «У государства нет средств и запасов, за счёт которых оно могло бы удовлетворить все запросы... Остаётся одно — повседневная работа по повышению производительности труда, эффективности экономики». Центральный комитет взывал к первичным парторганизациям, указывая, что «именно здесь основа, центр всей работы, здесь сосредоточена масса коммунистов», «только сами коммунисты, каждый из вас, способны построить полнокровную жизнь своей организации... Не следует, товарищи, пассивно дожидаться “специальных директив” из Центра, согласовывая с ним каждый шаг. Надо действовать самостоятельно, ответственно, смело и уверенно»³⁶⁷.

Из этого воззвания следует, что на самом деле регионы ничего не выиграли от начавшейся децентрализации. Фактически она означала лишь то, что Центр предлагал

---

³⁶⁷ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 117. Д. 285. Л. 59–61, 64–65, 71.

им не апеллировать к нему в поисках ресурсов (так как их всё равно не хватит для решения насущных задач), а *самим решать свои проблемы*. Другими словами, в ответ на безуспешные попытки мобилизовать ресурсы общества при всё более явном их дефиците, *Центр снимал с себя ответственность главного распределителя ресурсов*.

Хотя от региональных партийных комитетов требовалось то же, что и раньше, теперь рычаги административного воздействия из их рук изымались. Взамен усиливались Советы, которые, впрочем, оказались не готовы в полной мере взять на себя функции государственного управления. Зато они теперь всё более ориентировались на поддержку избирателей, а не вышестоящих партийных структур, постепенно усиливаясь в качестве альтернативного центра власти. Повышение роли Советов и демократизация процесса их формирования дали мощный импульс ослаблению зависимости регионального уровня власти от символических ресурсов Центра.

Расширяя демократизацию и поднимая роль первичных партийных организаций, высшее руководство не учитывало, что последние (как было показано в предыдущем параграфе), находились в весьма запущенном состоянии. Региональный уровень политической власти при сокращавшихся возможностях апелляции к Центру в поиске ресурсов должен был теперь ориентироваться на их мобилизацию внутри региона, но в более строгих условиях: не получая символического капитала, но и не имея теперь необходимого административного потенциала. Но как они могли это сделать, когда 95% производимой в регионе продукции принадлежало центральным министерствам и ведомствам³⁶⁸?

---

³⁶⁸ ГАХК. Ф. Р-2109. Оп 1. Д 1. Л. 32.

Вместе с этим регионы получили возможность открыто выдвигать свои претензии к Центру, подрывая доверие к нему со стороны нижестоящих уровней управления и ключевых групп общества, т.е. лишая его символического капитала. Всё это означало явное разрушение существовавшей «советской модели» взаимоотношений Центра и регионов, описанной в главе 2. Разрушение подчинялось механизму обратных связей — провал «ускорения» на местах (ответственность регионального уровня) лишал Центр необходимых ресурсов и подрывал его доверие к регионам; сам Центр, в свою очередь, имел всё меньше возможностей распределять ресурсы (а это его прямая ответственность). Таким образом, подрывалось уже доверие регионов к Центру, что стимулировало их претензии на расширение прав в распоряжении тем, что имелось на местах. Руководство Хабаровского и в Приморского краев просило дополнительных вложений, но при этом стремилось снять с себя обязательства по поставкам продукции в другие регионы³⁶⁹.

С началом либерализации взаимоотношения Центра и регионов медленно, но неумолимо погружались в болото выяснения отношений и борьбы за контроль над ресурсами. Эта новая ситуация отчётливо проявилась в «Платформе» коммунистов Приморского края по подготовке к выборам в Советы народных депутатов и к XXVIII съезду КПСС, в которой ответственность за плачевное положение дел снималась с регионального уровня и возлагалась на «хозяйственный механизм», который «не позволяет краевым органам власти проводить самостоятельную экономическую политику, отвечающую потребностям населения»³⁷⁰. Однако другой раздел этой платформы, посвящённый

---

³⁶⁹ ГАХК. Ф. П-35. Д. 136. Л. 28, 30–32; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 1. Л. 35; Д. 834. Л. 126.

³⁷⁰ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 928. Л. 64.

оздоровлению экономики, полностью противореча предыдущему утверждению, указывал, что «достижение реальных сдвигов в улучшении материального благосостояния приморцев в современных условиях возможно только за счёт повышения эффективности работы каждого трудового коллектива»³⁷¹. Иначе говоря, хотя виновным за провалы в работе признавался абстрактный «хозяйственный механизм», средством решения проблем виделась именно та политика, с которой не справилась региональная власть на предыдущем этапе.

Следует сказать особо о выборах народных депутатов СССР, проходивших в марте 1989 г. Для нас важно, что они обнаружили полную неспособность региональных партийных организаций к политической борьбе³⁷². Эти выборы проиграли 26 первых секретарей различных регионов, в их числе В.С. Пастернак (Хабаровский край) и В.Н. Шилов (Амурская область)³⁷³. Именно по их результатам первые секретари обкомов и крайкомов почувствовали, что их сознательно поставили под удар. Это их чувство было недалеко от истины. А.С. Черняев в своём дневнике приводит слова Горбачёва по поводу безрадостных результатов, с которыми прошли выборы для первых секретарей: «Ничего не делают... а ЦК должно их поддерживать и охранять! Ничего этого не будет! Выводы пусть делают из выборов»³⁷⁴.

Это был ещё один признак разрушения советской модели взаимоотношений Центра и регионов. Теперь политики высшего ранга явно отказывались «делиться» с регионалами и символическими ресурсами. В этой ситуации региональные руководители имели основание чувствовать, что их *предали*,

---

³⁷¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 928. Л. 64.

³⁷² См.: Буянов Е.В. Указ. соч. С. 46.

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ Черняев А.С. Указ. соч. С. 787.

так как их сделали ответственными за ситуацию, складывавшуюся в течение долгого времени и далеко не только по их вине.

Впрочем, такие же чувства могли испытывать и рядовые партийные работники. Это можно видеть из письма в Приморский крайком партийного активиста из г. Дальнегорск С.Т. Войченко. Автор призывал «беречь партию, кадры, иначе всё погибнет» и выделял три периода, каждый из которых отличался специфическим воздействием руководства КПСС на партийные кадры: 1) кадры вырубали, уничтожали физически (сталинщина); 2) кадры «уходили», отгесняли, топтали, уничтожали морально (период Брежнева); 3) отдали на растерзание толпы, которая превращается в волчью стаю (период после XIX партийной конференции)³⁷⁵.

Автор письма уловил стремление высшего политического руководства спасти свой авторитет за счёт отдания «на растерзание толпы» нижестоящие уровни управления. Однако идеологи либерализации либо недооценили, либо просто не учли, что регионы будут *точно так же пытаться спасти свой авторитет за счёт дискредитации Центра*. Взаимоотношения Центра и регионов, основанные на обоюдных принятых правилах, разрушались. Начиналась игра без правил.

Иными словами, политическая и экономическая децентрализация должна была лишить противников перестройки реальной власти, перенаправить растущую энергию общественного недовольства на нижестоящие уровни партийно-государственной иерархии, уберегая таким образом от обнуления политический капитал самого М.С. Горбачёва. Демократизация и децентрализация подразумевали, что ЦК КПСС больше не будет гарантировать власть своим

---

³⁷⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 930. Л. 15–18.

агентам на местах, но одновременно эти процессы создавали тем же агентам политическое пространство для защиты их интересов и позиций. Это как раз тот случай, когда «политика создаёт политиков»³⁷⁶, и вскоре многие из них стали реальными разрушителями советской системы.

В свою очередь, экономическая децентрализация, наряду с уменьшением количества плановых показателей, также сокращала гарантированные поставки централизованных ресурсов в регионы и расширяла автономию предприятий. Последние получили прямой доступ на внешний рынок, где легко продавали сырьё или обменивали его на дефицитные в СССР товары. Итогом стал всплеск дефицита сырья и компонентов для промышленности, а также потребительских товаров на местах, ставший наиболее опасным системным фактором дальнейшего развития ситуации.

Для Дальнего Востока ситуация усугублялась ещё и тем, что даже южные его регионы были не способны себя обеспечивать и самым необходимым продовольствием. Катастрофическая ситуация в этой сфере подтверждается и текстом обращения из Хабаровска в Центр. В декабре 1990 г. новый первый секретарь крайкома С.А. Маркаров сообщал М.С. Горбачёву, что за 11 месяцев текущего года недополучено 3860 т мяса, а из запланированных на декабрь 5900 т поставщики обещают не более 1600. Регионы, производившие мясо, либо радикально снижали обещанные поставки, либо вовсе отказывали в них. Сливочного масла — из запланированных 5027 т, не было завезено ни одной. Омская область и Алтайский край «категорически отказали в поставках масла». Оказалось сорванным снабжение детских домов, лечебных учреждений. Маркаров указывал на то, что прежние

---

³⁷⁶ Falleti T. Decentralization and subnational politics in Latin America. New York, 2010. P. 16.

обращения лично к Горбачёву и к Правительству оказались безрезультатными и всё же просил его «принять меры по поставке в край данных продуктов». К началу 1991 г. это обращение результатов не дало, и в трудовых коллективах Хабаровского края нарастало массовое недовольство, так как пропала возможность отоваривать даже потребительские карточки³⁷⁷.

После выборов народных депутатов СССР в 1989 г. стремительно ускорялась делегитимизация Центра. В конце 1990 г. на совместном пленуме Хабаровского крайкома и контрольной комиссии краевой партийной организации член краевого комитета КП РСФСР А.Е. Дубков заявлял: «Руководство страной своими действиями усугубляет положение в стране, которая скатывается к физической и политической катастрофе» и указывал на «глубоко продуманную деятельность Горбачёва», направленную «к развалу государства». Член контрольной комиссии краевой партийной организации А.Н. Кабаков считал необходимым созвать в 1991 г. чрезвычайный съезд и освободить Горбачёва от должности генерального секретаря, а заместителя секретаря парткома завода «Амурсталь» В.М. Барыш вспоминал слова М.С. Горбачёва о том, что «поскольку он является инициатором перестройки [...] так, может быть, пришла пора и спросить Михаила Сергеевича о результатах, которые мы имеем на сегодняшний день»³⁷⁸. Коммунисты первичных организаций Хабаровской группы институтов ДВО РАН обращались к генеральному секретарю в открытом письме: «Партия и народ дали Вам в руки все возможные полномочия для наведения порядка. Но его нет. Страна на грани катастрофы... И в этой сложившейся катастрофической экономической,

---

³⁷⁷ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 117. Д. 430. Л. 258–261.

³⁷⁸ Там же. Л. 252–255.

социальной и политической ситуации Ваша вина как главы государства и партии»^{379, 380}.

Неспособность регионов мобилизовать ресурсы общества в условиях, когда Центр снимал с себя ответственность за их административное перераспределение, быстро привела к экономическому коллапсу. В этой ситуации интерес регионального руководства «смыкался» с интересом директоров предприятий, положив начало формированию той конфигурации региональной власти, которая будет определять взаимоотношения Центра и регионов в России в 1990-е гг. Рост автономии предприятий разрушал клиентские связи между ними и ведомствами. Ранее диктат министерств и ведомств частично компенсировался их заботой о результате деятельности предприятия, помощью в обеспечении ресурсами. Теперь же чиновники министерств стремились дать как можно меньше ресурсов, но «спустить» как можно больший госзаказ. Руководители предприятий отвечали тем же, пряча ресурсы, саботируя требования министерств, реализуя свою продукцию на рынке через подконтрольные кооперативы.

Говоря о противоречиях Центра и регионов, важно иметь в виду, что они развивались в максимально широком контексте. Это удачно сформулировал А.В. Шубин: «Разрушительная борьба за ресурсы развернулась между различными кланами номенклатуры — центральными, региональными — и между агломерациями, группами предприятий, каждое

---

³⁷⁹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 117. Д. 430. Л. 252–255.

³⁸⁰ К концу 1990 г. М.С. Горбачёв, помимо поста генерального секретаря ЦК КПСС, был также президентом СССР (с 15 марта 1990 г.) — то есть главой государства. До этого он был главой государства в качестве председателя Президиума Верховного совета СССР (1 октября 1988 г. — 25 мая 1989 г.) и председателем Верховного совета СССР (25 мая 1989 г. — 15 марта 1990 г.).

из которых ориентировалось на тот или иной клан и противостояло остальным»³⁸¹.

Региональные руководители, для которых эта острая нехватка ресурсов и хаос стали угрозой для политического выживания, ответили установлением сначала скрытого, а затем и явного контроля над теми возможностями, которые им были доступны в пределах территорий³⁸². Наиболее ощутимо этот процесс разворачивался на уровне союзных республик, но он принципиально не отличался и на уровне краёв и областей. Основная централизующая тенденция — необходимость согласовывать в московских министерствах планы и выбивать поставки ресурсов — уступила место тенденции противоположной: придерживать ресурсы у себя (в министерстве, в регионе, на предприятии) для последующего обмена с другими регионами и предприятиями. Горизонтальные связи, издавна существовавшие в полулегальной зоне, вытесняли связи вертикальные.

На нижестоящих уровнях, среди руководства предприятий, общественных организаций, ослабление контроля Центра и новые открывшиеся возможности экономической деятельности направили энергию агентов на извлечение коммерческой выгоды от использования государственных активов, которые приватизировались явочным порядком.

Вырастала новая элита и новые центры власти, которые конкурировали с партийно-советским государством. Всё это вместе очень походило на то, что В. Ганев, разворачивая в обратном направлении военно-налоговую теорию Ч. Тилли и объясняя, таким образом, логику разрушения,

---

³⁸¹ Шубин А.В. Парадоксы Перестройки... С. 399–400.

³⁸² Solnick S.L. Stealing the state: control and collapse in Soviet institutions. Second printing. Cambridge, 1999. P. 230–231.

а не строительства эффективной власти, назвал «извлечением ресурсов из государства»³⁸³.

В национальных республиках этот процесс проходил под аккомпанемент национализма, а в российской глубинке парадоксальным образом озвучивался громогласной риторикой защиты стратегических интересов российского государства. В этом плане интересный материал для размышления даёт риторика партийной и научной элиты Дальнего Востока.

Так, например, в 1991 г. представители партийных организаций Хабаровского края, называя себя «заложниками центра», вынужденными «нести ответственность за развал экономики и снижение жизненного уровня», прямо обвинили ЦК КПСС и Политбюро в том, что последние не смогли «вооружить партийные организации стратегией и тактикой борьбы» за реализацию намеченных целей «и главное — добиться реальных результатов за последние шесть лет». Более того, некоторые дальневосточные экономисты приходили к выводу, что «все прошедшие годы именно в силу централизации гражданские обязанности на местах выполнялись, а политика Центра во многом не отвечала интересам мест», и что интересы Центра — это «главным образом сумма узковедомственных интересов»³⁸⁴.

Именно экономическая и политическая децентрализация на втором этапе перестройки образовала тот горячий коктейль, который превратил отношения между Центром и регионами в игру с отрицательной суммой, когда в борьбе за политические и экономические ресурсы Центр и регионы превратились из игравших по определённым правилам

---

³⁸³ Ganev V. Post-communism as an episode of state building: A reversed Tillyan perspective // *Communist and Post-Communist Studies*. 2005. № 38. P. 438.

³⁸⁴ ГАХК. П 35. Оп. 117. Д. 430. Л. 100–102.

соперников во врагов, не признававших никаких правил. В угаре политической борьбы М.С. Горбачёв и лидеры союзных республик, стремясь ослабить друг друга, сами раскручивали эту центрифугу дезинтеграции: они расширяли число участников борьбы в надежде привлечь их на свою сторону; более того, поощряли их стремление перехватывать полномочия и ресурсы, рассчитывая, что таким образом они не достанутся главным противникам.

Победу в этой борьбе одерживал тот, кто выступал за большую автономию, кто решительнее всех рвал с «тёмным» прошлым, мрачным настоящим, брал курс на Запад, к вожделенной демократии и рыночной экономике. Подобные настроения в обществе чутко уловил Б.Н. Ельцин — на тот момент председатель Верховного совета РСФСР³⁸⁵, посетивший в 1990 г. Дальний Восток. Ельцин давал понять, что руководство республики не собирается «отвечать за ошибки Центра»³⁸⁶ и раздавал заманчивые обещания регионам: «Верховный Совет принял решение Приморскому краю и Находке дать статус свободной экономической зоны. [...] Сколько вы возьмёте себе свободы и независимости, всё вам дадим. Налогообложение, тарифы и прочее и прочее...»³⁸⁷

Уже к весне 1991 г., ещё до цепи знаменательных событий (августовского путча, ликвидации КПСС и Беловежских соглашений) произошел распад системы взаимоотношений

---

³⁸⁵ Б.Н. Ельцин занимал эту должность с 26 мая 1990 г. по 10 июля 1991 г. В этом качестве Ельцин был как спикером парламента, так и высшим должностным лицом РСФСР. Все предыдущие и последующие председатели Верховного Совета РСФСР были лишь спикерами парламента.

³⁸⁶ Как жить России: Встречи, беседы, интервью Председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Николаевича Ельцина во время поездки по Дальнему Востоку // Дальний Восток. 1990. № 12. С. 7.

³⁸⁷ Там же. С. 3.

разных уровней власти внутри формально ещё единого государства. По линии Центр — регион логика распада была скорее системной, чем политической. Неслучайно события, происходившие в Центре (например, тот же августовский путч и попытка ГКЧП³⁸⁸ повернуть вспять распад государства), отзывались в регионах далёким эхом, проходя как политический фон, мало влияющий на характер насущных местных проблем.

В основе этого процесса лежала утрата государством способности мобилизации общества для получения необходимых материальных ресурсов. Их дефицит привел к росту противоречий между разными уровнями власти и к взаимным претензиям. При этом, обобщая, мы можем констатировать, что региональная власть не столько сопротивлялась перестройке, сколько не смогла её организовать. Её бессилие означало бессилие самого Центра и, в общем и целом, знаменовала слабый потенциал всей системы

---

³⁸⁸ Примечательно, что ситуация в Москве накануне Августовского путча, вероятно, могла бы напоминать китайскому руководству «пекинскую весну 1989-го». Аналогии были понятны и советской стороне. Многие будущие участники и сторонники ГКЧП: вице-президент Г.И. Янаев, руководитель аппарата президента СССР В.И. Болдин, руководители Московского горкома КПСС активно встречались с китайцами, в ходе чего активно критиковали Горбачева, называли лидеров реформаторской оппозиции «врагами и агентами ЦРУ», поздравляли китайских гостей с победой над «врагами социализма». Члены ГКЧП, устраивая путч 18–21 августа, во многом вдохновлялись именно Китаем. Неслучайно, став исполняющим обязанности президента, Янаев сразу же согласился принять посла КНР и провел с ним беседу об укреплении дружеских связей. По данным Джозефа Фьюсмита, «на встрече посол поздравил членов ГКЧП с приходом к власти», что свидетельствовало о восприятии Пекином «путчистского сценария» как адекватного и закономерного пути развития СССР (Fewsmith J. *China since Tiananmen: From Deng Xiaoping to Hu Jintao*. Cambridge, 2008. P. 58. См. также: Зуенко И.Ю. Китай и события 1991 г. в Советском Союзе (к 100-летию Коммунистической партии Китая и 30-летию распада СССР) // *Международная аналитика*. 2021. № 1. С. 96–111).

государственного управления, а не какого-то отдельного её уровня.

Либерализация режима сквозь призму взаимоотношений Центра и регионов означала попытку сохранить авторитет М.С. Горбачёва и его ближайших единомышленников за счёт регионального уровня, на который предполагалось направить растущее общественное недовольство. Это означало разрыв консенсуса между Центром и регионом, подразумевавшего взаимную ответственность и обмен символическими и материальными ресурсами. Теперь обе стороны стремились получить эти ресурсы за счёт друг друга, что означало открытую конфронтацию, раскол элит и дальнейшее сокращение потенциала государства.

Кроме того, повышение роли Советов и вовлечение партийных руководителей регионов в процедуру демократических выборов были попыткой ослабить потенциал сопротивления регионального руководства Москве, т.е. означали стремление создать механизм прямого правления, параллельный существующей партийной системе. Но в условиях дефицита ресурсов, резкого ослабления возможностей Центра по их перераспределению, нараставшей конфронтации разных ветвей и уровней власти эти меры привели к тому, что реальная власть всё более уходила не только из партийных органов, но и из всей системы государственного управления, сосредоточиваясь в полулегальных и нелегальных структурах (там, где были материальные ресурсы). В итоге в 1990–1991 гг. не только была утрачена сама основа для взаимоотношений Центра и регионов. Основные политические субъекты, обладавшие реальными полномочиями, чтобы развивать эти взаимоотношения, оказывались за рамками формальных политических структур.

Единой системы управления к концу 1991 г. уже не существовало, и это было очевидно и тем, кто принимал

решения на всей обвалившейся вертикали управления, и обычным гражданам, которые уже несколько лет читали в газетах и видели по телевизору политические баталии за судьбу и структуру нового союзного государства. Это один из ключей к ответу на вопрос о том, почему распад СССР в декабре 1991 г. был воспринят так спокойно. К 1991 г. уже слишком многие внутренне распрощались с СССР. Судьба Союза ко времени беловежской встречи уже два года была предметом жарких дискуссий, и вариант возвращения к статусу 1985 г. уже не казался ни реальным, ни желанным сценарием. Поэтому в декабре 1991 г. образование Содружества Независимых Государств казалось в том контексте скорее выходом из тупика, чем актом, зафиксировавшим смерть Советского Союза. Изначально это объединение предполагало сохранение единой армии и валюты, по своей по форме оно мало чем отличалось от проекта ССГ (Союза Суверенных Государств), выработанного в ходе протекавшего в апреле–декабре 1991 г. под председательством самого М.С. Горбачёва Новоогарёвского процесса³⁸⁹.

---

³⁸⁹ В Новоогарёвском процессе с целью формирования нового союзного договора приняли участие девять союзных республик: РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР, Казахская ССР, Узбекская ССР, Азербайджанская ССР, Таджикская ССР, Киргизская ССР и Туркменская ССР, и союзный центр как самостоятельный участник дискуссий. Первоначально подписание нового союзного договора, предполагающего создание мягкой федерации республик, было намечено на 20 августа 1991 г., но было сорвано из-за августовского путча. После провала ГКЧП работа над договором, который на этот раз предполагал уже создание конфедерации, продолжилась. Подписание договора было намечено на декабрь. Однако подписание 8 декабря 1991 г. Беловежского соглашения руководством трёх республик (Россия, Украина, Белоруссия), в котором заявлялось о прекращении существования СССР и создании СНГ, лишило Новоогарёвский процесс смысла. Шесть теперь уже бывших советских республик (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Туркмения и Азербайджан) были поставлены перед фактом своей независимости. 13 декабря 1991 года в Ашхабаде состоялась встреча президентов пяти

Значительной частью населения и элит теперь уже бывших советских республик распад СССР и образование новых независимых государств в рамках СНГ были восприняты как создание новых системных условий, в которых цели и задачи перестройки, связанные с повышением уровня жизни, наконец-то будут выполнены. В то же время можно было констатировать, что цели и задачи перестройки, связанные с реформированием существовавшей к 1985 г. экономической и политической системы, были провалены самым трагическим образом. Можно сказать, что М.С. Горбачёв, вероятно и не осознавая этого, стремился быть советским Дэн Сяопином — только без партии, отодвинув её от реальной власти. Но в отличие от траектории китайских реформ, соскальзывание в политическую демократизацию при нерешённых вопросах экономической децентрализации, быстро направило советскую систему управления к коллапсу.

центральноазиатских республик, по итогу которой они выразили своё согласие войти в СНГ, о котором ранее заявили лидеры трёх славянских республик. 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате к восьми республикам присоединились также Азербайджан, Армения и Молдавия, в результате чего была подписана Алма-Атинская декларация о принципах СНГ и протокол к соглашению о создании СНГ.

Глава 5

«Центр возвращается»: рецентрализационные реформы в Китае в 1990-е гг.

5.1. Реформы «третьего поколения руководителей»

Подавление протестных выступлений на площади Тяньаньмэнь знаменовало собой начало этапа консервативной реакции и интерлюдии реформ. В конечном итоге он оказался достаточно быстро преодолен и стал своего рода важным подготовительным плацдармом для того, чтобы непоследовательные и половинчатые реформы 1980-х гг. трансформировались в системные рыночные реформы 1990-х. Ключевым элементом формирования этого плацдарма стало завершение острого этапа политической борьбы в КПК.

Традиционно в исторической литературе этапу политической борьбы на рубеже 1980–1990-х гг. уделяется гораздо меньше внимания, чем предыдущим периодам. Это объясняется тем, что борьба осталась «внутриэлитной» в полном смысле этого слова, не вылилась в какие-либо общественные протесты и была мало видна стороннему наблюдателю, поскольку партия как никогда ранее была заинтересована в том, чтобы выглядеть монолитной.

Между тем, имеющиеся свидетельства говорят о продолжении борьбы между «консервативной» линией в руководстве КПК и сторонниками реформ, которых на этот раз мы назовём не «реформаторами», а «*правоцентристами*», подчёркивая их консервативную позицию в отношении возможной демократизации режима, но умеренную поддержку

курса на рыночные реформы³⁹⁰. Выразителем этой позиции изначально стал сам Дэн Сяопин, который, как и ранее, стремился к балансу между «левым» и «правым» креном, а позже — его протеже Цзян Цзэминь. Уже будучи генсеком, Цзян Цзэминь продолжил лавировать между фракциями, ключевые противоречия между которыми на этот раз касались исключительно экономической сферы. Сторонники более консервативного подхода (их интересы по мере ухода с политической сцены Чэнь Юня и Ли Сяньняня выражал премьер Госсовета Ли Пэн) продолжали настаивать на незрелости рыночной среды в КНР и предпочтительности «медленного развития», поскольку оно менее опасно в социальном плане. Сторонники более быстрых реформ (центральной фигурой здесь уже к началу 1990-х гг. становится Чжу Жунцзи, с 1991 г. вице-премьер Госсовета, с 1993 г. по совместительству глава Народного банка Китая) считали возможным более решительное разгосударствление экономики путём акционирования, избавления от убыточных предприятий госсектора³⁹¹, а также активного привлечения иностранных инвестиций³⁹². И те, и другие сходились в том, что необходимо усиливать функции государственного макроконтроля и сохранять социальную стабильность путём

---

³⁹⁰ Fewsmith J. Op. cit. P. 121–171.

³⁹¹ Усов В.Н. История КНР... С. 562–563.

³⁹² Региональные лидеры, опасавшиеся в случае победы консерваторов потерять свои преференции, в основном выступили на стороне правоцентристов. Прежде всего, это выразилось в ходе обсуждения 8-летнего плана социально-экономического развития страны (в 1990 г.), а также на страницах печати (как местной, так и центральной) в 1991–1992 гг. В поддержку продолжения реформ и позитивного значения иностранных инвестиций в развитии регионов в этот период выступали Линь Жо (партийный секретарь Гуандуна), Тань Шаовэнь (партийный секретарь Тяньцзиня), Чэн Вэйгао (губернатор Хэбэя), У Гуанчжэн (губернатор Цзянси) и даже Чэнь Ситун (мэр Пекина), который ранее был известен своими консервативными взглядами (Fewsmith J. Op. cit. P. 49–51).

заморозки политической реформы и дальнейшего укрепления партократического режима.

Противоречия между сторонами обострялись в моменты принятия важнейших кадровых решений (например, при назначении Чжу Жунцзи, которого «консерваторы» клеймили как «китайского Горбачёва», вице-премьером в апреле 1991 г.³⁹³, во время обсуждения посещения Дэн Сяопином Шанхая в 1991 г.³⁹⁴ и его «южного турне» /зима 1992 г./, издания сборника эссе «Исторические тенденции» /весна 1992 г./³⁹⁵). Для стороннего наблюдателя эта борьба протекала в основном лишь на страницах печати³⁹⁶. Осознание необходимости консолидации элиты перед лицом

---

³⁹³ Fewsmith J. Op. cit. P. 52.

³⁹⁴ Дэн Сяопин 1991 нянь шича Шанхай шидэ таньхуа = Интервью Дэн Сяопина во время осмотра Шанхая в 1991 г. URL: <http://rhb.reformdata.org/#/article/0533A888904BD4867929DFFD884D60B8>

³⁹⁵ Издание сборника «Исторические тенденции» («Лиши лэ чаолу»), редактор Юань Хунбин, среди авторов Ван Мэн, Ху Цзивэй, Сунь Чанцзян) — одно из немногих в этот период проявлений относительного либерализма в общественной мысли. В статьях сборника критиковался левый уклон в партии. В результате по решению департамента пропаганды ЦК КПК книга была запрещена и изъята из продажи.

³⁹⁶ В течение 1990–1992 гг. в прессе проводилась активная дискуссия по поводу дальнейших экономических реформ, проблеме плюрализма мнений в партии, а также событий в мире (прежде всего, в СССР), которая развернулась на страницах печати. Позиции «консерваторов» отражали такие партийные издания, как «Чжэньли дэ чжуйцю», «Чжунлю», «Дандай сычао». Ряд консервативных статей, подготовленных при участии Чэнь Юня и его сына Чэнь Юаня, был перепечатан «Жэньминь жибао» (Fewsmith J. Op. cit. P. 52–53). Примечательно, что интересы их оппонентов зачастую выражала не центральная, а местная печать. Так, например, первые сообщения о южном турне Дэн Сяопина появились в шанхайской «Цзефан жибао» (15 февраля 1992 г.). Активно на стороне правоцентристов выступала гуандунская «Наньфан жибао». Как указывает Дж. Фьюсмит, вплоть до 22 февраля 1992 г. «Жэньминь жибао» в целом отражала консервативную повестку, и только после статьи о южном турне, содержащей призыв «укреплять реформы», перешла на сторону правоцентристов (Ibid. P. 64).

серьёзных вызовов способствовало выработке компромиссов и в конечном итоге, с учётом преклонного возраста большинства «консерваторов», привело к их мирному уходу с руководящих постов. В качестве своеобразного «политического завещания» Дэн Сяопина бразды правления получили правоцентристы, были обозначены контуры будущего трансфера власти³⁹⁷. Политическая повестка вновь оказалась обращённой в сторону реформ. Причем на этот раз государство смогло наконец-то провести долгожданные системные преобразования, разрешив многие из противоречий, накопившихся за 1980-е гг. Этому способствовало четыре принципиальных момента.

Во-первых, было снято острое противоречие между двумя противоборствующими направлениями в КПК. Фактически мы можем говорить о том, что лишь в 1992 г., когда Дэн Сяопин и Чэнь Юнь окончательно покинули политику, была ликвидирована Центральная комиссия советников (её аналоги существовали и на местах), а Цзян Цзэминь укрепился в качестве лидера партии и государства через восстановление практики совмещения высших партийных и государственных постов — завершился долгий и противоречивый процесс политической борьбы за определение будущего вектора развития Китая, начавшийся после смерти Мао Цзэдуна.

Ключевое значение для завершения длительного этапа политической борьбы имело то простое обстоятельство,

---

³⁹⁷ Считается, что именно Дэн Сяопин, в 1992 г. поддержав Цзян Цзэминя во время его переизбрания генсеком ЦК КПК, указал на его будущего преемника — 50-летнего бывшего руководителя комсомола и партийного секретаря Тибета Ху Цзиньтао, что заложило основы системы преемственности в КПК, существовавшей до 2022 г. По итогам XIV-го съезда Ху Цзиньтао возглавил секретариат ЦК, вошёл в Постоянный комитет Политбюро, а через десять лет (два пятилетних цикла) возглавил партию и государство (Ibid. P. 73).

что к рубежу 1980–1990-х гг. к пределу своих физических сил подошло поколение «старых кадров», руководивших страной еще в 1950–1960-х гг. и составлявших консервативную оппозицию реформаторскому курсу в 1980-х. Новое поколение руководителей (1920-х гг. рождения³⁹⁸) показало себя более прагматично настроенным и свободным от идеологических догм при выборе курса развития страны. С одной стороны, они проявили верность абстрактной формуле «четырех базовых принципов», не допуская при этом крена «влево» или «вправо» относительно идеологического мэйн-стрима. С другой стороны, проявляя гибкость в вопросах тактики и стратегии, они проявили жесткость в вопросе подавления угрозы партократическому режиму.

Становление представителей «третьего поколения руководителей» происходило в условиях либерализации экономики 1980-х гг. и при этом одновременно под впечатлением от разгрома квазифракций, связанных с Ху Яобаном и Чжао Цзыяном. Следствием двух этих разнонаправленных процессов стала предельная прагматичность новых лидеров

---

³⁹⁸ В последующем официальном дискурсе данное поколение именовалось также «третьим», что предполагало преемственность власти от «первого поколения» (Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ и др.) и «второго поколения» (Дэн Сяопин, Чэнь Юнь, Ли Сяньнянь, Ян Шанкунь и др.) При этом данный дискурс как бы вычеркивал из истории Хуа Гофэна (1921 г.р.), руководителя партии и государства в 1976–1980 гг., и подлинно «второе поколение» в лице Ху Яобана (1915 г.) и Чжао Цзыяна (1919 г.), находившееся на высших должностях партии и государства в 1980–1989 гг. и «не замечал» того факта, что возрастная грань между поколением Дэн Сяопина (1904 г.р.), Чэнь Юня (1905 г.р.), Ян Шанкуня (1907 г.р.), Бо Ибо (1908 г.р.), Ли Сяньняня (1909 г.р.) и «первым поколением» составляет буквально несколько лет. Например, Чжоу Эньлай родился в 1898 г., а Е Цзяньин, относимый и к «первому», и ко «второму» поколению — в 1897 г. В целом «поколенческий подход» корректен для отражения поколений руководителей, приходящих к власти, начиная с рубежа 1980–1990-х годов, в условиях соблюдения правила «два срока по пять лет» и функционирования механизма смены правящей элиты.

правлящей элиты, готовность декларировать верность «политической формуле» (термин, предложенный Г. Моска³⁹⁹), в реальной управленческой практике поступая зачастую противоположным образом. До конца исследуемого нами исторического периода у власти в КНР находилось именно «третье поколение» руководителей.

Во-вторых, в качестве реакции на «тяньаньмэньские события» и распад СССР в руководстве КНР стала доминировать консервативная установка о недопустимости разделения партийного и административного аппарата и снижения роли партии в жизни общества. Как следует из анализа китайской литературы, посвященной коллапсу КПСС и Советского Союза⁴⁰⁰, ключевое значение имела ошибочная, по мнению китайских руководителей и экспертов, политика советских лидеров по ослаблению партии и ее роли в управлении страной.

В-третьих, проблемы неэффективности госсектора и бюджетный дефицит, проявившиеся в годы «урегулирования экономики» (1988–1991 гг.), не позволяли остановиться на данном статус-кво и вынуждали искать пути дальнейшего развития⁴⁰¹. У нового, более прагматичного руководства страны (при поддержке ряда ветеранов, включая Дэн Сяопина и Бо Ибо⁴⁰²) назрело решение об окончании периода «интерлюдии реформ» и переходе к монополизации

---

³⁹⁹ Mosca G. *The Ruling Class*. New York et al, 1939. 511 p.

⁴⁰⁰ См., например: Габуев А.Т. Гибель старшего брата // *Россия в глобальной политике*. 2012. № 5. С. 37–49; Сюй Хаянь. Тридцатилетие перестройки в СССР: оценки китайских учёных // *Россия и АТР*. 2015. № 4. С. 48–57; Зуенко И.Ю. Китай и события 1991 г. ...

⁴⁰¹ Лоу Цзивэй. Цзецзюэ чжунъян юй дифан маодун дэ гуаньцзянь ши шисин цзинцзисин фэньцюань = Осуществление разделения экономических полномочий — ключевой момент в разрешении противоречий между Центром и регионами // *Цзинцзи шэжуй тичжи бисяо*. 1991. № 1. С. 15–29.

⁴⁰² Fewsmith J. *Op. cit.* P. 76.

положения госсектора в экономике. Его необходимо было легитимизировать в глазах элиты и общества, что и было сделано, когда принятие решений о радикализации экономической реформы оказалось приурочено к южному турне Дэн Сяопина в январе–феврале 1992 г.

В-четвёртых, сформировалась убеждённая необходимость дальнейшего реформирования системы управления в Центре и на местах в направлении сокращения штатов и затрат на их содержание, а также урегулировании распределения функций, бюджетных и фискальных ресурсов между правительствами различных ступеней. Целью этого реформирования должно было стать не повышение эффективности управления предприятиями госсектора, как было в 1980-х гг. (госсектор как раз предполагалось в значительной степени приватизировать), а усиление Центра, его полномочий и финансовых возможностей с перспективой более эффективного макрорегулирования экономики. События 1988–1989 гг. показали, что Центр должен располагать значительными финансовыми ресурсами для того, чтобы иметь возможность оперативно реагировать на кризисные ситуации. Кроме того, в значительной мере протестные настроения стали ответом на действия региональной бюрократии и экономические эффекты, вызванные протекционистскими мерами со стороны региональных властей, поэтому Центр пришёл к пониманию необходимости, с одной стороны, ограничить влияние регионов, а с другой стороны, выстроить систему более чёткого контроля над бюрократией на местах, в т.ч. с помощью кадровой системы. Всё это было осуществлено новым руководством КНР в ходе пяти реформ очередного пятилетнего цикла (1992–1997 гг.): правовой (изменения в конституции страны), структурной (реорганизация органов управления), кадровой, фискальной и укрепления контрольных функций государства.

XIV-й съезд КПК (12–18 октября 1992 г.) окончательно закрепил победу «правоцентристов» во фракционной борьбе и уход «старых кадров» с политической арены. Материалы съезда знаменовали завершение периода консервативной реакции на «тяньаньмэньские события» и возобновление реформ уже на скорректированной идеологической базе. В них зафиксирована трансформация понятия «политическая реформа», о которой уже было сказано выше, а также отказ от функций разграничения партии и правительства. При этом подчеркивалось, что «политическая реформа должна осуществляться в соответствии с интересами экономических преобразований», указывалось, что правительство не должно вмешиваться в производство⁴⁰³.

В марте 1993 г. была проведена 1-я сессия ВСНП 8-го созыва, которая завершила формирование новой конфигурации верховной власти. Её отличительной чертой стало совмещение высших партийных и государственных постов, а также сосредоточение в руках «высшего коллективного руководства» (члены Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК) главных рычагов законодательной, исполнительной власти и силовых структур. При этом было зафиксировано на уровне политической практики решение о концентрации важнейших постов в партии, государстве и Народно-освободительной армии в руках одного человека. Так, пост председателя КНР, с момента его восстановления в 1983 г. занимаемый второстепенными руководителями⁴⁰⁴, был оставлен

---

⁴⁰³ Цзян Цзэминь. Цзякуай гайгэ кайфан хэ сяньдайхуа цзяньшэ буфа, шоуцуй ю Чжунго тэсэ шэхуйчжуи шиэ дэ гэнда шэнли = Расширять реформы и открытость, добиться ещё большей победы в строительстве социализма с китайской спецификой. URL: rhh.reformdata.org/index.html#/article/049671E28A386427E432B3370A22AAE4

⁴⁰⁴ В правовом смысле пост председателя КНР восстановлен конституцией 1982 г., выборы на данную должность состоялись на 1-й сессии ВСНП 6-го созыва в 1983 г. Председателем КНР в 1983–1988 гг. был Ли Сяньнянь, а в 1988–1993 гг. — Ян Шанкунь.

за генсеком ЦК КПК Цзян Цзэмином. На пост Премьера Госсовета был переизбран Ли Пэн, однако фактически уже со второй половины 1993 г. правительством управлял его заместитель Чжу Жунцзи, так как у 65-летнего Ли Пэна случился сердечный приступ, и он по состоянию здоровья не мог полноценно выполнять свои обязанности^{405, 406}.

Именно с именем Чжу Жунцзи связано преодоление сложной экономической обстановки в Китае в 1992–1993 гг. Ряд более ранних мер по либерализации хозяйства, принятых сразу после завершения периода «урегулирования экономики» (1988–1991 гг.), способствовал перегреву экономики и инфляции⁴⁰⁷. Фактически, как и в 1986–1987 и 1988–1989 гг., сложилась кризисная ситуация — с той лишь разницей, что теперь она не связывалась с возможностью проведения политической реформы, да и протестная активность народных масс после «тяньаньмэньских событий» была принципиально ограничена. Выход из непростой

---

⁴⁰⁵ Mufson S. Economic Pragmatist to Be China Premier // The Washington Post. March 5, 1998. URL: <https://www.washingtonpost.com/wp-srv/inatl/longterm/china/stories/zhu030598.htm>

⁴⁰⁶ Аппаратное влияние Чжу Жунцзи было столь велико, что, согласно отдельным свидетельствам, он мог позволить себе снимать региональных чиновников, которые не выполняли требования Госсовета — такой эпизод случился с первым секретарём хэйлунцзянского парткома Сунь Вэйбэнем в апреле 1994 г. в ходе инспекционной поездки вице-преьера по северо-восточным провинциям КНР (China in the Post-Deng Era. Hong Kong, 1998. P. 143).

⁴⁰⁷ Китайскими руководителями сложившееся положение характеризовалось как «четыре высоких, два беспорядка». За двенадцать месяцев 1992–1993 гг. розничные цены увеличились на 21,7% (Кокарев К. А. Указ. соч. С. 153). До 45% предприятий госсектора на тот момент являлись убыточными, а трудившиеся на них рабочие могли месяцами не получать заработную плату (Там же). Из-за завышенных объемов капиталовложений, увеличения импорта и недополучения финансовых средств из регионов, происходило сокращение государственной казны. В конце 1993 г. в ряде городов КНР сложилось напряженное положение с продовольственными товарами (в т.ч. с такими жизненно необходимыми, как рис и мука) (China in the Post-Deng Era. P. 199).

ситуации китайские власти увидели в усилении экономического макроконтроля (прежде всего, в финансовой сфере). Забегая вперёд, отметим, что предпринятые меры уже к 1996 году позволили, по выражению К.А. Кокарева, совершить «мягкую посадку экономики»⁴⁰⁸, подавить инфляцию и привести в норму денежное обращение. Выполнение 8-го пятилетнего плана (1991–1995 гг.) было признано успешным, так как в целом, стабилизировав экономику, удалось сохранить высокие темпы роста ВВП (10,2% и 9,7% в 1995 и 1996 гг. соответственно), динамику развития социальной сферы и внешнеэкономических связей. В свою очередь, эти успехи способствовали росту легитимности режима в глазах населения и позволили в конце 1990-х гг. перейти к новому этапу реформ, характеризующихся большей свободой предпринимательства, частичной приватизацией госсектора и отказом от ряда социальных обязательств по отношению к работникам, которые достались Китаю в наследство от маоистского периода.

Одновременно, начиная с 1993 г., осуществлялись ключевые реформы, касающиеся системы управления, как в Центре, так и на местах. (Предпосылки этих преобразований лежали в экспериментах 1980-х гг., которые в ряде случаев также необходимо обозначить для понимания содержания реформ нового этапа.)

Изменения в законодательстве

В 1993 г. решением 1-й сессии ВСНП 8-го созыва был принят Закон о внесении поправок в конституцию КНР — вторых по счёту после поправок 1988 года⁴⁰⁹. Уже после

---

⁴⁰⁸ Кокарев К.А. Указ. соч. С. 159.

⁴⁰⁹ Поправки 1988 г. ранее не рассматривались в силу их незначительности для темы нашего исследования. Здесь отметим, что они затрагивали частные хозяйства и возможность аренды земли, то есть легализовали

завершения сессии ВСНП были приняты важнейшие законы: «Временное положение о государственных служащих» от 24.04.1993, положившее начало системе госслужбы⁴¹⁰, а также «Закон КНР о компаниях» от 31.12.1993, который готовился и обсуждался с 1988 г.⁴¹¹ Данный закон закреплял существование компаний с ограниченной ответственностью, акционерных компаний, а также компаний, создаваемых исключительно на государственные средства (при этом устанавливалось, что государство контролирует их не через соответствующие структуры народных правительств, а через советы директоров, назначаемые уполномоченным

на конституционном уровне практику, де-факто существующую уже несколько лет. Поправки 1993 г. коснулись, прежде всего, преамбулы к Основному закону и были направлены на конституционное закрепление понятий «социализм с китайской спецификой» и «начальная стадия построения социализма». Кроме того, было добавлено положение о «многопартийном сотрудничестве» и «демократических консультациях» под руководством КПК. В ст. 7 «госсектор экономики» (гоинь цзинци) был переименован в «сектор экономики, основанный на государственной собственности» (гою цзинци). В ст. 8 было окончательно ликвидировано понятие «народных коммун». Изменена ст. 15, закреплявшая плановое ведение народного хозяйства. Согласно новому тексту конституции, функции государства сейчас сосредотачивались на проведении в жизнь социалистической рыночной экономики, развитии хозяйственного законодательства, совершенствования макрорегулирования. Ст. 16 и 17 устанавливали право предприятий государственной и коллективной собственности на хозяйственную самостоятельность. Наконец, ст. 98 увеличивала срок полномочий органов госвласти в уездах, городах и городских районах с трёх до пяти лет (соответственно увеличился и срок полномочий избираемых депутатами народных правительств). Теперь на срок три года собрания народных представителей избирались только на волостном уровне (Современное право КНР... С. 25–30).

⁴¹⁰ Гоцзя гунъюань цзаньсин тяоли баньбу = Публикация «Временных правил о государственных служащих» // Чжунго гайгэ кайфан цюаньцзилу. URL: <http://rhb.reformdata.org/#/column/1/775>

⁴¹¹ Цзян Пин. «Гунсыфа» лифа цянью хоу дэ чжэнлунь = Дискуссия до и после принятия «Закона о компаниях». URL: rhb.reformdata.org/index.html#/article/1B3BD97E8225BA7472E75231438C3603

государством инвестиционным органом, ст. 66-71)⁴¹², что, соответственно, способствовало ослаблению местных органов управления.

Таким образом, конституционные поправки и новые законы 1993 г.⁴¹³ создавали правовую базу дальнейшего развития экономических преобразований. В плане системы управления на местах они закрепляли отстранение местных правительств от непосредственного контроля над предприятиями и намечали траекторию де бюрократизации системы.

Реорганизация органов управления

К началу 1990-х гг., учитывая провал кампании по реорганизации органов управления 1982–1984 гг. и эксперименты второй половины 1980-х, был сформулирован постулат: «структурную реформу на местах нужно начинать с урегулирования отношений и пересмотра функций»⁴¹⁴. То есть дальнейшее развитие региональной системы управления (пусть и в консервативном варианте) невозможно без урегулирования отношений в части разграничения полномочий, фискальных и бюджетных ресурсов — прежде всего, между Центром и провинциями.

Сложившаяся к концу 1980-х годов управленческая структура действительно не устраивала власти — прежде

---

⁴¹² Чжунхуа жэньминь гунхэго синьфагуй хуйбянь 1993 нянь ди и цзи = Сборник нового законодательства Китайской Народной Республики за 1993 год. Т. 1 / под ред. Департамента юстиции Госсовета КНР. Пекин, 1994. С. 35.

⁴¹³ Также в течение года были приняты не рассматриваемые в работе законы о сельском хозяйстве (04.07.1993), о качестве продукции (25.02.1993), против несправедливой конкуренции (04.09.1993) и другие, важные с точки зрения подготовки фундамента для последующих рыночных реформ середины — второй половины 1990-х гг.

⁴¹⁴ Кокарев К.А. Указ. соч. С. 171.

всего, по причине своей чрезвычайной затратности, которая лишь увеличивалась пропорционально численности кадров⁴¹⁵. К концу 1992 г. в КНР существовало более 1 млн 300 тыс. различных административных единиц, в которых работало почти 3% населения страны (31,4 млн человек)⁴¹⁶. Номенклатурные работники зачастую не получали зарплату и подрабатывали в частном бизнесе или общественных организациях⁴¹⁷, несмотря на запрет такой деятельности, выпущенный ещё в 1986 г.⁴¹⁸ Уровень жизни рядовых административных сотрудников был низким, и недовольство положением в стране было характерно и для них, что проявилось в т.ч. в 1989 г., когда в демонстрациях на площади Тяньаньмэнь 17–18 мая участвовали сотрудники Пекинского народного правительства⁴¹⁹.

---

⁴¹⁵ Повсеместно траты на административное управление на провинциальном уровне превышали смету. Например, в провинции Хэбэй в 1990 г. — на 13,1% (КНР в 1991 году: Политика, экономика, идеология. М., 1994. С. 11). До 50% бюджетного дефицита на субнациональном уровне в 1991 г. было обусловлено тратами на содержание чиновников (1981 г. смета по этой статье составляла 6 млрд юаней, тогда как в 1991 г. — 31,7 млрд юаней. 36% госбюджета в 1990 г. уходило на управленческие структуры; по отдельным провинциям и уездам эти цифры доходили до 65-90% (Кокарев К.А. Указ. соч. С. 177).

⁴¹⁶ И цзю цзю сань нянь Гоуюань цзигоу гайгэ = Реформа структуры Госсовета 1993 года // Чжунго гайгэ кайфан цюаньцзилу. URL: <http://rhh.reformdata.org/index.html#/article/520BAE6649B42FF5A3C8C58B7FCFC5A9>

⁴¹⁷ Gong Ting. Jumping into the Sea: Cadre Entrepreneurs in China Problems // Problems of Post-Communism. 1996. № 4. P. 28.

⁴¹⁸ Чжунгун чжунъян Гоуюань гуаньюй цзиньйibu чжичжи данчжэн цзигуань хэ данчжэн ганьбу цзиншан, бань цие дэ гуйдин, 1986.02.04 = Установления ЦК КПК и Госсовета КНР о прекращении предпринимательской деятельности сотрудниками партийных и государственных органов. 4 февраля 1986 г. URL: <http://rhh.reformdata.org/#/article/F48C04FFAB49FF0E5D1176244FDFB65C>

⁴¹⁹ Cheng E. Stand Off Tiananmen. URL: <http://www.standoffattiananmen.com/2009/03/standoff-at-tiananmen-table-of-contents.html>

В своём выступлении на 1-й сессии ВСНП 8-го созыва (март 1993 г.) Ли Пэн поставил задачу в течение трёх лет завершить реформу аппарата управления, отметив, что «работа административной системы является сердцевинной в деле строительства социализма в его модернизированном виде»⁴²⁰. Соответствующий проект реформы был принят уже на данной сессии.

В течение 1994 г. на центральном уровне была проведена т.н. «работа по трём определениям» (определение функций, внутренней структуры, штатного расписания), итоги которой были подведены на декабрьском Всекитайском совещании заведующих канцелярий по штатам, начальников управлений и отделов кадров⁴²¹. Аналогичная работа на местном уровне началась с 1995 г. В рамках данной кампании по реорганизации административной системы на 31% было сокращено число министерств, госкомитетов и других ведомств Госсовета⁴²². Аналогичные преобразования произошли на провинциальном и субрегиональном уровне (изменения количество подразделений и численности штата провинциальной администрации на примере Хэйлунцзяна за весь исследованный период обобщены в Приложении).

По своим результатам кампания 1992–1997 гг. мало отличалась от аналогичных кампаний 1980-х гг. и, забегаая вперёд, от кампаний 2000–2010-х гг. В качестве доказательства приведём тот факт, что 1-я сессия ВСНП 9-го созыва в марте 1998 г. наметила очередную реформу госаппарата,

---

⁴²⁰ Ли Пэн. Чжунхуа жэньминь гунхэго чжэнфу гунцзо баогао, 1993.03.15 = Доклад о работе правительства Китайской Народной Республики. 15 марта 1993 г. URL: rhb.reformdata.org/#/article/70D5212DD052B2EF06E5E562F6F9AB9C

⁴²¹ И цзю цзю сань нянь Гоуюань цзигуо гайгэ...

⁴²² Там же.

которая предусматривала сокращение разбухшего аппарата «в два раза»⁴²³ и структурную реформу по разделению функций административных органов и предприятий — то есть повторяла те лозунги, которые не сходили с повестки дня, начиная с 1980-х гг.⁴²⁴ Таким образом, вплоть до сегодняшнего дня, каждый новый пятилетний цикл политического процесса в КНР будет начинаться с запуска новой аналогичной кампании, поскольку сформулированная ещё XII-м съездом КПК (1987 г.) формула «сокращение аппарата — разбухание — вновь сокращение — вновь разбухание» повторялась каждый раз, подтверждая удивительную способность бюрократии к воспроизводству.

Кадровая реформа

Формирование института госслужбы, наравне с реформой цен и госсектора, а также политической реформой, считалось одним из ключевых направлений реформ в течение всех 1980-х гг. Так, будущая иерархичная система упоминалась в «Правилах деятельности номенклатурных работников» 1984 г. Тогда же из сотрудников пятнадцати ведущих вузов страны была сформирована исследовательская группа по подготовке законопроекта об институте госслужбы⁴²⁵.

---

⁴²³ Ди цзю цзе цюаньго жэньминь дайбяо дахуй ди и цы хуйи гуаньюй Гоуюань цзигуоу гайгэ фанъань дэ цзюэдин, 1998.03.10 = Решение 1-й сессии ВСНП 9-го созыва о реформе структуры Госсовета. 10 марта 1998 г. URL: <http://rhb.reformdata.org/index.html#/article/2F3C6A4CD8AF177F6456E7E51A916FF3>

⁴²⁴ Хуйван ши нянь цянъ ди сы цы цзигуоу гайгэ бுவэй жэньюань да фэньлю = Вспоминая четвертую реформу госаппарата 10 лет назад // Чжунго гайгэ кайфан цюаньцилу. URL: <http://rhb.reformdata.org/index.html#/article/085EBBEC4E5BC8D8F79481DBF896267A> (дата доступа: 20.02.2020).

⁴²⁵ Цзян Минъань. Тань «Гоцзя гунъюань цзанъсин тяоли» дэ чжи-дин юй шиши = О принятии и реализации «Временного положения о государственных служащих». URL: <http://rhb.reformdata.org/index.html#/article/5A5A2994BBA00E071D152145344B741D>

Огромный шаг в этом направлении был сделан в результате 1-й сессии ВСНП 7-го созыва (1988 г.) в рамках осуществляемого в то время курса на разграничение партии и государства. В тот период в структуре Госсовета было создано Министерство кадров, которому от Орготдела ЦК КПК передавался ряд полномочий по формированию кадрового аппарата партийно-административных органов в Центре и на местах⁴²⁶. В апреле 1988 г. появился проект «Временного положения о госслужащих», который устанавливал правила классификации должностей госслужащих, зачисления из на службу по результатам экзаменов, порядок аттестации, поощрения и наложения взыскания, увольнения на пенсию, ухода в отставку и т.д.⁴²⁷ Таким образом, были обозначены контуры системы госслужбы, которая была призвана прийти на смену практике сращивания партийной и административной кадровой работы.

Так, 1 января 1989 г. было выпущено «Уведомление об использовании экзаменов и проверок при приеме на работу новых сотрудников в государственные административные учреждения», подготовленное Организационным отделом ЦК КПК и Министерством кадров, согласно которому устанавливалась практика экзаменов на замещение госдолжности в качестве рекрутинга кадров во всех учреждениях от уезда и выше⁴²⁸. С апреля 1989 г. по июнь 1990 г. в шести центральных ведомствах, выбранных для проведения эксперимента, включая налоговое, ревизионное и таможенное

---

⁴²⁶ Чжао Дунъянь. Майчу шиши гоця гунъюань чжиду дэ ди и бу = Первый шаг навстречу установлению системы государственной службы. URL: <http://rhb.reformdata.org/index.html#/article/5324D3D389537BC820A1E2D02F055DFE>

⁴²⁷ Гоця гунъюань цзаньсин, 1993.08.14 = Временное положение государственных служащих. 14 августа 1993 г. URL: <http://rhb.reformdata.org/index.html#/article/923E325E16617477E457F6A468A2D6DF>

⁴²⁸ Там же.

управления, была произведена инвентаризация 2618 должностей, определен круг их обязанностей, составлена классификация; 156 новых служащих были приняты на работу в результате прохождения экзаменационных испытаний⁴²⁹. В опытным порядке стали использовать новую систему и на местах: с апреля 1989 г. — в двух городах окружного значения (Харбин и Шэньчжэнь); со второй половины 1989 г. — в двух провинциях (Гуандун и Фуцзянь) и восьми городах окружного значения. Всего к 1992 г. количество «местных экспериментальных площадок» различного уровня достигло 21⁴³⁰.

После событий 1989 г. развитие института госслужбы приобрело новое значение, поскольку правящая элита была намерена использовать этот механизм для комплектования руководства всех звеньев лояльными режиму кадрами. Учитывая значительный объем кадровых чисток, осуществленных в рамках борьбы с «буржуазной либерализацией», бюрократия нуждалась не только в подготовке сменщиков тех, кто был уволен, но и в формировании «кадрового резерва».

Данная задача возлагалась на местные органы власти и управления, которые должны были подобрать 200–300 перспективных управленцев уездного уровня на каждую провинцию, а также ведомства Госсовета, которые должны были выдвинуть 100–200 чиновников от учреждения⁴³¹. Приоритет отдавался выходцам из рабочих, крестьян, семей революционеров и номенклатуры (так была заложена основа будущего «поколения принцев», пришедших к власти в конце 2000-х гг.). Активисты «культурной революции» и «тяньаньмэньских событий» исключались из числа

---

⁴²⁹ Гоцзя гунъююань цзаньсин...

⁴³⁰ Чжао Дунъань. Указ. соч.

⁴³¹ Кокарев К.А. Указ. соч. С. 174.

кандидатов⁴³². Ввиду дефицита руководящих кадров разрешили оставлять на своих должностях тех, чей возраст превышал 65 лет. Кадровая политика, начатая при Ху Яобане и Чжао Цзыяне, направленная на широкое привлечение кадров из интеллигенции и управленцев из народного хозяйства, была фактически свёрнута⁴³³. В 1993 г. была образована Руководящая группа по работе с новыми кадрами, подготовившая «Постановление ЦК КПК по ряду важных вопросов усиления партийного строительства», «Уведомление о решительном пресечении и исправлении неправильного стиля в работе по подбору и использованию кадров» и др. В июле 1994 г. Партийная школа ЦК КПК начала издавать журнал «Китайская душа» («Чжунхуахунь»), целью которого провозглашалась популяризация революционных традиций, яньаньского духа, воспитание патриотизма⁴³⁴. Эти мероприятия проводились с намерением индоктринации рекрутируемой бюрократии.

Однако подлинно системной реформой в этом направлении стало введение с 1 октября 1993 г. на территории всей страны «Временного положения о государственных служащих». Согласно этому документу, в КНР вводилась иерархия административных должностей (синчжэн цзибе 行政级别). В своеобразной «табели о рангах» выделялось пять категорий административных должностей, каждая из которых подразделялась еще на две (полноценную — «чжэн» 正, и вице-должность — «фу» 副). Эти категории соответствуют рангам государственной службы: от первого

---

⁴³² Кокарев К.А. Указ. соч. С. 175.

⁴³³ Там же.

⁴³⁴ «Чжунхуахунь» юэкань чуанкань = Издаётся журнал «Чжунхуахунь» // Жэньминь жибао. 29 апреля 1994 г. URL: <http://www.laoziliao.net/rmrb/1994-04-29-3#961973>

(председатель КНР и премьер Госсовета) до 27-го (клерк). Первые четыре ранга соответствуют высшим категориям государственных должностей (от председателя КНР до уровня вице-премьеров Госсовета). Далее по значимости — категории должностей в руководстве министерств и провинций. Ниже — категории должностей в руководстве ведомств, образующих провинциальное народное правительство или подчиняющихся ему, которые в основном называются «департамент» (тин 厅) или «управление» (цзюй 局), но могут называться и иначе (комитет, канцелярия и т.д.). На субрегиональном уровне система организована аналогичным образом⁴³⁵. Данная система используется при проведении ротации руководящих кадров, применяется при определении заработной платы чиновников. Административно-территориальные единицы, имеющие особый статус с целью стимулирования в них социально-экономического развития, повышаются в данной иерархии на одну ступень.

К осени 1997 г. была завершена работа по классификации должностей в соответствии с «Временным положением о госслужащих» на уровне провинций. Разработаны структура, полномочия, штаты государственных учреждений, определены должностные категории и их содержательная характеристика. Был закреплён порядок приема на работу в местные правительства. Начал применяться прием на госслужбу по результатам экзаменов, к 1997 г. организованный на регулярной основе в 28 провинциях⁴³⁶.

---

⁴³⁵ Ниже следует статус должностей в руководстве ведомств уездного уровня (县处级), которые в основном называются «отдел» (чу). Ещё ниже — статус должностей в руководстве ведомств волостного и поселкового уровня (乡镇科级), которые в основном называются «отделение» (кэ). Ещё ниже — неруководящие должности.

⁴³⁶ Кокарев К.А. Указ. соч. С. 175.

Фискальная реформа

Важнейшие преобразования касались фискально-субсидиарной системы. 3-й пленум ЦК КПК XIV-го созыва (ноябрь 1993 г.) принял «Решение по некоторым вопросам строительства социалистической рыночной экономической системы», в котором формулировались расширенные макроэкономические полномочия Центра. В этом документе устанавливалось, что Пекин должен контролировать выпуск денежной массы, регулировать обменный курс валюты и налоговые ставки⁴³⁷. Тогда же было принято решение с 1 января 1994 г. ввести новые установления в финансовую и фискальную систему страны. Благодаря этому была упрощена система налогообложения, в масштабах всей страны было введено единое налоговое администрирование, в пользу Центра было изменено распределение налоговых поступлений, что значительно увеличило центральный бюджет и поставило регионы в зависимое положение от него. В целом фискальная реформа 1994 г. явилась водоразделом, который знаменовал переход от децентрализации к централизации в отношениях Центра и регионов (подробнее мы разберём её воздействие в следующем параграфе).

Укрепление механизма контроля над исполнением законов

Наконец, в рамках курса на централизацию государство постаралось решить давнюю проблему, связанную с «неуправляемостью» регионов, и инициировало целую серию ревизионных кампаний и введение местных законов,

---

⁴³⁷ Чжунгун чжуньян гуаньюй цзяньли шэхуйчжуй шичан цзинци тичжи жогань вэньти дэ цзюэдин, 1993.11.14 = Решение по некоторым вопросам строительства социалистической рыночной экономической системы. 14 ноября 1993 г. URL: <http://rhb.reformdata.org/#/article/DC49DFEBB0B00FD44AEFF5C60CC1F825>

налагающих штрафные санкции на чиновников⁴³⁸. В сентябре 1993 г. ПК ВСНП утвердил положение, определяющее контрольно-инспекционную деятельность, в рамках которой была проведена масштабная проверка⁴³⁹. После XIV-го съезда в стране была развернута очередная кампания по осуществлению т.н. «чистой политики», призванной противодействовать явлениям коррупции и «идеологического разложения»⁴⁴⁰.

Учитывая, что все вышперечисленные проблемы по-прежнему актуальны и точно так же, как и в начале 1990-х гг., оцениваются как главная угроза легитимности нахождения КПК у власти⁴⁴¹, логичным является вывод, что эти кампании были неэффективными, а точнее, системно неэффективным был сам подход, когда бюрократический аппарат контролировался самой бюрократией, на основе официальных данных, продуцируемых опять же бюрократией. С начала 1980-х гг. провинциальные представительства правоохранительных и контрольных ведомств находились в структуре народных правительств, получая финансирование из регионального бюджета.

---

⁴³⁸ См., например: Шаньдун жэньминь дайбяо дахуй чаньу вэйюаньхуй гуаньюй гуйдин дифан чжэнфу гуйчжан шэдин факуань сяньдэ дэ цзюэдин, 1996.10.01 = Решение Постоянного комитета Собрания народных представителей провинции Шаньдун в отношении пределов штрафных санкций, устанавливаемых местными народными правительствами. 01.10.1996 г. URL: <https://www.chinacourt.org/law/detail/1996/10/id/60507.shtml>

⁴³⁹ Цао Цзинь. Указ. соч. С. 201.

⁴⁴⁰ Чжунгун чжуньян гуаньюй цзяцянь дан дэ цзяньшэ цзигэ чжунда вэньти дэ цзюэдин, 1994.10.07 = Решение ЦК КПК относительно нескольких важнейших вопросов строительства сильной партии // Жэньминь жибао. 7 октября 1994 г. URL: <http://www.laoziliao.net/rmrb/1994-10-07-1#943675>

⁴⁴¹ В августе 1993 г. Цзянь Цзэминь, выступая на заседании Центральной комиссии по проверке дисциплины, назвал коррупцию и идеологическое разложение кадров «прямой дорогой к ликвидации КПК, народной власти и социализма в Китае».

Таким образом, в период политического цикла 1992–1997 гг. руководство КНР, решая задачи по социально-экономическому развитию страны в новых, скорректированных после периода 1989–1992 гг. системных условиях, успешно осуществило рецентрализацию центр-региональных отношений, сформировало систему госслужбы, выработало соответствующий правовой фундамент. Это и явилось завершением процесса трансформации системы регионального управления, начавшегося созданием институциональной рамки на рубеже 1970–1980-х гг. и продолжившегося экспериментами вокруг политической реформы в 1980-х гг.

Закреплению сформировавшейся модели регионального управления на длительный период способствовало то обстоятельство, что экономические и политические преобразования середины 1990-х гг. уже к концу декады были признаны однозначно успешными. Как заявил на 1-й сессии ВСНП 9-го созыва (март 1998 г.) Ли Пэн⁴⁴², «истекшее пятилетие явилось наилучшим периодом развития с момента образования КНР»⁴⁴³.

Так, экономические эксперименты 1992–1997 гг. были признаны успешными, что отразилось в решении очередного, XV-го съезда КПК (сентябрь 1997 г.) по дальнейшему «развитию рынка при социализме»⁴⁴⁴. На практике

---

⁴⁴² На данной сессии Ли Пэн был избран председателем Постоянного комитета ВСНП, уступив место во главе правительства Чжу Жунцзи (занимал пост премьера Госсовета в 1998–2003 гг.).

⁴⁴³ Ли Пэн. Чжунхуа жэньминь гунхэго чжэнфу гунцзо баогао, 1998.03.05 = Доклад о работе правительства КНР. 5 марта 1998 г. URL: <http://rhb.reformdata.org/#/article/0F65CAF0A7D00AFD2B87C028E88FE931>

⁴⁴⁴ Цзян Цзэминь. Гаоцзюй Дэн Сяопин лилунь вэйда цичжи, ба цзяньшэ ю Чжунго тэсэ шэхуйчжуй шиэ цюаньмянь туйсян эршии шици = Высоко неся великое знамя теории Дэн Сяопина, продвинуть дело строительства социализма с китайской спецификой в XXI век. URL: <http://rhb.reformdata.org/#/article/A6B8DEB7798E7532ADE2A8934477D3CE>

это означало сокращение удельного веса общественной формы собственности в пользу повсеместного акционирования госпредприятий, что, соответственно, снижало и функции экономического контроля со стороны региональных администраций.

Смерть Дэн Сяопина в том же 1997 г., за несколько месяцев до съезда, позволила тогдашнему руководству КПК легитимизировать выбор в направлении дальнейшего развития рыночной экономики через апелляции к «идеям Дэн Сяопина», его тезисам о «раскрепощении сознания», «реалистичном подходе», «соединении марксизма-ленинизма с китайской реальностью», которыми был наполнен отчётный доклад Цзян Цзэминя на съезде⁴⁴⁵. Формально это было воплощено через утверждение в качестве руководящей идеологии КПК т.н. «концепции Дэн Сяопина» (Дэн Сяопин гуаньнянь / лилунь)⁴⁴⁶, под которой творчески понимался его призыв развивать рыночные реформы при сохранении монополии партии на власть, а также приравнивание Дэн Сяопина к Сунь Ятсену и Мао Цзэдуну в рядах трёх наиболее великих представителей китайской нации в XX веке⁴⁴⁷. В дальнейшие годы наблюдался процесс конструирования идеологического наследия Дэн Сяопина, учитывавший изменения положения в Китае уже в 1990-х гг. и включавший в себя ряд установок, изначально принадлежавших Ху Яобану и Чжао Цзыяну, вклад которых в развитие идеологии КПК отныне замалчивался (данная проблематика заслуживает отдельного исследования и не может быть исчерпывающе раскрыта в рамках настоящей работы).

---

⁴⁴⁵ Цзян Цзэминь. Гаоцзюй Дэн Сяопин лилунь вэйда цичжи, ба цзяньшэ ю Чжунго тэсэ шэхуйчжуи шиэ цюаньмянь туйсян эршии шицзи...

⁴⁴⁶ Сяопин шо, шэммэ ши Чжунго тэсэ шэхуйчжуи = «Как сказал Сяопин», что такое социализм с китайской спецификой / под ред. Цзе Циньжу. Пекин, 2007. 95 с.

⁴⁴⁷ Цзян Цзэминь. Гаоцзюй Дэн Сяопин...

XV-й съезд КПК закрепил характер политической системы КНР. Съезд подчеркнул неприемлемость для Китая западных политических моделей: прежде всего, системы разделения властей и прямой демократии. Ядром китайской модели была названа система СНП и многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК.

Рыночная либерализация середины — второй половины 1990-х гг., связанная с именем Чжу Жунцзи, казалось бы, вновь должна была поставить перед руководством вопрос о возможности политической реформы и более широкой реструктуризации госпредприятий. Однако консенсус в правящей элите относительно стабильности любой ценой, а также необходимость организации противодействия Азиатскому финансовому кризису 1998 г. вызвали возврат и закрепление прежних испытанных методов управления и контроля. К тому же времени относится закрепление представления о недопустимости снижения темпов экономического роста с целью не дать разрастись безработице и опять не дестабилизировать режим.

Как итог, после решительных шагов конца 1990-х гг. уже в 2001–2002 гг. фактически была приостановлена реструктуризация госсектора. Лозунги «политической реформы» были сохранены, но под ними понималось уже не возможное разделение партийно-государственного аппарата или качественное изменение сложившейся в 1990-х гг. модели центр-региональных отношений, а исключительно борьба с раздутием бюрократических штатов и проявлениями коррупции. После успешного проведения ключевой для центр-региональных отношений фискальной реформы и установки правовой и институциональной рамки (прежде всего, в части касающейся системы госслужбы) процесс эволюции системы управления завершился, и дальнейшие изменения

имели в большой степени декоративный, а не принципиальный характер.

5.2. Формирование рецентрализационной модели в КНР в 1990-х гг.: достижения и проблемы

Как отмечалось выше, возможности проведения системных реформ способствовало завершение активного периода политической борьбы при итоговой победе настроенных умеренно-либерально лидеров «третьего поколения».

В июне 1992 г. Цзян Цзэминь заявил, что конечной целью децентрализации должна являться не передача прав из Центра в территориальные органы власти, а расширение полномочий предприятий⁴⁴⁸. Эту установку поддержали китайские учёные. Ху Аньган и Ван Шаогуан опубликовали «Доклад о мощи китайского государства», в котором говорилось, что ослабшую центральную власть необходимо поддерживать с помощью перераспределения в её пользу финансовых потоков от сбора налогов, поскольку местные власти объективно не способны обеспечить стабильность и здоровое развитие национального хозяйства⁴⁴⁹. В России подобные реформы произойдут уже в начале второго срока президента В.В. Путина.

Ключевым элементом «рецентрализации», как и на стыке 1970–1980-х гг., стала фискальная реформа, о которой вкратце упоминалось выше. В начале 1990-х гг., т.е. после того, как опасность дестабилизации обстановки в стране и зависимость от поддержки региональных элит были значительно

---

⁴⁴⁸ Цит. по: Иванов С.А. Участие властей провинции Хэйлуунцзян в российско-китайском экономическом сотрудничестве... С. 64.

⁴⁴⁹ Там же.

уменьшены, она была реализована под руководством нового поколения руководителей — прагматиков-технократов.

Осенью 1992 г. в девяти провинциях и городах КНР начался эксперимент по введению новой системы налогообложения, куратором которого стал Чжу Жунцзи. Эксперимент был признан успешным, и на 1993–1994 гг. было намечено принятие решения о проведении комплексной фискальной реформы в масштабах всей страны⁴⁵⁰. Центр всё ещё чувствовал себя неуверенно в переговорах с регионами, поэтому в период с 9 сентября по 21 ноября 1993 г. Чжу Жунцзи посетил 17 провинций, где проводил разъяснительную работу и сумел заручиться поддержкой глав регионов⁴⁵¹. 25 декабря Госсовет КНР объявил о том, что с 1 января 1994 г. по всей стране будет введена новая налоговая система.

Что это означало на практике? Сложная разветвлённая система налогов с оборота была заменена единым налогом на добавленную стоимость (17% для всех фирм, в исключительных случаях — 13%). Собранный НДС распределялся в соотношении 75% в пользу Центра, 25% — регионам. Было определено, какие налоги всецело взимаются центральным правительством (таможенные пошлины, акцизы, подоходный налог с железной дороги, финансовых и страховых организаций и др.), какие — местными властями (налог на доходы физических лиц, имущество, транспортные средства, наследство, городские и поселковые земли, прирост стоимости земли, прибыль предприятия без уче-

---

⁴⁵⁰ Сян Хуайчэн. Циньли фэньшуйчжи гайгэ = Вспоминая о фискальной реформе. URL: <http://rhh.reformdata.org/index.html#/article/0E915DB63226B6FB6A3C56546980A8C93>

⁴⁵¹ Сюэчжэ чжуаньвэнь тань Чжу Жунцзи фэньшуйчжи гайгэ дэ лиши ии = Учёные описали историческую роль Чжу Жунцзи в проведении фискальной реформы // Фэнхуан. URL: http://news.ifeng.com/history/shixueyuan/detail_2011_10/23/10075775_1.shtml

та НДС и др.), а какие делятся между Центром и регионами (см. Приложение).

Реформа имела следующие эффекты.

Во-первых, она значительно увеличила доходы Центра (см. Приложение).

Во-вторых, устранила перекосы в области местных инвестиций и цен, способствовала прекращению избыточных капиталовложений в сферы с низкими налоговыми ставками и искусственно завышенной нормой прибыли⁴⁵².

В-третьих, реформа способствовала исчезновению регионального фаворитизма (когда ряд регионов через лоббистские связи в Пекине «выбивал» себе более выгодные условия фискальных договоров) и в целом оздоровлению межрегиональных связей⁴⁵³.

В-четвертых, из-за отмены налога на продукцию предприятий политика местного протекционизма перестала быть столь выгодной для местных правительств⁴⁵⁴. Доходы региональных бюджетов стали зависеть от прибыли предприятий, власти были заинтересованы в том, чтобы добиться, прежде всего, прибыльности бизнеса.

Как следствие, после реформы 1994 г. местные власти вместо примитивного протекционизма местных предприятий стали соревноваться друг с другом, чтобы привлечь больше субсидий из центрального бюджета, но, что ещё важнее, инвестиции из внешних источников. По оценкам Р. Коуза и Ван Нина, именно конкуренция между регионами

---

⁴⁵² Сунь Гайгуан. Фэншуйчжи хоу дифан чжэнфу цайшицюань фэйдуйчэнсин цзи юэшу яоцили цзичжи бяньхуа яньцзю = Асимметрия полномочий местных органов власти после реформы фискальной системы и изменения механизмов ограничения властных полномочий // Цзинци шэхуй тичжи бисяо. URL: <http://finance.sina.com.cn/review/20061124/01523105092.shtml>

⁴⁵³ Сян Хуайчэн. Указ. соч.

⁴⁵⁴ Коуз Р. Указ. соч. С. 196.

вызвала высокую экономическую динамику второй половины 1990-х–2000-х гг.⁴⁵⁵

Соответственно была преобразована и бюджетная система. В 1994 г. был принят Бюджетный закон, предполагающий введение т.н. «двойного бюджетирования», при котором планирование текущих и капитальных расходов осуществляется отдельно (статья 26 Бюджетного закона). Текущие расходы — за счет бюджетных доходов, а капитальные расходы — за счет заимствований, причём с весьма ограниченными полномочиями регионов на финансирование с помощью выпуска облигаций и ценных бумаг⁴⁵⁶. Покрытие бюджетного дефицита регионов планировалось за счёт выравнивающих субсидий из центрального бюджета. На практике же сохранилась ситуация 1980-х гг., когда лишь в наиболее развитых единицах провинциального звена (три города центрального подчинения: Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, а также прибрежные провинции Гуандун, Фуцзянь, Чжэцзян, Цзянсу) уровень доходов примерно был равен уровню расходов; в то же время районы национальной автономии, провинции с большим числом нацменьшинств (Цинхай, Юньнань, Гуйчжоу), а также Хэйлунцзян, Цзилинь и Ганьсу оставались глубоко дотационными⁴⁵⁷. Это привело к появлению трёх уровней с точки зрения бюджетной политики Центра: преуспевающих регионов, отстающих и «средних», в отношении которых, как и ранее, применялась дифференцированная политика⁴⁵⁸.

---

⁴⁵⁵ Коуз Р. Указ. соч. С. 196.

⁴⁵⁶ Гу Миндэ, У Пэйсинь. Вого цюйюйцзянь цзыкуань сяолюй, цзыцзинь пэйшу хэ цзинци цэнчжан бисяо = Сравнение экономического роста, размещения капитала и эффективности кредитования в разных районах Китая // Кэсюэ фачжань. 2009. № 8. С. 20–21.

⁴⁵⁷ Кадочников Д.Б. Бюджетная децентрализация и межбюджетные отношения... С. 118.

⁴⁵⁸ Там же.

При этом после 1994 г., несмотря на падение доходов, на провинции по-прежнему возлагалось около 75% всех бюджетных трат. Разницу в расходах, равную около 25% консолидированного бюджета, обязывалось покрывать через систему межправительственных трансфертов центральное правительство⁴⁵⁹. В 1994 г. в стране впервые были применена основанная на специальных расчетах система выравнивающих трансфертов⁴⁶⁰. В течение 1994–1997 гг. объем выравнивающих трансфертов в бюджет провинции Хэйлуцзян увеличился с 500 млн юаней до 1920 млн юаней⁴⁶¹ (см. также Приложение).

На протяжении всего последующего периода истории Китая наблюдалась тенденция к увеличению доли таких трансфертов в общей сумме трансфертов регионам. Забегая вперед, отметим, что если в 2000 г. она составляла 3,7%, то к 2005 г. поднялась до 15,3%, а к 2016 г. приблизилась к 40%⁴⁶². В результате этого объем выравнивающих трансфертов в совокупных доходах западных, центральных и северо-восточных районов вырос с 1,5% в 2000 г. до 11,9% в 2008 г. и до 22,3% в 2016 г.⁴⁶³ То есть в результате изменений в политике Центра, запущенных в середине 1990-х гг., регионы потеряли свою финансовую самостоятельность и оказались в зависимости от воли Пекина. Отсутствие

---

⁴⁵⁹ Фань Бонай, Чжан Мин. Цзюй мяньбань фэньси дэ Чжунго шэнцзи синчжэн цюйюй хоцюй чжунъян цайчжэн цзяои чжифу дэ шичжэн яньцзю = Эмпирическое исследование трансфертных выплат из центрального бюджета, получаемых административно-территориальными единицами провинциального уровня КНР. Анализ панельных данных // Чжэцзян дасюэ сюэбао. 2001. № 1. С. 38. Цит. по: Иванов С.А. Распределение фискальных и административных ресурсов... С. 45.

⁴⁶⁰ Там же. С. 39.

⁴⁶¹ Wong C. Central-local Relations Revisited: the 1994 Tax Sharing Reform and Public Expenditure Management in China. URL: <https://www.cefc.com.hk/article/central-local-relations-revisited-the-1994-tax-sharing-reform-and-public-expenditure-management-in-china/>

⁴⁶² История Северо-Восточного Китая... Кн. 5. С. 46.

⁴⁶³ Там же.

достаточных резервов для покрытия расходных обязательств в течение десятилетий по итогу привело к нарастанию долгов и кредиторской задолженности⁴⁶⁴. Подобный исход наступил даже несмотря на то, что Центр, понимая, за счёт чего регионы будут стараться покрыть разницу между доходами и расходами, существенно ограничил выпуск местных облигаций (по-прежнему они выпускаются в соответствии с квотами, которые увеличиваются только в крайнем случае — например, в рамках антикризисных мер, связанных с пандемией коронавируса).

Другим аспектом рецентрализации стало создание специального механизма в рамках самой бюрократии, особое положение которого возвышало его над другими властными институтами. В качестве такового стал рассматриваться институт партийных комиссий по проверке дисциплины (КПД), восстановленный XI-м съездом КПК в 1977 г. как инструмент кадровых чисток. Если после XIII-го съезда КПК (1987 г.) его функциональное значение должно было сократиться до рассмотрения дел, связанных исключительно с нарушениями партийной дисциплины, то после XIV-го съезда, в рамках описанных выше процессов, его функционал, напротив, расширился. С 1993 г. комиссии по проверке дисциплины приобрели также функции административного контроля. Фактически задачи Министерства контроля, продолжавшего существовать в рамках Госсовета с 1986 г., передавались также КПД⁴⁶⁵. На местах КПД, создаваемые

---

⁴⁶⁴ Гоюань гуаньюй цзяцян дифан чжэнфу син чжайу гуаньли дэ ицзянь = Мнение Госсовета КНР в отношении усиления работы с задолженностями местных правительств. URL: <https://www.chinacourt.org/detail/2014/09/id/147962.shtml>

⁴⁶⁵ Гуаньюй шэли Чжунхуа жэньминь гунхэго цзяньчабу иань дэ го-мин, 1986.11.27 = Разъяснение в отношении предложения по учреждению Министерства контроля КНР. 27 ноября 1986 г. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2000-12/26/content_5001862.htm

парткомами, находились в двойном подчинении: у парткома и у вышестоящих комиссий. Данные меры усиливали контроль партии за органами исполнительной власти в Центре и на местах. В рамках деятельности самих КПД увеличилось количество инспекционных поездок на места. Учитывая, что сотрудники КПД могли иметь должности в административном аппарате, устанавливалось, что перемещение таких сотрудников без согласия вышестоящей комиссии невозможно⁴⁶⁶.

Борьба с коррупцией и другими проявлениями «буржуазной либерализации», осуществляемая комиссиями по проверке дисциплины в условиях борьбы различных групп влияния внутри бюрократии, вновь приобрела характер «кадровой чистки», не имеющей ничего общего с устранением самих первопричин коррупции. Так, с октября 1992 г. по июнь 1997 г. КПД различного уровня было заведено более 700 тысяч дел, в результате чего более 120 тысяч человек было исключено из партии, более 37 тысяч человек подверглись уголовной ответственности, а всего за всевозможные «нарушения партийной и политической дисциплины» было наказано более 650 тысяч человек⁴⁶⁷. Параллельно происходило расширение военно-силовых структур, которые были призваны быть главной опорой режима в условиях присутствующей для 1980–1990-х гг. социально-экономической нестабильности. Как отмечает гонконгский исследователь Вилли Лам, в середине 1990-х годов на провинциальном уровне сотрудники, работающие по линии общественной и государственной безопасности, составляли в среднем 24% от численности управленческого штата⁴⁶⁸.

---

⁴⁶⁶ Кокарев К.А. Указ. соч. С. 162.

⁴⁶⁷ Там же. С. 164.

⁴⁶⁸ Lam W. *China After Deng Xiaoping. The Power Struggle in Beijing after Tiananmen*. Hong Kong, 1995. P. 261. При этом, как показывает

В рамках курса на рецентрализацию были проведены и реформы в сфере административно-территориального устройства.

Ещё с конца 1970-х гг. в Пекине начала прорабатываться идея «городской административной реформы»⁴⁶⁹. Её суть должна была заключаться в объединении крупных городов и округов — административно-территориальных единиц субпровинциального уровня, где создавались делегированные органы управления провинциального народного правительства, без создания здесь органов госвласти, то есть формирования местного собрания народных представителей. Однако, в соответствии со ставкой на уменьшение бюрократии, предполагалось не вливать города в округа, а наоборот — округа расформировывать, а территорию округа делать территорией «города», в результате чего по всему Китаю возникли «города» (терминологически у них сохранялся прежний статус «ши») размером и населением сравнимые с отдельными советскими областями и субъектами Российской Федерации⁴⁷⁰. Как единица субрегионального деления

анализ документов провинциальной гражданской администрации, данные по штатному расписанию департаментов общественной и государственной безопасности, а также управления трудового перевоспитания департамента юстиции, являлись закрытыми.

⁴⁶⁹ Чэнь Шэньюн, Чжан Бинсюань. Цзяньго 60 няньлай Чжунго дифан синчжэн цюйхуа хэ фучзи гуаньси дэ бяньгэ юй чжаньван = Изменения и перспективы развития в административно-территориальном делении и отношениях между правительствами различных ступеней за 60 лет истории КНР // Чжэцзян гуншан дасюэ сюэбао. 2009. № 5. С. 11.

⁴⁷⁰ Существующее положение вещей вызывает путаницу, связанную с употреблением термина «ши» 市 («город»). Им в современной КНР обозначаются единицы сразу четырех различных административных уровней. Например, город центрального подчинения Пекин, город субпровинциального значения Харбин, город окружного значения Муданьцзян и город уездного значения Дуннин. При этом, в случае с приграничными городами Муданьцзян и Дуннин, необходимо понимать, что город Дуннин, сам по себе включающий несколько волостей и поселков, является частью большого города Муданьцзян.

такие города руководили всеми входящими в прежние округа единицами, включая уезды, города уездного уровня и поселки⁴⁷¹ — этот процесс получил в китайской практике название «дигайши» («Округа становятся городами»)⁴⁷².

В 1980 г. в докладе Чжао Цзыяна о проекте шестой пятилетки (1981–1985 гг.) было сказано: «В относительно развитых районах нужно соединить округ и города, пусть город руководит уездами»⁴⁷³. Значительный вклад в разработку концепции внес известный китайский экономист Ли Инин, обосновавший идею сетевого развития субрегионов вокруг ключевых городов, от которых тянутся векторы экономического притяжения к прилегающим сельским районам⁴⁷⁴. В соответствии с данными положениями в 1983 г. была введена категория «город окружного значения» (дицзиши 地级市) вместо прежней категории «город провинциального подчинения»; тогда же положение «город управляет уездами» в экспериментальном порядке начало реализовываться на практике⁴⁷⁵.

Эксперимент протекал волнообразно, но в целом по нарастающей. Число округов-дицью в период с 1985 по 1997 г. сократилось со 165 до 17 (не считая автономные округа, которых данная тенденция не коснулась)^{476, 477}. В Хэйлунцзяне

---

⁴⁷¹ Чэнь Шэньюн, Чжан Бинсюань. Указ. соч.

⁴⁷² Chung J. Op. cit. P. 42–43.

⁴⁷³ Чжао Цзыян вэньци 1980–1989, ди и цзюнь (1980–1982) = Собрание сочинений Чжао Цзыяна, 1980–1989, часть первая (1980–1982). Гонконг, 2016. С. 86.

⁴⁷⁴ Цит. по: Кондрашова Л.И. Реформа административно-территориального устройства КНР... С. 76.

⁴⁷⁵ Чэнь Шэньюн, Чжан Бинсюань. Указ. соч. С. 12.

⁴⁷⁶ Чжунхуа... синчжэ цюйхуа...

⁴⁷⁷ Забегая вперёд, отметим, что к 2022 г. во всей стране осталось лишь десять округов. В основном в отдаленных, малонаселенных районах, где попросту отсутствовал возможный кандидат на роль города — центра притяжения (в Хэйлунцзяне и Тибете), либо существовали

были ликвидированы все округа кроме округа Большой Хинган (Дасинъаньлин), на их месте были сформированы «города окружного значения».

Отметим также, что следствием прогрессирующей урбанизации стали процессы трансформации административного устройства и внутри единиц окружного значения. Близлежащие к городским центрам уезды повсеместно получали статус городских районов (их количество увеличилось с 621 в 1985 г. до 832 в 1997 г.⁴⁷⁸). Часть уездов прекратила свое существование, объединившись с другими уездами или получив статус городов уездного значения. Ежегодно число уездов сокращалось на 2-3 десятка. Их общее число уменьшилось с 2046 в 1985 г. до 1716 в 1997 г. Аналогичные цифры для провинции Хэйлуунцзян: 62 уезда в 1985 г. и 46 уездов в 1997 г. Число городов уездного значения соответственно увеличилось: со 159 в 1985 г. до 427 в 1997 г.; в провинции Хэйлуунцзян — с 6 до 20 за тот же период⁴⁷⁹.

Таким образом, при сохранении общего числа единиц субпровинциального деления количество округов резко сократилось, а городов окружного значения — резко возросло; количество уездов сократилось, а количество городов уездного значения — возросло (см. Приложение). Данная модель развития АТУ означала ослабление провинциального аппарата, поскольку управление округами представляет собой более жёсткую модель подчинения, чем управление городами окружного значения.

особые условия, связанные с необходимостью поддержания жёсткого административно-полицейского контроля со стороны провинциального правительства (в Синьцзяне). В 2022 г. это округ Большой Хинган в Хэйлуунцзяне, округ Нгари в Тибете, округа Алтай, Тачэн, Кашгар, Аксу и Хотан в Синьцзяне, а также три аймака Внутренней Монголии: Хинган, Алашань и Шилин-Гол.

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ Там же.

Другим свидетельством рецентрализации сквозь призму организации субрегионального управления является система наделения крупных городов особыми статусами — «сравнительно крупных городов», «отдельных плановых городских единиц» и «городов субпровинциального значения», предполагающими различную степень автономии от указаний провинциального руководства с прямым подчинением Центру⁴⁸⁰.

К концу 1990-х гг. статус «сравнительно крупного города» имело 49 городов, включая города в провинции Хэйлуцзян: Харбин и Цицикар⁴⁸¹, статус «отдельных плановых городских единиц» — пять городов, не являющихся центрами провинций (Далянь, Циндао, Нинбо, Сямэнь и Шэньчжэнь)⁴⁸² и 15 городов субпровинциального

---

⁴⁸⁰ Подробно данная тенденция рассмотрена в статье: Зуенко И.Ю. О статусе городов субпровинциального значения в КНР // Россия и АТР. 2012. № 2. С. 145–153.

⁴⁸¹ 15 декабря 1984 г. было опубликовано «Уведомление Госсовета о признании Таншаня и других городов «сравнительно крупными городами». Данным решением в число «сравнительно крупных городов» вошли ещё 13 городов: Цицикар (провинция Хэйлуцзян), а также Цзилинь (Цзилинь), Далянь, Фушунь и Аньшань (все — Ляонин), Таншань (Хэбэй), Датун (Шаньси), Баотоу (АРВМ), Циндао (Шаньдун), Лоян (Хэнань), Уси (Цзянсу), Чунцин (Сычуань), Хуайнань (Аньхой), всего 13 городов. В дальнейшем состав «сравнительно крупных городов» неоднократно расширялся. Решением от 5 марта 1988 г. статус получил Нинбо (Чжэцзян). Решением от 25 июля 1992 г. — Бэньси (Ляонин), Цзыбо (Шаньдун), Ханьдань (Хэбэй). Решением от 22 апреля 1993 г. — Сучжоу и Сюйчжоу (оба — Цзянсу).

⁴⁸² В 1984–1993 гг. этот статус получили следующие города: Ухань (21 мая 1984 г.), Шэньян (11 июля 1984 г.), Далянь (13 июля 1984 г.), Гуанчжоу, Сиань и Харбин (5 октября 1984 г.), Циндао (15 октября 1986 г.), Нинбо (24 февраля 1987 г.), Сямэнь (18 апреля 1988 г.), Шэньчжэнь (3 октября 1988 г.), Чанчунь, Нанкин и Чэнду (11 февраля 1989 г.). Однако в 1993 г. в проекте реформы партийно-государственных органов, принятом ЦК КПК, было решено данный статус оставить лишь у шести

значения⁴⁸³, в т.ч. Харбин, который после перерыва 1993–1995 гг., вызванного попыткой оптимизации структуры управления в рамках очередной кампании реструктуризации, вновь вышел из-под подчинения провинциального народного правительства.

В исследуемый нами период выделяется ключевой процесс — усиление городов и ослабление провинций. Отчасти это произошло вследствие естественного процесса урбанизации, на который была сделана ставка как на «мотор» национального развития, механизм изменения характеристик репродуктивного поведения, потребления, трудового устройства⁴⁸⁴.

С другой стороны, не менее важно и то, что Центр последовательно предпринимал действия, направленные на ослабление провинциальных администраций:

- путём ликвидации делегированных органов управления на окружном уровне;
- путём выведения из-под подчинения провинций наиболее развитых городов;

городов, не являющихся центрами провинций. Остальные были выведены из этого числа, но оставались «сравнительно крупными городами». В марте 1997 г. в связи с получением статуса города центрального подчинения из этого числа вышел Чунцин.

⁴⁸³ В мае 1995 г. статус городов субпровинциального значения получили все города, до 1993 г. имевшие статус «отдельных плановых городских единиц» (Харбин, Гуанчжоу, Ухань, Шэньян, Сиань, Далянь, Шэньчжэнь, Нанкин, Чанчунь, Циндао, Сямэнь, Нинбо и Чэнду), плюс Ханчжоу и Цзинань. В 1997 г. в связи с получением статуса города центрального подчинения этот круг покинул Чунцин.

⁴⁸⁴ При этом урбанизация зачастую была «административной» (Кондрашова Л.И. Эволюция и современное состояние государственно-территориального устройства КНР...), когда волость получала статус посёлка, уезд — городского района или города уездного значения, но качественные характеристики той или иной территории при этом, конечно же, резко не менялись.

- путём повышения уровня административного аппарата в отдельных субпровинциальных единицах до уровня провинции, что позволяло руководителям крупных городов окружного значения находиться на одном уровне в иерархической системе китайской госслужбы со своим формальным руководством в провинциальном центре.

Социально-политическая нестабильность второй половины 1980-х гг. замедлила процесс ослабления провинций путём усиления городов, однако с приходом к власти «третьего поколения руководителей» и переходом к политике децентрализации он возобновился. В результате это привело к установлению сложной системы, при которой опасность превращения провинций в квазинезависимые «удельные царства» была устранена, но одновременно менее эффективным стало субпровинциальное управление: провинции стали управлять не всей территорией, а между провинцией и уездом появилась прослойка в виде города окружного значения, функционал которой постоянно расширялся⁴⁸⁵. Подобный исход стал причиной других проблем. Административный аппарат начал разбухать уже на окружном и уездном уровне. Большая часть неэффективных инвестиций в капитальное строительство и, как следствие, местных долгов также производится именно субпровинциальными правительствами⁴⁸⁶.

---

⁴⁸⁵ Ли фа сяюй чжэнъянь ницзын дифан лифацюань фуяой 282 гэ шэцжой чэнши = Законодатели рассматривают поправку к закону, предполагающую наделение правом законотворчества 282 городские территории // Синьцзинбао. 26 февраля 2014 г. URL: https://baike.baidu.com/reference/11013193/27c7QS2m-qyadK6_jab-B_CIBz7qhsB2lH8iMmY7wicakVUFWKNId-1U3qjFCUraPZ3SgpHrerUD07Aur62qYP121Boab9SuPyShITtT2Fox

⁴⁸⁶ Ong L. The Political Economy of Township Government Debt, Township Enterprises, and Rural Financial Institutions in China // The China Quarterly. 2006. № 186. P. 377–400.

Забегая вперёд, отметим, что уже в 2000-х гг. центральным правительством был инициирован обратный процесс — ослабления городов окружного уровня и передачи управления уездами в подчинение провинциального правительства (т.н. «чжэцзянская модель»)⁴⁸⁷ — впрочем, в полной мере так и не реализованный, о чём свидетельствует, например, перевод в 2017 г. города Суйфэньхэ из прямого подчинения провинциальному правительству (2011–2017 гг.) в подчинение городу Муданьцзян⁴⁸⁸.

Наконец, ещё одним элементом рецентрализации стала реорганизация отношений Центра и регионов с помощью ротации руководящих кадров (бяньчжи 编制).

Хотя сама эта практика применяется с первых лет существования КНР⁴⁸⁹, в середине 1990-х гг. она была усовершенствована и начала применяться более системно и последовательно. Именно система ротации руководящих кадров (контроля политической мобильности) является главным элементом, с помощью которого Центр осуществляет контроль над регионами в условиях всё ещё достаточно широкой автономии на местах.

С помощью данной практики Центр рассчитывает: во-первых, воспрепятствовать формированию региональных элит, фракций, повысить лояльность регионов, что затруднит появление центробежных и сепаратистских тенденций; во-вторых, подготовить будущее руководство страны. Если

---

⁴⁸⁷ Чэнь Шэньюн. Чжэнфу чуансинь, чжили чжуаньсин юй Чжэцзян моши = Обновленное правительство, трансформация системы управления и Чжэцзянская модель // Чжэцзян шэхуй кэсюэ. 2009. № 2. С. 1–12.

⁴⁸⁸ Суйфэньхэ лиши яньгэ = Исторический очерк города Суйфэньхэ. URL: <http://www.suifenhe.gov.cn/channels/135.html> (дата обращения: 20.02.2020).

⁴⁸⁹ Liang Qiao. Op. cit. P. 54.

в 1977 г. среди двадцати трёх членов Политбюро ЦК КПК лишь шестеро (26%) имели опыт самостоятельной руководящей работы в регионах, то по итогу XV-го съезда в 1997 г. из двадцати двух членов Политбюро ЦК КПК уже тринадцать человек (59%)⁴⁹⁰ (см. Приложение). В дальнейшем значение опыта работы в регионах с точки зрения совершенствования «резюме» только повышалось. Например, в 2007 году среди 25 членов Политбюро ЦК КПК 17-го созыва было 19 человек с опытом работы в регионах (76%).

В-третьих, с помощью этой практики Центр обеспечивает более эффективное выполнение его стратегических установок, поощряя через карьерное повышение тех региональных лидеров, которые добиваются успехов. Критерии успешности являются предметом «тонкой настройки» со стороны идеологов КПК, однако в течение периода политики реформ и открытости они, как правило, сводились к достижению высоких количественных показателей развития экономики. В Хэйлунцзяне и его субпровинциальных единицах, учитывая его приграничное положение, акцент, кроме этого, делался на развитии международного сотрудничества⁴⁹¹.

Активизация политики Центра в сфере ротации кадров наблюдается уже с 1989 г., что, очевидно, связано с реакцией на «тяньаньмэньские события». С середины 1989 г. по середину 1990 г. около ста руководителей уровня заместителя министра и губернатора были переведены из одного региона в другой⁴⁹². Вероятно, что переход от практики развития руководителя в родном регионе к практике постоянных

---

⁴⁹⁰ Ibid. P. 54.

⁴⁹¹ Иванов С.А. Деятельность субнациональных правительств...

⁴⁹² Burns J. Op. cit. P. 50.

перемещений с места на место был ответом Пекина на политический кризис 1989 г. и преследовал цель воспрепятствовать созданию на местах альянса номенклатуры, бизнеса и силовиков, способных бросить вызов Центру. Системный вид эта практика получила после 1993 г., что было связано с введением «Временных положений о государственных служащих».

Как же выглядит система ротации руководящих кадров на практике?

- Ротация осуществляется по партийной линии и в конечном итоге контролируется Организационным отделом ЦК КПК. В её основе лежит принцип субординации перед вышестоящими партийными органами, заложенный в Уставе КПК, предъявляющем к чиновнику более строгие требования, чем административные законы и акты (соответственно, и наказание — исключение из партии — фактически означает исключение человека из бюрократической системы в целом, практически без возможности возвращения, что несравнимо с просто увольнением или снятием с должности в непартократических системах).
- Система ротации руководящих кадров охватывает руководителей, начиная с окружного уровня и выше, которые, как правило, представлены выходцами из других регионов, назначенными на свой пост в рамках ротации руководящих кадров, причём общая тенденция в течение 1980–1990-х гг. такова, что количество «варягов» увеличивается, как в масштабах страны, так и на примере отдельных провинций (см. Приложение).
- Их подчиненные — вплоть до уровня вице-губернаторов — в своей массе являются местными жи-

телями, тогда как руководящее звено представлено выходцами из других провинций, которые обозначаются термином «летающие ганьбу»⁴⁹³.

Ротация руководящих кадров представляется структурированной и предсказуемой системой, в основе которой лежит ряд практик.

Во-первых, существует иерархия должностей внутри партийно-административного аппарата в соответствии с «Временным положением о государственных служащих» от 1993 г., которое спустя 13 лет без значимых изменений было утверждено в качестве полноценного «Закона о госслужбе» от 1 января 2006 г. Анализ многочисленных материалов по карьерным траекториям чиновников показывает, что в среднем срок нахождения на должности при оптимальном развитии карьеры составляет 3-5 лет. Задержка на одной позиции свидетельствует о стагнации карьеры чиновника. При этом реальным руководителем региона является первый секретарь парткома, тогда как губернатор выступает его заместителем по партийной линии и, как следствие, занимает второстепенное положение.

Во-вторых, существует негласная иерархия территорий, согласно которой назначение в одни регионы является более ответственным и почетным, чем в другие. В рамках ротации определенный чиновник может переводиться на аналогичную должность в другом регионе, и это будет являться не «горизонтальным перемещением», а повышением⁴⁹⁴. Партийные руководители наиболее значимых регионов могут занимать места в Политбюро ЦК КПК. К таковым относятся самые развитые и населенные провинции

---

⁴⁹³ Hu Xiaohui. Op. cit. P. 10.

⁴⁹⁴ Liang Qiao. Op. cit. P. 44.

Китая (Гуандун, Цзянсу, Чжэцзян, города центрального подчинения Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Чунцин). Провинция Хэйлунцзян к этому числу не относилась — её руководители (ни руководитель парткома, ни губернатор) в изучаемый период не являлись членами Политбюро ЦК КПК.

В-третьих, движение по карьерной лестнице коррелирует с пятилетним циклом партийных съездов и возрастом чиновника к началу того или иного цикла. Общий принцип — чем старше, тем выше должна быть должность (существует точка зрения, что в этом воплощен конфуцианский подход к оценке авторитета человека, исходя из его возраста⁴⁹⁵). Так, к пику карьеры ганьбу подходят к возрасту около 60 лет. Наивысшее назначение приходится на жизненный отрезок 60-65 лет⁴⁹⁶, после чего, если функционер не занимает высших партийных должностей, он получает почетную «предпенсионную» должность (чаще всего в структуре СНП или НПКСК) и к 70 годам уходит на пенсию. Конституционно возраст нахождения на руководящих должностях не закреплён⁴⁹⁷; чисто технически чиновники просто не получают новых назначений⁴⁹⁸. Чиновники, достигающие к своему пику (60 лет) должностей руководителей провинциального уровня, не двигаются дальше. Те же, кто получил

---

⁴⁹⁵ Liang Qiao. Op. cit. С. 72.

⁴⁹⁶ Так, среди 25 членов Политбюро ЦК КПК 17-го созыва наибольшее число человек относилось к 65-летнему возрасту (6 человек), старше 68 лет никого не было, самые младшие члены Политбюро были включены в его состав для полноценной подготовки к передаче им власти по итогам 18-го съезда КПК (53 года — 1 человек, Си Цзиньпин, 52 года — 2 человека, Ли Кэцян и Ван Ян).

⁴⁹⁷ Существует ограничение на занятие административных, но не партийных должностей, причём для поста председателя КНР это ограничение было снято в 2017 году.

⁴⁹⁸ Liang Qiao. Op. cit. С. 75.

подобное назначение в более молодом возрасте (45-55 лет), имеют высокие шансы по итогам последующих партийных съездов получить руководящую должность в центральных органах КПК.

Анализ политической динамики в провинции Хэйлунцзян в 1977–1979 гг. позволяет проиллюстрировать вышеозначенные тезисы и установить тенденции в развитии практики ротации кадров. Почти все чиновники, руководившие провинцией в 1980–1990-х гг. (кроме Тянь Фэншаня, губернатора Хэйлунцзяна в 1994–1999 гг.) относятся к числу «кадров, подвергшихся гонениям в годы культурной революции». Их возвращение к руководящей работе в 1970-х гг. носило характер «восстановления справедливости»; зачастую они возвращались на те же должности, с которых уходили. За десятилетия работы в регионе они обросли целыми сетями связей, которые использовали в т.ч. в корыстных целях — например, для устройства на службу знакомых. Это создавало предпосылки для бюрократизации административного управления в регионах, формирования региональной элиты, которая, по меткому выражению Вилли Лама, действовала по принципу «У Центрального комитета есть стратегия, у нас есть контрстратегия»⁴⁹⁹.

Для 1970–1980-х гг. в целом не был характерен тот системный подход к ротации кадров, который вошёл в практику в 1990-х гг.⁵⁰⁰ Чиновники, как правило, делали карьеру в тех провинциях, где родились или начали трудовую деятельность. Обязательная ротация хронологически раньше началась для первых секретарей парткома (уже с 1985 г.,

---

⁴⁹⁹ Lam W. Op. cit. P. 43.

⁵⁰⁰ Bo Zhiyue. Chinese Provincial Leaders: Economic Performance and Political Mobility since 1949. Armonk, 2002. P. 10–11.

когда оргкомитет ЦК КПК направляет на эту должность 57-летнего ляонинца Сунь Вэйбэня с перспективой дальнейшего роста⁵⁰¹, а позже, в 1994 г. — 63-летнего губернатора Ляонин Юэ Цифэна, для которого этот пост пиковый в карьере, в 1997 г. — бывшего министра сельского хозяйства 58-летнего Сюй Юфана, который имел перспективы для дальнейшей карьеры в Центре, но, очевидно, не оправдал ожиданий и был переведён в ЦК КПК на почётную, но мало значимую должность). В то же время в исследуемый период губернаторы провинции назначались из числа перспективных местных кадров (позднее они также стали комплектоваться из «летающих ганьбу»⁵⁰²). На рубеже 1970–1980-х гг. это фактически представители того же поколения, что и партийные секретари, но уже в 1980–1990-х гг. — губернаторы младше возрастом, обладают перспективами дальнейшего роста по административно-хозяйственной части (в качестве доказательства: Хоу Цзе, Шао Цихуй и Тянь Фэншань после работы в Хэйлунцзяне переводились на руководящие должности в ведомства Госсовета).

С конца 1990-х гг. в результате рецентрализационных реформ ротация руководящих кадров принимает системный характер, региональная элита ослабляется, на смену номенклатурным работникам прошлого приходят технократы,

---

⁵⁰¹ Сунь Вэйбэнь возглавлял провинцию долгие девять лет: в течение всего периода политической борьбы, консервативной реакции на реформы и возобновления реформ. Существуют свидетельства, что Сунь Вэйбинь был фактически отправлен в отставку с руководящей партийной должности в апреле 1994 г. во время инспекционной поездки по Северо-Востоку вице-преьера Чжу Жунци. В вину Сунь Вэйбиню ставилась неспособность навести порядок с финансами дотационной провинции и чрезмерное увеличение числа убыточных фирм, подконтрольных народному правительству. При этом Сунь, являвшийся одновременно и председателем ПК СНП провинции, остался на этом почётном, но маловлиятельном посту до конца срока своих полномочий.

⁵⁰² См.: История Северо-Восточного Китая... Кн. 5. С. 117–128.

имеющие профильное (чаще всего техническое) образование. Будучи включёнными в общенациональную ротацию элиты и ориентируясь на продолжение карьеры в Пекине, в период работы в регионах они больше зависят от благосклонности орготдела ЦК КПК, чем от региональной элиты, что, с одной стороны, укрепляет позиции Центра в центр-региональных отношениях, с другой стороны, ослабляет мотивацию региональных руководителей работать системно, на долгосрочный результат⁵⁰³.

Следует также заметить, что в рамках курса на рецентрализацию рассматривалось несколько так и не реализованных проектов реформ. Например, прорабатывались планы создания более жёстко управляемых из Центра 8-10 суперрегионов⁵⁰⁴. В качестве экспериментального «суперрегиона» китайской прессой того времени рассматривалось нижнее течение р. Янцзы, объединённое вокруг Шанхая и «нового района “Пудун”», где в начале 1990-х при решающем личном вкладе Чжу Жунцзи формировалась особая экономическая зона. Так, провинции нижнего течения Янцзы создали акционерную компанию совместного развития региона со штаб-квартирой в Пудуне. Правительство Шанхая, в свою очередь, разместило в 14 городах дельты Янцзы рынки финансовых услуг, труда, материально-

---

⁵⁰³ Данные тезисы подробно разобраны в работах: Зуенко И.Ю. Реализация политики Центра в китайских регионах: некоторые аспекты проблемы // Известия Восточного института. 2016. № 2. С. 4–12; Зуенко И.Ю. Укрепление «вертикали власти» по-китайски: кадровая политика в отношении регионального руководства в современном Китае // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 5. С. 30–46. Зуенко И.Ю., Сельцер Д.Г. «Кадры решают всё»: реформа кадровой системы КНР на рубеже 1980–1990 гг. // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 58–69.

⁵⁰⁴ Китайская Народная Республика в 1993–1994 годах: политика, экономика, идеология. М., 1995. С. 104.

технических ресурсов и т.д.⁵⁰⁵ Аналогичный эксперимент планировалось осуществить на побережье Бохайского залива с центром в Даляне⁵⁰⁶. Однако усиление приморских районов, согласно плану по созданию таких суперрегионов, противоречило задаче Центра по устранению неравенства в региональном развитии.

В исторической ретроспективе именно эта задача представляется ключевой в процессе рецентрализации середины 1990-х гг. Централизация фискальных и административных ресурсов позволила Пекину усилить макрорегулирование экономики и начать проведение программ общенационального масштаба. При этом способность Пекина перераспределять фискальные ресурсы в пользу бедных регионов оказалась ограничена.

Во-первых, среди выплат из центрального бюджета преобладали т.н. «целевые трансферты» (выделяемые на договорной основе под различные запросы местных властей), а не «выравнивающие трансферты» (рассчитываемые по специальным формулам и направляемые на преодоление региональных диспропорций). «Целевые трансферты», как правило, уходили в и без того развитые регионы, что доказывается исследованием Фань Бонай и Чжан Мина. Прибрежные провинции получали из центрального бюджета значительно больше финансов на образование, здравоохранение и соцобеспечение, чем внутренние регионы⁵⁰⁷.

Во-вторых, трансферты из Центра зачастую использовались неэффективно. Эмпирические исследования показывают, что региональным руководством они направлялись

---

⁵⁰⁵ A City Full of Investment Opportunities // Beijing Review. 1993. December, 13. P. 15–18.

⁵⁰⁶ A Dynamic Bohai Rims Looms on the Horizon // Beijing Review. 1993. December, 13. P. 10–14.

⁵⁰⁷ Фань Бонай. Указ. соч. С. 41. Цит. по: Иванов С.А. Распределение фискальных и административных ресурсов... С. 45.

в основном на содержание бюрократического аппарата и работников бюджетной сферы⁵⁰⁸. Та часть трансфертов, которая все же направлялась на развитие местной экономики, объективно давала в развитых регионах намного больший эффект, чем в отстающих. Это связано с тем, что, хотя и в относительном отношении западные и центральные провинции Китая получали больше средств из Пекина, основная их часть шла в непроизводственные сферы (развитие инфраструктуры, социальное обеспечение и т.д.) и оказывала минимальное влияние на рост местной экономики. Таким образом, задачу выравнивания региональных диспропорций развития путём перераспределения доходов между регионами в исследованный период решённой считать нельзя.

Анализируя ситуацию уже за пределами исследованного нами периода, можно констатировать, что фискальная реформа привела к целому ряду побочных эффектов, поставивших региональные власти в сложное положение. С одной стороны, от руководства провинций требуется увеличение социально-экономических показателей, с другой стороны, особое внимание уделяется социальной стабильности и недопущению массовых беспорядков. Наконец, изменение запросов общества уже в 2000–2010-х гг. привело к тому, что общественное мнение стало чувствительно к вопросам загрязнения окружающей среды и коррупции, которые сопровождали успешное развитие Китая в предыдущие десятилетия. Бурное развитие информатизации (мобильный интернет, мессенджеры, микроблоги) сделало возможным молниеносное распространение информации о любых просчетах власти, что еще более осложнило положение чиновников⁵⁰⁹. Провинции оказались под прессом завышенных ожиданий со стороны Центра, но в той модели

---

⁵⁰⁸ Там же. С. 41.

⁵⁰⁹ История Северо-Восточного Китая... Кн. 5. С. 138–146.

центр-региональных отношений, которая сложилась после 1994 г., не имели (и не имеют!) достаточно финансовых ресурсов для их выполнения.

В конечном итоге это привело к росту кредитования и появлению проблемы местных долгов, возникающих в значительной степени из-за чрезмерного использования т.н. «дифан чжэнфу жунцзы гунцзюй» (финансовых инструментов местных правительств) — специальных компаний, которые принадлежат региональным администрациям и кредитуются госбанками, а также могут издавать облигации. Неизбежным следствием этого стал абсолютный и относительный рост величины государственного долга. Если в 1997 г. консолидированный долг расширенного правительства КНР, по данным МВФ, составлял около 20% к ВВП, то в 2017 г. — уже почти 48%; при этом на конец 2017 г. собственно государственный долг составлял около 36% к ВВП, около 30 трлн юаней в абсолютных цифрах, из которых на местные власти приходится 16,5 трлн юаней⁵¹⁰.

Подводя итог главе, отметим, что местные органы власти, где еще в период «культурной революции» были созданы всеобъемлющие и самодостаточные структуры для управления региональной экономикой, сполна воспользовались готовностью Центра предоставить им больше полномочий и свобод в условиях межфракционной борьбы. Результатом стал рост социально-экономических показателей, не свободный, однако, от ряда побочных эффектов. Так, экономика различных провинций росла непропорционально, что создавало социальные и политические риски. Существовавшая с конца 1970-х гг. фискальная система стимулировала власти на местах поддерживать местное производство, даже несмотря на его убыточность. Как следствие, вместо

---

⁵¹⁰ Кадочников Д.Б. Бюджетная децентрализация и межбюджетные отношения... С. 98.

конкуренции процветал региональный протекционизм, способствовавший фрагментации национальной экономики и закреплению сложившихся экономических моделей. Например, в Хэйлунцзяне это проявлялось в потере мотивации к реструктуризации индустриального сектора, закреплению периферийного положения региона.

Сложившаяся ситуация представляла собой серьёзный вызов дальнейшему развитию КНР как единого унитарного государства. Центр попросту не имел достаточно финансовых и административных ресурсов для того, чтобы осуществлять направленные на выравнивание развития региональные программы. Поэтому в середине 1990-х гг. была начата политика рецентрализации, назревшая ещё десятилетием ранее, но не воплощенная из-за политической нестабильности. Её ключевым мероприятием стала фискальная реформа, в результате которой основная часть налоговых поступлений стала уходить в Центр, который взамен начал субсидировать регионы с помощью компенсационных трансфертов.

Комплекс централизаторских реформ решил проблему нарастающих центробежных тенденций и позволил Центру сконцентрировать финансовые ресурсы. Ряд китайских регионов, включая Хэйлунцзян, при этом превратились в дотационные, зависящие от трансфертов Центра, что ограничило их эффективное развитие.

В течение 1980–1990-х гг. влияние провинциального аппарата управления последовательно снижалось, а угроза дробления страны была преодолена, пусть и не без побочных эффектов в виде разбухания и неэффективности административного аппарата — теперь уже на окружном и уездном уровне. В то же время в мотивации руководящих кадров появилось ощущение временности своего положения, желание поскорее добиться перевода на более привлекательное

место службы и, как следствие, замалчивать имеющиеся проблемы и делать упор на достижения быстрых резонансных результатов ценой чрезмерного кредитования и излишних инвестиций в капитальное строительство, что стало основной причиной такой важной для современного Китая проблемы, как долги местных правительств.

Глава 6

«Время собирать камни»: на пути к рецентрализационным реформам в России (1990-е гг.)

6.1. Между «торгом» и «управлением»: 1991–1996 гг.

В отличие от Китая, где в результате преодоления системного кризиса политического режима, являвшегося следствием начального этапа реформ, удалось перейти к централизации власти, Советский Союз быстро двинулся по траектории фрагментации и распада. Многие намекали на то, что и Россия унаследовала дизинтеграционную инерцию, и повторение судьбы СССР было не страшной фантазией, а вполне реальной перспективой. Впрочем, российскому государству, на первый взгляд очень слабому одновременно в политическом, экономическом и институциональном отношениях, удалось сохранить целостность территории. Ставить целью ответить на вопрос, почему ему это удалось, было бы слишком самонадеянным в рамках данной главы. Наша задача скромнее — проследить и хронологически систематизировать основные процессы и политические решения в динамике децентрализации — централизации России 1990-х.

Специфические черты нового периода, определявшие логику трансформации центр-региональных отношений группируются в пяти основных пунктах.

1. Система взаимоотношений разных уровней власти, основанная на интегрирующей функции КПСС и нацеленная на непрерывное развитие, в августе 1991 г. была окончательно ликвидирована.

2. С того же момента в России выстраивалась новая административная вертикаль управления, замкнутая уже на Президента Российской Федерации. Сразу после провала августовского путча, в короткий период с 21 по 31 августа, Президент и Верховный Совет РСФСР сделали ряд решительных шагов в этом направлении⁵¹¹. В итоге, российский президент получил право отстранять от власти председателей Советов краёв, областей, автономных областей и округов РСФСР, а в регионах создавались институт глав администраций (вместо прежних исполкомов местных Советов), подотчётный непосредственно президенту, и институт представителей президента.

3. Был взят курс на радикальную экономическую реформу, призванную коренным образом изменить не только взаимоотношения разных уровней власти, но также взаимоотношения власти и общества. Прежние задачи мобилизации людей на интенсивный труд снимались с регионального руководства и с государства вообще. Вместе с созданием новых экономических отношений, предстояло создать новую налоговую и субсидиарную системы, базовое законодательство в этой сфере. Борьба за распределение налогов и субсидий, а также за разнообразные финансовые льготы стала одной из ведущих осей взаимоотношений Москвы и регионов в 1990-е гг.

4. Эти взаимоотношения обрели новый идеологический императив — построение *полноценного* (в отличие от декларативного советского) федерализма. В российском случае федерализм скорее лишь задавал рамки определённого дискурса, в которые могло вмещаться разнообразное содержание. Трудно определить, чем федерализм в России

---

⁵¹¹ См.: Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР... 1991. № 34. Ст. 1125, 1146; Сб. распоряжений Президента РСФСР. Июль–октябрь. 1991 г. М., 1991. С. 47–50.

отличался от децентрализации, присущей и унитарным государствам. И даже сам термин «федерация» в названии страны закрепился в Конституции 1993 г. как результат политической борьбы и в итоге зажил «собственной жизнью»⁵¹². В начале рассматриваемого периода «лозунги федерализма служили прикрытием и оправданием... массового присвоения регионами функций и полномочий федерального Центра»⁵¹³. Не менее важным было и то, что с помощью этого дискурса отношения Центра и регионов, вплоть до конца 1990-х гг. оставались «дискуссионными» и «открытыми для дальнейших изменений»⁵¹⁴. Стратегические задачи трансформации государства сочетались с постоянной необходимостью тактического маневрирования, не только в сфере публичной политики, но и внутри самого государственного аппарата.

История центр-региональных отношений в 1990-х гг. отчётливо делится, по крайней мере, на два периода, границей между которыми являются президентские выборы 1996 г. Но и сами эти периоды были динамичными, а тенденции централизации и децентрализации сменяли друг друга. Первый период (1991–1996 гг.) раскрывается в первом параграфе данной главы. Он включает в себя создание механизма взаимоотношений Центра и регионов на фоне «шоковой терапии», политической и экономической слабости Москвы. Со стороны Центра, тем не менее, мы видим постепенный переход от отношений «торга» к «управлению» регионами.

---

⁵¹² Салмин А.М. Российская Федерация и федерация в России // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. С. 43–44.

⁵¹³ Бусыгина И.М. Политическая регионалистика : учеб. пособие. М., 2006. С. 77.

⁵¹⁴ Казанцев М.Ф. Институционально-правовые проблемы федеративного устройства России // Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 29.

Это был нарастающий процесс укрепления вертикали, который резко оборвался на фоне новых уступок регионам в 1996 г.

Второй период также отмечен тенденцией централизации, которая снова обратилась вспять во время «августовского кризиса» 1998 г. Но после этого сформировался уже устойчивый долгосрочный тренд укрепления Центра.

Отношения по линии Центр — регион были и следствием, и источником ослабления потенциала государства. Применяя ленинскую формулировку, мы можем сказать, что в декабре 1991 г. Б.Н. Ельцин и его команда Россию «отвоевали», теперь же им предстояло Россией «управлять». Но в ходе предшествующей борьбы между союзным и российским центрами, обе стороны использовали любые средства, чтобы ослабить управленческий потенциал противника. Союзное руководство, пытаясь нейтрализовать дезинтеграционные устремления республиканских правителей, в апреле 1990 г. принимает законы, уравнивающие автономные советские социалистические республики с союзными⁵¹⁵. Предполагалось, что теперь элиты союзных республик станут сдержаннее в своих властных амбициях, поскольку развал Союза теперь был чреват и развалом тех республик, в составе которых были АССР (Россия, Азербайджан, Грузия, Узбекистан). Вместо этого случилось обратное: во-первых, у республиканских лидеров появилось стремление к дальнейшему ослаблению потенциала союзного Центра (с целью сократить его влияние на внутреннюю жизнь республик); во-вторых, разразилась конкуренция между союзным и республиканским центрами — кто предложит лучшие условия для АССР. Так, в июне 1990 г. Россия поспешила провозгласить свой суверенитет, а Б.Н. Ельцин, перехватывая

---

⁵¹⁵ Иванов В.В. Путин и регионы. Централизация России. М., 2006. С. 18.

инициативу у М.С. Горбачёва, предложил «брать» автономным республикам столько суверенитета, сколько те смогут выдержать.

Более точный смысл ельцинских слов видим в его выступлении на второй сессии Верховного Совета РСФСР в сентябре 1990 г.: «Сколько возьмут республики на себя, сколько смогут они... властных функций проглотить, скорее всего реализовать... пусть берут. Но и ответственность пусть возлагают на себя за благосостояние народа, проживающего в республике»⁵¹⁶. В его словах каждый мог услышать то, что хотел, и замечание о том, что вместе с полномочиями надо брать на себя и ответственность осталось без должного внимания не только политиков, но и последующих многочисленных интерпретаторов этого тезиса.

В короткий срок, с лета 1990 по начало 1991 г., декларации о суверенитете провозгласили все автономные республики в составе РСФСР, кроме Дагестана и Мордовии⁵¹⁷. Впрочем, речь тогда шла не о «независимости», а о федерализме и демократии, т.е. о «приоритете решений нижестоящего уровня власти над вышестоящим»⁵¹⁸. Но суверенизация, распространявшаяся по ветвям власти и звеньям бывшей административной вертикали, делала страну неуправляемой, так как разрушала иерархию компетенций принятия решений, систему распределения ресурсов и ответственности. Отдельные республики (Чеченская, Якутия, Татарстан и Башкортостан) были на грани выхода из РСФСР. Итогом превращения федеративных отношений в инструмент

---

⁵¹⁶ Ельцин Б.Н. «Сколько сможете проглотить...» // Несостоявшийся юбилей: Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? /сост. А.П. Нароков и др. М., 1992. С. 380–381.

⁵¹⁷ Иванов В.В. Указ. соч. С. 18–19.

⁵¹⁸ Шубин А.В. Парадоксы перестройки: упущенный шанс СССР. М., 2005. С. 434.

политической борьбы было то, что учёные из Института экономики РАН назвали «разрушением национально-политических основ взаимодействия субъектов Федерации с её Центром» и размыванием общегосударственных интересов в пользу интересов мест⁵¹⁹.

Распад СССР, точнее политическая борьба, ему предшествовавшая, оставила в наследство России неопределённость её внутреннего устройства, в которой региональные лидеры увидели возможность для усиления своих позиций. Недавний советский опыт научил Центр, что любое промедление грозит необратимыми последствиями. В этих условиях Москва идёт на подписание 31 марта 1992 г. Федеративного договора.

Этот документ представлял собой три отдельных договора: во-первых, с органами власти республик; во-вторых, с органами власти краёв, областей и городов Москвы и Санкт-Петербурга; в-третьих, с органами власти автономной области и автономных округов. Смысл всех трёх разделов договора состоял не столько в проблемах управления страной, сколько в разделении власти между Центром и регионами⁵²⁰. Республики в составе РФ фактически признавались суверенными государствами и получали больше прав по сравнению с остальными частями страны. Представители краёв и областей в соответствующем разделе договора заявили о стремлении к выравниванию государственно-правового статуса всех субъектов федерации⁵²¹. Причём это выравнивание виделось не результатом понижения статуса республик, но повышением статуса краёв и областей за счёт прав Центра, т.е. «простые» регионы играли на усиление

---

⁵¹⁹ ГАРФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 143. Л. 7.

⁵²⁰ Федеративный договор (Москва, 31 марта 1992 г.) URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=306950>

⁵²¹ Там же.

центробежных тенденций. Несмотря на то, что договор наделял субъекты федерации большой властью, он был полон общих мест и размытых положений, оставляя свободу манёвра каждой из сторон. Данный документ не ставил точку в торге Центра и регионов, но лишь собирал их всех «за одним столом» в стремлении установить некие рамки этого торга.

Нет необходимости подробно останавливаться на Федеративном договоре, так как вскоре он был заменён соответствующим разделом новой Российской Конституции. Но для понимания логики процесса важно, что Центр принял стратегически верное решение и сумел объединить всех (за исключением Татарстана и Чечни) заинтересованных участников в дискуссии о судьбе федерации и в условиях слабости своей власти проявил большую гибкость. Федеративный договор свидетельствовал о «политическом реализме» Центра, смирившегося с очевидным фактом сосредоточения реальной власти в регионах⁵²². Но готовность Б.Н. Ельцина идти на уступки превращала большинство глав исполнительной власти регионов в его политическую и административную опору в борьбе с Верховным советом. Обращаясь к примеру Дальнего Востока, мы видим, что в критический период октябрьских событий 1993 г. приморский и хабаровский лидеры поддержали президента, а глава Амурской области А.В. Сурат встал на сторону Советов и вскоре был отстранён от должности. На всех трёх территориях граждане сказали «да» на декабрьском референдуме по проекту новой Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г., хотя в Хабаровском крае голосование и было признано несостоявшимся.

---

⁵²² Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005. С. 290.

Оценивая этап 1991–1993 гг., есть основания заключить, что цели региональной политики, преследуемые в его рамках, были достигнуты.

Во-первых, правящая группа сумела удержать власть. В регионах, пусть и далёкими от канонов демократии методами, была обеспечена необходимая поддержка президенту и правительству во время кульминации конфликта с Верховным Советом в октябре 1993 г.

Во-вторых, отсутствие чёткой государственной стратегии во взаимоотношениях с территориями лишало региональную власть твёрдой основы для конфронтации и давало Центру большую свободу манёвра — с каждым отдельным регионом в зависимости от соотношения ресурсов обеих сторон могли заключаться индивидуальные договорённости⁵²³. Происходила своеобразная многовариантная самонастройка взаимоотношений Центра и регионов.

Ослабление политических и институциональных структур привело к ситуации максимальной неопределённости, как для Центра, так и для регионов. В этих условиях президенту важнее всего было удержать власть; региональные лидеры преследовали ту же цель, но не менее значимым для них было укрепить свой потенциал за счёт Центра, воспользоваться моментом для наиболее полного расширения региональных полномочий. Однако обратная сторона этого процесса была куда менее благоприятна для региональных правителей. На новом этапе их ждало горькое разочарование, метко подмеченное аналитиками Совета Федерации: осознание невозможности решения большинства проблем собственными силами, и в то же время — грядущая

---

⁵²³ Солник С. «Торг» между Москвой и субъектами Федерации о структуре нового Российского государства: 1990–1995 // Полис. 1995. № 6. С. 95–107.

политическая ответственность за это⁵²⁴. Регионам нужен был Центр, пусть даже и для того, чтобы его в всём обвинять. Социально-экономические проблемы, которые раньше были мотором децентрализации, теперь развернули процесс в обратную сторону.

Децентрализация власти и финансов. События и процессы, определявшие региональную политику в конце 1993–1995 гг., были противоречивы. В самом Центре окрепли тенденции к консолидации, так как конкурирующая ветвь власти в виде Верховного Совета была насильственно устранена. Потенциал федеральной власти возростал, чем она и воспользовалась, наступая на права регионов. Это наступление отразилось уже в Конституции, принятой на референдуме 12 декабря 1993 г., которая оказалась намного более *централистской*, нежели Федеративный договор от 31 марта 1992 г. Примечательно, что текст Федеративного договора был изъят из окончательного проекта Конституции как раз перед вынесением её на референдум, т.е. уже после того, как Центр подавил сопротивление Верховного Совета, укрепив свой потенциал.

В Конституции Российской Федерации республики (о суверенитете которых теперь не упоминалось) и прочие регионы уравнивались общим понятием — «*субъект федерации*». Пункт 2 ст. 77 декларировал, что органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и федеральное правительство образуют «единую систему исполнительной власти страны за исключением сфер, относимых к компетенции регионов». Региональные интересы в Центре должен

---

⁵²⁴ Аналитический вестник: специальный выпуск (О реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации «Об укреплении Российского государства» от 24 февраля 1994 г.). С. 31. URL: http://www/council.gov.ru/inf_sl/bulletin/item/200/index/html

был представлять Совет Федерации — верхняя палата Федерального собрания, состоящая из двух представителей от каждого региона⁵²⁵. Всё это было призвано утвердить за региональным руководством функцию представителя Центра на местах, создать прочные интегрирующие механизмы взамен рухнувших партийных.

Новая Конституция могла лишь задать более жёсткие рамки, но не исключить взаимоотношения торга с регионами, базирующегося на системных, а не на юридически-формальных основаниях. Полномочия, закреплённые за Центром, переданные регионам или же осуществляемые совместно, требовали реального наполнения материальными ресурсами. Если, например, оборонное производство находилось в ведении Центра⁵²⁶, который не имел средств на его финансирование, это сразу же отражалось на энергетике, социальной сфере, отчислениях в бюджеты всех уровней и приводило к политическому конфликту с региональной властью по вопросу: «Кто кому больше должен и кто должен заплатить первым?».

Если за Центром закреплялись обширные права в области установления основ федеральной, региональной, финансово-экономической политики⁵²⁷, то у многих регионов находились аргументы, обосновывавшие необходимость сделать именно для них определённые исключения из общих правил.

Широкий круг вопросов относился к «совместному ведению» (35 предметов совместного ведения, в т.ч. вопросы владения, пользования и распоряжения природными ресурсами, разграничения государственной собственности, установление общих принципов налогообложения

---

⁵²⁵ Конституция Российской Федерации (в редакции 1993 г.). Глава 5, ст. 95.

⁵²⁶ Там же. Глава 5, ст. 71.

⁵²⁷ Там же.

и распределения налогов между Центром и регионами, развития социальной сферы⁵²⁸).

Сфера совместного ведения и распределения финансовых ресурсов была одной из самых динамичных и изменчивых в 1990-е гг. В налоговой системе устанавливались федеральная и региональные доли по основным налогам. Например, согласно Закону «О федеральном бюджете на 1994 год» региональная доля от налога на добавленную стоимость составляла 25%, по налогу на прибыль — 63% (но здесь стоит помнить, что предприятия хорошо умели скрывать прибыли и уходить от налогов), 50% по акцизам на алкоголь. Доля подоходного налога (основного вида прямых налогов) в разные годы от 100 до 90% оставалась в распоряжении регионов⁵²⁹. Кроме этого, регионы могли или увеличивать, или уменьшать налоговую ставку по некоторым федеральным налогам в той части, в какой она зачислялась в региональные бюджеты. Впрочем, это имело смысл при условии стабильной собираемости налогов и отрегулированных взаимоотношениях по линии Центр — регион.

Регионы неуклонно боролись за увеличение доли, остающейся в их распоряжении, будь то налоги или импортно-экспортные пошлины. Например, губернатор Приморья осенью 1994 г. просил главу правительства В.С. Черномырдина принять решение об оставлении в крае 100% экспортных

---

⁵²⁸ Большой блок вопросов совместного ведения, обозначенный в Конституции, был не только источником, но и результатом кризиса государства. Как признавал Р.Г. Абдулатипов: «...важно было на фоне развала Советского Союза скорее собрать Федерацию. И все вопросы, которые не удалось согласовывать, мы отправляли в корзину совместных полномочий, надеясь, что со временем, законодатель всё распишет как надо». Цит. по: Салмин А.М. Указ. соч. С. 40–60; Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М., 2007. С. 294–295.

⁵²⁹ Пехтерева Е.А. Проблемы межбюджетных взаимоотношений в России (Обзор) // Экономические и социальные проблемы России. 2000. № 38. С. 38.

пошлин в течение трёх лет, поскольку тех 10%, что оставались в крае было «совершенно недостаточно»⁵³⁰. Такие просьбы шли в общем потоке и накопительный эффект был гигантским. В сфере внешней торговли, именно той, которая обеспечивала приток в страну тонкого денежного ручейка, Москвой щедро раздавались льготы. Сопоставим цифры: за первый квартал 1992 г. при запланированных доходах в 228 млрд руб., федеральный бюджет получил не более 30 млрд. При этом накопленная с ноября 1991 г. по март 1992 г. сумма льгот по уплате экспортных пошлин, а такие льготы представлялись в основном регионам, составляла 309 млрд руб.⁵³¹

Федеральное законодательство дополнялось заключением ещё и отдельных договоров между Центром и регионами о разграничении полномочий и предметов ведения. Эти договоры с каждым регионом носили индивидуальный характер и в ряде случаев обесценивали положения Конституции, нацеленные на обеспечение равенства всех субъектов Федерации. Эта гибкость центра, устанавливающего правила, а потом с легкостью от них отступающего, удивляет. И неясным остается вопрос — была ли это хитроумная стратегия или же всё было конъюнктурно. Результатом этого «договорного процесса» было то, что «три самые богатые природными ресурсами республики (Татарстан, Башкортостан, Якутия) добились от федеральных властей права не быть донорами федерального бюджета, а расходовать львиную долю средств, собираемых в республиках, на нужды

---

⁵³⁰ ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 160. Л. 60.

⁵³¹ Левитская Е.Н. Проблемы регулирования и координации внешнеэкономической деятельности регионов Российской Федерации // Региональные проблемы использования экономического потенциала регионов в условиях перехода к рынку : сборник научных докладов / отв. ред. Штульберг Б.М. М., 1993. С. 92.

собственного населения». Фактически, находясь политически в составе Федерации, они получали экономический суверенитет⁵³². Но это была экономическая плата за достижение политических задач.

С политической точки зрения, первый Договор о разграничении полномочий, подписанный с Республикой Татарстан в 1994 г., стал прецедентом перехода взаимоотношений Центра и регионов от политического конфликта к рутинным юридическим согласованиям, что указывало на начало стабилизации в этой сфере⁵³³. К 1998 г. были заключены такие договоры с 46 регионами. Все они отличались по распределению экономических ресурсов между сторонами⁵³⁴.

В экономическом плане такая гибкая политика привела к взлёту доли регионов в консолидированном бюджете страны: с 24% в 1991-м до 51% в 1995-м и 53% в 1997 г. Правда, здесь стоит учитывать, что в региональную долю включалась также и часть, которой распоряжались на уровне местного управления⁵³⁵. Таким образом, децентрализация финансов шла не по двум, а по трём направлениям. Кроме этого, всевозможные векселя, взаимозачёты и налоговые освобождения были адресованы конкретным предприятиям, или видам деятельности на конкретных территориях⁵³⁶. Это всё очень мало напоминало рыночную экономику, будучи скорее апофеозом кланово-бюрократического торга, но это тем не менее позволяло как-то управлять нарастающим социально-экономическим хаосом.

---

⁵³² См.: Лысенко В.Н. Разделение власти и опыт Российской Федерации // Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 172.

⁵³³ Гельман В.Я. Центр и регионы России: от децентрализации к централизации // Федерализм и российские регионы: сборник статей ИНИОН РАН / отв. ред. Н.Ю. Лапина, В.П. Мохов. М., 2006. С. 98.

⁵³⁴ Туровский Р.Ф. Указ. соч. С. 300.

⁵³⁵ Там же. С. 304–305.

⁵³⁶ Woodruff David. Money unmade: barter and the fate of Russian capitalism. New York : Cornell University Press, 1998. 228 p. P. 171–173.

Для поддержки территорий, которые не могли сами себя обеспечить, в 1994 г. был создан Фонд финансовой поддержки регионов, который оказывал помощь субъектам федерации на основе единых нормативов и критериев — поддержка направлялась тем регионам, бюджетные доходы которых (в расчете на душу населения) были ниже среднего по стране⁵³⁷. Средства из этого фонда получало подавляющее большинство территорий. В 1997 году только 8 регионов не получали поддержки из фонда, в 1999 — 13⁵³⁸. Исполнение обязательств Центра перед регионами также было гибким и зависело от состояния казны. В 1995 г. Законом «О федеральном бюджете на 1995 год» субъектам Российской Федерации и административно-территориальным образованиям предусматривалась помощь из Фонда финансовой поддержки субъектов Федерации в размере 14,9 трлн руб. К четвертому кварталу 1995 г. 64 субъектам Российской Федерации Минфином России было недоперечислено 1,4 трлн руб. В то же время четырнадцати регионам было направлено на 435,5 млрд руб. больше, чем полагалось по расчётам. Иногда поддержка предоставлялась благополучным территориям⁵³⁹.

Кадровая политика в целом подчинялась всё той же логике политической борьбы. Воспользовавшись усилением своего политического веса, вследствие сыгранной роли во время августовского путча, Б.Н. Ельцин в закрепление успеха безотлагательно приступил к назначению глав региональных администраций «без оглядки на Советы», тогда

---

⁵³⁷ Пехтерева Е.А. Проблемы межбюджетных взаимоотношений в России (Обзор). // Экономические и социальные проблемы России. 2000. № 38. С. 38.

⁵³⁸ Рыбакова Р.Ю. Оценка методики расчётов Фонда финансовой поддержки регионов и других фондов межбюджетного регулирования // Финансы и кредит. 2005. № 33. С. 27; Туровский Р.Ф. Указ. соч. С. 308.

⁵³⁹ ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 22. Л. 33–34.

как процедура согласования кандидатур на этот пост была предусмотрена в уже упомянутом Указе от 22 августа 1991 г.⁵⁴⁰ При этом критерии отбора на должность главы региона определялись опять же соображениями политической борьбы. Для Ельцина важны были «поведение кандидата в августовские дни 1991 г., степень его лояльности Президенту России, близость к местным и столичным демократам»⁵⁴¹. Одним из следствий этого явилось продолжение в новых условиях прежней, правда несколько трансформированной, тенденции — концентрация полномочий возрастала у исполнительных органов, формируемых президентом, в то время как более легитимные местные Советы лишались реальной власти. В результате в регионах формировалась система, основанная на личных отношениях как в управлении регионом, так и в коммуникациях между регионами и Центром. Властные отношения и главные рычаги управления оказывались «в тени» — в параллельных формальным структурах⁵⁴².

Формирование корпуса региональных глав по соображениям личной преданности было рациональной стратегией при слабости политических институтов, необходимости радикальных реформ в условиях раскола как элит (страх перед бывшими партаппаратчиками, засевавшими в Советах), так и общества в целом. «Шоковая терапия» в экономике грозила вспышками массового недовольства, и ориентированный на Советы или же на поддержку регионального сообщества глава администрации представлялся ненадёжной опорой для

---

⁵⁴⁰ Буянов Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 80-х гг. XX в. — начало XXI в.). 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск, 2006. С. 79–80.

⁵⁴¹ Там же. С. 81.

⁵⁴² См.: Бри М. Указ. соч. С. 77; Бусыгина И.М. Указ. соч. С. 83.

прохождения нового трудного периода. Но такая стратегия, даже если она и была единственно возможной, имела принципиальное ограничение. Главным ограничивающим фактором было то, что если президент решал задачи удержания власти и страны от дальнейшего распада, то для регионов на первый план выходила проблема *выживания*, которая решалась наиболее доступным способом: установлением контроля региональными администрациями над находившимися на подведомственной им территории ресурсами⁵⁴³.

Центр, в условиях краха системы централизованного снабжения вынужденный передать регионам самые насущные проблемы жизнеобеспечения, стал ограничен в возможности наделить властью тех акторов, кого бы он хотел, вместо этого пришлось смириться с необходимостью опираться на акторов, уже реально имеющих власть, сумевших консолидировать ключевые группы общества. Неудивительно, что некоторые ставленники президента, назначенные после августовского путча, довольно быстро сходят с региональной политической сцены, уступая формальную власть её реальным держателям. В основном это были представители директорского корпуса, которые становятся наиболее влиятельной политической силой того времени: за ними были материальные, людские и организационные ресурсы⁵⁴⁴. Эта группа была одной из самых проблемных для мобилизации групп периода перестройки — теперь же оказалось, что именно они были в числе основных «победителей» в проигранной КПСС «войне». Характерным примером такого регионального руководителя из директорского корпуса являлся В.И. Ишаев, глава Хабаровского края с 1991 по 2009 г., до этого руководивший Хабаровским судостроительным

---

⁵⁴³ Май В.А. Экономика и власть: Политическая история экономической реформы в России, 1985–1995 гг. М., 1995. С. 73.

⁵⁴⁴ См.: Бри М. Указ. соч. С. 95; Май В.А. Указ. соч. С. 45–46.

заводом и Хабаровским заводом строительных алюминиевых конструкций. Главным содержанием его политики во главе региона стало выбивание средств из Москвы для поддержки местных предприятий. Хозяйственники, придя к власти в регионах, оставались зависимы от материальных ресурсов Центра. Залог их политического успеха состоял не столько в концентрации материальных активов, сколько в способности навязать волю тем, кого они призваны были представлять как региональные лидеры. Во всяком случае, им удалось убедить Москву в такой способности и позиционировать себя в качестве ключевых акторов, удерживавших региональное общество в рамках приемлемой социально-политической стабильности, ради которой от Центра требовались всё новые материальные вливания. А способность их «выбивать», в свою очередь, становилась залогом консолидации региональной элиты вокруг её лидера.

Такая роль главы региона видна в поведении, опять же, В.И. Ишаева во время визита в Хабаровский край в ноябре 1993 г. первого заместителя председателя правительства России Е.Т. Гайдара⁵⁴⁵. Он сумел навязать вице-премьеру встречу с директорами крупнейших предприятий региона, хотя этого не подразумевалось в программе визита. Таким образом, хабаровский лидер подтвердил свою способность доносить интересы региональной элиты до высшего уровня власти. При этом, когда директор судостроительного завода в Комсомольске-на-Амуре П.С. Белый переступил рамки дозволенного, задав Гайдару некорректный вопрос, Ишаев незамедлительно показал, кто реальный хозяин в крае:

---

⁵⁴⁵ Е.Т. Гайдар вернулся в правительства после некоторого перерыва уже в качестве заместителя председателя В.С. Черномырдина (сентябрь–декабрь 1993 г.)

«...тут я на него так посмотрел, что Белый поспешил спрятаться за чью-то спину»⁵⁴⁶.

Политическая стабилизация и возросший потенциал государства способствовали тому, что целью региональной политики на втором этапе становится усиление контроля за федеральными финансами и за выполнением Указов Президента и Постановлений Правительства в регионах. Одновременно Центр стал куда сдержаннее в принятии новых решений по поддержке тех или иных территорий. Так, если в 1992 г. было принято 16 указов президента и 9 постановлений правительства о развитии тех или иных регионов, в 1993 г. соответственно 9 и 19, то в 1994 г. — 1 и 9, а по ситуации на август 1995 г. лишь по одному указу и постановлению⁵⁴⁷. Всё это свидетельствовало о попытке перехода к прямому правлению, об ослаблении зависимости Москвы от регионов, но, прежде всего, — о тотальном дефиците материальных ресурсов.

Между тем регионы, так и не получившие на предыдущем этапе собственных ресурсов, активно «торговались» с Центром, используя прежние аргументы о необходимости поддержки. На Дальнем Востоке такая аргументация ожидаемо сводилась к «геополитической и стратегической значимости региона». В их обращениях в Москву и в осмыслении дальневосточных проблем отчётливо просматривается «мотив брошенности», метко отмеченный хабаровским политологом Л.Е. Бляхером: «Обидно, что она [Москва]

---

⁵⁴⁶ Ишаев В. И. Особый район России. Хабаровск, 1998. С. 119, 123–124.

⁵⁴⁷ См.: Перечень Указов Президента Российской Федерации по социально-экономическому развитию регионов (1992–1995 гг.). Копия // ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 279. Л. 5 об. Л. 6; Перечень Постановлений Правительства Российской Федерации по социально-экономическому развитию регионов (1992–1995 гг.). Копия // ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 279. Л. 6 об., 7–7 об.

не понимает, насколько значима территория... Нас, дальневосточников, нельзя мерить общей мерой, оценивать по формальным показателям типа ВРП»⁵⁴⁸. В умах политической и либеральной научной элиты того времени господствовала идея «созидательного разрушения»⁵⁴⁹, заключавшаяся в следующем допущении: чем сильнее разрушится прежняя экономическая структура, выступающая в роли сковывающих цепей, тем легче и мощнее выстроится новая экономика; и чем больше тот или иной регион будет ориентироваться на свои собственные силы, тем значительнее будет его выигрыш в дальнейшем. Например, к такому выводу пришли авторы экспертного доклада, подготовленного влиятельной организацией «Российский союз промышленников и предпринимателей»⁵⁵⁰, который был рекомендован к изучению региональным администрациям⁵⁵¹. Примечательно, что в этом докладе Дальний Восток рассматривался как безнадёжная территория с сильными сепаратистскими настроениями и в перспективе «как зона освоения для соседних государств с незначительными элементами государственного управления на местном уровне»⁵⁵². Для Центра

---

⁵⁴⁸ Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока // Полис. 2004. № 5. С. 32.

⁵⁴⁹ О созидательном разрушении см.: Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия: пер. с англ. М.: Экономика, 1995. Гл. 7. Процесс «созидательного разрушения». URL: http://libertarium.ru/lib_capsocdem_7; Райнерт Э. Забытые уроки прошлых успехов. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/01/zabutue_uroki_proshluh_uspehov/

⁵⁵⁰ Среди авторов доклада виднейшие отечественные экономисты: руководитель рабочей группы при председателе Правительства России и будущий министр экономики Е.Г. Ясин, заместитель министра финансов С.В. Алексашенко и др. Работа была опубликована в ноябре 1993 г.

⁵⁵¹ Регионы России в переходный период. М.: Российский союз промышленников и предпринимателей, Экспертный институт, 1993. С. 17–18. Копия доклада доступна: ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 158. Л. 37–115.

⁵⁵² Там же. С. 79–80.

приоритетность отдельных территорий — того же Дальнего Востока — была неочевидной; куда важнее было удержать ускользающий Татарстан, или погасить взрывоопасные процессы на Северном Кавказе.

Несмотря на схожесть дальневосточных проблем, в каждом из регионов прослеживалась своя специфика интересов и аргументация их отстаивания. Так, в Хабаровском крае, в силу структурных особенностей его экономики основные усилия сосредоточивались на «выбивании» оборонного заказа для местных предприятий. Оборонный комплекс на Дальнем Востоке часто был представлен дублирующими производствами, т.е. заказы на такую же продукцию можно было разместить в центральных районах страны, — так получалось дешевле. В этих условиях В.И. Ишаев обратился к президенту и убеждал Б.Н. Ельцина учесть «особое геополитическое положение Дальнего Востока» и сохранить оборонный заказ для предприятий Хабаровского края⁵⁵³. Геополитическое положение было поводом и для В.П. Поливанова (очередного амурского губернатора) просить Б.Н. Ельцина предоставить «особый статус» Амурской области в сфере внешнеэкономической деятельности⁵⁵⁴. Новый губернатор Приморского края Е.И. Наздратенко активно «пугал» правительство планами Китая в рамках проекта «Туманган» заселить Южное Приморье 10–12 млн чел. и предлагал в качестве предупреждающих мер принять государственную программу переселения с выделением финансирования на «первоочередные нужды» около 10 млрд руб.⁵⁵⁵

Подготовленное по инициативе Наздратенко исследование «Перспективы Приморского края в условиях перехода к рынку в свете геостратегических и экономических

---

⁵⁵³ ГАХК. Ф. Р-2061. Оп. 1. Д. 176. Л. 145–147. Д. 259. Л. 8.

⁵⁵⁴ ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 97. Л. 46.

⁵⁵⁵ ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 278. Л. 29–30.

интересов России» обсуждалось на самом высоком уровне в 1994 г. Известна даже реакция президента страны Б.Н. Ельцина, выраженная в резолюции, адресованной главе правительства В.С. Черномырдину: «Проблема с учётом перспективы развития региона поставлена правильно. Полагаю, что Дальневосточный регион заслуживает специального рассмотрения с учётом его географического положения»⁵⁵⁶. Приморский губернатор отреагировал на такую благосклонность просьбой «принять, в первую очередь, конкретные решения по сегодняшним неотложным проблемам для обеспечения *выживания* населения края, подготовки к зиме 1994–1995 гг.»⁵⁵⁷.

Зимы 1993–1994 и 1994–1995 гг. вообще стали наиболее тяжёлым временем для населения, когда температура в квартирах понизилась до +10 ... + 12 градусов, а отключения электроэнергии в многоквартирных домах доходили до 6–8 часов ежедневно — и авторы отлично помнят этот период по своему опыту. Перед лицом надвигающейся катастрофы главы дальневосточных регионов совместно обратились в Центр со «срочным донесением» «О критическом финансово-экономическом положении народного хозяйства Дальнего Востока», в котором было изложено шесть пунктов, необходимых к выполнению для преодоления кризиса⁵⁵⁸. Президент отреагировал поручением правительству

---

⁵⁵⁶ ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 46. Л. 51.

⁵⁵⁷ Там же. Д. 155. Л. 13.

⁵⁵⁸ Все эти шесть пунктов касались денег: 1) «оказание финансовой помощи потребителям топливно-энергетических ресурсов»; 2) погашение задолженности предприятиям госсектора; 3) выделение льготных кредитов; 4) компенсация 50% транспортных тарифов; 5) пополнение оборотных средств предприятий, «выделенных централизованно администрациям территорий»; 6) пролонгация сроков погашения кредитов, выданных в 1992–1993 гг. (ГАРФ. Ф. 10121. Оп. 2. Д. 28. Л. 11–12).

от 17 февраля 1994 г.: «...оперативно рассмотреть топливно-энергетическую проблему Дальнего Востока и найти решение по стабилизации экономики». Но решение предстояло «найти» в условиях антиинфляционной политики, жёстких бюджетных ограничений, курса на структурную перестройку экономики. В Министерстве экономики указывали, что удовлетворение в полном объёме просьб глав администраций Дальнего Востока приведёт к росту дефицита федерального бюджета более чем на 1 трлн руб.⁵⁵⁹

Получался замкнутый круг: правительство не могло помочь регионам ввиду отсутствия денег в бюджете, исполнительные власти на местах не могли самостоятельно использовать имеющийся потенциал для решения своих проблем из-за отсутствия необходимых для этого законов⁵⁶⁰. При всей слабости Москвы, она не шла на предоставление регионам экстраординарных полномочий. Если бы Центр провозгласил Приморский край (или любой другой регион) национальным приоритетом и концентрированно направил сюда ресурсы, в условиях слабого государства и расцвета взаимоотношений «торга» с регионами это не только не дало бы желаемых результатов, но и явилось бы прецедентом для схожих претензий от других регионов⁵⁶¹.

К середине 1990-х гг. явно наметилось желание Москвы укрепить центральную власть. В этом духе были исполнены Послания президента Федеральному собранию за 1994 и 1995 гг., названия которых говорят сами за себя: «Об укреплении Российского государства» и «О действительности государственной власти в России» соответственно. В начале 1994 г. Б.Н. Ельцин заявил: «Время борьбы регионов

---

⁵⁵⁹ ГАРФ. Ф. 10121. Оп. 2. Д. 28. Л. 11–12.

⁵⁶⁰ Там же. С. 137–139.

⁵⁶¹ Солник С. Указ. соч. С. 95–107.

с «центром» за свои права уходит в историю»⁵⁶², — что стало символической вехой по сравнению с его же призывом регионам «взять столько суверенитета, сколько сможете» на предыдущем этапе.

В Послании 1995 г. отражено понимание взаимосвязи между способностью государства к изъятию ресурсов и взаимоотношений между Центром и регионом. В частности, там отчётливо выделяется следующая смысловая конструкция: гарантия целостности государства в преодолении экономического кризиса, путь достижения этой цели — в финансовой стабилизации. Главная проблема экономики и финансов — дефицит бюджетных средств, порождённый «массовым сокрытием доходов от налогообложения»⁵⁶³. Если на первом этапе мобилизация финансовых средств была пренебрегаемой величиной на фоне политических задач, то теперь деформация этой функции стала главным деструктивным фактором. В 1994 г. налоговая недоимка в федеральный бюджет составила 4 трлн руб., в 1995 г. — 30 трлн в федеральный и 24 трлн в региональные бюджеты⁵⁶⁴.

Стержнем взаимоотношений Центра и регионов стала необходимость финансовой стабилизации как главного

---

⁵⁶² Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ «Об укреплении Российского государства». 1994 год. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rosii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_1994_god.html

⁵⁶³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ «О действенности государственной власти в России». 1995 год. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/7521>

⁵⁶⁴ Аналитический вестник. М., 1994. № 8. Июнь. С. 19. URL: http://council.gov.ru/inf_sl/bulletin/item/201/index.html (дата обращения 21.06.2010); «Информация об эффективности мероприятий, реализуемых Правительством Российской Федерации по государственной поддержке регионов», подготовленная начальником Контрольного управления Президента Российской Федерации В. Зайцевым // ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 382. Л. 93.

условия успеха радикальных экономических реформ. Идеологи реформ, а вслед за ними и президент, были убеждены, что подавление инфляции — это главный инструмент, которым можно обеспечить переход к экономическому росту. У такой убеждённости было несколько оснований.

Первое, оно же официальное, заключалось в том, что подавление инфляции должно создать, с одной стороны, стабильные условия для работы финансовой системы, с другой — «жёсткие бюджетные ограничения» для предприятий и для всех экономических субъектов. Это обеспечит доступные и долгосрочные инвестиционные ресурсы для реального сектора экономики, а значит и для регионального развития, и будет стимулировать предприятия к повышению эффективности; формирующиеся в результате подавления инфляции «жёсткие бюджетные ограничения» для предприятий и для всех экономических субъектов побудят их к повышению эффективности своей деятельности, что в сочетании и должно обусловить динамичный экономический подъём.

Второе, менее афишируемое основание заключалось во всё большей ориентации на финансовый (спекулятивный) сектор экономики и зависимости государственного бюджета от заёмных средств (т.е. от внешнего источника ресурсов), так как и прибыльность спекулятивного капитала, и доступность кредитов зависели от уровня инфляции.

В этой связи интересно признание самого Е.Т. Гайдара⁵⁶⁵, показывающее, кем определялась финансовая политика российского правительства в начале 1990-х годов:

---

⁵⁶⁵ На заре преобразований 1990-х гг. Е.Т. Гайдар занимал ключевые посты в экономическом блоке правительства: был министром экономики РСФСР и заместителем председателя правительства РСФСР по вопросам экономической политики (ноябрь 1991 — март 1992 гг.), министром финансов РФ (с марта 1992 г.) и одновременно заместителем председателя правительства РФ и с июня 1992 г. и.о. председателя правительства РФ. В декабре 1992 г. был отправлен в отставку.

«Наиболее развитые рыночные демократии оказались неспособны выработать нестандартные политико-экономические меры... чтобы помочь выбирающимся из социализма странам; они переложили ответственность за этот процесс на Международный валютный фонд. Для МВФ задача финансовой и денежной стабилизации в отличие от постсоциалистического перехода в целом была стандартной и хорошо освоенной»⁵⁶⁶. Кроме того, жёсткие бюджетные ограничения предприятий выделялись как «важнейшая предпосылка формирования эффективного, рыночно-ориентированного сектора национальной экономики»⁵⁶⁷. Стремление федерального правительства к финансовой стабилизации приходило в непримиримое противоречие с претензиями регионов на получение государственной поддержки для сглаживания поддержки материальных ресурсов от Центра.

Ещё одной характерной чертой нового периода было резкое сужение социальной базы и ключевых групп поддержки новой власти, откуда бы Центр мог черпать символические и прочие ресурсы. Гайдаровские реформы изначально оказались во «враждебной среде», был упущен такой важный момент, как создание политической коалиции в пользу преобразований. Как признал один из видных членов команды Гайдара П.О. Авен⁵⁶⁸: «Изменение страны — это гораздо больше, чем только экономическая реформа. Сейчас мы это хорошо понимаем, а тогда у нас был детский экономический детерминизм. Мы считали, что стоит

---

⁵⁶⁶ Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки эконом. истории. М., 2005. С. 384.

⁵⁶⁷ Там же.

⁵⁶⁸ П.О. Авен в 1991–1992 годах — заместитель министра иностранных дел РСФСР, затем председатель Комитета внешнеэкономических связей РСФСР — первый заместитель министра иностранных дел РСФСР, министр внешних экономических связей Российской Федерации.

написать новый закон про экономику — и он всё поменяет»⁵⁶⁹. В борьбе за общественную поддержку региональные правители в течение 1990-х гг. были успешнее центральной власти.

Между тем, подавление инфляции при низкой собираемости налогов и дефиците контроля за финансовыми потоками не только усилило бюджетный кризис, но и привело к дальнейшему ослаблению управляемости социально-экономическими процессами и росту взаимных претензий между Центром и регионами. Долговые обязательства Центра перед территориями стремительно нарастали. В итоге в 1995 г. сложилась следующая ситуация: к этому времени в стране действовало 30 Указов Президента и 36 Постановлений Правительства по государственной поддержке регионов и их социально-экономическому развитию. По ним имелось 736 заданий и поручений. Из них было выполнено 248 (34%), выполнено не полностью 111 и больше половины от общего числа (377) находилось в стадии выполнения. Основная причина невыполнения — отсутствие средств и нормативно-правовой базы⁵⁷⁰.

В условиях дефицита ресурсов Центр пытался усилить свой потенциал административными мерами. Указ Президента Российской Федерации № 1969 «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации» от 3 октября 1994 г. имел своей целью укрепление способности исполнительной власти проводить социально-экономические преобразования и эффективную региональную политику. Президент подтверждал своё право

---

⁵⁶⁹ Авен П.О. Во главе ФСБ Чубайс принёс бы не меньше пользы, чем на приватизации // Интервью журналу Форбс. URL: <http://www.forbsrus-sia.ru/interviev/45328-petr-aven-vo-glave-fsb-chubais-prines-ne-menshe-polzy-chem-na-privatizatsii>

⁵⁷⁰ ГАРФ Ф. 10121. Оп.2. Д. 151. Л. 10, 36.

отстранять и утверждать в должности глав администраций, решать вопрос о назначении выборов⁵⁷¹. Утверждённым тогда же положением главы администраций регионов являлись членами постоянно действующего координационно-консультативного Совета глав администраций при Президенте РФ⁵⁷².

Следующей важнейшей приметой второго этапа стала начавшаяся в декабре 1994 г. военная операция в Чечне. Эта кампания, среди прочего, была призвана продемонстрировать противоположный «договорному» вариант решения проблемы, а заодно и показать решимость федеральной власти жестоко карать за неповиновение. Однако крайне неудачный ход этой войны показал сколь малы возможности Центра по силовому принуждению, и угроза повторения подобного сценария в отношении других территорий на данном этапе была исключена.

Центр не сумел воспользоваться электоральной паузой 1994 — конца 1995 гг. для своего укрепления. При этом в период президентских выборов 1996 г., которые в силу низкого рейтинга действующей власти приобрели для новой политической элиты страны экзистенциальный характер, взаимоотношения Центр — регион резко смещаются к «торгу». Основной целью региональной политики, как и на первом этапе, оказалось *удержание власти*. Региональные правители постарались использовать на всю мощь политические и административные ресурсы, предоставляемые им системой непрямого правления. Как заметил Н. Петров, Центр искал лояльности губернаторов ценой выделения средств,

---

⁵⁷¹ См.: Указ Президента РФ от 03.10.1994 № 1969 «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации». URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1180439>

⁵⁷² См.: Положение. «О главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации». URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1180439>

утверждения региональных программ, подписания двусторонних договоров⁵⁷³. Любопытно, как в последствии этот период описывался людьми из ближайшего окружения Б.Н. Ельцина: «В целом под дымовой завесой избирательной кампании “при массивном передвижении денег в регионы” были разворованы огромные средства. Но рейтинг Президента снова начал расти»⁵⁷⁴.

Как следствие, на третьем этапе (1995–1996 гг.) ускорилось институциональное укрепление губернаторской власти. С осени 1996 г. вводятся повсеместные выборы губернаторов, а в начале того же года формируется новый Совет Федерации, в состав которого вошли региональные правители, получив не только гарантии своей неприкосновенности, но и возможность консолидировано отстаивать свои интересы в Центре через верхнюю палату российского парламента⁵⁷⁵.

Кое-что удалось продать и дальневосточным губернаторам. В том же 1996 г. В. Ишаеву, который не только руководил Хабаровским краем, но возглавлял Межрегиональную ассоциацию экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Дальний Восток и Забайкалье» удалось получить подпись президента на масштабной программе развития востока страны, претендовавшей на координацию средств в размере 371 трлн руб. в ценах 1995 г.⁵⁷⁶ «Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы»

---

⁵⁷³ Петров Н. Федерализм по-российски // Pro et Contra. Зима. 2000. Т. 5. № 1. С. 15–16.

⁵⁷⁴ Эпоха Ельцина / Ю.М. Батулин и др. М., 2001. С. 553.

⁵⁷⁵ См.: Салмин А.М. Российская Федерация и федерация в России... С. 40–60; Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика... С. 571.

⁵⁷⁶ Регион БАМ: Концепция развития на новом этапе / А.Г. Гранберг, Е.Б. Кибалов, А.А. Кин и др. / под ред. А.Г. Гранберга и В.В. Кулешова. Новосибирск, 1996. С. 134.

была подписана Б.Н. Ельциным прямо в Хабаровске и утверждена Правительством накануне президентских выборов. Она получила статус «президентской», что привязывало её именно к «этому» президенту — хотя ему только ещё предстояло переизбраться⁵⁷⁷.

Хотя ключевая цель региональной политики не была достигнута, конъюнктурная задача была решена, действующий Президент Б.Н. Ельцин был переизбран на второй срок, угроза новой трансформации политической системы в случае прихода к власти президента-коммуниста была как минимум отодвинута. Однако достижение этой цели обеспечивалось отказом от политики предшествующего этапа, во многом обесмысливая попытку перехода от «торга» к «управлению» в 1994–1995 гг.

6.2. Накануне «укрепления вертикали власти»: 1996–2000 гг.

Новый период, наступивший после переизбрания Ельцина, по целям региональной политики и режиму взаимоотношений Центра и регионов повторяет этап 1994–1995 гг.,

---

⁵⁷⁷ В.И. Ишаев, представляя программу, позиционировал Дальний Восток, основываясь на его ресурсном и геополитическом значении, как перспективу для страны: «Нет сомнения, что по мере изучения и вовлечения этих [дальневосточных и забайкальских] ресурсов в хозяйственный оборот потенциал и мощь России будут непрерывно возрастать, выдвигая её в число богатейших стран мировой цивилизации, а это весьма важно, потому что центр мировой экономической активности всё заметнее перемещается в Тихоокеанский регион мира». Ишаев упирал на то, что «обладая повышенной экономической и стратегической значимостью для России, Дальний Восток и Забайкалье сегодня особенно нуждаются в государственной поддержке, в создании условий для преодоления дезинтегрирующих процессов и усиления тех положительных тенденций, которые позволяют вывести экономику из кризиса» (Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы. Хабаровск, 1996. С. 5–6).

когда Центр попытался укрепить свои позиции, но здесь появляются новые условия.

Во-первых, возросший потенциал Центра, после успешного завершения президентской кампании, теперь уравновесился ростом потенциала регионов — стартовавшие в 1996 г. повсеместные выборы губернаторов обеспечили им независимую от Москвы легитимность.

Следующий новый фактор — рост значимости рынка государственных краткосрочных обязательств (ГКО) для финансовой стабильности в стране. Государство вынуждено было покрывать дефицит бюджета путём заимствований на внешнем и внутреннем финансовых рынках. Экономическая и политическая стабильность зависела от готовности узкой группы богатейших людей страны, получивших наибольшие выгоды от приватизации госсектора в начале 1990-х гг., — олигархов — покупать ГКО⁵⁷⁸. Критическая финансовая зависимость государственной власти от крупного капитала ослабляла Центр «изнутри», делая его подверженным воздействию различных «групп влияния»⁵⁷⁹. Более того, такая схема приводила к «каннибализму ресурсов» государства: Минфин размещал бюджетные средства в избранных коммерческих банках, которые, в свою очередь, за эти государственные деньги покупали ГКО и высоколиквидные государственные предприятия, лишая государство и финансовых ресурсов, и собственности⁵⁸⁰.

С конца 1996 г. во главу угла вновь ставилась борьба с инфляцией в ущерб любым другим стратегическим целям,

---

⁵⁷⁸ Мау В.А. Логика российской модернизации: исторические тренды и современные вызовы // Экономическая история : ежегодник. 2008. М., 2009. С. 381.

⁵⁷⁹ Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика: учеб. пособие для вузов. М., 2006. С. 574.

⁵⁸⁰ Примаков Е. М. Восемь месяцев плюс... М. : Мысль, 2001. С. 27.

так как её увеличение снижало доходность ГКО. Предельно ясно эту зависимость Центра выразил вице-премьер правительства В.В. Каданников, посетивший Хабаровский край в апреле 1996 г.: «Если только мы инфляцию отпустим, немедленно государственные и казначейские обязательства будут предъявлены к оплате... А дальше нам немедленно откажут в кредите по линии Международного валютного фонда... Вот какая цена этого вопроса»⁵⁸¹. Борьба с инфляцией была следствием не только определённого экономического курса, но и фактической зависимости Центра от внешнего источника ресурсов. Эта зависимость определяла и дальневосточную региональную политику, как и региональную политику вообще.

Для Б.Н. Ельцина предстоящие три-четыре года до начала следующего электорального цикла были последним сроком, чтобы нормализовать социально-экономическую ситуацию для легитимной передачи власти преемственным политическим силам. С 1997 г. вступала в силу среднесрочная программа на 1997–2000 гг., предполагавшая начало экономического роста в стране. В качестве одной из необходимых мер для успеха этой программы заявлялось повышение плотности взаимодействия Центра и регионов, в частности, еженедельные встречи премьер-министра с главами регионов «для оперативного разрешения конкретных вопросов регионального развития и укрепления общей системы исполнительной власти в стране», накануне плановых заседаний Совета Федерации должны были проходить рабочие встречи и совещания вице-премьеров с главами регионов⁵⁸².

---

⁵⁸¹ ГАХК. Ф. Р-2061. Оп. 1. Д. 362. Л. 36.

⁵⁸² См.: Выписка из протокола совещаний в Правительстве Российской Федерации от 03.12.1996. № 1 // ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 496. Л. 2–4.

Всё это отражало не только увеличение политического веса региональных правителей, но и стремление Центра отладить вертикаль управления страной. Путь к нормализации экономической ситуации (фундамент всех общих программ и частных мер), как он виделся в то время, представлял собой связку «рост управленческого потенциала государства плюс жёсткая антиинфляционная политика». Для рассматриваемых нами регионов это означало очень малые шансы на удовлетворение их традиционных претензий.

Впрочем, это было проблемой далеко не только регионов. Президент и правительство, пытаясь проводить жёсткую финансовую политику, оказывались «зажатыми» с трёх сторон: во-первых, требовалось не допустить инфляции (что было условием предоставления займов на внешнем и внутреннем рынках); во-вторых, вставала проблема исполнения обязательств перед населением (например, Указ Президента № 690 от 8 июля 1997 г., подразумевавший погашения гигантских задолженностей по зарплате работникам бюджетной сферы и военнослужащим⁵⁸³); и, в-третьих, оставались обязательства перед регионами, принятые в предвыборный период, в частности, реализация Президентской программы развития Дальнего Востока.

В 1997 г. Б.Н. Ельцин назвал важнейшим критерием эффективной власти «способность полностью собирать и рационально строго по назначению расходовать средства, предоставляемые налогоплательщиком»⁵⁸⁴. Исполнительная

---

⁵⁸³ См.: Указ Президента Российской Федерации от 8 июля 1997 г. № 690 «О мерах по ликвидации задолженности по выплатам заработной платы работникам бюджетной сферы и денежного довольствия военнослужащим и сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации». URL: <http://graph.document/kremlin.ru/page.aspx?1;1147149>

⁵⁸⁴ Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ. «Порядок во власти — порядок в стране». 1997 год. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_

власть регионов была ответственна за сбор налогов на своей территории — в её задачи входила адресная «профилактическая» работа с должниками. Но она явно не справлялась с этой задачей. Например, из информации Управления Федеральной службы налоговой полиции по Приморскому краю видно, что в ходе проверки предпринимателей без образования юридического лица за нарушение налогового законодательства и уклонение от уплаты подоходного налога привлечено к ответственности в виде штрафов 90% из числа проверенных, недоимка по подоходному налогу составляла практически 100%⁵⁸⁵. Крупнейшие предприятия края, даже те, которые производили пользующуюся спросом продукцию, имели большие задолженности перед бюджетом⁵⁸⁶. Подобная ситуация была и в Хабаровском крае, что фактически признал его губернатор: «Кто имеет доход, он не всегда платит налоги. Все научились работать бесприбыльно, рентабельность равна нулю. Всё в затратах»⁵⁸⁷.

В условиях неэффективной мобилизации ресурсов, региональная власть стремилась «изъять» побольше ресурсов у Центра. Общее число регионов-доноров федерального бюджета неуклонно сокращалось: если в 1993 г. их было 35, то в 1996 г. — 12, в 1997 — 8. Число дотационных регионов, напротив, увеличивалось: в 1990 г. — 50, в 1994 г. — 66, в 1995 г. — 78, в 1996 г. — 75, в 1997 г. — 79⁵⁸⁸. Соответственно, нарастала зависимость государства от внешнего источника. Региональные власти выполнение решений правительства, как и реализацию программ регионального

---

federalnomu_sobran_iju_rf_poriadok_vo_vlasti_poriadok_v_strane_1997_god.html

⁵⁸⁵ ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 638. Л. 76.

⁵⁸⁶ Там же. Л. 78.

⁵⁸⁷ ГАХК. Ф. Р-2061. Оп. 1. Д. 362. Л. 10.

⁵⁸⁸ Марченко Г., Мачульская О. Регионы России : справочник. М., 1997. С. 11.

развития, обуславливали увеличением финансирования из федерального бюджета. Такая система действовала, как «насос», — регионы добивались денег у Центра, который занимал их на финансовом рынке, увеличивая своё долговое бремя и выплаты по процентам, т.е. ещё больше уменьшал свои ресурсы, и опять занимал. Конкретным примером такой истории выступает Президентская программа развития Дальнего Востока, проблемы с реализацией которой начались сразу же после её принятия. По словам Хабаровского губернатора, главного лоббиста этой программы, реальное её финансирование составляло 2–3% от положенного. Он видел решение проблемы в увеличении централизованного финансирования и настаивал на пересмотре бюджетной заявки на 1998 г., чтобы «взять денег больше, больше и больше»⁵⁸⁹.

В то же время советник президента Н.Г. Малышев напоминал, что ситуация в регионах в большей мере зависит от того, как работает местная власть⁵⁹⁰. Заместитель министра экономики М.М. Циканов говорил, что «подавляющая часть финансирования должна осуществляться из внебюджетных источников»⁵⁹¹. Таким образом, прицел критики опять смещался на деятельность региональных администраций, плохо справлявшихся с поиском инвестиционных ресурсов. Вторил ему и министр финансов А.Л. Кудрин, который, признавая вину министерств и ведомств, желал впредь обсуждать «не только проблемы выделения финансовых средств из федерального бюджета, но и прежде всего мобилизации всех источников исполнения данной Программы, где большая часть этих источников... связана с внебюджетными»⁵⁹².

---

⁵⁸⁹ ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 625. Л. 162, 168.

⁵⁹⁰ Там же. Л. 146.

⁵⁹¹ Там же. Л. 151.

⁵⁹² Там же. Л. 154.

Он приводил конкретные цифры: уровень обслуживания по всем связанным кредитам, которые были выделены в регионы, в том числе на коммерческие проекты, строительство портов, аэропортов и на производство «самых экспорториентированных и высоколиквидных товаров» и которые лоббировались, в том числе и губернаторами, составлял только 60%, а 40% ложилось бременем на федеральный бюджет. Многие фирмы, взявшие кредиты, уже давно перестали существовать, другие работали нерентабельно или не вышли на запланированный уровень и т.д.⁵⁹³

Академик А.Г. Гранберг подчёркивал, что главная проблема Программы не финансовая, а институциональная, состоящая в формировании новой экономической среды. Но и в этом аспекте «почти ничего не выполнено» и «законодательство ещё в большей степени отстаёт, чем к моменту утверждения программы»⁵⁹⁴. Ещё жёстче характеризовал ситуацию советник президента Н.Г. Малышев: «Многokrатно мы убеждались в том, что огромные средства, которые привлекались в те или иные проекты, расплылись. Кончался год, после этого очень трудно было понять, что собственно сделано на эти деньги... Совершенно невозможно уже больше руководить страной по телевизору, а с другой стороны, совершенно невозможно инвестировать в никуда». Он же фактически сформулировал, иными словами, тезис о слабом потенциале государства, назвав приоритетную задачу власти — сконцентрировать внимание на проблемах «взаимоотношений между властью, капиталом и народом»⁵⁹⁵.

В российском варианте децентрализация представляла собой примерно то же, что и в бразильском, который К. Итон и Дж. Диковик называли «ядовитой комбинацией

---

⁵⁹³ Там же. Л. 210.

⁵⁹⁴ Там же. Л. 212–213.

⁵⁹⁵ Там же. Л. 171.

децентрализованных доходов, централизованных расходов и скрытых спасительных гарантий для региональных правительств»⁵⁹⁶. Эта система подошла к краху в августе 1998 г., когда С.В. Кириенко, ставший весной того же года премьер-министром, обнаружил, что доходов государства перестало хватать даже на текущие расходы⁵⁹⁷.

Оценивая период 1996–1998 гг., можно утверждать, что цели региональной политики не были достигнуты, дефицит материальных ресурсов Центра блокировал реализацию решений президента и правительства в регионах. Августовский кризис 1998 г. в определённом смысле воспроизвёл ситуацию 1991–1993 гг., когда региональные власти устанавливали контроль за местными ресурсами, размывая единое экономическое пространство. 1998 год можно считать «крайней точкой» децентрализации, за которой виделась «угроза исчезновения Центра как значимого актора»⁵⁹⁸. Вместе с тем августовский кризис относится как раз к тем случаям, о которых можно сказать «не было бы счастья, да несчастье помогло».

В конце 1998 — начале 1999 гг. происходят события, свидетельствующие о том, что во взаимоотношениях Центр — регион явно обозначился вектор перехода от *борьбы* и *торга* к *управлению*.

Во-первых, в результате августовского кризиса рухнул рынок спекулятивного капитала и заёмные ресурсы стали для Центра недоступны — следовательно, возрос его интерес к интенсификации изъятия. С 1999 г. наблюдается

---

⁵⁹⁶ Eaton K., Dickovick T. The Politics of Re-centralization in Argentina and Brazil // Latin American Research Review. February, 2004. Vol. 39. № 1. P. 98.

⁵⁹⁷ Млечин Л.М. Формула власти: от Ельцина к Путину. М., 2000. С. 518.

⁵⁹⁸ Гельман В.Я. Указ. соч. С. 100.

устойчивый рост сбора налогов⁵⁹⁹, чему способствовала и запущенная в 1997 г. налоговая реформа.

Примечательно, что ряд либерально настроенных авторов в целом предлагает отдать должное правительству «младореформаторов» — правоцентристов (1997–1998 гг.)⁶⁰⁰, которое инициировало ряд важных структурных реформ в экономике и социальной сфере, хотя и не смогло все их провести в полной мере и не успело воспользоваться результатами тех шагов, которые таки были осуществлены: «Практически все наработки “младореформаторов”, все их революционные указы или проекты законов, например, по той же реформе естественных монополий, ЖКХ или пенсионной реформе, по борьбе с коррупцией, то есть всё то, что тогда казалось чересчур либеральным и смелым, — всё было тихо, без лишнего политического шума принято Госдумой после президентских выборов 2000 года, под флагами патриотизма и “сильного государства”, при президентах Путине и Медведеве, в 2001–2008 годах»⁶⁰¹. Немаловажное значение имело то, что к концу 1990-х гг. новым собственникам, появившимся в результате денационализации добывающих отраслей, наконец удалось прекратить падение добычи нефти. Этот фактор оказался ключевым уже в следующей декаде, когда резко выросли мировые цены на энергоносители.

Во-вторых, в результате финансового кризиса 1998 г. резко сократились государственные обязательства и расходы бюджета стали сопоставимы с его доходами. Ослабевший рубль благотворно подействовал на многие отечественные

---

⁵⁹⁹ Стародубровская И.В., Май В.А. Указ. соч. С. 308.

⁶⁰⁰ К «младореформаторским правительствам» мы, вслед за Д.Б. Минаевым, относим правительство В.С. Черномырдина в марте 1997 — апреле 1998 гг., в котором ключевые должности вице-премьеров занимали Б.Е. Немцов и А.Б. Чубайс, а затем правительство С.В. Кириенко (апрель–август 1998 г.).

⁶⁰¹ Минаев Д.Б. Ельцин. Изд. 4-е, испр. М., 2014. С. 642–643.

предприятия, что способствовало росту производства. В 1999 г. впервые за десять лет был принят бездефицитный бюджет, чему способствовала и осторожность, умеренность нового правительства Е.М. Примакова⁶⁰². Центр получил возможность исполнять свои финансовые обязательства и требовать того же от регионов.

В-третьих, начавшаяся летом 1999 г. операция по наведению «конституционного порядка» в Чечне была успешной и способствовала росту символических ресурсов Центра. Поддержка населением федеральной власти росла со времени занятия поста премьер-министра Е.М. Примаковым в сентябре 1998 г., который олицетворял умеренно-консервативный, социально ориентированный балансир чересчур радикальным реформам предыдущего этапа.

Примечательно, что рост популярности власти перекинулся и на преемников Примакова на посту премьер-министра: С.В. Степашина (май–август 1999 г.) и В.В. Путина (с августа 1999 по май 2000 г., в т.ч. с 31 декабря 1999 г. в качестве и.о. президента после добровольной отставки Б.Н. Ельцина). При этом сам Е.М. Примаков, уволенный Ельциным без видимых на то оснований⁶⁰³, совместно

---

⁶⁰² Сам Б.Н. Ельцин назвал короткий период нахождения Е.М. Примакова на посту премьер-министра (сентябрь 1998 — май 1999 гг.) «примаковской стабилизацией» (цит. по: Минаев Д.Б. Указ. соч. С. 701).

⁶⁰³ Считается, что Е.М. Примаков, бывший с 1996 г. министром иностранных дел, не стремился возглавлять правительство, но был уговорен окружением Ельцина, напиравшим на то, что в противном случае страну ждёт политический кризис ввиду того, что другие кандидатуры Госдума не поддержит, и её придётся распускать. В то же время, уже став премьер-министром, Примаков проявил определённые политические амбиции, к тому же росло личностное отторжение между Ельциным и Примаковым (Минаев Д.Б. Указ. соч. С. 699, 705). Наконец, самое главное — Ельцин полагал, что перед президентскими выборами 2000 г. правительство должен возглавить его преемник, а 70-летний Примаков, который был на два года старше самого Ельцина, на эту роль

с ушедшим в оппозицию мэром Москвы Ю.М. Лужковым, возглавил на парламентских выборах 1999 г. антиельцинский блок «Отечество — Вся Россия» («ОВР»), который отражал интересы регионов. Блок называли «партией недовольных губернаторов», поскольку движение «Вся Россия» возглавлялось главами нескольких субъектов федерации, включая президентов Татарстана (М.Ш. Шаймиева) и Башкортостана (М.Г. Рахимова), а также губернатора Санкт-Петербурга В.А. Яковлева. В перспективе вместе с коммунистами «Отечество — Вся Россия» могла создать абсолютное парламентское большинство накануне президентских выборов и воспрепятствовать наметившемуся процессу рецентрализации.

Однако слабый результат «партии регионов» (всего 13%, т.е. 37 мандатов, вместо ожидавшихся 25%) на фоне явного успеха блока «Единство», ассоциировавшегося с политикой молодого премьер-министра В.В. Путина (23%, или 64 мандата — всего на три мандата меньше, чем у победивших коммунистов⁶⁰⁴), знаменовал собой провал попытки региональных руководителей перехватить инициативу в политическом процессе. В российской политической элите наметился явный тренд на консолидацию вокруг сильного лидера, и регионы также были вовлечены в этот процесс.

Вскоре после выборов в Государственную Думу, учитывая отказ Е.М. Примакова идти на президентские выборы, в блоке «Отечество — Вся Россия» победила линия на сближение с «Единством» и поддержку В.В. Путина. 7 мая 2000 г.

не рассматривался. Тем не менее сообщение об отставке Примаков воспринял тяжело и с обидой (Там же. С. 713).

⁶⁰⁴ «Единство» формально не победило, но в альянсе с «Союзом правых сил» не позволяло коммунистам и «ОВР» создать парламентское большинство, что вынудило «ОВР» уйти от поисков альянса с КПРФ и примкнуть к «Единству».

Путин был избран Президентом России. А 1 декабря 2001 г. на учредительном съезде в Кремле партии «Единство», «Отечество» и «Вся Россия» объединились в партию «Единая Россия», которая, несмотря на наличие в числе сопредседателей представителя регионов (М.Ш. Шаймиев), стояла исключительно на центристских позициях.

Сам комплекс рецентрализационных реформ пришёл уже на 2000-е гг. Его лейтмотивом стало «укрепление вертикали власти» — термин, который появился ещё в 1990-х гг., но чётко ассоциируется с началом правления В.В. Путина⁶⁰⁵. Наиболее известными мерами стало

---

⁶⁰⁵ Выражение «властная вертикаль» впервые появилось в статье Ольги Буркалевой, Вячеслава Долганова, Андрея Жданкина и Сергея Нагаева «Нужна ли нам затяжка времени?», опубликованной в «Российской газете» 23 мая 1991 г. Цитата оттуда звучит так: «Предложил одобрить закон о Президенте депутат А.И. Стеликов, высказавший несколько дельных предложений в дополнение к его статьям. Не во всем ему удалось уловить тонкости построения будущей исполнительной властной вертикали, потому и предложения депутата по совершенствованию местного самоуправления особого отклика у его коллег не нашли». Осенью того же 1991 г. было употреблено выражение «вертикаль власти». Оно появилось в статье Валерия Сурикова «Союз, Горбачев, Россия», опубликованной 17 октября 1991 г. в «Независимой газете»: «Если уж президенту необходим консультативный политический орган во главе с госсекретарем, то этот орган, чтобы не ослаблять, не деформировать вертикаль власти, наверное, следовало бы из первого и решающего звена вертикали превратить в ее отросток, орган, действующий исключительно через президента» (цит. по: Башкирова В.Г., Соловьёв А.В., Дорофеев В.Ю. Герои 90-х. Деньги и люди. Новейшая история капитализма в России. М., 2012. С. 15). В 1999 г. в своём послании Федеральному собранию Б.Н. Ельцин неоднократно употреблял выражение «вертикаль», называя её то «исполнительной», то «властной», то «вертикалью государственной власти»: «Особый акцент необходимо сделать на задаче укрепления единства власти и исполнительной вертикали. [...] Мы должны завершить процесс консолидации всех ветвей государственной власти, добиться их внутреннего единства, укрепить всю властную вертикаль. [...] Организационное и правовое оформление властной вертикали в центре и на местах непросто и затянulosь. [...]

формирование федеральных округов, в которые назначались полномочные представители президента, реформа Совета Федерации, куда стали назначаться представители исполнительной и законодательной власти регионов, приведение регионального законодательства в соответствие с общероссийским, а впоследствии и отмена губернаторских выборов с заменой их на назначение президентом с согласия региональных парламентов (2004 г.).

Благоприятная политико-экономическая конъюнктура первой половины 2000-х гг. использовалась Москвой для того, чтобы в случае наступления экономических трудностей (так как цикличности экономического развития никто не отменял) губернаторы не предприняли контр наступления на позиции, отвоеванные Центром. Учитывая, что чрезвычайно быстро возросшая популярность В.В. Путина на тот момент представлялась делом случайного стечения благоприятных обстоятельств, становится понятным стремление Центра закрепить свой возросший потенциал путём превращения губернаторов из политиков в государственных менеджеров.

Владимиру Путину удалось на этом пути довольно многое. Был восстановлен такой атрибут государства, как монополия на легитимное насилие. Независимые центры власти в лице региональных правителей были ограничены в своей самостоятельности и интегрированы в единую административную вертикаль, а следовательно, возросла и способность государства реализовывать свою политику. Правда, этот шаг

Укрепление вертикали государственной власти и совершенствование системы ее организации — сложный, многогранный процесс, требующий длительного согласованного участия государства и всего общества» (URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/22400/page/5>). Было ясно, что в текущем контексте «вертикаль» можно было только «укрепить» или «оформить». Что и сделал В.В. Путин, заявив об «укреплении вертикали власти» 28 февраля 2000 г., сопроводив этим лозунгом увольнение семнадцати полпредов в регионах.

дался дорогой политической ценой. Путин вынужден был решать непростую задачу — обеспечить подконтрольность губернаторов, не умножая при этом число своих политических врагов. Объективная задача «усмирения» губернаторов, стоящая перед Путиным, только вступившим в свой первый президентский срок, была типологически той же, что и для африканских лидеров постколониального периода, впрочем, как и для любого политического деятеля, намерившегося воссоздать государство — направить влияние вождей местных племен в русло общих целей, трансформировать их права и привилегии таким образом, чтобы устранить наиболее нетерпимые девиации, но сохранить при этом единство среди элиты, обеспечив им чувство безопасности⁶⁰⁶.

Централизаторский курс начала 2000-х гг. проводился в лучших традициях «стратегии конфликта», предполагавшей позиционную борьбу, в ходе которой обе стороны — и Центр, и регионы — наблюдали, интерпретировали и предугадывали поведение друг друга⁶⁰⁷. Губернаторы не отдали свою власть, но обменяли её на определённые политические гарантии. Об этом свидетельствует удивительная стабильность губернаторского корпуса на протяжении первых двух сроков В.В. Путина. Сильные губернаторы, как правило, сохраняли свои посты, а те, кто уходил с должности (Е.И. Наздратенко в Приморском крае, В.А. Яковлев в Санкт-Петербурге), сначала шли на повышение, и лишь затем плавно сводились в политическое небытие.

---

⁶⁰⁶ Это не дословная, но точная по смыслу цитата, принадлежащая одному из лидеров нигерийского движения за независимость и государственному деятелю 1960–1980-х гг. Обафеме Аволово. Цит. по: Herbst J. States and Power in Africa. Comparative Lessons in Authority and Control. New Jersey, 2000. P. 176.

⁶⁰⁷ Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М., 2007. С. 35.

В целом нельзя не признать политического мастерства, с каким была проведена централизация — губернаторам обеспечивались определённые гарантии и благоприятные условия, параллельно их власть уравнивалась созданием Федеральных округов, формировались инструменты федерального вмешательства вплоть до отстранения от должности, ликвидировались институты регионального влияния на политический Центр (реформа Совета Федерации 2000–2002 гг.). Затем, в конце 2004 г., губернаторы лишаются символического ресурса (возможности получить народную поддержку на выборах). Было сделано всё, чтобы региональная вольница времён Б.Н. Ельцина не повторилась при любой политико-экономической конъюнктуре. В конечном счёте, региональные лидеры, возвращаясь к веберовской типологии, перестали быть политиками, но стали государственными управленцами главной целью которых является проведение политики Москвы на местах.

При этом в расширенном временном горизонте политика В.В. Путина в сфере федерализма в 2000–2008 гг. больше походила на расчистку поля для генерального наступления, так как радикальное обновление губернаторского корпуса началось лишь при президенте Д.А. Медведеве. Именно при нём ушли с политической сцены наиболее сильные региональные лидеры: Ишаев, Рахимов, Шаймиев, Лужков. Более того: из 27 глав регионов, назначенных с августа 2007 г., лишь пятеро были инкумбентами, назначенными на новый срок. При этом в 13 случаях из 27 замены прошли досрочно по инициативе Центра. Если за первые два года президентства Д.А. Медведева на посты глав регионов было назначено лишь шесть «варягов» из-за пределов данной территории, то за 2009–2010 гг. их число составило 15⁶⁰⁸.

---

⁶⁰⁸ Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник / под ред. Н. Петрова, А. Титкова. М., 2010. С. 83.

В целом можно говорить о том, что централизаторский курс позволил деполитизировать взаимоотношения Центр — регион, превратить замену губернаторов в чисто механический процесс, максимально снизить их «политическую угрозу» для президента и правительства. Цели снижения политической неопределённости и повышения управляемости страной были достигнуты. Отметим, что подробное рассмотрение этапа 2000-х гг. выходит за рамки целей и задач, поставленных перед нашей работой, и требует отдельного исследования⁶⁰⁹.

---

⁶⁰⁹ Среди работ, посвящённых централизационным реформам В.В. Путина, можно назвать следующие: Иванов В.В. Путин и регионы. Централизация России. М., 2006. 240 с.; Иванов В.В. Путинский федерализм. Централизаторские реформы в России в 2000–2008 гг. М., 2008. 270 с.; Туровский Р.Ф. Укрепление властной вертикали и проблема политической модернизации в России // Модернизация экономики и общественное развитие : сборник статей. М., 2007. С. 429–438.

Вместо заключения

Путь к успеху и путь к коллапсу: сравнительный анализ развития центр-региональных отношений в Китае и СССР / постсоветской России

«Как только рациональные акторы видели свои возможности и пользовались ими, они запускали целую последовательность событий, которую нельзя было предугадать. Таким образом, конечный эффект рациональных действий шёл их исполнителям так же во вред, как и на благо. Подобные различия в результатах нельзя объяснить различиями в степени рациональности, зато они объяснимы специфическими структурными контекстами, в которых рациональные акторы изменяли историю».

Ричард Лахман⁶¹⁰

В завершающей главе мы берем на себя смелость посмотреть, какие ответы можно получить на вопрос, *как рушатся и противостоят крушению государства в условиях системного кризиса.*

В российской традиции изучения перестройки и распада СССР редко пытаются заглянуть через забор отечественной истории и посмотреть на параллельный опыт других стран. Однако тот, кто сделает это, будет удивлён, что СССР и Китай в начале пути шли почти параллельными курсами, как два лыжника-слаломщика, движущиеся по соседним дорожкам. Начальный этап трансформации в двух странах выглядит

---

⁶¹⁰ Лахман Р. Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М., 2010. С. 30.

почти идентичным, несмотря на то, что ни в Москве, ни в Пекине не проводилось системного изучения опыта реформ в соседней стране.

Перемены в СССР и в Китае начинались с осторожных попыток реформировать существующую систему без резкой ломки экономического или политического уклада. Более решительные преобразования начались лишь тогда, когда провал изначальной программы модернизации/ускорения стал очевиден. В обоих случаях мы видели неуверенные шаги политических лидеров, то подталкивающих общество к реформам, то как будто возвращающихся на консервативные позиции, раскол элиты на сторонников радикализации перемен и тех, кто стремился ограничиться только экономикой. Постоянно маневрировал и пытался остаться над схваткой не только М.С. Горбачёв (за что его привычно упрекают), но и Дэн Сяопин. Те, кто указывают, что у инициаторов перестройки не было продуманного плана, также удивятся, узнав, что в Китае стратегия и тактика преобразований выработывалась на ходу, выступая скорее импровизацией, чем воплощением некой стратегии. Многое из того, что в российской историографии перестройки считается причинами катастрофы Советского Союза, можно было наблюдать и в Китае.

Логика развития реформ направляла и китайское, и советское руководство по сходной траектории, движение по которой в обеих странах было отмечено расколом элит на консерваторов и прогрессистов, балансированием политического лидера между этими группами и непоследовательной тактикой изменений социально-экономической и политической системы.

Параллельные курсы реформ в КНР и СССР начали быстро расходиться в момент острого кризиса двух систем в 1989–1990 гг. Однако в сфере центр-региональных

отношений они пришли в конечном итоге к одному и тому же результату — «рецентрализации», причём независимо от того, происходило ли это в рамках формально унитарного, или формально федеративного государства.

Исследование центр-региональных отношений, относительно свободных от большой политики, но зато отражающих технологию и общее состояние государственного управления в СССР и Китае, как раз и позволяет выявить принципиальные сходства и различия начальных условий в двух странах и в действиях их лидеров.

Главный сюжет, который мы видим, сравнивая центр-региональные отношения — это усиление децентрализационных тенденций в процессе реформ и, тем не менее, разворот к рецентрализации в конечном итоге. Но в чём же состояли различия? Принципиальная разница была в начальных условиях, точнее в типе и глубине децентрализации управления на первом этапе реформ.

Здесь нам придётся на немного расширить сравнительный охват, обратив внимание на другой опыт политических трансформаций, происходивших в странах Латинской Америки. Тулия Фалетти, сравнивая глубину децентрализации, произошедшей в Бразилии, Аргентине, Мексике и Колумбии в последней четверти XX века, показала, что первые шаги на этом пути во многом определяют все последующие. Сосредоточившись на трёх основных видах децентрализации: административной, фискальной (говоря шире, экономической) и политической, — она выявила, что в тех странах, где децентрализация началась с политической сферы, произошли наиболее глубокие трансформации. В тех же случаях, когда региональные элиты сначала были загружены административными и экономическими полномочиями и ответственностью, следовавшая затем политическая децентрализация не создавала пространства для радикального

пересмотра всей системы отношений по линии Центр — регион⁶¹¹.

Уже запущенный процесс децентрализации невозможно быстро и эффективно остановить без существенных политических издержек. Политическая децентрализация в качестве первого шага приводит к максимальному наращиванию силы субнациональных элит, которые вступают в политическую борьбу за перераспределение в свою пользу экономических и административных полномочий. Это, в общем-то, то, что произошло в Советском Союзе и проецировалось на Россию, которая в конце 1990-х гг. стала самой децентрализованной федерацией в мире. А контрпример Китая, в свою очередь, подтверждает значимость исходной точки отсчёта и первых шагов на пути трансформации центр-региональных отношений.

В Китае, как мы видели, административная и частично фискальная децентрализация были наследием периода правления Мао Цзэдуна и «культурной революции». Он сознательно децентрализовал Китай, уводя его в сторону от копирования советской модели жёсткой централизации и тотального экономического планирования. Вопрос о мотивах этих действий Мао Цзэдуна — считал ли он такое устройство более эффективным, находился ли он под впечатлением от опыта управления «советскими районами» в годы партизанской борьбы, или же, будучи «полевым командиром», ненавидел бюрократов с их извечным стремлением к расширению сферы контроля и штатов — можно считать открытым, однако факт остаётся фактом. К началу реформ Китай подошёл в состоянии децентрализованной, если не сказать фрагментарной, экономики и широких административных полномочий на местах, однако политически

---

⁶¹¹ Falletti T. Decentralization and Subnational Politics in Latin America. New York, 2010. P. 31–38, 54–55.

правящая элита страны пока ещё была едина, и тоже в значительной мере благодаря эффекту «культурной революции», подавлявшей инакомыслие и оппозицию.

«Децентрализационное наследие Мао», безусловно, вопреки его намерениям, существенно упростило поиск и реализацию экономических и административных экспериментов. Так, уже во второй половине 1970-х гг., начались эксперименты с формами и методами реформ в различных регионах, происходило быстрое формирование альтернативных госсектору производственно-логистических цепочек. В то время как в СССР, при всей его внутренней неоднородности, каждое предприятие фактически представляло отдельный цех в рамках огромного «завода-государства», и попытки вытащить из единой цепочки отдельные её элементы дестабилизировали всю систему.

В Советском Союзе децентрализация началась с политической сферы, что открыло пространство для борьбы на всех уровнях власти за расширение административных и экономических полномочий и формирования оппонентов не вовне, а внутри правящего слоя. Это было во многом следствием быстрой политизации экономических и управленческих проблем. Стремление М.С. Горбачёва переложить на нижестоящие уровни партийной и хозяйственной бюрократии ответственность за провал экономического ускорения, разрушило и без того хрупкое единство. В 1986 г. в Хабаровске впервые из уст Генерального секретаря прозвучали чётко сформулированные обвинения в адрес нижестоящего руководства в фактическом саботаже перестройки, а сама перестройка была приравнена к революции. Начавшаяся демократизация умножила число оппонентов не только с консервативного, но и с условно «демократического» фланга, и более того — позволила им защищаться и атаковать на политическом поле. Рождение публичной политики

при сохранении централизованной экономики сделало именно союзный центр мишенью для политических атак, а присвоение локализованных на местах ресурсов — главным содержанием этой борьбы.

Формирование и радикализация публичной политики, которым способствовал сам Горбачёв, оставили его без политического центра, на который он бы мог опереться. Переток реальной власти от партийных к советским структурам, и от центра на места привел к тому, что к моменту распада СССР у оппонентов союзного центра уже была выстроена альтернативная управленческая вертикаль — советская, внепартийная. И декабрь 1991-го мало что изменил в системе управления. Во многих союзных республиках у власти надолго остались те же самые лица. Так же как и во многих российских регионах.

Более глубокая административная и экономическая децентрализация Китая, предшествовавшие началу рыночной трансформации, сделали его не только более адаптивным к дальнейшим реформам, но и застраховали от неуправляемой политизации взаимоотношений по линии Центр — регионы.

Другим условием, определившим расхождение по разным трекам изначально похожих реформ в СССР и КНР, выступает различный исторический контекст, в котором действовали Дэн Сяопин и Горбачёв. И речь идёт не о разных цивилизационных основаниях двух государств, а о ближайшем прошлом. Реформаторы в Москве и в Пекине одновременно должны были смотреть и вперёд, и назад, создавая перспективу будущего и разбираясь с наследием своих предшественников. Для Дэн Сяопина ключевой задачей первых лет реформ было преодоление негативных последствий «культурной революции», от которой он пострадал лично. Этим было предопределено его желание выстроить систему

коллективного руководства, систему ротации и выхода на пенсию руководящих кадров, определённые шаги в сторону деидеологизации управленческого процесса — что непреднамеренно усиливало те элементы центр-региональных отношений, которые способствовали повышению экономической эффективности регионов и одновременно облегчили в последствии переход к рецентрализации. Назревший вопрос пересмотра недавнего опыта был решён в характерной для китайской политической элиты манере — в 1981 г. была принята резолюция Центрального комитета КПК «О некоторых вопросах истории партии с основания государства», в которой даны чеканные формулировки в отношении эпохи Мао Цзэдуна и «культурной революции». Пространства для значительной общественной дискуссии они не оставляли, что проявилось даже в сложный протестный период 1987–1989 гг. (вопросы пересмотра деятельности Мао Цзэдуна и, например, ликвидации его мавзолея на площади Тяньаньмэнь попросту не поднимались).

Для советских же лидеров обращение к истории и вовлечение в дискуссию о ней всего общества имели далеко идущие трагические последствия. М.С. Горбачёв часто обосновывал свои идеи ссылками на В.И. Ленина, но более актуальным для него был анализ опыта Н.С. Хрущёва, и особенно его падения с вершины власти. Скорее всего, именно этот опыт убедил Горбачева и его ближайшее окружение в необходимости форсировать политическую реформу. Рождение советской публичной политики уменьшало опасность верхушечного заговора и открывало возможности для широких реформ. Однако главная цель состояла в обеспечении выхода в самостоятельное политическое плавание самого М.С. Горбачева, обрыва его связей с КПСС. Да, Горбачёв в итоге проиграл, но проиграл совершенно не так, как предшествующий советский реформатор, от повторения

политической судьбы которого он успешно защитился ценой распада политической системы.

Чтобы ещё на взлёте подрезать крылья реальным и мнимым противникам демократизации, с отмашки Отдела пропаганды ЦК КПСС был дан «урок правды» в виде расширения свободы слова и последовавших за тем разоблачений преступлений сталинизма и безобразий брежневского периода. Важно, что на яркий свет выставлялись самые мрачные страницы советского прошлого, связанные с массовыми репрессиями и депортациями, голодом, обстоятельствами присоединения Прибалтики. Но ещё важнее, что эта отрезвляющая правда хлынула на людей одновременно с прорывом плотины сдерживающей информацию о жизни в странах ядра капитализма — именно той части мира, на успешном социально-экономическом соревновании с которой и строилась официальная советская пропаганда. КПСС оказалась ответственной одновременно и за преступления прошлого, и за удручающую жизнь в настоящем.

Перестройка должна была обеспечить прорыв страны в будущее. Вместо этого она развернула необычайно жаркие общенациональные дебаты о недавней истории. Можно сказать, что у советской элиты, как политической, так и интеллектуальной, не оказалось сил для того, чтобы продумать будущее, в том числе и потому что гигантские усилия были затрачены на дебаты о прошлом⁶¹². Более того, эти дебаты неизбежно обесценивали в глазах общества имеющийся советский опыт, делали его объектом насмешек. Привлекательность западной модели, информация о которой распространялась уже без каких-либо цензурных преград, на этом фоне повышалась всё выше. Перевернуть страницу

---

⁶¹² Данная идея позаимствована у знаменитого бразильского экономиста Селсу Фуртаду, который в 1949 г. похожим образом описал общественно-политическую ситуацию в Британской Империи. Furtado C. *A Fantasia Organizada*. Rio de Janeiro, 1985. P. 14.

советского опыта и начать новую жизнь, по новым моделям, в новом государстве — это желание было общим для различных республик уже находившегося на грани распада Советского Союза. В Китае 1980-х гг. отчасти наблюдался схожий процесс; однако, во-первых, Запад по-прежнему рассматривался сквозь призму антиколониальной оптики, памятью о так до конца и непреодоленных травмах «века унижений»; во-вторых, цензура и политический контроль, несмотря на ряд послаблений, все равно были сильны.

Процессы неуправляемой децентрализации в СССР были запущены политическими реформами, но сами эти реформы в первую очередь решали задачи укрепления власти реформаторов. В значительной степени решение этих задач определялось позиционированием реформаторов на международной арене.

Как бы ни казалось парадоксально, СССР стал жертвой внешнеполитического успеха перестройки. Горбачёв, мастерски жонглируя идеализмом ранних коммунистов и трезвым расчётом респектабельного мирового политического лидера, к концу 1980-х гг. приобрел невиданную для советского руководителя популярность на Западе. Но этот успех, с одной стороны, разбудил политические центробежные тенденции в советском блоке и в республиках Прибалтики, а с другой — радикально ограничил свободу действий Москвы не только внутри советского блока, но даже и в рамках самого Союза. Новое мышление и взятые на вооружение Горбачёвым идеалы гуманизма направляли Москву не на пресечение центробежных тенденций, а в переговорный процесс по поводу структуры и содержания межреспубликанских отношений в СССР. Это означало, что сам Советский Союз и главные принципы его устройства стали предметом политической дискуссии и были брошены в сферу публичной политики, в которой бушевала борьба за передел власти и полномочий.

В отличие от Дэн Сяопина, М.С. Горбачёв не имел возможности в чрезвычайной ситуации открыто занять консервативную позицию. Роль главного коммунистического демократизатора и гуманиста существенно ограничивала пространство для корректировки политического курса и не позволяла внести в него элементы консервативной реакции, как это произошло в Китае, где в течение всех 1980-х гг. существовала острая политическая борьба внутри коллективного руководства, выполнявшая функции ремня безопасности на самых резких выражах реформ. Намного более свободным в своих действиях был и российский президент Б.Н. Ельцин, который без оглядки на мировое сообщество применял вооруженные силы для разрешения политических конфликтов.

Дэн Сяопин тоже изначально пользовался на Западе репутацией лидера, способного сделать Китай «другом Запада». Он неоднократно попадал на обложку американского журнала Time и позиционировался как реформатор, либерал и едва ли не поборник свободы слова и прочих политических реформ (что, как мы видели, весьма далеко от действительности). Однако в силу того, что в Китае после смерти Мао Цзэдуна была выстроена сложная система коллективного руководства с заложенной в ней системой сдерживания отдельного лидера, ни Дэн, ни кто-либо иной из китайских лидеров (даже тех, на кого безосновательно навешивают ярлык «китайского Горбачёва») не нуждались в признании и поддержке со стороны Запада. Воспринятое резко негативно на Западе подавление выступлений на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. и вовсе «развязало руки» китайскому руководству, которое с тех пор могло проводить ту политику, которую считало необходимым без оглядки на мнения со стороны.

Вероятно, если бы за осуждением действий китайского руководства последовали бы какие-то конкретные действия,

направленные на сдерживание дальнейшего развития Китая, политический расклад в 1990-е гг. мог быть иной. Однако введенные США и рядом западных стран санкции были в значительной степени формальными; присутствие западного капитала на китайском рынке было столь выгодно, что КНР даже не лишился статуса «наиболее благоприятствуемой нации» в торговле, что убедило китайское руководство в возможности сохранять свой политический курс, включая цензуру и карательный функционал правоохранительных органов, даже несмотря на внешнеполитические осложнения.

При этом, оценивая советские реформы, ни в коем случае нельзя тешить себя иллюзией, что достаточно было вернуть жёсткую цензуру, чтобы обеспечить успех преобразований, как это оказалось в конечном счёте в Китае. Подобное упрощенное понимание ситуации исходит из современного взгляда на приоритеты реформ, тогда как для современника, пожалуй, именно запрос на гласность и отмену жёстких ограничений на распространение информации и был главным и наиболее желанным элементом реформ. И, с одной стороны, значимость этого запроса подкреплялась сильным внешним информационным давлением на Советский Союз; а с другой стороны, он был обусловлен высоким уровнем развития человеческого капитала, который был достигнут в СССР к 1980-м гг. (в отличие от Китая). Грубо говоря, для сытых и образованных советских людей возможность потреблять информационный продукт Запада и свободно дискутировать представляла собой гораздо большую ценность, чем для китайского общества, которое только находилось в стадии «насыщения» после двух десятилетий социально-экономических экспериментов Мао Цзэдуна.

И здесь мы подходим к едва ли не самому простому и в то же время наиболее точному объяснению различного исхода китайских и советских реформ.

В Китае основной общественный запрос в первые десятилетия реформ сводился к банальному желанию наесться, одеться и получить работу. И с этим реформы, даже учитывая всю их противоречивость и непоследовательность, успешно справлялись, и это было заметно даже к 1989 г., когда в стране возникла кризисная ситуация. В Советском Союзе же люди к началу реформ были сытые, периоду перестройки предшествовало спокойное и благополучное «застойное время», так что по ходу реформ — безотносительно их целей и задач — уровень материального достатка населения только падал. Это драматическое расхождение и обусловило в конечном этапе различное отношение к преобразованиям в двух странах, следствием которого стала поддержка населения и, что важнее, элит.

Без поддержки элит забуксовавшая перестройка была обречена, а попытки реанимировать её с помощью ещё большей радикализации реформ лишь усугубляли ситуацию. В конечном итоге реформы были продолжены уже в независимых государствах после распада СССР.

И уже здесь мы можем увидеть ещё одну параллель с китайским опытом. В обеих странах децентрализация в конечном счёте развернулась в обратную сторону, не став устойчивой чертой государственного управления. Выполняя задачи по трансформации экономики и снижению вовлечённости центральной власти в рутинное управление, децентрализация превращалась в угрозу самого существования единого государства. В Китае во второй половине 1980-х гг. это проявилось в субнациональной экономической фрагментации, когда отдельные провинции начали торговать и конкурировать между собой как отдельные государства. К тому же сокращение фискальных доходов Центра не позволяло ему проводить ту социально-экономическую политику, которая бы отвечала его идеологическим установкам.

Как мы увидели, решение о необходимости рецентрализации было принято в КНР ещё в середине 1980-х гг., однако реализовать это намерение удалось лишь спустя десятилетие из-за эффектов самой децентрализации: ослабления центральной власти, коррупции, что делало проведение непопулярных среди региональных элит реформ практически невозможным, а также привело к череде народных волнений. Подавление этих волнений в 1989 г. вкуче с естественным, связанным с возрастом, обновлением элиты позволило Центру ликвидировать элементы политической децентрализации, провести фискальную реформу, поставившую крест на финансовой самостоятельности регионов, и оптимизировать с помощью системы ротации чиновников кадровую систему. В результате глубокие рыночные преобразования конца 1990-х гг., завершившиеся вступлением КНР в ВТО, осуществлялись уже, в отличие от первых реформ конца 1970-х гг., в условиях сворачивания децентрализационного тренда. И залогом успеха этих реформ стала как раз рецентрализация.

Иными словами, и в России, и в Китае регионы усиливали свои позиции по мере разворачивания реформ, поскольку новое руководство, намеревавшееся провести трансформацию, нуждалось в поддержке региональных элит (децентрализация). Накопление политического капитала у вчерашнего «слабого лидера» или приход к власти сильного лидера, не нуждающегося в таком торге и пользующегося достижениями «замирения» элит, которые были достигнуты на предыдущем этапе, знаменовал переход к жёсткому ограничению полномочий регионов (рецентрализация).

Как мы видим на примере обоих случаев, рецентрализационным реформам предшествовала кризисная ситуация. Для Китая вехой, позволившей руководству провести рецентрализационные реформы, не обращая особого внимания

на сопротивление регионов, как уже отмечалось, стал 1989 г. Для России «аналогом Тяньаньмэня» стали события 1998–1999 гг., когда политическая элита оказалась консолидирована перед лицом очередного экономического кризиса, а на политической сцене появился молодой лидер (Владимир Путин), намного меньше связанный обязательствами перед региональными правителями⁶¹³, которому его предшественник (Борис Ельцин) передал накопленный политический капитал — так же, как в своё время сделал Дэн Сяопин по отношению к Цзян Цзэминю.

---

⁶¹³ Кризис 1998 года в России многими экспертами рассматривается как точка «решающего разрыва между двумя эпохами постсоветского периода: хаосом и децентрализацией власти 1990-х гг. и нефтяным бумом и восстановлением централизованного контроля федеральной государственной власти начала 2000-х гг. См. подробнее: Роджерс Д. Недра России: Власть, нефть и культура после социализма. СПб., 2021. С. 238.

Библиографический список

На русском языке

1. Акимов В.И. «Четыре модернизации»: наброски и реальность / В.И. Акимов, В.И. Потапов // Проблемы Дальнего Востока. — 1979. — № 2. — С. 52–61.
2. Акимов В.И. Итоги «потерянного десятилетия» и современное экономическое положение КНР / А.И. Акимов, В.И. Потапов // Проблемы Дальнего Востока. — 1979. — № 1. — С. 58–76.
3. Александер Дж. Власть, политика и гражданская сфера / Дж. Александер // Социологические исследования. — 2009. — № 10. — С. 13–17.
4. Александрова М.В. Внешнеэкономическая деятельность провинции Хэйлуцзян в период реформ (1978–2008 гг.) / М.В. Александрова // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. — Москва : ИДВ РАН, 2009. — С. 217–240.
5. Александрова М.В. Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ / М.В. Александрова. — Москва : Огни, 2005. — 262 с.
6. Алексеев В.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева // Отечественная история. — 2003. — № 5. — С. 3–20.
7. Артемьева О.С. Китайская пресса о социально-политическом аспекте перестройки в СССР / О.С. Артемьева // Проблемы Дальнего Востока. — 1988. — № 1. — С. 66–78.
8. Арунов В.В. К итогам сессии ВСНП / В.В. Арунов // Проблемы Дальнего Востока. — 1978. — № 2. — С. 147–153.
9. Афанасьев М.Н. Испытывая политические институты / М.Н. Афанасьев // Pro et Contra. — 1999. — № 2. — С. 5–20.
10. Афанасьев М.Н. От вольных орд до Ханской ставки / М.Н. Афанасьев // Pro et Contra. — 1999. — Весна. — № 3. — С. 88–119.

11. Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития / П.Я. Бакланов. — Владивосток : Дальнаука, 2001. — 144 с.
12. Барциц И.Н. Государственная служба в современном Китае : учебно-методическое пособие / И.Н. Барциц. — Москва : Изд-во РАГС, 2007. — 47 с.
13. Башкирова В.Г. Герои 90-х. Деньги и люди. Новейшая история капитализма в России / В.Г. Башкирова, А.В. Соловьёв, В.Ю. Дорофеев. — Москва : Альпина Нон Фикшн, 2012. — 604 с.
14. Белоглазов Г.П. Китайская Народная Республика: провинция Хэйлунцзян (современное состояние) / Г.П. Белоглазов, Л.И. Головачева. — Владивосток : ДВНЦ АН СССР, 1987. — 64 с.
15. Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока / Л.Е. Бляхер // Полис. — 2004. — № 5. — С. 28–39.
16. Бородич В.Ф. Проблемы трансформации политических систем России и Китая (конец XX — начало XXI вв.): опыт сравнительного анализа / В.Ф. Бородич. — Москва : ИДВ РАН, 2008. — 248 с.
17. Бри М. Региональные политические режимы и системы управления / М. Бри // Россия регионов: трансформация политических режимов. — Москва : Весь мир, 2000. — С. 61–109.
18. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / Ф. Бродель. — Москва : Весь мир, 2008. — 552 с.
19. Бурдьё П. Социология политики / П. Бурдьё / пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. — Москва : Socio-Logos, 1993. — 336 с.
20. Бурлацкий Ф.М. Русские государи: эпоха реформации. Никита Смелый, Михаил Блаженный, Борис Крутой / Ф.М. Бурлацкий. — Москва : Фирма ШАРК, 1996. — 512 с.
21. Бусыгина И.М. Политическая регионалистика : учебное пособие / И.М. Бусыгина. — Москва : МГИМО; РОССПЭН, 2006. — 280 с.
22. Бухвалов А.В. Теория фирмы и теория корпоративного управления / А.В. Бухвалов // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2004. — № 8. — С. 99–117.
23. Буянов Е.В. Амурский обком КПСС (1948–1991) / Е.В. Буянов // Вестник Амурского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». — Благовещенск, 2004. — Вып. 26. — С. 60–63.

24. Буянов Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 80-х гг. XX в. — начало XXI в.) / Е.В. Буянов. — Благовещенск : Амурский государственный университет, 2006. — 292 с.
25. Буянова Л.В. Избирательные кампании по выборам в органы государственной власти в Амурской области (1989–2005 гг.) / Л.В. Буянова. — Благовещенск : Амурский государственный университет, 2007. — 235 с.
26. Буяров Д.В. Принципы и особенности национально-территориальной автономии в КНР / Д.В. Буяров // Актуальные проблемы современности : материалы 8-й Всероссийской научно-практической конференции «Альтернативный мир» (Благовещенск, 10 октября 2013 г.). Вып. 7 / отв. ред. Д.В. Буяров. — Благовещенск : Издательство БГПУ, 2014. — С. 18–26.
27. Васецкий А. Пути трансформации региональной политики России А. Васецкий, С. Зуев // Власть. — 2009. — № 9. — С. 81–84.
28. Вашук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (середина 40–80-х годов XX в.) / А.С. Вашук. — Владивосток : Дальнаука, 1998. — 212 с.
29. Вебер М. Власть и политика / М. Вебер ; пер. с нем. Б.М. Скурагова и А.Ф. Филиппова. — Москва : РИПОЛ классик, 2017. — 328 с.
30. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. — Москва : Прогресс, 1990. — 808 с.
31. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / М. Вебер ; пер. с нем., сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. — Москва : НИУ ВШЭ, 2016. — 445 с.
32. Верт Н. История советского государства. 1900–1991. Н. Верт / пер. с фр. — Москва : Прогресс–Академия, 1992. — 480 с.
33. Весна-89. География и анатомия парламентских выборов / под ред. В.А. Колосова [и др.]. — Москва : Прогресс, 1990. — 382 с.
34. Ветчинкин В.И. Рынок и территория / В.И. Ветчинкин. — Благовещенск : АмурКНИИ ДВО АН СССР, 1991. — 61 с.
35. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности / А.В. Виноградов. — Москва : НОФМО, 2008. — 363 с.

36. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР / А.Г. Вишневский. — Москва : ОГИ, 1998. — 432 с.
37. Власть и реформы: от самодержавной к Советской России / Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, В.М. Панеях. — Москва : Олма-Пресс Экслибрис, 2006. — 734 с.
38. Войшнис В.Э. Федеральные выборы на территории Дальнего Востока России (1991–2004 гг.) / В.Э. Войшнис. — Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2007. — 312 с.
39. Воскресенский А.Д. Политическая компаративистика как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: общие закономерности и специфика их трансформации на Востоке / А.Д. Воскресенский // Восток. — 2005. — № 2. — С. 90–106.
40. Воскресенский А.Д. Общие закономерности, региональная специфика и концепция незападной демократии // Сравнительная политика. — 2011. — № 1. — С. 44–69.
41. Габуев А.Т. Гибель старшего брата / А.Т. Габуев // Россия в глобальной политике. — 2012. — № 5. — С. 37–49.
42. Гайдар Е.Т. Гибель империи: уроки для современной России / Е.Т. Гайдар. — Москва : РОССПЭН, 2006. — 448 с.
43. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории / Е.Т. Гайдар. — Москва : Дело, 2005. — 656 с.
44. Галкин А.А. Место перестройки в истории России / А.А. Галкин // Прорыв к свободе: о перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). — Москва : Альпина Бизнес Букс, 2005. — 436 с.
45. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции / О.В. Гаман-Голутвина. — Москва : Интеллект, 1998. — 416 с.
46. Геллер М.Я. Российские заметки 1980–1990 / М.Я. Геллер. — Москва : «МИК», 2001. — 736 с.
47. Гельбрас В.Г. Китай после Дэн Сяопина: проблемы устойчивого развития / В.Г. Гельбрас // Полис. — 1995. — № 1. — С. 28–35.
48. Гельбрас В.Г. Экономическая реформа в КНР: очерки, наблюдения, размышления / В.Г. Гельбрас. — Москва : Международные отношения, 1990. — 312 с.
49. Гельман В.Я. Трансформация и политические режимы: неопределённость и её последствия / В.Я. Гельман // Россия регионов:

- трансформация политических режимов. — Москва : Весь мир, 2000. — С. 27–28.
50. Гельман В.Я. Тупик авторитарной модернизации / В.Я. Гельман // Pro et Contra. — 2009. — № 5–6. — С.51 — 61.
  51. Гельман В.Я. Центр и регионы в России: От децентрализации к централизации / В.Я. Гельман // Федерализм и российские регионы : сб. статей РАН ИНИОН / отв. ред. Н.Ю. Лапина, В.П. Мохов. — Москва, 2006. — С. 95–118.
  52. Глухов С. Что там, за горизонтом? Так нужен ли стране Дальний Восток? / С. Глухов. — Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1990. — 96 с.
  53. Горбачёв М.С. Жизнь и реформы / М.С. Горбачёв. — В 2 кн. — Кн. 1. — Москва : Новости, 1995.— 600 с.
  54. Горбачёв М.С. Понять перестройку, отстоять новое мышление / М.С. Горбачёв // Россия в глобальной политике. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ponyat-perestrojku/>
  55. Горбачёв М.С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас? / М.С. Горбачёв. — Москва : Альпина Бизнес Букс, 2006. — 400 с.
  56. Гордон Л.А. Потери и обретения в России девяностых: историко-социологические очерки экономического положения народного большинства / Л.А. Гордон, Клопов Э.В. — Т. 1: Меняющаяся страна в меняющемся мире: предпосылки перемен в условиях труда и уровне жизни. — Москва : УРСС, 2000. — 304 с.
  57. Государственный строй Китайской Народной Республики / под ред. Л.М. Гудошников. — Москва : Наука, 1988. — 232 с.
  58. Григорьев К.А. Перекаты судьбы / К.А. Григорьев. — Владивосток : Усури, 1997. — 372 с.
  59. Гудошников Л.М. Метаморфозы государственной службы в Китае / Л.М. Гудошников // Отечественные записки. — 2008. — № 3. — URL: <http://www.strana-oz.ru/2008/3/metamorfozy-gosudarstvennoy-sluzhby-v-kitae> (дата обращения: 10.02.2020).
  60. Гудошников Л.М. Политический механизм Китайской Народной Республики / Л.М. Гудошников. — Москва : Наука, 1974. — 208 с.
  61. Гудошников Л.М. Реформирование системы государственного управления в КНР / Л.М. Гудошников // Проблемы Дальнего Востока. — 2006. — № 4. — С. 36–44.

62. Китай после «культурной революции» / Л.М. Гудошников, Б.П. Барахта, В.Г. Карымов. — Москва : Мысль, 1979. — 360 с.
63. Политическая система и право КНР в процессе реформ (1978–2005 гг.) / Л.М. Гудошников, Э.З. Имамов, Н.Л. Мамаева. — Москва : Русская панорама, 2007. — 464 с.
64. Гудошников Л.М. Реформа государственного аппарата (90-е годы) / Л.М. Гудошников, К.А. Кокарев // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 гг. — Москва : Восточная литература РАН, 1999. — С. 429–444.
65. Гудошников Л.М. Система государственной службы в Китайской Народной Республике / Л.М. Гудошников, А.В. Копков. — Москва : ИДВ РАН, 2011. — 211 с.
66. Дальний Восток России: экономический потенциал. — Владивосток : Дальнаука, 1999. — 594 с.
67. Дарькин С.М. Тихоокеанская Россия: стратегия, экономика, безопасность / С.М. Дарькин. — Москва : Дело, 2007. — 440 с.
68. Делюсин Л.П. Дэн Сяопин и реформа китайского социализма / Л.П. Делюсин. — Москва : Муравей, 2003. — 208 с.
69. Делюсин Л.П. Политическая реформа и проблема демократии в Китае / Л.П. Делюсин. — Москва : ИДВ РАН, 1993. — 232 с.
70. Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе: Эскизы к биографии в мирросистемной перспективе / Г. Дерлугьян. — Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2010. — 560 с.
71. Дерлугьян Г. Стабилизационная политсистема в поисках динамизма? / Г. Дерлугьян // 1-й ежегодный доклад Института общественного проектирования «Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 году — начале 2009 года». — Москва : 2009. — С. 13–32.
72. Егоров К.А. Государственный аппарат КНР: 1967–1981 / К.А. Егоров. — Москва : Наука, 1982. — 190 с.
73. Егоров К.А. Китайская Народная Республика: политическая система и политическая динамика (80-е годы) / К.А. Егоров. — Москва : Наука, 1993. — 207 с.
74. Егоров К.А. Политика реабилитации кадровых работников и некоторые аспекты политической борьбы в КНР / К.А. Егоров // Проблемы Дальнего Востока. — 1981. — № 4. — С. 104–114.

75. Егоров К.А. Представительная система Китая. История и современность / К.А. Егоров. — Москва : Спарк, 1998. — 240 с.
76. Ершов А.В. Государственные бюджетные учреждения КНР: структурные и кадровые вопросы реформирования / А.В. Ершов // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР. — Москва, 2013. — С. 341–344.
77. Ершов А.В. Модернизация госаппарата в первое десятилетие политики реформ / А.В. Ершов // Общество и государство в Китае: XL научная конференция. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2010. — С. 274–281.
78. Зотов В.Е. Дефицитные циклы и «длинные волны» развития / В.Е. Зотов // Проблемы Дальнего Востока. — 1990. — № 6. — С. 68–79.
79. Зотов В.Е. Китай после политического кризиса: «большой скачок назад»? / В.Е. Зотов // Народы Азии и Африки. — 1990. — № 6. — С. 68–80.
80. Зотов В.Е. Предпосылки и последствия политического кризиса / В.Е. Зотов // Проблемы Дальнего Востока. — 1990. — № 1. — С. 43–53.
81. Зуенко И.Ю. Бюрократия в условиях фронта: проблема эффективности региональных властей в российско-китайских отношениях / И.Ю. Зуенко // Журнал фронтальных исследований. — 2017. — № 1. — С. 51–64.
82. Зуенко И.Ю. Как управляется китайский город: изменения за 35 лет реформ / И.Ю. Зуенко // Вестник Московского государственного университета управления. — 2016. — № 3. — С. 15–22.
83. Зуенко И.Ю. Китай и события 1991 года в Советском Союзе (к 100-летию Коммунистической партии Китая и 30-летию распада СССР) / И.Ю. Зуенко // Международная аналитика. — 2021. — № 1. — С. 96–111.
84. Зуенко И.Ю. О статусе городов субпровинциального значения в КНР / И.Ю. Зуенко // Россия и АТР. — 2012. — № 2. — С. 145–153.
85. Зуенко И.Ю. Последний урок старшего брата: проблема политической реформы в Китае и перестройка в СССР / И.Ю. Зуенко // Россия и АТР. — 2015. — № 4. — С. 58–71.

86. Зуенко И.Ю. Развитие системы административно-территориального устройства провинции Хэйлунцзян: 1982–2014 гг. / И.Ю. Зуенко // Россия и АТР. — 2015. — № 3. — С. 187–209.
87. Зуенко И.Ю. Реализация политики Центра в китайских регионах: некоторые аспекты проблемы / И.Ю. Зуенко // Известия Восточного института. — 2016. — № 2. — С. 4–12.
88. Зуенко И.Ю. Укрепление «вертикали власти» по-китайски: кадровая политика в отношении регионального руководства в современном Китае / И.Ю. Зуенко // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2017. — № 5. — С. 30–46.
89. Зуенко И.Ю. Центр-региональные отношения в КНР: историография и опыт составления источниковой базы / И.Ю. Зуенко // Труды ИИАЭ ДВО РАН. — 2020. — № 4. — С. 71–90.
90. Зуенко И.Ю. «Кадры решают всё»: реформа кадровой системы КНР на рубеже 1980–1990 гг. / И.Ю. Зуенко, Д.Г. Сельцер // Известия Восточного института. — 2022. — № 1. — С. 58–69.
91. Иванов В.В. Путин и регионы. Централизация России / В.В. Иванов. — Москва : Европа, 2006. — 240 с.
92. Иванов С.А. Деятельность субнациональных правительств в приграничном сотрудничестве России и Китая: системные ограничители и проблема мотивации / С.А. Иванов // Россия и АТР. — 2011. — № 2. — С. 143–153.
93. Иванов С.А. Победителей не судят: источники о генезисе и начальном этапе китайских реформ / С.А. Иванов // Труды ИИАЭ ДВО РАН. — 2020. — № 4. — С. 51–70.
94. Иванов С.А. Почему коммунистический режим в Китае пережил 1989 г.? / С.А. Иванов // Россия и АТР. — 2016. — № 3. — С. 49–65.
95. Иванов С.А. Распределение фискальных и административных ресурсов между центральной и местными властями КНР в период реформ / С.А. Иванов // Известия Иркутского государственного университета. — Серия: Политология. Религиоведение. — 2012. — № 2. — С. 41–48.
96. Иванов С.А. Эффективность государства как проблема новейшей истории России и Китая: сравнительный анализ / С.А. Иванов // Россия и АТР. — 2012. — № 1. — С. 155–165.

97. Ильиченко М.С. Институализация практик взаимодействия Центра и регионов в постсоветской России / М.С. Ильиченко // Политическая наука. Вып. 3: «Современные институциональные исследования: состояние, проблемы, перспективы»: сборник научных трудов / ИНИОН РАН. Центр социальных научно-информационных исследований; отд. политической науки; Российская ассоциация политической науки / гл. ред. академик РАН Ю.С. Пивоваров. — Москва, 2009. — С. 159–179.
98. История Китая с древнейших времён до начала XXI века. — В 10 т. — Т. 9. Реформы и модернизация (1976–2009) / отв. ред. А.В. Виноградов. — Москва : Наука, 2016. — 996 с.
99. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. — Кн. 3. Северо-Восточный Китай в 1945–1978 гг. / под ред. В.Л. Ларина. — Владивосток : Дальнаука, 2004. — 344 с.
100. История Северо-Восточного Китая XVII–XXI вв. — В 5 кн. — Кн. 5. Северо-Восточный Китай в период возрождения старопромышленной базы / под ред. В.Л. Ларина. — Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2018. — 356 с.
101. Ишаев В.И. Особый район России / В.И. Ишаев. — Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1998. — 270 с.
102. Ишаев В.И. Дальний Восток России: реальности и возможности экономического развития / В.И. Ишаев, П.А. Минакир. — Хабаровск : ДВО РАН, 1998. — 140 с.
103. Кадочников Д.В. Бюджетная система Китая на современном этапе: ключевые вызовы и направления развития / Д.В. Кадочников // Terra Economicus. — 2018. — № 3. — С. 86–105.
104. Кадочников Д.В. Бюджетная децентрализация и межбюджетные отношения: опыт китайских реформ и его значение для России / Д.В. Кадочников // Terra Economicus. — 2016. — № 2. — С. 109–126.
105. Казанцев М.Ф. Институционально-правовые проблемы федеративного устройства России / М.Ф. Казанцев // Федерализм власти и власть федерализма. — Москва : ТОО «ИнтелТех», 1997. — С. 20–50.
106. Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в 80–90-е гг. XX в. / под рук. Л.М. Гудошниковой. — Москва : ИДВ РАН, 2001. — 418 с.

107. Каппелли О. «До-современное» государственное строительство в постсоветской России / О. Каппелли // Прогнозис. — 2009. — № 1. — С. 131–175.
108. Капралов П.Б. Инфляционные процессы в КНР / П.Б. Капралов // Проблемы Дальнего Востока. — 1982. — № 2. — С. 95–104.
109. Карнеев А.Н. «Чунцинская модель»: что это было? / А.Н. Карнеев // Проблемы Дальнего Востока. — 2013. — № 3. — С. 33–41.
110. Карнеев А.Н. «Чунцинская модель»: что это было? Ч. 2 / А.Н. Карнеев // Проблемы Дальнего Востока. — 2013. — № 4. — С. 45–52.
111. Карпов М.В. Замкнутый круг «китайского чуда». Рыночные преобразования и проблема реформируемости партийного государства ленинского типа в КНР / М.В. Карпов. — СПб.-М. : Нестор-История, 2014. — 420 с.
112. Карпов М.В. Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989). — Москва : ИСАА МГУ, 1997. — 199 с.
113. Каспэ С. Постсоветские нации в саду расходящихся тропок / С. Каспэ // Россия в глобальной политике. — 2009. — № 6. — С. 154–163.
114. Каспэ С. Центры и иерархии: пространственные метафоры и западная политическая форма / С. Каспэ. — Москва : Московская школа политических исследований, 2007. — 320 с.
115. Ким Сын Чжун. Российский Федерализм в действии. Взаимоотношения центральной и региональной властей в современной России (на примере Приморского края) / Сын Чжун Ким. — Москва : Русская панорама, 1999. — 159 с.
116. Кокарев К.А. К вопросу об эволюции политической реформы в Китае / К.А. Кокарев // Проблемы Дальнего Востока. — 2004. — № 5. — С. 45–60.
117. Кокарев К.А. Политический режим и модернизация Китая / К.А. Кокарев. — Москва : ИДВ РАН, 2004. — 320 с.
118. Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса / Р. Коллинз // Время мира : альманах. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н.С. Розова. — Новосибирск, 2000. — С. 234–278.
119. Кондрашова Л.И. Китай: эволюция финансовых отношений между Центром и регионами / Л.И. Кондрашова // Проблемы теории и практики управления. — 2005. — № 4. — С. 38–43.

120. Кондрашова Л.И. Реформа административно-территориального устройства КНР / Л.И. Кондрашова // Проблемы Дальнего Востока. — 2008. — № 1 — С. 70–81.
121. Кондрашова Л.И. Эволюция и современное состояние государственно-территориального устройства КНР / Л.И. Кондрашова // КНР: Особенности и тенденции современной региональной политики. Экспресс-информация. — Москва : ИДВ РАН, 2005. — С. 4–22.
122. Коновалов Е.А. Об эволюции общественно-экономических укладов в КНР / Е.А. Коновалов // Проблемы Дальнего Востока. — 1980. — № 3. — С. 98–107.
123. Концептуальные вопросы программы государственной поддержки экономики Дальнего Востока в условиях перехода к рынку : научные доклады Дальневосточного НИИ рынка. — Хабаровск, 1992. — 34 с.
124. Кордонский С.Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России / С.Г. Кордонский. — 2-е изд. — Москва : ОГИ, 2006. — 240 с.
125. Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма / Я. Корнаи. — Москва : НИ «Вопросы экономики», 2000. — 672 с.
126. Косова Л.Б. Нереализованные возможности: механизмы мобильности в советском и постсоветском обществе / Л.Б. Косова // Общественные науки и современность. — 2009. — № 6. — С. 96–107.
127. Коуз Р. Как Китай стал капиталистическим / Р. Коуз, Нин Ван / пер. с англ. — Москва : Новое издательство, 2016. — 386 с.
128. Кревельд ван М. Расцвет и упадок государства / М. Кревельд ван. — Москва : ИРИСЭН, 2006. — 544 с.
129. Кривченко А.А. Схватка над пропастью: записки губернатора / А.А. Кривченко. — Благовещенск : ООО Издательская компания РИО, 2005. — 592 с.
130. Кротков В. Два понимания глобальной трансформации. Марксистская и либеральная интерпретации отечественной социально-политической трансформации 1980–1990-х годов / В. Кротков // Свободная мысль. — 2009. — № 9. — С. 107–116.
131. Крыштановская О. Анатомия российской элиты / О. Крыштановская. — Москва : Захаров, 2004. — 470 с.

132. Курашвили Б.П. Страна на распутье... (Потери и перспективы перестройки) / Б.П. Курашвили. — Москва : Юридическая литература, 1990. — 176 с.
133. Лаврентьев А.В. Изменение внешнеэкономической политики государства на Дальнем Востоке СССР (вторая половина 1980-х — 1991 гг.): основные результаты и противоречия / А.В. Лаврентьев // Гуманитарные науки в Сибири. — 2009. — № 2. — С. 119–123.
134. Лапкин В.В. Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России / В.В. Лапкин, В.И. Пантин // Полис. — 2005. — № 3. — С. 44–58.
135. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI вв. / В.Л. Ларин. — Владивосток : Дальнаука, 2006. — 424 с.
136. Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х гг.: проблемы регионального взаимодействия / В.Л. Ларин. — Владивосток : Дальнаука, 1998. — 284 с.
137. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных изменениях (80-е гг. XX в. — начало XXI в.) / В.Л. Ларин. — Москва : Восток-Запад, 2005. — 390 с.
138. Ларин В.Л. Приморье: перспективы развития через призму общественного мнения / В.Л. Ларин, Е.А. Плаксен // Россия и АТР. — Владивосток, 1993. — № 1. — С. 5–21.
139. Латкин С. Времена несбывшихся надежд: Откровения учёного о жизни и экономике / С. Латкин. — Владивосток, 2005. — 157 с.
140. Левин М. Советский век / М. Левин / пер. с англ. В. Новикова, Н. Копелянский. — Москва : Европа, 2008. — 680 с.
141. Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней / Д. Ливен / пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. — Москва : Европа, 2007. — 688 с.
142. Ломакин В.П. Приморье: вчера, сегодня, завтра / В.П. Ломакин. — Москва : Издательство политической литературы, 1981. — 191 с.
143. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках / А.В. Лукин. — Москва : Восток-Запад, 2007. — 608 с.

144. Лысенко В.Н. Разделение власти и опыт Российской Федерации // Федерализм власти и власть федерализма / В.Н. Лысенко. — Москва : ТОО «ИнтелТех», 1997. — 875 с.
145. Маергойз И.М. Уникальность экономико-географического положения советского Дальнего Востока и некоторые проблемы его использования в перспективе / И.М. Маергойз // Вестник МГУ. — 1974. — № 4. — С. 5.
146. Мамаева Н.Л. Партия и власть: Компартия Китая и проблема формы политической системы / Н.Л. Мамаева. — Москва : Русская панорама, 2007. — 232 с.
147. Манн М. Автономная власть государства: истоки, механизмы и результаты / М. Манн / пер. с англ. — URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/7362>
148. Марченко Г.В. Регионы России : справочник / Г.В. Марченко, О.В. Мачульская. — Москва : ЗАО «Журнал Эксперт», 1997. — 488 с.
149. Матяев В.Я., Фетов В.П. Китай: некоторые аспекты внутреннего развития / В.Я. Матяев, В.П. Фетов В.П. // Проблемы Дальнего Востока. — 1982. — № 2. — С. 38–49.
150. Мау В.А. Логика российской модернизации: исторические тренды и современные вызовы / В.А. Мау // Экономическая история : ежегодник. 2008. — Москва : РОССПЭН, 2009. — С. 359–419.
151. Мау В.А. Экономика и власть: Политическая история экономической реформы в России, 1985–1994 гг. / В.А. Мау. — Москва : Дело Лтд, 1995. — 112 с.
152. Медведев Р.А. Почему распался Советский Союз? / Р.А. Медведев // Отечественная история. — 2003. — № 4. — С. 112–121.
153. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов / А.Н. Медушевский. — Москва : ГУ ВШЭ, 2005. — 574 с.
154. Меринов Ю.Н. Последний первый / Ю.Н. Меринов. — Владивосток : Уссури, 2006. — 210 с.
155. Микульский К.И. Социальная политика КПСС / К.И. Микульский, В.З. Роговин, С.С. Шаталин. — Москва : Политиздат, 1987. — 352 с.
156. Миллс Ч.Р. Властвующая элита / Ч.Р. Миллс / пер. с англ., с комм. В.Л. Кона, Е.И. Розенталь, Л.Г. Рошаль. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1959. — 542 с.

157. Минаев Д.Б. Ельцин / Д.Б. Минаев. — Изд. 4-е, испр. — Москва : Молодая гвардия, 2014. — 750 с.
158. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток / П.А. Минакир. — Москва : Экономика, 2006. — 848 с.
159. Млечин Л.М. Формула власти. От Ельцина к Путину / Л.М. Млечин. — Москва : ЗАО Издательство Центрполиграф, 2000. — 570 с.
160. Моисеева, Л.А. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX — конце XXI в. / Л.А. Моисеева, А.С. Ващук. — Владивосток : Дальнаука, 2006. — 348 с.
161. Москалёв А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999) / А.А. Москалёв. — Москва : Памятники исторической мысли, 2001. — 224 с.
162. Наздратенко Е.И. И вся Россия за спиной / Е.И. Наздратенко. — Владивосток : Усури, 1999. — 255 с.
163. Найшуль В. История реформ 90-х и ее уроки / В. Найшуль. — URL: <http://polit.ru/lectures/2004/04/21/vaucher.html>
164. Нельсон Л.Д. Группы интересов и политический срез российских экономических реформ (критическая версия) / Л.Д. Нельсон, И.Ю. Кузес // Полис. — 1995. — № 6. — С. 81–86.
165. Непомнин О.Е. История Китая. XX век / О.Е. Непомнин. — Москва : Институт востоковедения РАН, Крафт +, 2011. — 736 с.
166. Ноженко М. Одна научная загадка, или почему губернаторы согласились с Президентом / М. Ноженко, А. Стародубцев // Федерализм и российские регионы : сборник статей ИНИОН РАН / отв. ред. Н.Ю. Лапина, В.П. Мохов. — Москва, 2006. — С. 55–67.
167. Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики / А. Ослунд / пер. с англ. — Москва : Республика, 1996. — 430 с.
168. Панцов А.В. Дэн Сяопин / А.В. Панцов. — Москва : Молодая гвардия, 2013. — 556 с.
169. Паппэ Я.Ш. Российский крупный бизнес: первые 15 лет: Экономические хроники 1993–2008 гг. / Я.Ш. Паппэ, Я.С. Галухина. — Москва : ГУ ВШЭ, 2009. — 423 с.
170. Пастухов В.Б. Российский федерализм: политическая и правовая практика / В.Б. Пастухов // Общественные науки и современность. — 2003. — № 3. — С. 53–65.

171. Перестройка: двадцать лет спустя: Доклад Горбачёв-Фонда // Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). — Москва : Альпина Бизнес Букс, 2005. — 436 с.
172. Перспективы Приморского края в условиях перехода к рынку в свете геостратегических и экономических интересов России. — Москва : Наука, 1994. — 256 с.
173. Петров Н. Федерализм по-русски / Н. Петров // Pro et Contra. — 2000. — № 1. — С. 7–33.
174. Писаренко Н. Внешнеэкономические связи Хабаровского края и КНР / Н. Писаренко // Перспективы дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда / под ред. Г. Витковской и Д. Тренина. — Москва : Гендальф, 1999. — С. 82–84.
175. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991 / Р.Г. Пихоя. — 2-е изд., испр. и доп. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. — 684 с.
176. Пихоя Р.Г. История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х — 1991 гг. / Р.Г. Пихоя, А.К. Соколов. — Москва : РОССПЭН ; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. — 423 с.
177. Политическая система КНР: 100 вопросов и ответов / пер. с кит. — Москва : Политиздат, 1990. — 208 с.
178. Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А.Д. Воскресенского. — 2-е изд., перераб. и испр. — Москва : Восток-Запад, 2007. — 832 с.
179. Попов А.П. Политические системы и политические режимы в Китае XX века / А.П. Попов. — Москва : Экзамен, 2007. — 287 с.
180. Примаков Е.М. Восемь месяцев плюс... / Е.М. Примаков. — Москва : Мысль, 2001. — 238 с.
181. Прокапало О.М. Социально-экономический потенциал субъектов федерации российского Дальнего Востока / О.М. Прокапало. — Хабаровск : Издательство Хабаровского государственного технического университета, 1999. — 143 с.
182. Райнерт Э. Забытые уроки прошлых успехов / Э. Райнерт. — URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/01/zabutue_uroki_proshluy_uspeh_ov/

183. Регионы России в 1998 г. : ежегодное приложение к «Политическому альманаху России» / под ред. Н. Петрова ; Московский Центр Карнеги. — Москва : Гендальф, 1999. — 267 с.
184. Роджерс Д. Недра России: Власть, нефть и культура после социализма / Д. Роджерс. — Санкт-Петербург : Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2021. — 576 с.
185. Роккан С. Методы и модели в сравнительном исследовании формирования наций / С. Роккан // Политическая наука: научное наследие Стейна Роккана : сборник научных статей. — Москва : ИНИОН РАН, 2006. — С. 102–134.
186. Романюк В.Я. Мифы и реалии «китайского чуда». Как вести бизнес с китайцами / В.Я. Романюк. — Москва : Известия, 2002. — 464 с.
187. Россия на рубеже XXI века: власть в регионах : альбом (источник). — Москва : ИД «Человек & Карьера», 1997. — 382 с.
188. Россия регионов: трансформация политических режимов / В. Гельман, С. Рыженков, М. Бри. — Москва : Весь мир, 2000. — 375 с.
189. Савельева И.М. Знание о прошлом: теория и история / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. — В 2 т. — Т. 2. — СПб. : Наука, 2006. — 751 с.
190. Савченко А.Е. Бег на месте. Почему не работают программы развития Дальнего Востока? / А.Е. Савченко // Свободная мысль. — 2014. — № 1. — С. 95–108.
191. Савченко А.Е. Взаимоотношения Центр — регион в России 1985–2000-х гг. как проблема эффективности государства / А.Е. Савченко // Россия и АТР. — 2011. — № 2. — С. 129–142.
192. Савченко А.Е. Взаимоотношения Центра и регионов России в 1990-е гг. (на примере регионов юга Дальнего Востока) / А.Е. Савченко // Россия и АТР. — 2010. — № 2. — С. 108–117.
193. Савченко А.Е. Взаимоотношения Центр-регион в России 1985–2000 гг. как проблема эффективности государства / А.Е. Савченко // Россия и АТР. — 2011. — № 2. — С. 108–117.
194. Савченко А.Е. Взлёт и падение российского федерализма: конец 1988 — 2012 гг. Взгляд с Дальнего Востока / А.Е. Савченко // К новой модели российского федерализма / под общ. ред. А. Рябова, А. Захарова, О. Здравомысловой. — Москва: Весь мир, 2013. — 328 с. — С. 219–232.

195. Савченко А.Е. Дальний Восток в региональной политике Центра в 1990-е гг. (на примере Приморского, Хабаровского краёв и Амурской области) / А.Е. Савченко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2013. — № 3. — С. 146–151.
196. Савченко А.Е. Дальний Восток конца XX — начала XXI в. как «зеркало» системных проблем российского государства / А.Е. Савченко // Россия и АТР. — 2017. — № 4. — С. 8–30.
197. Савченко А.Е. Динамика модернизации в центр-периферийном измерении 1985–2012 гг.: противоречия и взаимосвязь (на примере Приморского края) / А.Е. Савченко // Россия и АТР. — 2014. — № 4. — С. 56–65.
198. Савченко А.Е. К пониманию исторического опыта перестройки / А.Е. Савченко // В зеркале перестройки: к пониманию российского опыта трансформации : сборник статей. — Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2015. — С. 11–19.
199. Савченко А.Е. Кризис развития Дальнего Востока конца XX века: перспективы компаративного анализа / А.Е. Савченко // Реформы конца XX — начала XXI вв. на постсоветском пространстве: региональный аспект : сборник статей. — Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2020. — С. 91–102.
200. Савченко А.Е. Между желаемым и возможным: специальные экономические зоны на Дальнем Востоке в 1987–2015 гг. / А.Е. Савченко // Проблемы Дальнего Востока. — 2015. — № 6. — С. 83–91.
201. Савченко А.Е. Политический аспект провала стратегии развития Дальнего Востока в 1987–1991 гг. (на примере Приморского и Хабаровского краёв) / А.Е. Савченко // Вестник ДВО РАН. — 2009. — № 5. — С. 125–131.
202. Савченко А.Е. Региональная власть на первом этапе перестройки (на примере Приморского края) / А.Е. Савченко // Вестник ДВО РАН. — 2009. — № 1. — С. 132–137.
203. Савченко А.Е. Российская провинция: от перестройки к... ? / А.Е. Савченко // Полития. — 2014. — № 3. — С. 110–125.
204. Савченко А.Е. СССР 1985–1991 гг.: история случайной самоликвидации власти? / А.Е. Савченко // Россия и АТР. — 2016. — № 3. — С. 66–81.

205. Савченко А.Е. Циклы дальневосточной политики Центра: к поиску порождающих факторов / А.Е. Савченко // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 2012. — № 3. — С. 22–28.
206. Савченко А.Е. Движущие силы российского поворота на Восток / А.Е. Савченко, И.Ю. Зуенко // Сравнительная политика. — 2020. — № 1. — С. 111–125.
207. Саква Р. Путин: выбор России / Р. Саква. — Москва : Олма-Пресс, 2005. — 480 с.
208. Саква Р. Российский регионализм, выработка политического курса и государственное развитие / Р. Саква // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. — 1999. — № 4. — С. 98–112.
209. Салмин А.М. Российская Федерация и федерация в России / А.М. Салмин // Мировая экономика и международные отношения. — 2002. — № 2. — С. 40–60.
210. Сельцер Д.Г. Изучение системы административного рекрутинга и государственного чиновника современного Китая методом глубинного интервью / Д.Г. Сельцер // Вестник Тамбовского университета. — Серия «Гуманитарные науки». — 2011. — № 12. — С. 786–788.
211. Сельцер Д.Г. Реформы современного Китая в интерпретации китайских руководителей: «случай Суйнина» / Д.Г. Сельцер // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2011. — № 12. — С. 788–792.
212. Смирнов В.С. Экономические причины краха социализма в СССР / В.С. Смирнов // Отечественная история. — 2002. — № 1.
213. Смирнов Д.А. Двадцатилетие поездки Дэн Сяопина на Юг Китая: вопросы теории и практики / Д.А. Смирнов // Общество и государство в Китае. — Т. XLIII. — Ч. 2 ; редколлегия — А.И. Кобзев и др. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2013. — С. 390–397.
214. Смирнов Д.А. Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину / Д.А. Смирнов. — Москва : ИДВ РАН, 2005. — 324 с.
215. Смирнов Д.А. Советская историография о поиске путей развития Китая после завершения «культурной революции» (1976–1978) / Д.А. Смирнов // Отечественная историография КНР: некоторые

- направления. — Москва : Наука ; Восточная литература, 2015. — С. 101–111.
216. Советская экономика: новое качество роста : учебное пособие для системы политической учёбы / под. ред. Л.И. Абалкина. — Москва : Политиздат, 1988. — 350 с.
217. Современное китайское государство. Т. 1: Основные институты государственной власти и управления / под ред. А.В. Виноградова. — Москва : ИДВ РАН, ИВ РАН, 2022. — 903 с.
218. Современное право КНР / под общей ред. Л.М. Гудошников и Л. Кржижковского. — Москва : Наука, 1985. — 206 с.
219. Солник С. «Торг» между Москвой и субъектами Федерации о структуре нового Российского государства: 1990–1995 / С. Солник // Полис. — 1995. — № 6. — С. 95–107.
220. Солнцева М.Т. Когда с инфляцией борются административным путём / М.Т. Солнцева // Проблемы Дальнего Востока. — 1991. — № 3. — С. 20–30.
221. Солнцева М.Т. Проблемы реформы системы ценообразования и цен в КНР / М.Т. Солнцева // Вопросы экономики. — 1989. — № 10. — С. 112–122.
222. Стародубровская И.В. Великие революции: от Кромвеля до Путина / И.В. Стародубровская, В.А. Мау. — Изд. 2-е, доп. — Москва : Вагриус, 2004. — 511 с.
223. Степанова Г.А. История формирования парткомов провинциального уровня и их роль в политической системе КНР (1966–1976 гг.) / Г.А. Степанова. — Москва : ИДВ АН СССР, 1980. — 157 с.
224. Степанова Г.А. Система многопартийного сотрудничества в Китайской Народной Республике / Г.А. Степанова. — Москва : ИДВ РАН, 1999. — 188 с.
225. Сюй Хайянь Тридцатилетие перестройки в СССР: оценки китайских учёных // Россия и АТР. — 2015. — № 4. — С. 48–57.
226. Тарасов П.В. О перспективах развития и размещения производительных сил Дальнего Востока / П.В. Тарасов // Вопросы экономики Дальнего Востока: тезисы докладов и сообщений на секции экономических наук Совета ДВ филиала СО АН СССР по итогам исследований и научно-организационной работы. — Владивосток, 1965. — С. 16–20.

227. Тилли Ч. Демократия / Ч. Тилли / пер. с англ. — Москва : АНО «Институт общественного проектирования», 2007. — 263 с.
228. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Ч. Тилли / пер. с англ. — Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2009. — 360 с.
229. Трейвиш А. Теоретическая география, геополитика и будущее России / А. Трейвиш, В. Шупер // Свободная мысль. — 1992. — № 12. — С. 23–33.
230. Трощинский П.В. Административная реформа в КНР: политико-правовые аспекты / П.В. Трощинский // Административное и муниципальное право. — 2014. — № 12. — С. 1246–1270.
231. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика : учебное пособие для вузов / Р.Ф. Туровский. — Москва : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. — 780 с.
232. Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических взаимоотношений / Р.Ф. Туровский. — Москва : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. — 399 с.
233. Турчин П.В. Историческая динамика: на пути к теоретической истории / П.В. Турчин / пер. с англ. — Москва : Издательство ЛКИ, 2007. — 368 с.
234. Усов В.Н. Дэн Сяопин и его время / В.Н. Усов. — Москва : ИДВ РАН, 2009. — 872 с.
235. Усов В.Н. История КНР. — В 2 т. — Т. I. 1949–1966 гг. : учебник / В.Н. Усов. — Москва : АСТ : Восток-Запад, 2006. — 812 с.
236. Усов В.Н. История КНР. — В 2 т. — Т. II. 1966–2004 гг. : учебник / В.Н. Усов. — Москва : АСТ: Восток-Запад, 2006. — 718 с.
237. Усов В.Н. КНР от «культурной революции» к реформам и открытости (1976–1984 гг.) / В.Н. Усов. — Москва : ИДВ РАН, 2003. — 190 с.
238. Федерализм власти и власть федерализма. — Москва : ТОО «ИнтелТех», 1997. — 875 с.
239. Феоктистов В.Ф. Идеологическая борьба в Китае на современном этапе / В.Ф. Феоктистов, Г.Н. Ященко // Проблемы Дальнего Востока. — 1980. — № 1. — С. 123–132.
240. Фетов В.Н. К итогам пленума ЦК КПК / В.Н. Фетов // Проблемы Дальнего Востока. — 1980. — № 2. — С. 69–82.

241. Фонотов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному / А.Г. Фонотов. — Москва : Науча, 1993. — 272 с.
242. Фурманов Н.В. Проблемы регионального развития КНР / Н.В. Фурманов // Проблемы Дальнего Востока. — 1981. — № 4. — С. 93–103.
243. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон / пер. с англ. — Москва : Прогресс-Традиция, 2004. — 480 с.
244. Харви Д. Краткая история неолиберализма / Д. Харви / пер. с англ. — Москва : Поколение, 2007. — 288 с.
245. Хмурый сентябрь 1983 года // Свободная мысль. — 2008. — № 10. — С. 148.
246. Хорев Б.С. Региональная политика в СССР (экономико-географический подход) / Б.С. Хорев. — Москва : Мысль, 1989. — 288 с.
247. Хромовских Н.Т. Размышление о прожитом / Н.Т. Хромовских. — Владивосток : Издательство ДВГАЭУ, 1998. — 215 с.
248. Чёрный А.К. Край свершений и мужества / А.К. Чёрный. — Москва : Советская Россия, 1982. — 240 с.
249. Чёрный А.К. Остаюсь дальневосточником / А.К. Чёрный. — Хабаровск : «Этнос-ДВ», 1998. — 512 с.
250. Черняев А. Логика перестройки / А. Черняев // Свободная мысль. — 2005. — № 4. — С. 106–126.
251. Черняев А.С. Совместный исход: дневник двух эпох. 1971–1991 гг. / А.С. Черняев. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 1047 с.
252. Чичканов В.П. Дальний Восток: стратегия экономического развития / В.П. Чичканов. — Москва : Экономика, 1988. — 247 с.
253. Шеллинг Т. Стратегия конфликта / Т. Шеллинг / пер. с англ. — Москва : ИРИСЭН, 2007. — 366 с.
254. Шепенко Р.А. Правовое регулирование налогообложения в Китайской Народной Республике / Р.А. Шепенко. — Москва : Муравей, 2001. — 200 с.
255. Шинковский М.Ю. Российский регион: становление политического режима в условиях глобализации / М.Ю. Шинковский. — Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2000. — 336 с.

256. Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество: новый взгляд на постсоветскую эру / В. Шляпентох / пер. с англ. — Москва : Столица-Принт, 2008. — 328 с.
257. Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя: СССР в 1975–1985 гг. / А.В. Шубин. — Москва : Вече, 2008. — 352 с.
258. Шубин А.В. Парадоксы перестройки: упущенный шанс СССР / А.В. Шубин. — Москва : Вече, 2005. — 480 с.
259. Эйдлин Ф. Сила и бессилие системы коммунистической власти / Ф. Эйдлин // Полис. — 1991. — № 6. — С. 84–92.
260. Яковлев А.Н. Омут памяти. От Столыпина до Путина / А.Н. Яковлев. — В 2 кн. — Кн. 2. — Москва : Вагриус, 2001. — 480 с.

На английском языке

261. Ahlers A. The Critical Role of Local Governance in China's Political System / A. Ahlers // The Palgrave Handbook of Local Governance in Contemporary China / Edited by J. Yu, S. Guo. — London : Palgrave Macmillan, 2019. — P. 73–93.
262. Local Protectionism and Regional Specialization: Evidence from Chinese Industries / C. Bai, Y. Du, Z. Tao, S. Tong. — 2004. — № 2. — P. 397–417.
263. Beijing Spring 1989: Confrontation and Conflict: The Basic Documents / Edited by M. Oksenberg, L. Sullivan, M. Lambert. — Armonk : M.E. Sharpe, 1990. — 350 p.
264. Bergsten F. China's Rise: Challenges and Opportunities / F. Bergsten, C. Freeman, N. Lardy, D. Mitchell. — Washington : Peterson Institute for International Economics, 2009. — 288 p.
265. Bo Zhiyue. Chinese Provincial Leaders: Economic Performance and Political Mobility since 1949 / Zhiyue Bo. — Armonk : M.E. Sharpe, 2002. — 183 p.
266. Breslin S. China in the 1980s: Centre-Province Relations in a Reforming Socialist State / S. Breslin. — Basingstoke : Macmillan ; New York : St Martins, 1996. — 208 p.
267. Brødsgaard K. Institutional Reform and the Bianzhi System in China / K. Brødsgaard // The China Quarterly. — 2002. — № 170. — P. 361–386.

268. Bulman D. Incentivized development in China. Leaders, governance, and growth in China's counties / D. Bulman. — Cambridge : Cambridge University Press, 2016. — 216 p.
269. Burns J. Chinese Civil Service Reform: The 13th Party Congress Proposals / J. Burns // *The China Quarterly*. — 1989. — № 120. — P. 739–770.
270. Cai Hongbin. Did Government Decentralization Cause China's Economic Miracle / Hongbin Cai, D. Treisman // *World Politics*. — 2006. — № 58. — P. 505–535.
271. Chan H. Cadre Personnel Management in China: The Nomenklatura System, 1990–1998 / H. Chan // *The China Quarterly*. — 2004. — № 179. — P. 703–734.
272. *China Deconstructs: Politics, Trade and Regionalism* / Edited by D. Goodman, G. Segal. — New York : Routledge, 1994. — 380 p.
273. *China in the Post-Deng Era* / Edited by J. Cheung. — Hong Kong : The Chinese University Press, 1998. — 699 p.
274. *China's Provinces in Reform: Class, Community and Political Culture* / Edited by David Goodman. — London : Routledge, 1997. — 278 p.
275. Chung Jae Ho. *Centrifugal Empire: Central–Local Relations in China* / Jae Ho Chung. — New York : Columbia University Press, 2016. — 232 p.
276. Dittmer L. *China's Deep Reform: Domestic Politics in Transition* / L. Dittmer. — Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2006. — 532 p.
277. Donaldson J. *China's Administrative Hierarchy: The Balance of Power and Winners and Losers within China's Levels of Government* / J. Donaldson. — URL: https://ink.library.smu.edu.sg/soas_research/2031
278. Dong Lisheng. *Central-Local Relations in China: Retrospect and Prospect: Discussion Paper* / Lisheng Dong. — Nottingham : China Policy Institute. — 17 p.
279. Fewsmith J. *China since Tiananmen: From Deng Xiaoping to Hu Jintao* / J. Fewsmith. — Cambridge : Cambridge University Press, 2008 [Kindle e-book version]. — 358 p.
280. Gong Ting. *Corruption and Local Governance: the Double Identity of Chinese Local Governments in Market Reform* / Ting Gong // *The Pacific Review*. — 2006. — № 1. — P. 85–102.

281. Gong Ting. *Jumping into the Sea: Cadre Entrepreneurs in China Problems / Ting Gong // Problems of Post-Communism.* — 1996. — № 4. — P. 26–34.
282. Goodman D. *China's Provincial Leaders, 1949–1985 / D. Goodman.* — Cardiff : University College Press, 1986. — 297 p.
283. Gordon R. *Provincial and Local Governments in China: Fiscal Institutions and Behavior of Government: Working Paper / R. Gordon.* — URL: <http://www.nber.org/papers/w16694>
284. Guo Baogang. *New Trends in China's Administrative Reforms / Baogang Guo // China Research Center.* — URL: http://www.china-center.net/2014/china_currents/13-2/new-trends-in-chinas-administrative-reform/
285. *Holding China Together: Diversity and National Integration in the Post-Deng Era / Edited by B. Naughton, Yang Dali.* — Cambridge : New York : Cambridge University Press, 2004. — 304 p.
286. Hsu P. *Deconstructing Decentralization in China: Fiscal Incentive Versus Local Autonomy in Policy Implementation / P. Hsu // Journal of Contemporary China.* — 2004. — № 13. — P. 567–599.
287. Hu Xiaohui. *Place Leadership with Chinese characteristics? A Case Study of the Zaozhuang Coal-mining Region in Transition Xiaohui Hu, R. Hassink // Regional studies.* — 2016. — № 1. — P. 224–234.
288. Huang Yasheng. *Inflation and Investment Controls in China: The Political Economy of Central-Local Relations During the Reform Era / Yasheng Huang.* — New York : Cambridge University Press, 1996. — 396 p.
289. Huang Yasheng. *Political Institutions and Fiscal Reforms in China / Yasheng Huang // Problems of Post-Communism.* — 2001. — № 1. — P. 16–26.
290. Jin Hehui. *Regional Decentralization and Fiscal Incentives: Federalism, Chinese Style / Jin Hehui, Qian Yingyi, B. Weingast // Journal of Public Economics.* — 2005. — № 89. — P. 1719–1742.
291. Kostka G. *Central–Local Relations: Recentralization and Environmental Governance in China / G. Kostka, J. Nahm J. // The China Quarterly.* — 2017. — № 231. — P. 1–16.
292. Lam W. *China After Deng Xiaoping. The Power Struggle in Beijing after Tiananmen / W. Lam.* — Hong Kong : Wiley, 1995. — 497 p.

293. Lardy N. Centralization and Decentralization in China's Fiscal Management / N. Lardy // *The China Quarterly*. — 1975. — № 1. — P. 26–60.
294. Li Linda Chelan. Central-Local Relation in the People's Republic of China: Trends, Processes and Impacts for Policy Implementation / Linda Chelan Li // *Public Administration and Development*. — 2010. — № 30. — P. 177–190.
295. Li Linda Chelan. Centre and Provinces: China 1978–1993: Power as Non-Zero-Sum / Linda Chelan Li. — Oxford : Oxford University Press, 1998. — 302 p.
296. Li Linda Chelan. Economic Reform Since 1978: Fiscal Decentralization / Linda Chelan Li // *Encyclopedia of Modern China* / Edited by D. Pong. — New York : Charles Scribner's Sons. — P. 455–456.
297. Li Linda Chelan. Rural Tax Reform in China: Policy Processes and Institutional Change / Linda Chelan Li. — London : Routledge, 2011. — 176 p.
298. Li Linda Chelan. Understanding Institutional Change: Fiscal Management in Local China / Linda Chelan Li // *Journal of Contemporary Asia*. — 2005. — № 1. — P. 87–108.
299. Li Linda Chelan. What Causes the Local Fiscal Crisis in China: The Role of Intermediaries / Linda Chelan Li, Zhenjie Yang // *Journal of Contemporary China*. — 2014. — № 1. — P. 1–21.
300. Liang Qiao. Performance, Preference, Promotion: Political Mobility of Chinese Regional Leaders: Louisiana State University Doctoral Dissertation, 2014 / Qiao Liang. — URL: https://digitalcommons.lsu.edu/gradschool_dissertations/1563/
301. Libman A. Federalism in China and Russia. Story of Success and Story of Failure / A. Libman, M. Rochlitz. — Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2019. — 232 p.
302. Lieberthal K. Governing China: From Revolution Through Reform / K. Lieberthal. — New York : W. W. Norton & Company, 2003. — 528 p.
303. Lin Yifu J., Liu Zhiqiang. Fiscal Decentralization and Economic Growth in China / Yifu J. Lin, Zhiqiang Liu // *Economic Development and Cultural Change*. — 2000. — № 1. — P. 1–21.
304. Liu A. Mass Politics in the People's Republic: State and Society in Contemporary China / A. Liu. — Boulder : Westview Press, 1996. — 272 p.

305. Manion M. The Cadre Management System, Post-Mao: the Appointment, Promotion, Transfer and Removal of Party and State Leaders / M. Manion // *The China Quarterly*. — 1985. — № 102. — P. 203–233.
306. Mertha A. China's "Soft" Centralization: Shifting Tiao / Kuai Authority Relations / A. Mertha // *The China Quarterly*. — 2005. — № 1. — P. 791–810.
307. Montinola G. Federalism, Chinese Style: The Political Basis for Economic Success in China / G. Montinola, Yingyi Qian, B. Weingast. // *World Politics*. — 1995. — № 1. — P. 50–81.
308. Mosca G. *The Ruling Class* / Mosca G. — New York ; London : McGraw Hill Company, 1939. — 511 p.
309. Nathan A. The New Tiananmen Papers: Inside the Secret Meeting That Changed China / A. Nathan // *Foreign Affairs*. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2019-05-30/new-tiananmen-papers>
310. Naughton B. How Much Can Regional Integration Do to Unify China's Markets? / B. Naughton // *How Far Across the River? Chinese Policy Reform at the Millennium* / Edited by N. Hope, D. Yang, and Mu Yang Li. — Stanford : Stanford University Press, 2003. — P. 204–232.
311. Oi J. Fiscal Reform and the Economic Foundations of Local State Corporatism in China / J. Oi // *World Politics*. — 1992. — № 1. — P. 99–126.
312. Oksenberg M. The Evolution of Central-Provincial Fiscal Relations in China, 1971–1984: The Formal System / M. Oksenberg, J. Tong // *The China Quarterly*. — 1991. — № 125. — P. 1–32.
313. Ong L. The Political Economy of Township Government Debt, Township Enterprises, and Rural Financial Institutions in China / L. Ong // *The China Quarterly*. — 2006. — № 186. — P. 377–400.
314. *Provincial Strategies of Economic Reform in Post-Mao China: Leadership, Politics, and Implementation* / Edited by Peter T.Y. Cheung, Jae Ho Chung and Zhimin Lin. — Armonk : M.E. Sharpe, 1998. — 311 p.
315. *Rethinking China's Provinces* / Edited by J. Fitzgerald. — London ; New York : Routledge, 2002. — 290 p.
316. Schoenhals M. Edited Records: Comparing Two Versions of Deng Xiaoping's "7000 Cadres Conference Speech" / M. Schoenhals // *CCP Research Newsletter*. — 1988. — № 1. — P. 5–9.

317. Shirk S. *The Political Logic of Economic Reform in China* / S. Shirk. — Berkeley : University of California Press, 1993. — 399 p.
318. *The Cambridge History of China. Vol. 15. The People's Republic. Part 2. Revolutions Within the Chinese Revolution, 1966–1982* / Edited by R. MacFarquhar and J. Fairbank. — Cambridge : Cambridge University Press, 1991. — 1136 p.
319. Tong T. *Fiscal Reform, Elite Turnover and Central-provincial Relations in Post-Mao China* / T. Tong // *Australian Journal of Chinese Affairs*. — 1989. — № 1. — P. 22–27.
320. Walder A. *Factory and Manager in an Era of Reform* / A. Walder // *The China Quarterly*. — 1989. — № 118. — P. 242–264.
321. Walder A. *Local Governments as Industrial Firms: An Organizational Analysis of China's Transitional Economy* / A. Walder // *American Journal of Sociology*. — 1995. — № 2. — P. 263–301.
322. Walder A. *Zouping in Transition: The Process of Reform in Rural North China* / A. Walder. — Harvard : Harvard University Press, 1998. — 304 p.
323. Wang Qian. *Local Government Tax Effort in China: An Analysis of Provincial Tax Performance* / Qian Wang, Chunli Shen, Heng-fu Zou // *Region et Development*. — 2009. — № 29. — P. 203–236.
324. Wang Qun. *Administrative Reform in China: Past, Present, and Future* / Qun Wang // *South East Review of Asian Studies*. — 2010. — № 3. — P. 110–119.
325. White L. *Unstately Power. Vol. 2. Local Causes of China's Intellectual, Legal, and Governmental Reforms* / L. White. — Armonk : M.E. Sharpe, 1998. — 765 p.
326. Wong C. *Central-local Relations Revisited: the 1994 Tax Sharing Reform and Public Expenditure Management in China* / C. Wong. — URL: <https://www.cefc.com.hk/article/central-local-relations-revisited-the-1994-tax-sharing-reform-and-public-expenditure-management-in-china/>
327. Wong C. *Central-Local Relations in an Era of Fiscal Decline: The Paradox of Fiscal Decentralization in Post-Mao China* / C. Wong // *The China Quarterly*. — 1991. — № 1. — P. 691–715.
328. Wong C. *Financing Local Government in the People's Republic of China* / C. Wong. — Oxford : Oxford University Press, 1997. — 400 p.
329. Xu Chenggang. *The Institutional Foundations of China's Reforms and Development* / Chenggang Xu // *Journal of Economic Literature*. —

URL: https://www.researchgate.net/publication/228122072_The_Institutional_Foundations_of_China's_Reforms_and_Development

330. Yang Dali. *Beyond Beijing: Liberalization and the Regions in China* / Dali Yang. — London : Routledge, 1997. — 224 p.
331. Yang Dali. *Reform and the Restructuring of Central-Local Relations* / Dali Yang // *China Deconstructs: Politics, Trade and Regionalism* / Edited by David Goodman and Gerald Segal. — London : Routledge, 1994. — P. 62–72.
332. Yang Dali. *Review: Governing China's Transition to the Market: Institutional Incentives, Politicians' Choices, and Unintended Outcomes* / Dali Yang // *World Politics*. — 1996. — № 3. — P. 424–452.
333. Yang Zhong. *Local Government and Politics in China: Challenges from Below* / Zhong Yang. — Armonk : M.E. Sharpe, 2003. — 229 p.
334. Zhao Ziyang. *Prisoner of the State: The Secret Journal of Premier / Ziyang Zhao* / Edited and translated by Bao Pu, Renee Chang, Adi Ignatius. — New York : Simon & Schuster [Google e-book version]. — 590 p.
335. Zhang Mengzhong. *Assessing China 1994 Fiscal Reforms: An Intermediate Report* / Mengzhong Zhang // *Journal of Public Budgeting, Accounting and Financial Management*. — 2006. — № 4. — P. 453–479.
336. Zheng Yongnian. *De Facto Federalism in China: Reforms and Dynamics of Central-Local Relations* / Yongnian Zheng. — New Jersey : World Scientific, 2008. — 460 p.
337. Zubok V. *The Soviet Union and China in the 1980s: Reconciliation and Divorce* / V. Zubok // *Cold War History*. — 2017. — № 12. — P. 121–141.

На китайском языке

338. Ван Имин. Цюйюй дяошэн фачжань чжаньлюэ = Региональная согласованная стратегия развития / Имин Ван // Цзинци жибао. — 2017. — № 11. — С. 62–79.
339. Ван Сяолун. Чжунго дифан чжэнфу чжили цзегоу гайгэ: И чжун цайчжэн шицзяо дэ фэнси = Реформа структуры административного управления регионами КНР: анализ с точки зрения финансов / Сяолун Ван // Жэньвэнь цзачжи. — 2004. — № 3. — С. 29–45.

340. Ван Хуа. Чжунго дифан чжэнфу цзисяо чацзой яньцзю (цзиной фуцзи гуаньси шэцзяо дэ цзешисин куайцзя) = Исследование различий в достижениях местных правительств (с точки зрения межправительственных отношений) / Хуа Ван. — Шанхай : Шанхай шэхуй кэсюэюань чубаньшэ, 2010. — 211 с.
341. Ван Цинчжи. Вомэнь дэ сыкао: лайцзы миньцзянь дэ цзюэцэ баогао = Наши рассуждения: отчёт о выработке стратегии развития, происходящий из народа / Цинчжи Ван, Гуйфан Ян, Вэйхуа Сунь. — Харбин : Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ, 1994. — 421 с.
342. Ван Чанцзян. Сугун: игэ дадан шуайло дэ циши = Уроки развала КПСС / Чанцзян Ван. — Чжэнчжоу : Хэнань жэньминь чубаньшэ, 2012. — 325 с.
343. Вэй Хукай. Чжунго цюйюй сетяо фачжань яньцзю = Исследование скоординированного регионального развития / Хукай Вэй. — Пекин : Шаньу иньгуань юсянь гунсы чубаньшэ, 2012. — 464 с.
344. Гао Юн. Во гэи Ху Яобан дан мишу = Я служил секретарём у Ху Яобана / Юн Гао. — Пекин : Жэньминь чубаньшэ, 2016. — 348 с.
345. Гу Миндэ. Вого цюйюйцзянь цзыкуань сялоуй, цзыцзинь пэйшу хэ цзинци цзэнчжан бисяо = Сравнение экономического роста, размещения капитала и эффективности кредитования в разных районах Китая / Гу Миндэ, Пэйсинь У // Кэсюэ фачжань. — 2009. — № 8. — С. 18–23.
346. Дифан дэ фусин: дифан чжили гайгэ 30 нянь = Возрождение регионов: Реформы регионального управление за 30 лет / под ред. Ян Сюэдунь, Лай Хайжуна. — Пекин : Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2009. — 442 с.
347. Дэн Лицюнь. Дэн Лицюнь цзышу: ши эр гэ чунь цю (1975–1987) = Автобиография Дэн Лицюня: хроника двенадцати лет (1975–1987) / Лицюнь Дэн. — Гонконг : Дафэн чубаньшэ, 2006. — 547 с.
348. Е Чжанмэй. Чжунго далу чжунъян юй дифан цайчжэн гуаньси дэ гайгэ — фэньтуйчжи дэ шисин = Реформа финансовых отношений Центра и местных правительств в материковом Китае — эксперименты с разделением фискальных систем / Чжанмэй Е // Чжунго далу яньцзю. — 1991. — № 8. — С. 41–58.
349. Линь Вэньсюань. Далу чжунъян юй дифан гуаньси гайгэ сяньчжуан юй вэньти = Современное положение и проблемы реформы центр-региональных отношений в материковом Китае / Вэньсюань

Линь // Чжаньван юй таньсо. — URL: <http://lawdata.com.tw/tw/detail.aspx?no=166087>

350. Лоу Сюйвэй. Чжунго чжэнфу цзянь цайчжэн гуаньси цзай сыкао = Новые размышления о финансовых взаимоотношениях правительств в Китае / Сюйвэй Лоу. — Пекин : Чжунго цайчжэн цзинци чубаньшэ, 2013. — 321 с.
351. Лу Наньцюань. Шэй паоцилэ цянй Сулянь = Кто разрушил бывший Советский Союз? / Наньцюань Лу, Вэйдин Хуан, Чжихуа Шэн // Айсысян. 2012. — URL: <http://www.aisixiang.com/data/48844-2.html>
352. Лю Вэньяо. Вэйда дэ чуанцзао: лянъчань чэнбао юй санышэ цзяньсян — 1977–1984 нянь Сычуань нунцунь гайгэ дэ гуйгу юй сыкао = Великие инновации: совместный подряд и упразднение коммун, создание волостей — воспоминания и размышления о сельскохозяйственных реформах в провинции Сычуань в 1977–1984 гг. / Вэньяо Лю. — URL: <http://rhh.reformdata.org/index.html#/article/71E09B16E21F7B6919BBFC43F6A5B2F0>
353. Лю Кэмин. Сулянь цзюйбянь дэ лиши цзяосюнь = Исторические уроки советской катастрофы / Кэмин Лю // Дандай шицзе шэхуэй чжуи вэньти. — 1994. — № 1. — С. 61–66.
354. Ни Хунжи. Дуй Чжунго чжэнфу цзянь цайчжэн гуаньси сяньчжуан дэ цзибэнь паньдуань хэ фачжань цюйши = Базовые оценки и перспективы развития положения в фискальных отношениях между китайскими правительствами различных ступеней / Хунжи Ни // Фэньцюань юй янди гуаньси = Децентрализация и Центр-региональные отношения / под ред. Лю Чэнли. — Пекин : Чжунъян бяньцзэ чубаньшэ, 2015. — С. 168–179.
355. Се Сюйжэнь. Гуаньюй чжунъян юй дифан шицюань хуафэнь ногань вэньти дэ сыкао = О некоторых вопросах касательно разграничения финансовых полномочий центрального и местных правительств / Сюйжэнь Се // Цайчжэн яньцзю. — 1995. — № 1. — С. 20–31.
356. Се Цинкуй. Чжэнчжи гайгэ юй чжэнфу чжуаньсин = Политическая реформа и трансформация государственной системы / Цинкуй Се, Фулин Тун. — Пекин : Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2009. — 320 с.
357. Сулянь цзети: арши няньхоу дэ хуйцзи юй фаньсян = Развал СССР: воспоминания и размышления спустя 20 лет / под ред. Ли Шэньмина. — Пекин : Шэхуй кэсюэюань чубаньшэ, 2011. — 340 с.

358. Сунь Кай. Чжэнфу цзянь цайчжэн гуаньси яньцзю = Исследование финансовых взаимоотношений различных правительств / Кай Сунь. — Далянь : Дунбэй цайчжэн дасюэ чубаньшэ, 1994. — 164 с.
359. Сянь цзоу и бу чжэнь сянь цзоу: Жэнь Чжуньи фантаньлу = Сделать первым — значит, сделать первым: интервью с Жэнь Чжуньи // Гуандун кайгэ кайфан цзюэцэчжэ фантаньлу = Сборник интервью с руководителями провинции Гуандун периода реформ и открытости. — Гуанчжоу : Гуандун жэньминь чубаньшэ, 2008. — 151 с.
360. Сяо Лихуй. Сяньвэй шуцзи яньчжун дэ чжуньян юй дифан гуаньси = Центр-региональные отношения глазами секретаря уездного парткома Сяо Лихуй. // Цзинцзи шэхуй тичжи бисяо. — 2008. — № 4. — С. 1–18.
361. Сяопин шо, шэммэ ши Чжунго тэсэ шэхуйчжуи = «Как сказал Сяопин», что такое социализм с китайской спецификой / под ред. Цзе Циньжу. — Пекин : Сяндай цзяоюй чубаньшэ, 2007. — 95 с.
362. Туйдун «хэнсян цзинцзи лянхэ» = Внедрение «горизонтальной экономической интеграции» // Чжунго гайгэ кайфан цюаньцзилу. — URL: <http://rhb.reformdata.org/#/column/1/673>
363. Тянь Цзиюнь. Вань Ли: Гайгэ кайфан дэ да гунчэнь = Вань Ли: Переводчик политики реформ и открытости / Цзиюнь Тянь // Яньхуан чуньцзю. — 2006. — № 5. — С. 18–38.
364. У Вэй. Шисаньда цянь, Чжао Цзыян юй «цзо» доучжи доуюн = Перед 13-м съездом: борьба Чжао Цзыяна с «левыми» / Вэй У // Нью-Юэ шибао, чжунвэньван. — URL: <https://cn.nytimes.com/china/20140728/cc28wuwei22/>
365. У Пэйлунь. Дифан цзигоу гайгэ дэ таньтао = Исследование реформы структуры местных народных правительств / Пэйлунь У. — URL: <http://www.reformdata.org/1989/0415/8026.shtml>
366. У Пэйлунь. Дифан цзигоу гайгэ сыкао = Рассуждения о реформе структуры местных правительств / Пэйлунь У. — Пекин : Гайгэ чубаньшэ, 1992. — 335 с.
367. У Эньюань. Гуаньюй Сулянь цзети дэ цзяосюнь исе люсин гуандянь дэ цзяньцзи = Критический анализ популярных представлений об «уроках советского развала» / Эньюань У // Макэсычжуи яньцзю. — 2002. — № 23. — С. 70–76.

368. У Эньюань. Чжэнцюэ пинцзя Сулянь моши = Правильное понимание советской модели / Эньюань У // Лилцнь цяньнянь. — 2007. — № 19. — С. 8–9.
369. Фань Бонай. Цзюй мяньбань фэньси дэ Чжунго шэнцзи синчжэн цюйюй хоцюй чжунъян цайчжэн цзяои чжифу дэ шичжэн яньцзю = Эмпирическое исследование трансфертных выплат из центрального бюджета, получаемых административно-территориальными единицами провинциального уровня КНР. Анализ панельных данных / Бонай Фань, Мин Чжан // Чжэцзян дасюэ сюэбао. — 2001. — № 1. — С. 34–44.
370. Хоу Илин. 1978 нянь илай вого цайчжэн тичжи гайгэ чжун цайчжэн цюаньши хуафэнь дэ лилунь фэньси = Анализ распределения финансовых полномочий в ходе реформ в Китае с 1978 года / Илин Хоу // Гунгун синчжэн пинлунь. — URL: http://ww2.usc.cuhk.edu.hk/PaperCollection/webmanager/wkfiles/7145_1_paper.pdf
371. Хуайнянь Жэнь Чжунъи = Вспоминая Жэнь Чжунъи / под ред. У Наньшэна. — Гуанчжоу : Гуандун жэньминь чубаньшэ, 2007. — 337 с.
372. Хуйван ши нянь цянь ди сы цы цзигуо гайгэ бувэй жэньюань да фэньлю = Вспоминая четвёртую реформу госаппарата 10 лет назад // Чжунго гайгэ кайфан цюаньцзилу. — URL: <http://rhh.reformdata.org/index.html#/article/085EBBEC4E5BC8D8F79481DBF8>
373. Цао Хайтао. Чжунго далу дэ фэньцюань гайгэ юй дифан чжэнфу тоуцзы синвэй — цайчжэн юинь дэ гуаньдянь = Разделение властей и инвестиционное поведение местных правительств в материковом Китае с точки зрения финансовой мотивации / Хайтао Цао // Чжунго далу яньцзю. — 2012. — № 2. — С. 1–42.
374. Цао Цзинь. Дандай Чжунго гайгэ кайфан ши, шан ся цзюань = История политики реформ и открытости в современном Китае / Цзинь Цао. — Т. 1–2. — Пекин : Жэньминь чубаньшэ, 2016. — 806 с.
375. Цзо Фэнжун. Сулянь вэй шэммэ мэюю сюаньцзэ Чжунго моши = Почему Советский Союз не выбрал китайскую модель / Фэнжун Цзо // Линдао вэньсуй. — 2011. — № 2. — С. 28–30.
376. Цзо Фэнжун. Цин дуйвай чжаньлюэ дэ цзяоуду кань Сулянь цзюйбянь дэ юаньинь = Развал СССР с позиций анализа внешнеполитической стратегии / Фэнжун Цзо // Элосы яньцзю. — 2003. — № 2. — С. 10–15.

377. Цзо Фэнжун. Дуй Гээрбацяофу гайгэ чжун чжэнчжи юй даодэ дэ сыкао = Анализ морали и политики в процессе реформ Горбачёва / Фэнжун Цзо // Гоши цаньюэ цзыляо. — 2008. — № 4. — С. 42–46.
378. Цзо Фэнжун. Сулянь шишан цзуй фуцза дэ пяньчжан, Сулянь ши ди цзю цзюань: Гээрбацяофу гайгэ шици дэ тэсэ = Самая сложная страница советской истории. История СССР, том 9: особенности реформ Горбачёва / Фэнжун Цзо // Тяньсо юй чжэнмин. — 2014. — № 5. — С. 85–87.
379. Цзоусян миньчжу юй фачжи дэ году: гайгэ кайфан 30 нянь = По пути к государству демократии и самоуправления: 30 лет политике реформ и открытости / под ред. Хоу Цяня. — Тяньцзинь : Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 2008. — 350 с.
380. Цзян Чанбинь. Арши нянь хоу кан Гээрбацяофу дэ гайгэ = Анализ реформ Горбачёва спустя 20 лет / Чанбинь Цзян // Лилун ши. — 2007. — № 9. — С. 52–56.
381. Цзян Шихуа. Дуй «Цзыхуэй чанчэн» чжи цзянь лунь сулянь цзети дэ гэнбэнь юаньинь = Фундаментальные причины распада СССР и критика тезиса о соответствующих нерациональных действиях / Шихуа Цзян // Кэсюе шэхуэй чжуи. — 2001. — № 6. — С. 61–64.
382. Цзяосин шэхуэй чжун дэ ситун бянэгэ: Чжунго синчжэн фачжань 30 нянь = Системные изменения в трансформации общества: 30 лет административных реформ в Китае / под ред. Шэнь Япина. — Тяньцзинь : Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 2008. — 488 с.
383. Чжан Ханьцин. Си Чжунсюнь жухэ дайлин Гуандун гайгэ кайфан «сянь цзоу и бу» = Как Си Чжунсюнь сделал Гуандун передовиком политики реформ и открытости / Ханьцин Чжан // Гайвэй жэньсянь — гайгэ кайфан Гуандун и цянь гэ луйсянь = Держать быть первым — 1000 передовиков передовиков политики реформ и открытости в Гуандуне. — URL: <http://rhb.reformdata.org/index.html#/article/29be9bf8-898c-4ca6-8d13-fab181022e56>
384. Чжан Хао. Чжунго сяньдай чжэнчжи чжиду ши = История современной политической системы Китая / Хао Чжан. — Пекин : Бэйцзин шифань дасюэ чубаньшэ, 2010. — 324 с.
385. Чжан Цзиньгэнь. Дандай Чжунго чжэнфу цзянь гуаньси даолунь = Введение в отношения между правительствами в современном Китае / Цзиньгэнь Чжан. — Пекин : Шэхуэй кэсюэ взньсянь чубаньшэ, 2009. — 367 с.

386. Чжан Юншэн. Чжунъян юй дифан дэ чжэнфу цзянь гуаньси: игэ лилунь куанцзя цзи ци инъюн = Отношения центрального и местных правительств: одна теоретическая рамка и её практическое значение / Юншэн Чжан // Цзинцзи шэхуй тичжи бисяо. — 2009. — № 2. — С. 10–28.
387. Чжан Юншэн. Чжэнфу цзянь шицюань юй цайцюань жухэ хуафэнь? = Как разделять административные и финансовые полномочий между правительствами различных степеней? / Юншэн Чжан // Цзинцзи шэхуй тичжи бисяо. — 2008. — № 2. — С. 15–41.
388. Чжао Цзяньминь. Чжунго далу чжунъян юй дифан синь гуаньси = Новые отношения Центра и регионов в материковом Китае / Цзяньминь Чжао // Чжунго далу яньцзю. — 1995. — № 6. — С. 66–80.
389. Чжу Гуанлэй. Дандай Чжунго чжэнфу гочэн = Правительственные процессы в современном Китае / Гуанлэй Чжу. — Тяньцзинь : Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 2008. — 352 с.
390. Чжу Синьминь. Чжунгун чжэнчжи тичжи гайгэ яньцзю: баши няндай хоу Чжунго далу дэ чжэнчжи фачжань = Исследование реформы политической системы КПК: политическое развитие материкового Китая после 1980-х годов / Синьминь Чжу. — Тайбэй : Юнжань вэньхуа, 1991. — 232 с.
391. Чжу Цзяму. Во со чжидао дэ ши цзе сань чжун цюаньхуй = Всё, что я знаю о 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва / Цзяму Чжу. — Пекин : Дандай Чжунго чубаньшэ, 2008. — 161 с.
392. Чжуйсю 1978 — Чжунго гайгэ кайфан циюань фантаньлу = В поисках 1978-го — Серия интервью о начале китайской политики реформ и открытости / под ред. Сун Шаомина и Лю Вэя. — Фучжоу : Фуцзянь цзяоюй чубаньшэ, 1998. — 558 с.
393. Чжунго гунчандан ши, ди 2 цюань = История Коммунистической партии Китая, часть 2 / под ред. Центра изучения истории партии ЦК КПК. — Пекин : Чжунгун данши чубаньшэ, 2011. — 967 с.
394. Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао, ди 4 цюань: 1976–1984 = История Китайской Народной Республики, том 4: 1976–1984 / под ред. Института исследований современного Китая. — Пекин : Жэньминь чубаньшэ, 2012. — 384 с.
395. Чжэнфу гайгэлунь: Синчжэн тичжи гайгэ юй сяндай гоцзя чжиду цзяньшэ = Изучение административной реформы: реформа административного устройства и строительство современного

- государства / под ред. Чэнь Шэньюна. — Пекин : Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2014. — 332 с.
396. Чэн Бо. Дандай цюйюй цзинци сетяо фачжань лилунь цзи чжаньлюэ майши = Теория и стратегия скоординированного развития современной региональной экономики / Бо Чэн. — Пекин : Чжунго фанчжи чубаньшэ, 2019. — 164 с.
397. Чэнь Лицин. Дуй туйцзинь Чжунго чжэнчжи тичжи гайгэ дэ сыкао — чунду Дэн Сяопин «Дан хэ гоцзя линдао чжиду дэ гайгэ» = Размышления о реализации политической реформы в Китае — перечитывая работу Дэн Сяопина «Реформа системы руководства в партии и государстве» / Лицин Чэнь // Цзинин сюэюань сюэбао. — 2013. — № 1. — С. 67–72.
398. Чэнь Лэй хуйилу: чжэнтү суйюэ = Воспоминания Чэнь Лэя: годы и месяцы трудового похода. — Харбин : Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1991. — 315 с.
399. Чэнь Шу. Чжунхуа жэньминь гунхэго ши: 1949–2009 = История Китайской Народной Республики: 1949–2008 / Шу Чэнь. — Пекин : Жэньминь чубаньшэ, 2009. — 799 с.
400. Чэнь Шэньюн. Чжэнфу чуансинь, чжили чжуаньсин юй Чжэцзян моши = Обновленное правительство, трансформация системы управления и Чжэцзянская модель / Шэньюн Чэнь // Чжэцзян шэхуй кэсюэ. — 2009. — № 2. — С. 1–12.
401. Чэнь Юнцзюнь. Чжунхуа жэньминь гунхэго дицуй цзянь шичан фэнсо вэньти яньцзю = Исследование вопросов межрегиональной рыночной блокады в КНР / Юнцзюнь Чэнь. — Фучжоу : Фуцзянь жэньминь чубаньшэ, 1994. — 287 с.

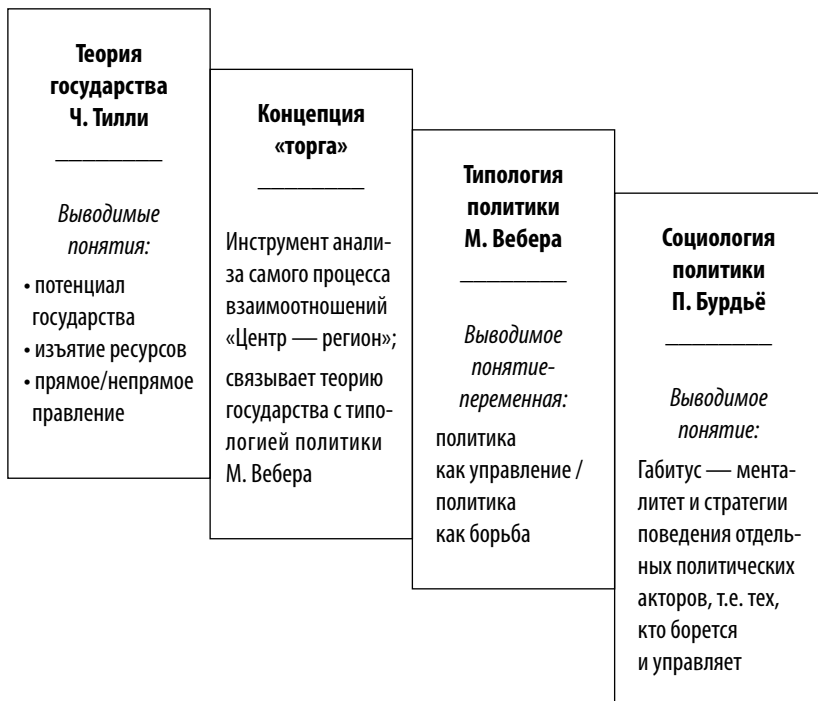

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. «Лестница», иллюстрирующая используемые в работе теоретические подходы к анализу государства и центр-региональных отношений

В данной «теоретической лестнице» каждый вышестоящий уровень выступает в роли охватывающей теории для нижестоящего.

Таблица 1

Взаимосвязь характеристик и явлений в центр-региональных отношениях

Государственный потенциал	Эффективность изъятия	Тип правления	Взаимоотношения Центр — регион
Высокий	Высокая	Прямое	Управление
Средний	Снижающаяся	Прямое/непрямое	Торг/управление
Низкий	Низкая	Непрямое	Торг/борьба

Таблица 2

Хронологическая таблица основных событий 1977–1997 гг. в КНР, относящихся к развитию центр–региональных отношений

Дата	Событие	Значение
12–18.08.1977	XI-й съезд КПК	Провозглашено окончание «культурной революции», зафиксировано положение, при котором Хуа Гофэн не смог консолидировать власть, начата подготовка к новому созыву ВСНП
23.10.1977	4-е заседание ПК ВСНП 4-го созыва	Приняло решение о досрочном созыве новых составов региональных СНП, в ходе чего произошло кадровое обновление органов госвласти и управления на местах
26.02–05.03.1978	1-я сессия ВСНП 5-го созыва	Принятие новой конституции, в соответствии с которой началась перестройка провинциальных аппаратов управления (ревкомов)
18–22.12.1978	3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва	Зафиксировал аппаратную победу Дэн Сяопина над Хуа Гофэном
18.06–01.07.1979	2-я сессия ВСНП 5-го созыва	Приняла «органические законы 1979 года», регламентирующие устройство региональной системы власти (СНП) и управления (народных правительств)
23–29.02.1980	5-й пленум ЦК КПК 11-го созыва	Дан старт масштабной реабилитации «старых кадров» (на самом пленуме принято решение о реабилитации Лю Шаоци), Ху Яобан становится генеральным секретарём ЦК КПК
26.08.1980*	СНП провинции Гуандун принимает «Положение об особых экономических зонах в провинции Гуандун» (утвержден ПК ВСНП)	Дан старт экспериментам с обособлением субрегиональных единиц в качестве площадок опережающего развития
27–29.06.1981	6-й пленум ЦК КПК 11-го созыва	Ху Яобан сменяет Хуа Гофэна в качестве председателя ЦК КПК, но Хуа остаётся заместителем председателя. Фактическое завершение борьбы «прагматиков» и «абсолютистов»
1–11.09.1982	XII-й съезд КПК	Хуа Гофэн лишается всех руководящих постов. Создается Центральная комиссия советников во главе с Дэн Сяопином. Принято решение о пересмотре конституции

Продолжение табл. 2

Дата	Событие	Значение
03–08.12.1982	5-я сессия ВСНП 5-го созыва	Принятие новой конституции, в соответствии с которой определена институциональная рамка региональной системы власти и управления, существующая по настоящее время. Публикуется «Уведомление по некоторым вопросам реформы партийно-государственных органов на уровне провинций, городов, районов национальной автономии», означающее начало кампании реорганизации провинциального аппарата управления.
11–12.10.1983	2-й пленум ЦК КПК 12-го созыва	Принято решение о запуске кампании по борьбе с духовных загрязнением, проявляется влияние консервативной фракции в руководстве КПК
20.10.1984	3-й пленум ЦК КПК 12-го созыва	Принято «Решение ЦК КПК о реформе экономической системы», проявляется влияние реформистской фракции в руководстве КПК, указывается на необходимость проведения политической реформы системы управления
1985	Распространение фискальной «модели Цзянсу» («система раздельных котлов») на большую часть страны	Знаменовала пик децентрализационных тенденций в развитии центр-региональных отношений за счёт финансового укрепления регионов в ущерб доходам Центра
28.09.1986	6-й пленум ЦК КПК 12-го созыва	Принято «Постановление ЦК КПК о построении социалистической духовной культуры», знаменующее консервативную реакцию на усиливающееся влияние реформистов и студенческие протесты осени 1985 г. (и являющееся предлогом для студенческих протестов осени-зимы 1986 г.)
04.01.1987	Заседание Политбюро ЦК КПК 12-го созыва	Чжао Цзыян сменяет Ху Яобана во главе партии. Чтобы компенсировать достижения консерваторов Дэн Сяопин начинает поддерживать реформаторов
25.10–01.11.1987	XIII-й съезд КПК	Принято решение о запуске политической реформы (разделение партийного и административного аппаратов), декларируется фактический провал запущенной в 1982 г. кампании по реорганизации системы власти и управления
26–30.09.1988	3-й пленум ЦК КПК 13-го созыва	Принимается курс на «урегулирование» и отказ от немедленного продолжения реформ, как в экономике (реформа цен), так и в политике (разделение партийного и административного аппаратов)

Продолжение табл. 2

Дата	Событие	Значение
15.04–09.06.1989	События на площади Тяньаньмэнь**	Подавление протестов означает отказ государства от политической реформы в формулировках XIII-го съезда и начало т.н. «интерлюдии реформ»
23–24.06.1989	4-й пленум ЦК КПК 13-го созыва	Чжао Цзыян снимается со всех постов, Цзян Цзэминь становится генеральным секретарём ЦК КПК
6–9.11.1989	5-й пленум ЦК КПК 13-го созыва	Принимается «Решение ЦК КПК о дальнейшем оздоровлении экономики и углублении реформы», знаменующее итоговую победу консерваторов в политической борьбе
19.03.1990	3-я сессия ВСНП 7-го созыва	Дэн Сяопин передаёт Цзян Цзэминю пост председателя Центрального военного совета КНР, что означает уход с руководящих постов, однако сохраняет членство в коллегиальных партийных органах и влияние на политику
30.03.1991	Дэн Сяопин лоббирует назначение вице-премьером Чжу Жунцзи	Влияние консерваторов снижается, влияние правоцентристов, настроенных продолжать реформы, усиливается
18.01–21.02.1992	Южное турне Дэн Сяопина	Использована новым руководством партии для легитимизации возвращения к реформам в экономической сфере (при заморозке политической реформы)
10–12.03.1992	Расширенное заседание Политбюро ЦК КПК 13-го созыва	Поддерживает высказанные Дэн Сяопином в ходе «южного турне» взгляды относительно возвращения к реформам в экономической сфере. Достигается компромисс между молодыми членами высшего руководства и ветеранами (Ян Шанкунь, Цяо Ши, Вань Ли)
12–18.10.1992	XIV-й съезд КПК	Упразднение Центральной комиссии советников, фиксируется уход со сцены «старых кадров», руководящее положение Цзян Цзэмина (через восстановление практики совмещения высших постов) и формирование условий для проведения системных реформ, в т.ч. в сфере региональной политики
03–10.03.1993	1-я сессия ВСНП 8-го созыва	Старт законотворческой деятельности для обеспечения централизационных реформ 1990-х гг. (поправки к конституции, закон о компаниях, положение о госслужбе, увеличение срока полномочий органов власти и управления на окружном и уездном уровне), инициирована кампания по реорганизации аппаратов управления в центре и на местах

Окончание табл. 2

Дата	Событие	Значение
01.10.1993	Введено «Временное положение о государственных служащих»	Создана нормативная основа для реализации системы ротации кадров
11–14.11.1993	3-й пленум ЦК КПК 14-го созыва	Принято «Решение по некоторым вопросам строительства социалистической рыночной экономической системы», в котором говорилось в т.ч. о необходимости проведения фискальной реформы
01.01.1994	Введение новой фискальной системы	Означала трансформацию центр-региональных отношений в сторону увеличения влияния Центра
12–17.09.1997	XV-й съезд КПК	Подведение промежуточных итогов реформ 1990-х гг., легитимизация курса на дальнейшие реформы через закрепление в качестве руководящей основы деятельности КПК. «концепции Дэн Сяопина» (к тому моменту умершего)

* Партийный документ, санкционирующий создание ОЭЗ, был принят ещё в июле 1979 г., однако в китайской литературе «днём рождения» ОЭЗ считается именно указанная дата — день, когда соответствующее положение было утверждено высшим органом госвласти.

** Сопровождались акциями во всех крупных городах Китая.

Таблица 3

Хронологическая таблица основных событий 1985–1999 гг. в СССР / Российской Федерации, относящихся к развитию центр-региональных отношений

Дата	Событие	Значение
13.03.1985	Внеочередной («мартовский») пленум ЦК КПСС	Новым генеральным секретарём ЦК КПСС становится М.С. Горбачёв
23.04.1985	«Апрельский пленум» ЦК КПСС	Начаты кадровые перестановки в Центре и регионах, провозглашён курс на ускорение социально-экономического развития (в целом соответствует мерам, принятым ранее Ю.В. Андроповым и К.У. Черненко)

Продолжение табл. 3

Дата	Событие	Значение
25.02-06.03.1986	XXVII съезд КПСС	Поддержан курс на «ускорение», кадровое обновление и отрыв партийных органов от хозяйственных функций
25-31.07.1986	«Дальневосточное турне» М.С. Горбачёва	Горбачёв впервые подверг жёсткой критике региональные власти за сопротивление реформам
27-28.01.1987	«Январский пленум» ЦК КПСС	Принят курс на коренную перестройку всей экономической и кадровой системы. Вместо прежней концепции «ускорения» принимается концепция «перестройки». Принято решение о введении альтернативных выборов руководителей различного уровня на местах
28.06-01.07.1988	XIX партийная конференция КПСС	Принят курс на коренную перестройку всей политической системы, включая принятие поправок в Конституцию и дальнейшую либерализацию всей общественной жизни
29.07.1988	«Июльский пленум» ЦК КПСС	Перед партийными организациями поставлена задача по реорганизации своей структуры для повышения роли Советов и большей самостоятельности предприятий. Это означало отказ от дублирования хозяйственных органов и переход к управлению политическими методами и общий рост автономии политических и хозяйственных субъектов в ущерб централизации
01.12.1988	Верховный Совет СССР принимает закон «О выборах народных депутатов СССР» и соответствующие поправки к Конституции СССР	Принято решение о создании Съезда народных депутатов СССР, при котором Верховный Совет СССР становился его постоянно действующим органом. Одновременно резко активизирована политическая борьба и процесс департократизации
25.05–09.06.1989	I съезд народных депутатов СССР	Съезд избирает председателем Верховного совета СССР М.С. Горбачёва. Разгоревшиеся на съезде (и транслируемые в прямом эфире) дискуссии знаменовали собой достижение острого общественно-политического кризиса в стране. Формируется Межрегиональная группа народных депутатов, ставшая легальной парламентской оппозицией правящей партии
29.10.1989	Поправки к Конституции РСФСР	Принято решение о созыве Съезда народных депутатов РСФСР

Продолжение табл. 3

Дата	Событие	Значение
15.03.1990	III съезд народных депутатов СССР вносит поправки в Конституцию и вводит пост Президента СССР	Выборы Президента должны были быть прямыми, но в качестве исключения первые выборы проводятся съездом. Первым Президентом СССР становится М.С. Горбачёв
16.05-20.06.1990	I съезд народных депутатов РСФСР	29 мая избрал председателем Верховного совета РСФСР Б.Н. Ельцина, 12 июня принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, начало «войны законов» между РСФСР и СССР
17.03.1991	Всесоюзный референдум о сохранении СССР и Всероссийский референдум о введении поста Президента России	Население СССР высказалось за сохранение Союза, однако одновременно усилились позиции республиканских элит, заинтересованных в дезинтеграции
12.06.1991	Победа Б.Н. Ельцина на первых выборах Президента России	Позиции российского лидера в противостоянии с союзным центром значительно усилились. Одновременно были проведены прямые демократические выборы глав Москвы, Ленинграда и Татарстана.
18-21.08.1991	Августовский путч	Попытка остановить дезинтеграцию страны ценой заморозки реформ и установления чрезвычайного положения. Провал ГКЧП знаменовал собой усиление борьбы между Б.Н. Ельциным (РСФСР) и М.С. Горбачёвым (СССР) за власть
22.08.1991	Указ Президента РСФСР «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР»	В регионах РСФСР, кроме автономных республик, вместо Советов народных депутатов и исполкомов учреждались региональные администрации
24.10.1991	Верховный Совет РСФСР принял закон «О выборах главы администрации»	Фактически означал введение по всей стране прямых выборов региональных руководителей
1.12.1991	Съезд народных депутатов РСФСР ввёл мораторий на закон «О выборах главы администрации»	Право на назначение глав региональных администраций было закреплено за Президентом

Окончание табл. 3

Дата	Событие	Значение
12.1991	Беловежское соглашение	8 декабря подписано, а 12 декабря ратифицировано Верховным советом РСФСР соглашение о прекращении существования СССР и создании СНГ. 25 декабря название страны меняется на «Российская Федерация»
31.03.1992	Подписание Федеративного договора	Дальнейшая дезинтеграция России была предотвращена, но ценой значительной децентрализации
04.1993	В ряде регионов, в т.ч. в Амурской области, несмотря на мораторий проведены выборы региональных администраций	Первые в истории постсоветской России прямые демократические выборы глав регионов
3-4.10.1993	Октябрьский конституционный кризис	Завершился победой Президента России и разгоном Съезда народных депутатов РСФСР
12.12.1993	Принятие Конституции Российской Федерации	Знаменовала нарастание централистских тенденций по сравнению с Федеративным договором 1992 года. Унифицировала структуру Федерации. Устанавливала новую структуру и номенклатуру органов власти и управления в регионах
16.06, 03.07. 1996	Президентские выборы	Б.Н. Ельцин победил, но в преддверии выборов пошёл на значительные уступки регионам с целью обеспечения победы, что обесценило некоторые достижения Центра в 1994–1995 гг.
17.09.1996	Указ Президента «О выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и в органы местного самоуправления»	Было установлено, что во всех субъектах федерации глава региона может избираться только населением в результате прямых выборов. Начало эпохи «губернаторских выборов»
30.03.1999	Федеральное послание Президента России	В тексте выступления несколько раз говорится о «властной / государственной вертикали» и необходимости её формирования

Таблица 4

**Сравнительная хронологическая таблица основных событий
в истории СССР/РФ и КНР в 1977–1999 гг.**

Год	СССР/РФ	КНР
1977	7 октября — принята новая Конституция СССР (т.н. «брежневская конституция»)	12 августа — XI съезд КПК, провозгласивший завершение «культурной революции» и подтвердивший курс на модернизацию экономики
1978	12 апреля — вступила в силу новая конституция РСФСР	22 декабря — начался 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, знаменовавший приход к власти Дэн Сяопина
1979	26 декабря — ввод советских войск в Афганистан, начало Афганской войны (1979–1989)	17 февраля — вторжение китайских войск во Вьетнам (начало Китайско-вьетнамской войны, февраль-март 1979)
1980	18 июля — открытие Летних Олимпийских игр в Москве	26 августа — начало эксперимента по созданию свободных экономических зон
1981	20 ноября — подписаны контракты на поставку природного газа из СССР в страны Западной Европы	27 июня — Ху Яобан сменяет Хуа Гофэна на посту председателя ЦК КПК, фактическое завершение борьбы «прагматиков» и «абсолютистов»
1982	10 ноября — умер генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев, спустя два дня новым генсеком ЦК КПСС избран Ю.В. Андропов	3–8 декабря — принятие новой конституции КНР
1983	18 августа — Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве», в котором были воплощены основные идеи «андроповского ускорения»	11 октября — решение о запуске кампании по борьбе с духовными загрязнениями, знаменовавшей консервативную реакцию на либерализацию начального этапа реформ
1984	9 февраля — умер Ю.В. Андропов, спустя четыре дня новым генсеком ЦК КПСС избран К.У. Черненко	20 октября — принято «Решение ЦК КПК о реформе экономической системы»
1985	10 марта — умер К.У. Черненко, на следующий день новым генсеком ЦК КПСС избран М.С. Горбачёв	1 января — ЦК КПК и Госсовет КНР принимают «10 мер в отношении дальнейшего развития сельской экономики», делающие упор на развитии волостной и поселковой промышленности

Продолжение табл. 4

Год	СССР/РФ	КНР
1986	25 февраля — начался XXVII съезд КПСС, констатируется необходимость перемен, поддерживается курс на реформы с помощью «ускорения»	Октябрь–декабрь — студенческие волнения в Пекине, Шанхае, Ханчжоу, Хэфэе, вызванные консервативными решениями властей
1987	27 января — начался «Январский пленум» ЦК КПСС, принята курс на коренную перестройку экономики социализма	25 октября — открывается XIII съезд КПК, декларировавший курс на политическую реформу, Чжао Цзыян утверждается в качестве генсека ЦК КПК
1988	28 июня — началась XIX партийная конференция КПСС, принят курс на коренную перестройку всей политической системы, включая принятие поправок в конституцию и дальнейшую либерализацию всей общественной жизни	23–30 августа — неудачная попытка введения реформы цен и зарплат, вызвавшая резкий рост инфляции и сворачивание реформ
1989	25 мая — открылся I съезд народных депутатов СССР, зафиксировавший глубокий кризис общественно-политический кризис в стране	4 июня — разгон протестных выступлений на площади Тяньаньмэнь в Пекине, а также в других городах, окончательное сворачивание политических реформ
1990	12 июня — провозглашение суверенитета РСФСР (в составе СССР, но с приоритетом республиканского законодательства над союзным)	19 марта — Дэн Сяопин передаёт Цзян Цзэминю пост председателя Центрального военного совета КНР, что означает его окончательный уход с руководящих постов
1991	8 декабря — подписано Беловежское соглашение, констатирующее распад СССР	30 марта — Чжу Жунци становится вице-премьером Госсовета КНР, что знаменует усиление позиций правоцентристов в руководстве страны
1992	2 января — начало радикальных экономических реформ («шоковая терапия»)	18 января — начало «южного турне» Дэн Сяопина, которое было использовано правоцентристами как сигнал к возобновлению рыночных экономических реформ
1993	3–4 октября — разгон Верховного Совета РСФСР, силовое разрешение конституционного кризиса, итогом чего стало принятие в декабре новой Конституции	3 марта — 1-я сессия ВСНП 8-го созыва, старт ряда рыночных и рецентрализационных преобразований
1994	9 декабря — начало Первой Чеченской кампании	1 января — введение новой фискальной системы в КНР
1995	14 июня — рейд чеченских боевиков на г. Будённовск (Ставропольский край)	21 июля — начало Третьего Тайваньского кризиса (1995–1996)

Год	СССР/РФ	КНР
1996	3 июля — переизбрание Б.Н. Ельцина на посту Президента России	26 апреля — создание «Шанхайской пятёрки», позднее преобразованной в ШОС
1997	4 августа — принято решение о деноминации рубля	1 июля — возвращение Гонконга в состав Китая на правах специального административного района
1998	17 августа — объявлен дефолт по долговым обязательствам России, девальвация рубля, пик экономического кризиса	17 марта — 1-я сессия ВСНП 9-го созыва, Чжу Жунцзи избирается премьером Госсовета
1999	31 декабря — Б.Н. Ельцин уходит в отставку, и.о. президента становится В.В. Путин	8 мая — китайское посольство в Белграде попадает под бомбардировку ВВС США, начало антиамериканских протестов в Китае

Таблица 5

**Основные события, относящиеся к развитию системы
регионального управления в провинции Хэйлунцзян, 1977–1997 гг.**

23–28.12.1977	1-я сессия СНП пров. Хэйлунцзян 5-го созыва созыва. Избирается ревком, делегаты на 1-ю сессию ВСНП 5-го созыва. Председателем как СНП, так и ревкома избирается Ян Ичэнь
30.05.1979	Аймак Хулун-Буир возвращается в состав Автономного района Внутренняя Монголия, формируются нынешние административные границы провинции Хэйлунцзян
21–26.12.1979	2-я сессия СНП пров. Хэйлунцзян 5-го созыва. Избирается ПК СНП (председатель Чжао Дэцзунь). Создаётся народное правительство (председатель Чэнь Лэй). Ян Ичэнь остаётся де-факто руководителем провинции с позиций секретаря провинциального парткома
13–22.04.1983	1-я сессия СНП пров. Хэйлунцзян 6-го созыва. Избрание нового руководства народного правительства (Чэнь Лэй переизбирается в качестве губернатора)
18.04.1983	Партком и народное правительство выпустили совместное «Уведомление по некоторым вопросам реформы партийно-административных органов провинциального уровня», старт кампании реорганизации провинциального аппарата управления
28.12.1983	В структуре народного правительства провинции создана Канцелярия технико-экономического сотрудничества, в обязанности которой входила организация сотрудничества с другими регионами

Окончание табл. 5

15–22.05.1985	3-я сессия СНП пров. Хэйлунцзян 6-го созыва. Избрание Хоу Цзе новым губернатором провинции
15–25.01.1988	1-я сессия СНП пров. Хэйлунцзян 7-го созыва. (Хоу Цзе переизбирается в качестве губернатора)
22–26.07.1988	Инспекционная поездка в провинцию генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыяна. Посещение им экспериментальной комплексной зоны реформ в Муданьцзяне, попытка заручиться поддержкой региональной элиты в проведении реформ
3–11.03.1989	2-я сессия СНП пров. Хэйлунцзян 7-го созыва назначает Шао Цихуя в качестве губернатора провинции (и.о. с января 1989 г.)
14–20.05.1989	Параллельно с протестными акциями в Пекине (а 15–17 мая и в Харбине) партком провинции проводит общепроvincialное совещание по партийному строительству. 20 мая проводится совещание с участием сотрудников народного правительства с целью изучения «духа собрания 19 мая в ЦК КПК и Пекинском парткоме» (консервативного по своей сути)
09.03.1992	Госсовет КНР утверждает создание зон приграничного экономического сотрудничества в Хэйхэ и Суйфэньхэ
01.05.1993	Харбин становится городом субпровинциального значения и выводится из-под подчинения народного правительства провинции
11–17.01.1993	1-я сессия СНП пров. Хэйлунцзян 8-го созыва. (Шао Цихуй переизбирается в качестве губернатора)
25.12.1993	В структуре народного правительства провинции создаётся Управление местных налогов с целью координации проведения фискальной реформы на региональном уровне
21.05.1994	9-е собрание ПК СНП пров. Хэйлунцзян 8-го созыва назначает Тянь Фэншаня вице-губернатором с исполнением обязанностей губернатора
22–28.02.1995	3-я сессия СНП пров. Хэйлунцзян 8-го созыва назначает Тянь Фэншаня губернатором
01.04.1996	Решением народного правительства провинции расформирован округ Сунхуацзян с приобщением его территорий городу Харбин

Таблица 6

Руководители парткомов провинции Хэйлунцзян в 1977–1997 гг.

Имя	До данной должности	Период во главе парткома	После данной должности
Ян Ичэнь 杨亦辰, 1914 г.р., ур. Ляонина	С 1956–1967 гг. был заместителем председателя народного комитета провинции, в 1967–1972 гг. подвергся гонениям, с 1972 г. работал в ревкоме провинции	1977–1983 гг. (63–69 лет)	Генеральный прокурор Верховной народной прокуратуры КНР в 1983–1988 гг.
Ли Лиань 李力安, 1920 г.р., ур. Шаньси	С 1958 г. на руководящих должностях в парткоме провинции, куда был переведён с работы в оргкомитете ЦК КПК, в 1967–1972 гг. подвергся гонениям, с 1981 г. одновременно первый секретарь Харбинского парткома	1983–1985 гг. (63–65 лет)	1985–1987 гг. — нет данных, с 1987 г. член Центральной комиссии советников
Сунь Вэйбэнь 孙维本, 1928 г.р., ур. Ляонина	С 1950-х гг. на различных руководящих должностях в городах и уездах провинции Ляонин, в 1982–1985 гг. заместитель первого секретаря Ляонинского парткома	1985–1994 гг. (57–66 лет)	До 1998 г. председатель ПК СНП провинции
Юэ Цифэн 岳歧峰, 1931 г.р., ур. Хэбэй	С 1950-х гг. на различных руководящих должностях в городах и уездах провинции Хэбэй, в 1988–1990 гг. губернатор Хэбэй, в 1990–1994 гг. губернатор и председатель ПК СНП провинции Ляонин	1994–1997 гг. (63–66 лет)	Ушёл на пенсию в возрасте 66 лет.
Сюй Юфан 徐有芳, 1939 г.р., ур. Аньхой	С 1993 г. занимал пост министра лесного хозяйства.	1997 (июль) — 2003 гг. (58–64 года)	Переведён в Центр, заместитель председателя Малой руководящей группы ЦК КПК по работе в сельском хозяйстве, ушёл на пенсию в 2007 г. в возрасте 68 лет

Составлено по: Хэйлунцзян шэн гайгэ кайфан 30 нянь дашици = Хроника провинции Хэйлунцзян за 30 лет политики реформ и открытости. — Харбин : Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2008. — 533 с. Biographical Dictionary...

Таблица 7

**Председатели революционного комитета и губернаторы
провинции Хэйлунцзян в 1977–1997 гг.**

Имя	До данной должности	Период во главе парткома	После данной должности
Ян Ичэнь 杨亦辰, 1914 г.р., ур. Ляонина	С 1956–1967 гг. был заместителем председателя народного комитета провинции, в 1967–1972 гг. подвергся гонениям, с 1972 г. работал в ревкоме провинции	1977–79 гг. (63–65 лет)	Оставался первым секретарём провинции до 1983 г. (см. выше)
Чэнь Лэй 陈雷, 1917 г.р., ур. Хэйлунцзяна (Цзямусы)	В 1950–1960-х гг. на руководящих должностях в парткоме и народном комитете провинции, в т.ч. в 1953–1954 гг. председатель народного комитета провинции, в 1966–1976 гг. подвергся гонениям, в 1977–1979 гг. заместитель Ян Ичэня в должностях председателя ревкома и парткома провинции	1979–1985 гг. (62–68 лет)	В 1985–1988 г. член Центральной комиссии советников, ушёл на пенсию в возрасте 71 года
Хоу Цзе 侯捷 1931 г.р., ур. Хэбэя, но с 15 лет проживал в Хэйлунцзяне	С 1950-х гг. на различных административно-хозяйственных должностях в провинции Хэйлунцзян, в 1961–1966 гг. получил высшее образование в Пекинском гидроэнергетическом институте, в 1966–1976 гг. подвергся гонениям, с 1977 г. вице-губернатор провинции	1985–1989 гг. (54–58 лет)	В 1989–1991 гг. министр водных ресурсов, в 1991–1998 гг. министр строительства, в 2000 г. умер в возрасте 69 лет
Шао Цихуй 邵奇惠, 1934 г.р., ур. Цзянсу	В 1950 г. на комсомольской работе, в 1958 г. подвергся гонениям в рамках кампании по борьбе с правыми элементами, был переведён на завода по производству лесообрабатывающего оборудования в Харбин, в 1980 г. стал директором завода (до 1985 г.), в 1985–1987 гг. второй секретарь Харбинского парткома, в 1987–1988 г. первый секретарь Цицикарского парткома, в 1988–1998 гг. вице-губернатор провинции	1989–1994 гг. (55–60 лет)	Перешёл на руководящую работу в центральные ведомства по линии машиностроения

Имя	До данной должности	Период во главе парткома	После данной должности
Тянь Фэншань 田凤山, 1940 г.р., ур. Хэйлунцзяна (Дацин)	С 1970-х гг. на руководящей работе в уездах и городах Хэйлунцзяна, с 1989 г. вице-губернатор провинции, с 1991 г. первый секретарь Харбинского парткома	1994–1999 гг. (54–59 лет)	В 2000–2003 гг. министр земельных ресурсов, в 2003 г. снят с должности и исключён из партии по обвинению во взяточничестве, получил пожизненный срок

Составлено по: Хэйлунцзян шэн гайгэ кайфан 30 нянь дашици = Хроника провинции Хэйлунцзян за 30 лет политики реформ и открытости. — Харбин : Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2008. — 533 с. Biographical Dictionary...

Таблица 8

Фактические руководители (первые секретари крайкомов и обкомов КПСС и главы администраций) Приморского, Хабаровского краёв и Амурской области (середина 1980-х — 1999 гг.)

Имя	До данной должности	Период в должности	После данной должности
Приморский край			
<i>Первые секретари Приморского крайкома КПСС</i>			
Ломакин В.П.	Различные руководящие должности в Хабаровском крае, 1976–1969 гг. инструктор ЦК КПСС	1969–1984 гг. (15 лет)	Посол в ЧССР, с 1990 г. на пенсии
Гагаров Д.Н.	Различные руководящие должности в Приморском крае, 1979–1983 гг. второй секретарь Приморского крайкома	1984–1989 гг. (5 лет)	Умер, находясь в должности в возрасте 50 лет
Волынец А.А.	Различные руководящие должности в Приморском крае, второй секретарь крайкома	1989–1990 гг. (1 год)	Депутат Верховного совета Российской Федерации
Головизин А.С.	Секретарь горкома Владивостока в 1985–1989 гг.	1990–1991 гг. (1 год)	Ушёл из политики

Продолжение табл. 8

Имя	До данной должности	Период в должности	После данной должности
<i>Главы администраций Приморского края</i>			
Кузнецов В.С.	Научный сотрудник ДВО АН СССР	1991–1993 гг. (2 года; с 09.04.1990 по 08.10.1991 — председатель Приморского крайисполкома; 08.10.1991 Указом Президента России назначен главой Администрации Приморского края)	Генеральный консул России в Сан-Франциско (США)
Наздратенко Е.И.	Представитель «директорского корпуса»: с 1983 г. председатель артели «Восток», с 1991 г. президент компании «Восток»	1993–2001 гг. (8 лет; 24.05.1993 назначен главой администрации Приморского края; 17.12.1995 избран губернатором Приморского края)	Председатель Госкомитета РФ по рыболовству
Хабаровский край			
<i>Первые секретари Хабаровского крайкома КПСС</i>			
Чёрный А.К.	Различные руководящие должности в Хабаровском крае	1970–1988 г. (18 лет)	Ушёл на пенсию
Пастернак В.С.	Различные руководящие должности в Хабаровском крае, 1981–1985 гг. — председатель крайисполкома, 1985–1988 гг. — заведующий отделом транспорта и связи ЦК КПСС	1988–1990 гг. (2 года)	Ушёл на пенсию
Маркаров С.А.	Различные руководящие должности в Хабаровском крае	1990–1991 гг. (1 год)	Ушёл из политики (стал коммерческим директором фирмы «Колос»)
<i>Главы администраций Хабаровского края</i>			

Продолжение табл. 8

Имя	До данной должности	Период в должности	После данной должности
Ишаев В.И.	Представитель «директорского корпуса», в 1990–1991 гг. первый заместитель председателя крайисполкома	1991–2009 гг. (18 лет; 24.10.1991 Указом Президента назначен главой администрации Хабаровского края. 07.12.1996 избран главой администрации Хабаровского края, 01.11.2001 избран губернатором Хабаровского края)	Полпред Президента в Дальневосточном федеральном округе
Амурская область			
<i>Первые секретари Амурского обкома КПСС</i>			
Авраменко С.С.	Различные руководящие должности в Новосибирской области, в 1959–1964 председатель Новосибирского облисполкома	1964–1985 гг. (21 год)	Ушёл на пенсию
Шарин Л.В.	Различные руководящие должности в Приморском крае, в 1983–1984 гг. второй секретарь Приморского крайкома, в 1984–1985 гг. инспектор ЦК КПСС	1985–1990 гг. (5 лет)	И.о. председателя Комитета Верховного Совета СССР по вопросам обороны и безопасности
Шилов В.Н.	Различные руководящие должности в Амурской области	1990–1991 гг. (1 год)	Ушёл из политики
<i>Главы администрации Амурской области</i>			
Кривченко А.А.	Работал в журналистике, в 1990 г. был избран народным депутатом РСФСР	1991–1993 гг. (2 года; назначен указом Президента РСФСР 08.10.1991 главой администрации Амурской области)	Занимался политикой на региональном уровне, возглавлял областное отделение партии «Демократический выбор России»

Имя	До данной должности	Период в должности	После данной должности
Сурат А.В.	Различные руководящие должности в народном хозяйстве области, с 1992 г. — президент компании «Мост»	1993 г. (меньше года); 25.04.1993 избран главой администрации Амурской области, отстранен от должности Указом Президента в октябре 1993 г.)	Вернулся в бизнес, после чего несколько раз возвращался в региональную политику
Полеванов В.П.	Различные руководящие должности в народном хозяйстве области, в 1992–1993 гг. председатель Амурского областного комитета по геологии и использованию недр	1993–1994 гг. (2 года); назначен и.о. главы администрации Амурской области Указом Президента РФ 18.12.1993)	Заместитель председателя правительства — председатель Госкомитета РФ по управлению государственным имуществом
Дьяченко В.Н.	Научный сотрудник ДВНЦ АН СССР, руководящие должности в Благовещенском горкоме КПСС, в 1993–1994 гг. заместитель главы Амурской области	1994–1996 гг. (2 года; назначен главой администрации Амурской области Указом Президента РФ 03.12.1994)	Руководитель территориального управления Федеральной службы государственной статистики по Амурской области
Ляшко Ю.Г.	Различные руководящие должности в горкоме и мэрии Благовещенска	1996–1997 гг. (меньше года; назначен главой администрации Амурской области Указом Президента РФ 03.06.1996)	Представитель Президента в Амурской области, заместитель председателя Госкомитета РФ по вопросам развития севера
Белоногов А.Н.	Различные руководящие должности в Амурской области, с 1990 г. депутат на федеральном и региональном уровне	1997–2001 гг. (4 года; был избран главой администрации Амурской области 23.03.1997)	Ушёл на пенсию.

Составлено по: Буянов Е. В. Органы государственной власти Дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 80-х — 90-е годы XX века): дис. ... д-ра. ист. наук. Благовещенск, 2003. Т. 2. С. 147–149; Вашук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (1945 г — конец 80-х годов): дис. ... д-ра. ист. наук. Владивосток, 1998. С. 464, 466.

Таблица 9

**Сводная таблица специфической китайской терминологии,
касающейся устройства региональной системы управления**

Китайский термин (в транскрипции Палладия)	Иероглифическое написание	Перевод на русский язык (версия автора)	Также встречающиеся в русскоязычной литературе варианты перевода
Баньгунши / баньгунтин	办公室 / 办公厅	Канцелярия — административный орган различного уровня	
Бушэнцзи	部省级	Уровень руководства министерств и провинций (в системе синчжэнцзибе)	
Бяньчжи	编制	Чиновники, находящиеся в системе ротации кадров	
Вэйюаньхуй	委员会	Комитет — административный орган различного уровня	
Ганьбу	干部	Ганьбу (термин для обозначения партийно-административной номенклатуры, популярность употребления которого значительно снизилась по сравнению с 1950–1990-ми годами, однако не исчезла полностью)	Функционеры, номенклатура, чиновники, должностные лица
Даньвэй	单位	Административно-производственная единица (предприятие, учреждение, учебное заведение, военная часть и т.д. — своеобразная социальная ячейка, определяющая принадлежность человека)	Организационная единица
Дигайши	地改市	«Округа становятся городами» — процесс административной урбанизации 1980–1990-х гг.	
Дифан чжэнфунцзю гунцзюй	地方政府融资工具	Финансовые инструменты местных правительств (специальные компании, которые принадлежат местным правительствам и кредитуются госбанками, а также могут издавать облигации)	LGFV (от англ. local government financial vehicles)

Продолжение табл. 9

Китайский термин (в транскрипции Палладия)	Иероглифическое написание	Перевод на русский язык (версия автора)	Также встречающиеся в русскоязычной литературе варианты перевода
Дицзиши	地级市	Город окружного значения (корректно для периода с 1983 г.)	
Дицюй	地区	Округ (в системе административно-территориального деления между провинцией и уездом)	Ошибочно переводится как «район», тогда как термин «район» относится к городскому району (市辖区)
Дэн Сяопин гуаньнянь / лилунь	邓小平观念 / 理论	Концепция (теория) Дэн Сяопина (эклектичная концепция, оформившаяся уже после смерти Дэн Сяопина и включающая в себя множество различных идеологем, относящихся к 1976–1997 гг.)	Идеи Дэн Сяопина
Кайфацюй	开发区 (сокращение от 经济技术开发区)	Зона технико-экономического освоения	Территория экономического развития, район технико-экономического освоения
Кунцзян ганьбу	空降干部	«Летающие ганьбу» — руководители, переводимые на работу в другой регион в рамках ротации кадров	Ганьбу-десантники
Кэ, кэцзи	科, 科级	Отделение, уровень отделения (соответствует структурным подразделениям уровня волостной администрации)	
Лянгэ фаньши	两个凡是	«Два абсолюта» (концепция Хуа Гофэна, провозглашающая истинность установок Мао Цзэдуна)	«Два абсолютно»
Синчжэн гуншу	行政公署	(Окружное) административное управление — делегированный орган провинциального правительства в округах	

Продолжение табл. 9

Китайский термин (в транскрипции Палладия)	Иероглифическое написание	Перевод на русский язык (версия автора)	Также встречающиеся в русскоязычной литературе варианты перевода
Синжэн цзибе	行政级别	Уровень в иерархии административных должностей (по «Положению о госслужбе» от 1993 г.)	Административный ранг, административный уровень
Сы сян цзибэнь юаньцзэ	四项基本原则	«Четыре базовых принципа» — концепция Дэн Сяопина, провозглашающая примат партии и партийной идеологии в общественной жизни	«Четыре кардинальных принципа», «четыре основных принципа»
Тин, тинци	厅, 厅级	Департамент, уровень департамента (соответствует структурным подразделениям уровня провинциальной администрации)	
Тяокуай	条块 (系统)	Система «тяокуай» (горизонтальных и вертикальных связей) — об управлении госпредприятиями в середине 1980-х гг.	
Фудициши	副地级市	Город субокружного значения	
Фушэнци, фушэнциши	副省级, 副省级市	Субпровинциальный уровень, города субпровинциального уровня	
Фэньцзао чифань	分灶吃饭	«Система раздельных котлов» (о фискальной системе середины 1980-х гг., при которой каждая провинция отдельно вступала в фискальные отношения с Центром)	
Цзихуа даньлеш	计划单列市	«Отдельная плановая городская единица» — особая категория городов, выделяемых с 1983 г.	Города, отдельно указываемые Госпланом; самостоятельная плановая единица
Цзиэн миньчжу чжиду	基层民主制度	Система низовой демократии (органы самоуправления, образуемые в соседских общинах)	
Цзу, цзучи	组, 组级	Группа, уровень группы (соответствует структурным подразделениям уровня органов соседского самоуправления)	

Окончание табл. 9

Китайский термин (в транскрипции Палладия)	Иероглифическое написание	Перевод на русский язык (версия автора)	Также встречающиеся в русскоязычной литературе варианты перевода
Цзунцзюй	总局	«Главное управление» — административный орган различного уровня	
Цзюй, цзюйци	局, 局级	Управление, уровень управления (соответствует структурным подразделениям уровня окружной администрации)	
Цзяодадэши	较大的市	«Сравнительно крупные города» — особая категория городов, выделяемых с 1982 г.	
Цишан бая	七上八下	«67 — да, 68 — нет» (негласное правило, согласно которому чиновники, достигшие на момент проведения съезда КПК или сессии ВСНП 68 лет, не получают новых должностей)	
Чжуаньюань	专员	«Специальный представитель» (провинциального правительства в округе), фактически глава административного управления в округе	
Чжэцзян моши	浙江模式	«Чжэцзянская модель» — эксперимент с ликвидацией окружного уровня между провинциальным руководством и уездами	
Чу, чуци	处, 处级	Отдел, уровень отдела (соответствует структурным подразделениям уровня уездной администрации)	
Шэнсяши	省辖市	Город провинциального подчинения (корректно для периода до 1983 г.)	
Шэнчжигуансянь	省直管县	«Провинция напрямую руководит уездами» (то же, что и «Чжэцзянская модель»)	

Таблица 10

**Доходы и расходы центрального и региональных бюджетов в КНР
в 1978–1997 гг.***

Год	Доходы (100 млн юаней)				Расходы (100 млн юаней)			
	Общие	Центр	Регионы	Доля Центра, %	Общие	Центр	Регионы	Доля Центра, %
1978	1132.26	175.77	956.49	15.5	1122.09	532.12	589.97	47.4
1979	1146.38	231.34	915.04	20.2	1281.79	655.08	626.71	51.1
1980	1159.93	284.45	875.48	24.5	1228.83	666.81	562.02	54.3
1981	1175.79	311.07	864.72	26.5	1138.41	625.65	512.76	55.0
1982	1212.33	346.84	865.49	28.6	1229.98	651.81	578.17	53.0
1983	1366.95	490.01	876.94	35.8	1409.52	759.60	649.92	53.9
1984	1642.86	665.47	977.39	40.5	1701.02	893.33	807.69	52.5
1985	2004.82	769.63	1235.19	38.4	2004.25	795.25	1209.00	39.7
1986	2122.01	778.42	1343.59	36.7	2204.91	836.36	1368.55	37.9
1987	2199.35	736.29	1463.06	33.5	2262.18	845.63	1416.55	37.4
1988	2357.24	774.76	1582.48	32.9	2491.21	845.04	1646.17	33.9
1989	2664.90	822.52	1842.38	30.9	2823.78	888.77	1935.01	31.5
1990	2937.10	992.42	1944.68	33.8	3083.59	1004.47	2079.12	32.6
1991	3149.48	938.25	2211.23	29.8	3386.62	1090.81	2295.81	32.2
1992	3483.37	979.51	2503.86	28.1	3742.20	1170.44	2571.76	31.3
1993	4348.95	957.51	3391.44	22.0	4642.30	1312.06	3330.24	28.3
1994	5218.10	2906.50	2311.60	55.7	5792.62	1754.43	4038.19	30.3
1995	6242.20	3256.62	2985.58	52.2	6823.72	1995.39	4828.33	29.2
1997	7407.99	3661.07	3746.92	49.4	7937.55	2151.27	5786.28	27.1

* Без учёта долговых обязательств.

Составлено по: Lin Shuanglin. Op. cit. P. 90–91. Чжунго тунци няньцзянь...
Соответствующие годы.

Таблица 11

Распределение фискальных доходов в КНР по реформе 1994 г.

Уходят в Центр	<ul style="list-style-type: none"> – тарифы – акцизные сборы – таможенные пошлины – налог на потребление – налог на доходы центральных предприятий – налог на доходы финансовых организаций, работающих по лицензии Народного банка Китая – подоходный налог от железных дорог, банков и страховых компаний – налоги на добычу нефти
Остаются в регионах	<ul style="list-style-type: none"> – подоходный налог предприятий (кроме указанных выше) – подоходный налог с местных предприятий – налог за использование городской земли – индивидуальный подоходный налог – налог на прирост земли – налог на городское строительство – налог на недвижимость – налог на транспортные средства – налог на заключение контрактов – почтовый сбор – налог на сельскохозяйственные и животноводческие предприятия (в т.ч. на производство специальных продуктов) – налог на заключение контрактов – налог на наследство и подарки – налог на приобретение земли – налог на доход с арендованной земли
Делятся между Центром и регионами	<ul style="list-style-type: none"> – НДС (75% в Центр, 25% регионы) – налог на доход с фондовых сделок (50% в Центр, 50% регионы) – налог на добычу других ресурсов, кроме нефти (в основном в пользу регионов)

Таблица 12

Динамика выравнивающих трансфертов из центрального бюджета в КНР, 1994–1997 гг. (100 млн юаней)

	1994	1995	1996	1997
КНР в целом	20,7	34,64	50,21	60,57
Хэйлунцзян	0,5	0,79	1,79	1,92

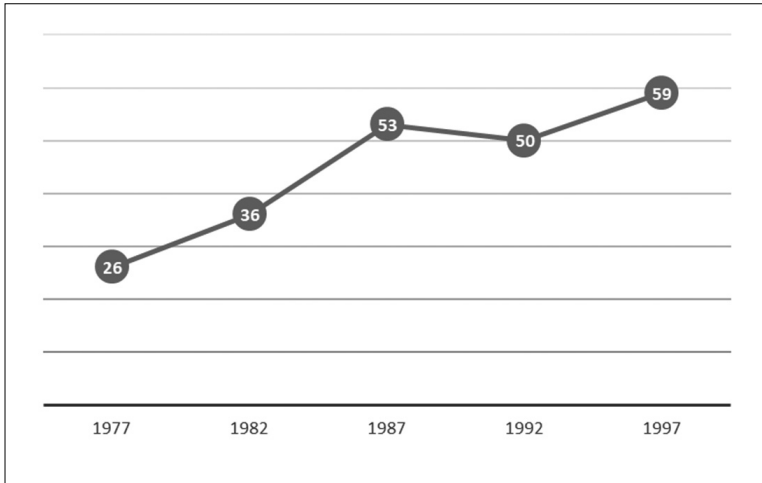
Составлено по: Wong, C. Central-Local Relations Revisted... P. 14.

Таблица 13

**Количество единиц окружного и уездного значения в КНР,
в т.ч. в провинции Хэйлунцзян, в 1977–1997 гг.**

	1977	1985	1997
Округа	211	165	97
в т.ч. в Хэйлунцзяне	8	4	2
Города окружного значения (до 1983 г. — провинциального подчинения)	90	162	210
в т.ч. в Хэйлунцзяне	6	10	11
Уезды	2136	2046	1716
в т.ч. в Хэйлунцзяне	64	62	46
Города уездного значения	96	159	427
в т.ч. в Хэйлунцзяне	2	6	20

Составлено по: Китайская Народная Республика. Политика, экономика, идеология... Соответствующие годы; Чжунхуа... синчжэн цюйхуа...

Рис. 2. Количество руководителей с опытом работы в регионах в Политбюро ЦК КПК 1977–1997 гг., % от общего числа членов

Составлено по: Biographical Dictionary... Китайская Народная Республика. Политика, экономика, идеология... Соответствующие годы.

Таблица 14

Количество китайских руководителей провинциального уровня, родившихся в других провинциях

	1980-е		1990-е	
	КНР в целом	Хэйлуцзян	КНР в целом	Хэйлуцзян
Провинциальный уровень	48,5%	50%	61,8%	50%
Окружной уровень	42,9%	38%	52%	45%

Составлено по: Liang Qiao. Op. cit. P. 97.

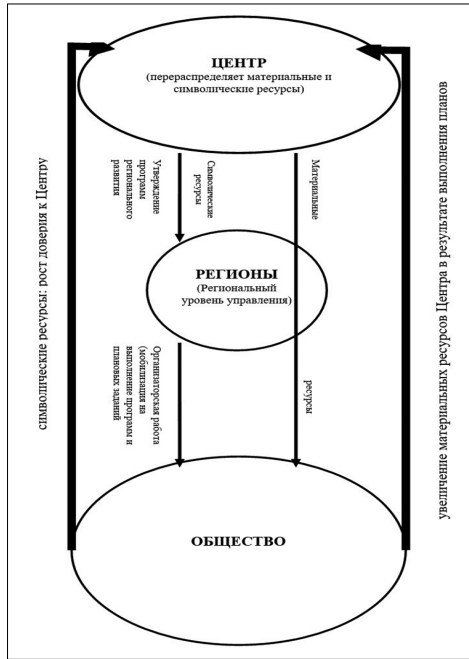

Рис. 3. Модель обмена ресурсами между Центром и регионами в СССР 1970–1980-х гг. (идеальный тип)

Согласно данной модели, взаимоотношения Центра и регионов в 1970–1980-х гг. основывались на эффективных мобилизации и распределении ресурсов. На основе оказываемого Центром «доверия» (принятия решений по развитию того или иного региона) и выделения централизованных материальных ресурсов, региональный уровень управления должен был мобилизовать общество на достижение поставленных целей (т.е. на выполнение планов

и программ развития). В результате выполнения и перевыполнения планов должно было происходить два следствия:

- улучшение жизни большинства людей и, как следствие, рост поддержки Центра;
- выполнение и перевыполнение планов, что должно было вести к постоянному увеличению централизованных материальных ресурсов и, следовательно, возможностей Центра по их перераспределению (т.е. для принятия новых программ развития).

В идеальном варианте такая модель была нацелена на непрерывный рост материальных и символических ресурсов Центра, который оказывался зависимым от эффективной работы регионального уровня управления, призванного мобилизовать общество. К середине 1980-х гг. данная модель подверглась значительной деформации (см. ниже).

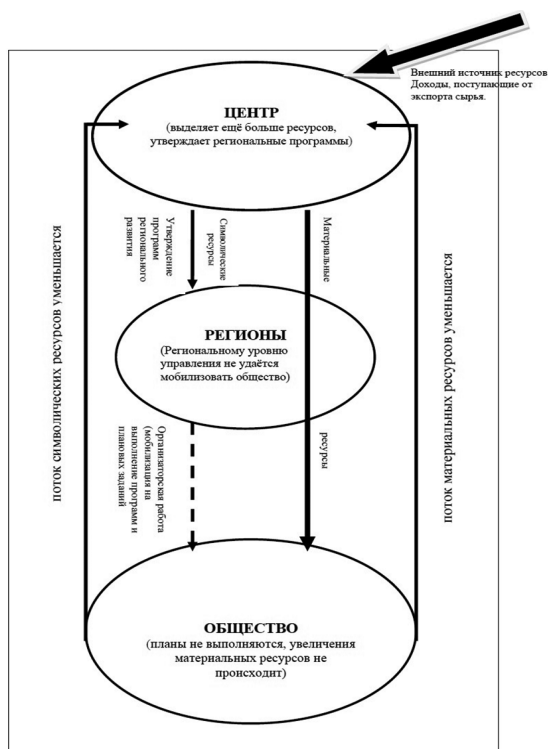

Рис. 4. Модель обмена ресурсами между Центром и регионами в СССР 1970–1980-х гг. (деформации)

Как видно из данной модели, поток ресурсов от общества к Центру стал уменьшаться (графически это выражено в более тонких стрелках, идущих

от общества к Центру). Одна из важнейших причин этого процесса заключалась в сокращении потенциала регионов по мобилизации общества (данный процесс выражен на рисунке пунктирной стрелкой). Однако это далеко не сразу привело к разрушению системы взаимоотношений Центр — регион, так как провалы в мобилизации ресурсов общества вплоть до середины 1980-х гг. компенсировались обильными поступлениями финансовых средств от экспорта сырья («внешний источник ресурсов» — жирная стрелка в верхнем правом углу рисунка). Противоречия между Центром и регионами могли начаться тогда, когда поток ресурсов из внешнего источника значительно уменьшался, или же потребности государства в ресурсах резко возрастали. Во второй половине 1980-х гг. в СССР и первое, и второе условие сформировались почти одновременно.

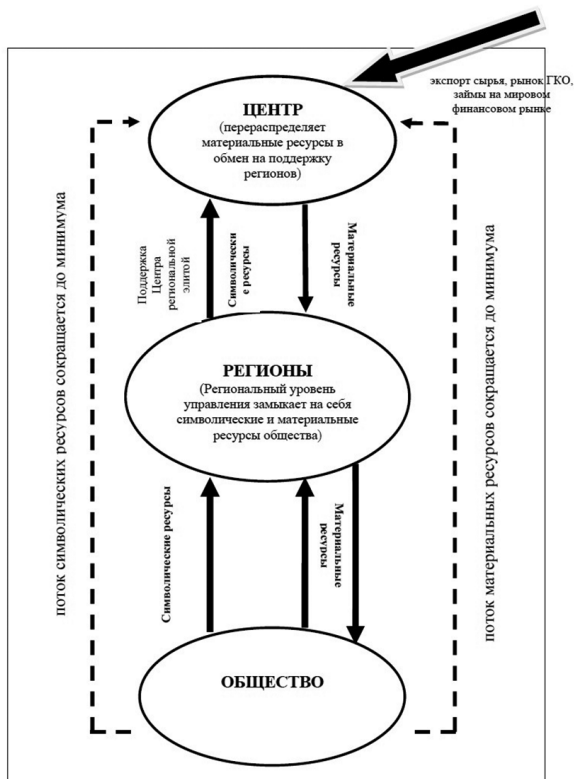

Рис. 5. Постсоветская модель обмена ресурсами между Центром и регионами (1990-е гг.)

Постсоветская модель взаимоотношений Центр — регион демонстрирует последствия крушения советской модели мобилизации и перераспределения ресур-

сов. Центр, испытывавший с конца 1980-х и на протяжении почти всех 1990-х гг. дефицит материальных средств, лишился и поддержки населения (графически это выражено в левой пунктирной стрелке на рисунке). Но ко второй половине 1990-х гг. такую поддержку смогло получить большинство губернаторов.

В этих условиях Президент РФ Б.Н. Ельцин пошёл на максимальные уступки регионам и к концу 1990-х гг. Россия стала «самой децентрализованной федерацией мира», в которой региональная доля общего бюджета страны составляла до 60% (графически это выражено в правой пунктирной стрелке на рисунке). Вместе с тем региональный уровень также не справлялся с мобилизацией ресурсов общества и стремился «выбивать» их у Центра.

В итоге взаимоотношения обеих сторон строились на обмене ресурсами, в котором регионы предоставляли Центру символические ресурсы (поддержка тех или иных решений Москвы, поддержка Б.Н. Ельцина во время президентских выборов и пр.) в обмен на финансовые вливания. Центр, в свою очередь, всё больше зависел от внешнего источника ресурсов, который представлял собой уже не только экспорт сырья, но и заёмные средства с внутреннего и внешнего рынков.

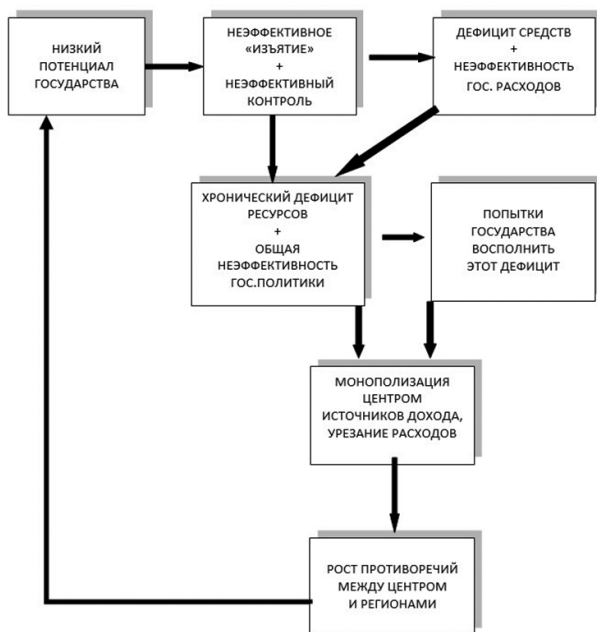

Рис. 6. Механизм воспроизводства «слабого потенциала государства»

Указатель имён

- Абдулатипов Р.Г. 237
Авен П.О. 251
Авраменко С.С. 137
Акерлоф Дж. 27
Алексащенко С.В. 245
Андропов Ю.В. 58, 132
Бакатин В.В. 159
Барыш В.М. 168
Белый П.С. 243
Бо Ибо 75, 115, 181–182
Болдин В.И. 173
Брежнев Л.И. 52–53, 55–56, 59, 132, 136, 166
Бурдьё П. 25
Бурлацкий Ф.М. 39, 149
Ван Дунсин 75
Ван Ханью 36
Ван Чжэнь 98, 103
Ван Ян 218
Вань Ли 75, 78, 98–99, 113, 122
Вебер М. 24, 58, 66
Войченко С.Т. 166
Гагаров Д.Н. 137, 142, 159
Гайдар Е.Т. 243, 250–251
Гао Шанцюань 37
Гао Юн 37

Гельбрас В.Г. 107
Горбачёв М.С. 15, 39, 52, 59, 66, 116, 132, 136–144, 146, 149–151, 153–154, 156–158, 160–162, 166–169, 172–176, 231, 272, 275–277, 279–280
Гу Му 75
Гудошников Л.М. 62
Дженсен М. 25–26
Дубков А.Е. 167
Дэн Лицюнь 36, 99, 103, 112, 119
Дэн Сяопин 34, 60, 71, 73, 75–77, 83, 86–87, 89–91, 94–95, 98–103, 105, 108, 112–114, 118, 120, 122, 178–183, 199, 272, 276, 280, 284
Е Цзяньин 75, 84, 90, 98, 181
Егоров К.А. 70
Ельцин Б.Н. 172, 230, 233, 239–241, 246–248, 254–255, 257–258, 265, 269, 280, 284
Жэнь Чжунъи 37
Ишаев В.И. 39, 41, 242–243, 246, 255, 269
Кабakov А.Н. 168
Каданников В.В. 257
Карабанов Д.И. 140
Кириенко С.В. 262–263
Коуз Р. 26, 71, 128, 203
Кривченко А.А. 40
Кудрин А.Л. 260
Ленин В.И. 277
Ли Кэцян 218
Ли Ланьцин 36
Ли Пэн 99, 105, 113–114, 118–119, 178, 184, 190, 198
Ли Сяньнянь 75, 78, 90–91, 98, 103, 105, 113, 178, 181, 183
Линь Жо 178
Ломакин В.П. 40, 52, 56

Лужков Ю.М. 265, 269
Лю Гуантао 83
Лю Кэгу 37
Малышев Н.Г. 260–261
Манн М. 25
Мао Цзэдун 60, 63–67, 71, 73–77, 91, 94, 102, 122, 130, 179, 181, 199,
274, 277, 280–281
Маркаров С.А. 167
Махарадзе В. 41
Медведев Д.А. 263, 269
Меклинг У. 25–26
Меринов Ю.Н. 40
Моска Г. 182
Наздратенко Е.И. 246, 268
Немцов Б.Е. 263
Пастернак В.С. 166
Примаков Е.М. 264–265
Прокопьев Ю.Н. 137
Путин В.В. 200, 263–264, 266–270, 284
Пэн Чжэнь 98, 113
Рахимов М.Г. 265, 269
Си Цзиньпин 218
Си Чжунсюнь 75, 78, 99, 122, 125
Скоукрофт Б. 118
Стеликов А.И. 266
Степанов-Мамаладзе Т.Г. 39
Степашин С.В. 264
Сунь Вэйбэнь 116, 184, 220
Сунь Ятсен 199
Сурат А.В. 233

Суслов М.А. 59
Сюй Юфан 220
Сян Хуайчэн 36
Тань Шаовэнь 178
Тилли Ч. 22, 23, 50, 149, 170
Тянь Фэншань 219–220
У Гуанчжэн 178
У Дэ 75
У Сян 37
У Цзэтянь, императрица 115
Устинов Д.Ф. 59
Форд Дж. 53
Хоу Цзе 220
Хромовских Н.Т. 40, 54
Хрущёв Н.С. 277
Ху Цзиньгао 19, 180
Ху Цили 98–99, 102, 113
Ху Цяому 99, 103, 112
Ху Яобан 75, 87, 90–91, 98–99, 101–103, 105, 113, 180, 194, 199
Хуа Гофэн 61, 73–78, 83–84, 87, 89, 90, 94, 122
Цзи Дэнкуй 75
Цзян Цзэминь 118–119, 178, 180, 184, 197, 284
Циканов М.М. 260
Черненко К.У. 59
Черномырдин В.С. 237, 243, 247, 263
Чёрный А.К. 39, 54, 136–137, 142–143, 147, 151
Черняев А.С. 39, 52, 166
Чжао Цзыян 34, 36, 73, 75, 87, 90, 98–99, 101–102, 105–106, 108, 112–113, 118, 122, 157, 180, 194, 199, 209

Чжоу Эньлай 181
Чжу Дэ 181
Чжу Жунци 178–179, 184, 198, 200–201, 220–221
Чубайс А.Б. 263
Чэн Вэйгао 178
Чэнь Ицзы 33, 36, 105
Чэнь Лэй 37
Чэнь Силян 75
Чэнь Ситун 178
Чэнь Цзайдао 67
Чэнь Юань 130, 179
Чэнь Юнь 73, 75, 86, 90, 98–99, 103, 105, 113, 119, 122, 178–181
Шаймиев М.Ш. 265–266, 269
Шао Цихуй 116, 220
Шеллинг Т. 23, 52
Шилов В.Н. 166
Юань Хунбин 179
Юэ Цифэн 220
Яковлев А.Н. 39
Яковлев В.А. 265, 268
Ян Ичэнь 83
Ян Шанкунь 75, 98, 181, 183
Янаев Г.И. 173
Яо Илин 113, 119
Ясин Е.Г. 245

Указатель географических названий

- Аксу, округ 210
Алашань, аймак (округ) 210
Алма-Ата, город 176
Алтай, округ 210
Алтайский край 167
Амурская область 15, 40, 41–42, 48, 135–137, 166
Аньхой, провинция 37, 71, 78, 91, 94
Аньшань, город 211
Аргём, город 6
Астрахань, город 154
Ашхабад, город 175
Баотоу, город 211
Башкортостан (Башкирия), республика 231, 238, 265
Большой Хинган (Дасинъаньлин), округ 210
Бохайский залив 222
Бурятия (Бурятская АССР, Республика Бурятия) 42, 144
Бэньси, город 211
Владивосток, город 48, 53, 139, 161
Внутренняя Монголия, автономный район 115, 210–211
Ганьсу, провинция 71, 83, 123, 204
Гонконг (Сянган), город, особый административный район 103
Гуандун, провинция 37, 78, 81, 91, 94, 111, 123, 178, 193, 204, 218
Гуанчжоу, город 211, 212
Гуйчжоу, провинция 71, 123
Дагестан (Дагестанская АССР, Республика Дагестан) 231

Дальнегорск, город 166
Дальний Восток, регион 51, 135, 137–139, 141, 143, 172, 245, 254–255
Далянь, город 127, 211–212, 222
Датун, город 211
Дуннин, уезд, город 208
Забайкалье, регион 39, 42, 254–255
Кашгар, округ 210
Комсомольск-на-Амуре, город 243
Лоян, город 211
Ляонин, провинция 37, 67, 211, 220
Мордовия (Мордовская АССР, Республика Мордовия) 231
Москва, город 232, 265
Муданьцзян, город 208
Надеждинский, район 152
Нанкин, город 65, 211–212
Находка, город 40, 152, 172
Нгари, округ 210
Нинбо, город 211–212
Омск, город 154
Омская область 167
Пекин, город центрального подчинения 80, 83, 102, 127, 178, 204, 218
Прибалтика, регион 278–279
Приморский край (Приморье) 15, 40–42, 48, 135, 137, 139, 152, 165, 172, 258
Пудун, район 221
Санкт-Петербург, город 232, 265
Сиань, город 102, 211–212
Синьцзян-Уйгурский автономный район (Синьцзян) 210
Спасск-Дальний, город 152

Суйфэньхэ, город 214
Сучжоу, город 211
Сычуань, провинция 37, 78–79, 81, 91, 94, 111, 122, 125
Сюйчжоу, город 211
Сямэнь, город, особая экономическая зона 127, 211–212
Тайвань, остров, провинция 103
Таншань, город 211
Татарстан, республика 231, 233, 238–239, 265
Тачэн, округ 210
Тибетский автономный район (Тибет) 209
Трудовое, посёлок 6
Тяньаньмэнь, площадь 104, 116–118, 120, 155, 182, 184–185, 189, 193, 215, 277, 280, 284
Тяньцзинь, город центрального подчинения 80, 127, 178, 204, 218
Уси, город 211
Ухань, город 116, 211–212
Фуцзянь, провинция 81, 123, 193, 204, 211
Фушунь, город 211
Фэньян, уезд 78
Хабаровск, город 48, 139, 143, 167, 255, 275
Хабаровский край 15, 39, 41–42, 48, 135, 137, 139, 143, 151, 165–167, 171, 233, 242, 256, 258, 260
Хайнань, остров, провинция 82, 115, 127
Ханчжоу, город 103, 212
Ханьдань, город 211
Харбин, город 37, 116, 193, 208, 211–212
Хинган, аймак (округ) 210
Хотан, округ 210
Хубэй, провинция 67, 115

Хунань, провинция 78
Хэбэй, провинция 178, 211
Хэйлунцзян, провинция 15–17, 32, 34–35, 37, 70, 80–81, 83, 97, 116, 123, 127, 204, 209–211, 214, 218–219, 225
Хэнань, провинция 71, 211
Хэфэй, город 103
Цзилинь, город 211
Цзилинь, провинция 123, 204–205, 211
Цзинань, город 65, 212
Цзянси, провинция 67, 123, 178
Цзянсу, провинция 80, 81, 83, 122, 129, 204, 211, 218
Циндао, город 211–212
Цинхай, провинция 123, 204
Цицикар, город 211
Чанчунь, город 211–212
Чечня (Чеченская Республика) 231, 233, 253
Чжэцзян, провинция 71, 204, 211, 213, 218
Читинская область 42, 144
Чунцин, город центрального подчинения 212, 218
Чэнду, город 102, 116, 211–212
Шанхай, город центрального подчинения 80, 83, 103, 116, 127, 204, 218, 221
Шаньдун, провинция 211
Шаньси, провинция 211
Шилин-Гол, аймак (округ) 210
Шисаньлин, посёлок 64
Шэньси, провинция 78, 83, 115
Шэньчжэнь, город, особая экономическая зона 79, 127, 193, 211–212
Шэньян, город 211–212

Южно-Сахалинск, город 154

Юнцзя, уезд 71

Юньнань, провинция 123, 204

Якутия (Якутская АССР, Республика Якутия) 42, 137, 231, 238

Список сокращений

- АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
АТУ — административно-территориальное устройство
ВСНП — Всекитайское собрание народных представителей
ВТО — Всемирная торговая организация
ГАО — Государственный архив Амурской области (г. Благовещенск)
ГАПК — Государственный архив Приморского края (г. Владивосток)
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (г. Москва)
ГАХК — Государственный архив Хабаровского края (г. Хабаровск)
ГКО — государственные краткосрочные обязательства
ГКЧП — Государственный комитет по чрезвычайному положению
ДГП — Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области до 2000 г.
КНР — Китайская Народная Республика
КП РСФСР — Коммунистическая партия Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
КПД — комиссии по проверке дисциплины (в рамках Коммунистической партии Китая)
КПК — Коммунистическая партия Китая
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
МВФ — Международный валютный фонд
Минводхоз СССР — Министерство водного хозяйства СССР
Минжилкомхоз СССР — Министерство жилищного и коммунального хозяйства СССР
Минлегпром СССР — Министерство лёгкой промышленности СССР
Минсельхоз СССР — Министерство сельского хозяйства СССР

Минтрансстрой СССР — Министерство транспортного строительства СССР

Минфин России — Министерство финансов России

НДС — налог на добавленную стоимость

НП — Народное правительство (в КНР на региональном уровне)

НПКСК — Народно-политический консультативный совет Китая

ОЭЗ — Особая экономическая зона

ПК ВСНП — Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (г. Москва).

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ — Российская Федерация

СНП — Собрание народных представителей (в КНР на региональном уровне)

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ЦК КПК — Центральный комитет Коммунистической партии Китая

ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза

Научное издание

Зуенко Иван Юрьевич
Савченко Анатолий Евгеньевич

**ЦЕНТР-РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ / РОССИИ И КИТАЕ
В ПЕРИОД РЕФОРМ (1980–1990-е годы)**

МОНОГРАФИЯ

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Компьютерная верстка
и художественное оформление обложки *Ю.Г. Кучмаева*

Подписано в печать 04.05.2023. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 21,1. Уч.-изд. л. 17,1. Заказ № 457

Издательство «МГИМО-Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76